

**К вам мое слово любви, вразумления и
утешения... Проповеди, слова, поучения.**

**Том 1
священномученик Владимир
(Богоявленский)**

Житие священномученика Владимира (Богоявленского), митрополита Киевского и Галицкого

Священномученик Владимир (в миру Василий Никифорович Богоявленский) родился 1 января 1848 года в селе Малая Моршка¹ Моршанского уезда Тамбовской губернии в семье священника. По некоторым сведениям, мальчик рано узнал сиротство, так как отец его был убит, и сына воспитывала мать. Отличительной чертой характера мальчика была застенчивость, и эта черта сохранилась у него на всю жизнь. Впоследствии, в связи с его высоким положением, она только еще более развилась, так как он оказался поневоле окружен обманом и лицемерием, когда окружающие, по большей части люди ему подчиненные и от него зависимые, искали не истины, а выгоды. Оттого, не успев завести близких и единомысленных людей, когда еще не занимал высокое положение, он уже не смог сделать этого позднее и всю оставшуюся жизнь нес бремя одиночества. Дружество и единомыслие он мог бы найти в среде делателей, проходящих с ним одно поприще, но при замкнутом и застенчивом характере, доверяя в значительной степени только себе, он был вынужден вникать в каждое дело сам, ограничивая, таким образом, его своим кругозором.

Священномученик Владимир родился и прожил детские годы в эпоху, когда русская жизнь была омрачена крепостным правом, а в духовных училищах и семинариях царили порядки бурсы. Только собственное мирное, от Бога данное устройство отрока Василия и его блестящие способности, делающие и само учение увлекательным, помогли ему преодолеть недостатки тогдашней школы, о которой у него остались посему самые благоприятные воспоминания. Низшее и среднее образование Василий получил в Тамбове. Окончив Тамбовскую Духовную семинарию, он, как подающий большие надежды способный студент, был направлен для продолжения образования в Киевскую Духовную академию и, сдав приемные экзамены, был зачислен на первый курс.

Своей специализацией в академии Василий выбрал церковно-практическое отделение, на котором преподавались словесность, история иностранной литературы, гомилетика, каноническое право, литургия. В то время в академии преподавали многие выдающиеся ученые, которые оказали плодотворное воздействие на одаренного студента, послужив его нравственному и умственному совершенствованию. Всего на курсе вместе с Василием Богоявленским училось тридцать два человека, из которых некоторые стали заметными научными деятелями. С этого курса вышли три профессора Духовной академии, один профессор историко-филологического института, заслуженный преподаватель Духовной семинарии Н.Н. Щеглов и священномученик, пострадавший в тот же год, что и митрополит Владимир, протоиерей Неофит Любимов.

В академии вполне выявился характер Василия как человека деликатного, выдержанного и тактичного. Он не любил ссор, колких разговоров и страстных споров. Бывали случаи, когда раздраженные горячим спором студенты готовы были дойти до взаимных оскорблений, и тогда Василий вмешивался в спор и примирял их.

Уже на первом курсе обнаружились его выдающиеся способности. Как студент, он отличался примерным трудолюбием и прилежанием, исправно посещая все лекции наставников. Его сочинение по словесности заслужило самые высокие похвалы преподавателя и показало нерядовое знакомство с иностранной литературой по изучаемому вопросу. Среди товарищей по академии Василий с самого начала отличался проповедническими дарованиями, стяжавшими ему впоследствии заслуженную популярность.

На третьем курсе им было написано кандидатское сочинение на тему «О праве церковного отлучения».

Когда Василий учился на четвертом курсе, было предложено избрать его кандидатом на вакантную кафедру церковнославянского языка и славянских наречий и отправить в заграничную командировку для практического изучения славянских наречий. Мнения преподавателей, однако,

разделились, и был послан другой, не менее достойный кандидат.

По окончании в 1874 году академии Василий Никифорович прочел несколько пробных лекций на темы: «Ориген – его жизнь и проповеди», «Эпитимии, понятия о них и качества их», «Понятие о литургике и ее задаче; научная постановка литургии; отношение литургии к другим богословским наукам», после чего был назначен преподавателем гомиластики, литургии и каноники в Тамбовскую Духовную семинарию². 26 мая 1875 года Василий Никифорович, согласно своему прошению, был переведен на должность преподавателя Священного Писания. В это же время он преподавал в семинарии немецкий язык, а в епархиальном женском училище и в женской гимназии географию. О преподавательской его деятельности бывшие питомцы вспоминали, что Василий Никифорович был строг, требовал от семинаристов, чтобы они знали предмет, но личное общение его с ними было отечески простое.

В 1882 году Василий Никифорович женился. 31 января 1882 года епископ Тамбовский и Шацкий Палладий (Ганкевич) рукоположил его во священника к Покровской соборной церкви города Козлова. В этом же году он был избран депутатом от духовенства города на епархиальный съезд³. В 1883 году отец Василий был назначен благочинным церковью города Козлова и настоятелем Троицкой церкви. Для паствы города он явился замечательным проповедником, ревностным хранителем древнерусских устоев жизни и противником модных теорий, разрушающих семью. Однако Промысл Божий изменил течение жизни отца Василия: от туберкулеза скончалась его супруга, а затем умер и единственный ребенок.

8 февраля 1886 года в Тамбовском Казанском монастыре отец Василий был пострижен в мантию с именем Владимир⁴. На следующий день он был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Козловского Троицкого монастыря. 6 октября 1886 года архимандрит Владимир был назначен настоятелем Антониева монастыря в Новгороде и членом Новгородской духовной консистории.

13 июня 1888 года в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге архимандрит Владимир был хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. В слове на наречение он вполне выразил свое представление об архиерейском служении⁵.

«Приемлющий на себя это служение, – сказал он, – должен принимать это как талант, вручаемый ему Господом, при условии возвращения с лихвою и под страхом в противном случае быть вверженным в кромешную тьму; должен принимать его как служение раба, поставленного разделять верно и благовременно евангельскую пищу домочадцам Господина, опасаясь за неверность и нерадение быть рассеченным (Мф.24:45–51); должен принимать его как чреду пастыря словесных овец, с обязанностью водить их на пажити добрые и защищать от волков, не щадя себя самого, чтобы не впасть в суд нерадивого наемника; должен принимать его как пост стража людей Господних, чтобы немолчно возвещать им о всякой опасности и неусыпно блюсти их спасение, со страшной ответственностью платить своей кровью за кровь каждой души, погибшей от его беспечности. Какой великий подвиг, какое тяжкое бремя для сил человеческих, не говоря уже о собственной немощи!»⁶

После хиротонии, по обычаю того времени, новопоставленный епископ устроил обед, на который был приглашен митрополит Санкт-Петербургский Исидор (Никольский). Среди других приглашенных был известный славянофил, человек, глубоко интересовавшийся церковными делами и вопросами, генерал Киреев. После обеда епископ Владимир вышел вместе с генералом, и тот спросил его: «Сколько вам лет, владыко?» – «Сорок лет», – ответил епископ. Генерал вздохнул, задумался и сказал: «Ах, много ужасного увидите вы в жизни Церкви, если проживете еще хоть двадцать пять лет». Эти слова генерала-славянофила владыка помнил всю жизнь и относился к ним как к пророчеству, а с приближением смутного времени со все большей серьезностью и скорбью их вспоминал⁷.

Сразу же при начале своего архипастырского служения в качестве викария епископ Владимир стал предпринимать меры, чтобы расширить круг деятельности священнослужителей и активных мирян. Как архиерей, он стал председателем Братства Святой Софии Премудрости Божией, которое занималось широкой издательской и просветительской деятельностью. 16 октября 1888 года епископ положил начало внебогослужебным собеседованиям в Софийском кафедральном соборе по воскресным дням после вечерни и чтения акафиста Иисусу Сладчайшему⁸.

Показывая духовенству пример пастырского служения, владыка требовал такого же направления деятельности и от своих подчиненных, и в 1890 году, вполне ознакомившись в течение двух лет с положением дел в викариатстве, он издал следующее распоряжение: «В видах пробуждения от нравственного усыпления беспечных чад Православной Церкви необходимо побудить духовенство епархии к усилению своей пастырской бдительности, вменив ему в обязанность усилить проповедь и молитвенные упражнения, отправлять по воскресным дням торжественные вечерни, читать акафисты и вести внебогослужебные собеседования о предметах веры и нравственности»⁹.

Характеризуя по прошествии десятилетий его деятельность в Новгороде, митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий) писал: «На нем исполнились слова святого апостола Павла: *духом горяще, Господеви работающе* (Рим.12:11). Он действительно горел духом, пламенел ревностью по Дому Божию, которая снедала его. Эта ревность выражалась прежде всего в неустанном проповедовании слова Божия. Самая манера его проповедования свидетельствовала об этом горении духа. Слабый, болезненный телом, с тихим голосом, он во время произнесения проповедей преображался, воодушевлялся, голос становился крепким, и силою горячего слова он пленял умы и сердца слушателей. Будучи сам усердным служителем слова Божия и проповедником, он и пастырей Церкви побуждал проповедовать...»¹⁰. «Новгородцы

вспоминали о нем как о выдающемся проповеднике, архипастыре кротком, доступном для всех»¹¹.

19 января 1891 года епископ Владимир был назначен на Самарскую кафедру, где он стал пятым архиереем с момента образования Самарской епархии¹².

Епископ Серафим (Александров) вспоминал о времени служения владыки в Самаре: «Это был святитель, поражавший нас, молодых служителей Церкви, своей великой любовью к благолепной службе Божией, усердием к делу проповеди... Народ вспоминал служения его десятки лет, и высшей от народа похвалой служителям Церкви бывали слова: "Ты служишь, как Владыка наш Владимир»...

Замечательна его простота при видимой суровости и замкнутости в обхождении и приеме простецов-крестьян, с которыми он вступал при обозрении церквей в беседы, заходя и к старосте-крестьянину так же, как и к знатному лицу.

Великой любовью и ревностью о воспитании детей в преданности заветам Христа, Уставам и Преданиям Церкви горел святитель, насаждая церковные школы во вверенной ему епархии, умело подбирая для этого дела сотрудников себе.

В заботах о спасении вверенной ему паствы, памятуя, что имеет и иных овец, не от двора Церкви, коих подобает ему привести ко Христу, он первый из Самарских архипастырей возбуждает пред высшей церковной властью ходатайство об открытии миссии, заботясь дать ей лучшее направление и понимая под миссией широкое служение Церкви Божией...

Сам присутствует на народных чтениях и беседах, выступая всегда с живым словом, заботясь о процветании и развитии деятельности Братства имени святителя Алексия. В годы стихийных бедствий, охвативших Самарскую епархию... он является истинным печальником народным. Для борьбы с голодом открывает комитеты, при храмах и монастырях организовывает столовые для бедноты, а в школах – для детей, рассылает воззвания о помощи, посылает в Петроград образцы «голодного» хлеба... Он и тогда, более 25 лет тому назад, для блага народного, в известные холерные бунты, когда власть терялась, первый пошел к народу с крестом в руках, вразумляя

народ, призывая к молитве и благоразумию, первый обошел холерные бараки, благословляя больных и призывая к подвигу служения больным здоровых»¹³.

Для привлечения в храмы детей владыка в день памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия 11 мая 1891 года пригласил в собор всех учащихся и учащихся. Начальники учебных заведений вначале не поддерживали владыку, и в первый год проведение этого праздника не удалось. Но архипастырь не отступился от своего благого намерения. Перед наступлением праздника в следующем году он обратился во все городские инстанции, ведающие народным образованием, и в этот год этот общешкольный праздник состоялся вполне. С утра весь собор был заполнен детьми и учителями.

Епископ большое значение придавал церковному образованию, и благодаря его заботам было открыто около ста пятидесяти церковноприходских школ. «Обязанность учить детей издревле лежала на духовенстве, – не уставал повторять владыка, – и оно постоянно выполняло этот священный долг с беззаветной преданностью. Главное – необходимо внушать детям страх Божий. Но вместе с тем необходимо помнить, что изучение это должно совершаться сердцем, а не одним только умом, а это достигается через научение детей молитве в самом раннем возрасте, еще до поступления в школу»¹⁴.

В Самаре владыка положил начало внебогослужебным чтениям, на которых слушателям предлагались повествования религиозно-нравственного содержания из духовных журналов и книг или личные наставления священников. Такие чтения совершались в разных храмах поочередно. Епископ Владимир совершал вечерню с чтением акафиста, затем вступительным словом открывал само чтение, которое продолжал приходской священник, а владыка садился на последнюю скамейку и оставался здесь до конца. Со временем ему удалось привить народу любовь к этим чтениям, и люди уже заранее спрашивали, «где будет читать владыка акафист».

Главную цель деятельности основанного в Самаре религиозно-просветительского Братства имени святителя Алексия владыка видел в религиозно-нравственном

просвещении народа, в улучшении церковно-школьного дела, в поддержании воскресных школ и снабжении их учебниками и учебными пособиями бесплатно, или по низким ценам, или в кредит, в содействии увеличению числа церковноприходских библиотек, для чего организовывалась выписка и доставка книг от издателей и книготорговцев.

Для интеллигенции владыка открыл в здании Городской Думы бесплатные чтения религиозного содержания, проходившие в вечернее время и охотно посещавшиеся всеми сословиями. Число посетителей бывало иной раз столь значительно, что зал Думы не вмещал всех присутствующих, и тогда они заполняли хоры и прилегающие к залу комнаты.

В 1892 году Самарскую губернию поразили два бедствия: голод от неурожая и разразившаяся после него эпидемия холеры. Владыка учредил епархиальный комитет для сбора средств и раздачи пожертвований. По указанию владыки такие комитеты были учреждены во всех уездных городах епархии. Он дал специальное указание духовной консистории об отчислении церковных средств на помощь голодающим. По его благословению были составлены списки лиц прежде всего духовного звания, а затем других сословий, нуждающихся в первоочередной помощи. При монастырях и богатых приходах были открыты столовые и чайные для бедняков, всех учащихся кормили бесплатно.

Во время эпидемии холеры владыка стал устраивать на площадях Самары общенародные молебствия перед чтимым образом Смоленской иконы Божией Матери об избавлении народа от губительной болезни. В своих проповедях владыка призывал жителей города оказывать помощь больным. «Призрение за больными – это одно из таких добрых дел, которые никогда не останутся без награды»¹⁵, – говорил он. Епископ сам посещал лазареты, ободряя и утешая больных словом и совместной молитвой. Когда эпидемия достигла таких размеров, что на холерном кладбище стали хоронить одновременно сотни людей, владыка стал служить здесь панихиды по новопреставленным. В конце концов эпидемия

пошла на спад и прекратилась, что многие приписывали деятельности и молитвам владыки.

После окончания эпидемии люди стали скорбеть о своих умерших родственниках, в особенности же о том, что они почивают за городом, вдали от храма Божьего, и епископ тогда объявил, что на этом кладбище будет совершена вселенская панихида обо всех умерших в Самаре во время эпидемии, и сам возглавил служение.

Однако только лишь отступили скорби, причина которых часто кроется в грехах человеческих, как люди снова принялись за совершение тех же грехов. В день Усекновения главы Иоанна Предтечи владыка совершил молитву о всех преставившихся, затем на площадь перед собором была принесена из Преображенской церкви Смоленская икона Божией Матери и отслужен молебен, в конце которого епископ сказал: «К сожалению, едва только удаляется от нас гнев Божий, жизнь города начинает уже опять принимать тот вид, какой она имела до болезни: храмы Божии снова пустеют, площади града опять оглашаются бесчинными плясками, бесстыдными песнями»¹⁶.

18 октября 1892 года епископ Владимир был назначен экзархом Грузии с возведением в сан архиепископа Карталинского и Кахетинского¹⁷.

Во время прощания в крестовую церковь к владыке сошлись богомольцы со всего города, в храме собралось так много народа, что нечем было дышать. По окончании всенощного бдения владыка вышел на амвон и сказал: «Вы слышали, что я уезжаю от вас...» Плач присутствующих в этот момент заглушил его слова, и, подождав несколько минут, он продолжил: «Далек и небезопасен мой путь, тяжелые труды предстоят мне; да поможет мне Господь Бог и святая Нина – просветительница Грузии! Прошу вас: молитесь обо мне – мне это теперь всего нужнее! Я же, со своей стороны, никогда не забуду в своих молитвах моего «первенца» – паству Самарскую. Если я кого чем обидел ненамеренно делом или словом – простите меня, как и я прощаю вас! Да благословит вас Господь!»¹⁸

И владыка до земли поклонился народу, и все присутствующие в церкви земно ему поклонились. Затем каждый с земным поклоном стал подходить под благословение.

Прощание с архипастырем продолжалось в течение трех дней. В последний день владыка совершил богослужение в кафедральном соборе и в своем слове, обращаясь к пастве, сказал: «Боже мой! На мои рамена предстоит принять подвиг, под бременем которого изнемогали и сильнейшие меня! После малой лады, которой управлял я доселе, мне вручается управление большим морским кораблем. О, какое умение, какая опытность должна быть у кормчего, который призывается вести духовный корабль по волнам житейского моря, среди скал и подводных камней, в опасении нападения духовных разбойников!»¹⁹

По пути на место своего нового служения в Тифлис архиепископ ознакомился с нуждами, бытом паствы и пастырей и состоянием храмов. В огромной, вверенной попечению владыки епархии дела обстояли далеко не благополучно: кроме распространившегося повсеместно порока пьянства, на Кавказе нашли себе приют множество сект, процветало язычество и своекорыстный национализм.

Прибыв в Тифлис, архиепископ Владимир открыл во многих церквях города внебогослужебные религиозно-нравственные чтения. Для лучшей организации задуманного дела владыка сам посещал приходские храмы, служил в них акафисты и слушал проповедников.

Особое внимание архиепископ обращал на произнесение проповедей за богослужением. Сам являясь ревностным проповедником, он к проповедничеству призывал и духовенство города.

Владыка прилагал много усилий, чтобы поднять религиозно-нравственный уровень среди бедноты, где часто царило грубое невежество. Стараниями святителя в одном из беднейших районов города, Колючей Балке, был основан молитвенный дом во имя святителя Феодосия Черниговского и стали совершаться богослужения. Благодаря этому, многие из здешних жителей перестали проводить время в притонах, сократилось и

количество увеселительных заведений. В помещении Тифлисской церковноприходской школы по воскресным и праздничным дням стали проводиться занятия для детей, населяющих этот район и не имеющих возможности посещать учебные заведения. Эти занятия посещали около сорока детей. Кроме общеобразовательных предметов, девочек здесь обучали рукоделию.

Благодаря усилиям архиепископа, раскольники, сектанты, монофизиты, католики и лютеране стали отдавать своих детей в православные церковноприходские школы. В церковноприходских школах и школах грамоты во время управления им экзархатом, кроме православных детей, обучалось 115 детей сектантов и раскольников, 80 – армяно-григориан, 13 – евреев, 32 лютеранина, 16 католиков и 7 мусульман.

Владыка придавал большое значение в воспитании народа церковноприходским школам. Во время пребывания на Кавказе его трудами было открыто более трехсот церковноприходских школ и устроена духовная семинария в Кутаиси. Он сам посещал эти школы, наблюдал за уровнем преподавания в них, проверял знания детей. Освящая новооткрытую церковноприходскую школу в селе Дигоми, владыка после освящения здания школы обратился к присутствовавшим со словом, в котором разъяснил, что существенное различие между церковноприходскими и «гражданскими» школами не во внешней, а во внутренней их организации, в их содержании. «В церковноприходских школах, – сказал владыка, – народное воспитание сообщается и воспринимается среди религиозной атмосферы, питается и оживотворяется последнею...»²⁰

Во время эпидемии холеры в Закавказье в 1893 году всецело проявились выдающиеся организаторские способности владыки. Получив 7 августа из комитета народного здоровья известие о том, что в последних числах июля обнаружены случаи заболеваний азиатской холерой в Тифлисе, архиепископ Владимир призвал все население города к общей молитве, и 15 августа, в день праздника Успения Божией Матери, состоялся крестный ход, прошедший по тем частям города, где

обнаружились начатки эпидемии. Затем на площади был отслужен молебен и прочитана молитва, после которой владыка обратился к народу с такими словами: «Постигшая нас болезнь не есть дело случая, как могут думать некоторые. Это дело правосудия Божия, кара Всемогущего, бич Божий, простертый для нашего же испытания и отрезвления. В Священном Писании много примеров, уверяющих, что всегда Бог отводил в сторону Свой меч, направленный на человека, если только последний, заметив его, вразумлялся и старался избавиться от меча Божия»²¹.

По благословению архиепископа при кафедральном соборе была открыта бесплатная чайная для беднейшего населения Тифлиса; здесь же, в чайной, была организована читальня, где для желающих были разложены на столах различные книги и брошюры религиозного содержания.

В районе, населенном иноверцами, стараниями владыки был построен храм в честь Казанской иконы Божией Матери с залом для беседований, в котором стали проводиться религиозно-нравственные беседы. При храме была открыта библиотека и продавались церковно-богослужебные книги и иконы.

17 октября 1897 года архиепископ Владимир учредил Епархиальное духовно-просветительское миссионерское Братство, главной задачей которого стало распространение и утверждение в обществе истинных понятий о православной вере. Братство объединило все образованное духовенство и благочестивых мирян Тифлиса. Члены Братства стали устраивать внебогослужебные беседы, беседы с сектантами, распространяли печатные брошюры и книги, устраивали библиотеки и читальни; Братство проводило крестные ходы с целью поднятия религиозного духа среди православного населения Тифлиса.

Благодаря владыке оживилась деятельность «Общества восстановления православного христианства на Кавказе». Это общество при многих церквях организовало библиотеки из книг духовно-нравственного содержания на русском и грузинском языках. Много времени архиепископ проводил в поездках по

сельским приходам и находящимся в самых глухих и отдаленных местах обителям, трудно доступным из-за горной местности. Благодаря его энергичной деятельности, в различных местах экзархата было построено более ста новых храмов, возобновлены службы в недействовавших, восстановлен Мцхетский собор, Сатарский и Семейский монастыри.

Это подвижничество архиепископа Владимира в Закавказье было омрачено многими искушениями и сопровождалось многими чинимыми его начинаниям препятствиями. Рисуя характер владыки и обстановку его церковной деятельности на Кавказе, протоиерей Иоанн Восторгов писал: «...я знал о том, какая ненависть окружала экзарха, какая царила клевета, направленная против него, и как тяжело было его положение среди грузинского клира. Впоследствии я убедился собственным горьким опытом, что российское прекраснотушение здесь, внутри России, всегда было склонно обвинять в обострении отношений к экзархам и вообще к представителям русского клира в Грузии – только самих русских. Нас всегда обвиняли в том, что мы сгущаем краски в изображении настроения грузинского клира, что задавленные грузины ищут только справедливого к ним отношения и уважения к их национальным особенностям, что мы отталкиваем их своей грубостью и тупым чванством, что ни о какой автономии и автокефалии грузины не только не помышляют, но и не знают... Здесь уже сказалось тогда, какой жизненный крест Бог судил нести... иерарху: полное одиночество. Одинок он был и без поддержки от высшего церковного управления, особенно от держащих власть высших чиновников церковного управления, которые всегда склонны были придавать значение всякой жалобе и сплетне, завезенной на берега Невы каким-либо приезжим грузинским генералом, или самой пустой газетной заметке, вопившей о горделивости и мнимой жестокости русской церковной бюрократии в Закавказье. Сколько я потом видел написанных в этом духе писем... [у] Победоносцева и Саблера, сколько было их запросов с требованиями объяснений и с непременным и

неизменным уклоном в одну сторону – в сторону доверия жалобщикам, которые сообщали иногда факты столь несообразные, нелепые и невозможные, что, казалось бы, сразу нужно было видеть, что здесь работает одна злоба и преувеличенное кавказское воображение. Нестяжательность, простота, всем известное трудолюбие, исправность во всем, даже, и по преимуществу, иноческое целомудрие – все в экзархе подвергалось заподозриванию и всевозможным клеветническим доносам...

Бывало так, что если пять человек просятся на одно место, а определить можно, конечно, только одного, то прочие четверо считали долгом писать на экзарха доносы в Синод, и большею частью совершенно без связи со своим делом. Помнится, один такой туземец принес жалобу в Синод, в которой, указывая место и точную дату времени, сообщал, что экзарх на приеме сначала ругал жалобщика, потом долго бил его кулаками, свалил на пол и бил ногами и затем, «запыхавшись, сам упал на диван»... А несчастный кроткий жалобщик мог только сказать: «Что с Вами, владыко?»

Экзарх, в объяснение на эту жалобу, ответил, что в то самое время, какое указано в жалобе, он вовсе не был в Тифлисе и в Закавказье, а как раз был в Петрограде, вызванный в Святейший Синод, и притом уже несколько месяцев. Победоносцев на объяснении написал: «Ну, это даже и для Кавказа слишком», – и все-таки все подобные истории с жалобами и доносами тянулись без конца...

Помню 1895 год, июнь месяц, митрополит сидел в Синодальной конторе, рядом с ним за столом – архимандрит Николай (Симонов). Пришел в приемную десять лет назад лишенный сана за воровство и за доказанное гражданским судом участие в разбое бывший священник Колмахелидзе, по делу которого в свое время был следователем архимандрит Николай, тогда еще бывший священником. Десять лет таил Колмахелидзе злобу; теперь он услышал, что архимандрит Николай является кандидатом в епископы. И вот, он избрал день мести. Он вызвал архимандрита из заседания Синодальной конторы и тут же всадил ему нож в сердце.

Владыка Владимир успел принять только последний вздох и благословил несчастного, а когда возвращался в свой дом, рядом с конторою, то как раз перед его приходом во дворе, в кустах, пойман был псаломщик – грузин с кинжалом, готовившийся расправиться и с экзархом. Я видел Владыку Владимира непосредственно после всего происшедшего: это было прямо чудесное спокойствие духа, которое дается только глубокою верою и спокойствием чистой и праведной совести»²².

В 1895 году архиепископ Владимир был награжден бриллиантовым крестом на клобук, в 1896 году – панагией, украшенной драгоценными камнями. 21 февраля 1898 года архиепископ Владимир был назначен на Московскую кафедру и возведен в сан митрополита²³. Совершая в Казанском храме в Тифлисе последнюю службу, митрополит Владимир сказал: «Пастыри Церкви первее всего обязаны учить свою паству, и учить не одним словом или проповедью, но еще более делом, добрым житием, личным примером.

Совершайте же службу Божию истово, неспешно, благоговейно и разумно, памятуя, что *проклят всякий, творяй дело Господне с небрежением* (Иер.48:10)»²⁴.

Начав свое архипастырское служение в Москве, митрополит Владимир применил здесь весь тот опыт, который он приобрел в предыдущей деятельности. И прежде всего он призвал духовенство чаще совершать богослужения и произносить проповеди. Для этого он открыл новые вакансии при столичных приходах и пригласил туда талантливых проповедников. На первых порах это не вполне понравилось столичному духовенству. Но и митрополит Владимир знал, что всякое, даже очень дельное и положительное распоряжение, оставаясь только административным, в лучшем случае не принесет добрых плодов, а часто может принести и худые, настроив подчиненных против руководителя и образовав между ними такую пропасть непонимания, которую потом трудно будет преодолеть. Единственное средство сделать свои распоряжения действенными – это самому первому их исполнять, ибо давно известно, что легче сказать, чем осуществить сказанное, что большое различие бывает между

сказанным и сделанным: сказанное за минуту может потребовать для своего осуществления всей жизни. Потому-то того только и действен совет, кто на деле осуществляет то, что советует. И митрополит Владимир сам принялся осуществлять то, что он распорядился делать другим.

Он сам стал проповедовать так, как не проповедовал еще ни один Московский митрополит до него. Каждую неделю он регулярно проповедовал на Троицком подворье, и проповеди эти печатались в периодической прессе.

Редактор одного из лучших общественно-церковных журналов того времени, созданного при непосредственном участии митрополита Владимира, писал о нем: «Печатное слово в наше время приобрело колоссальную силу. Оно и мертвит, но оно может и живить человека и целые народы. Владыка прекрасно это сознавал. Он видел, что мертвящее печатное слово небывало растет в России, а животворящее лишь кой-где журчит. И вот он сам выступает на литературную ниву. Он с поразительной литературной плодovitостью откликается в печатном слове на все животрепещущие вопросы нашего времени: вопросы социальные, государства, общества, семьи, личности; вопросы богатых и бедных, рабочих и работодателей, труда и капитала; вопросы религии и морали, веры и науки, веры и неверия; вопросы трезвости, церковной дисциплины... – всё это находит для себя разрешение в печатном слове Владыки, и это слово он в огромном числе экземпляров издает и раздает бесплатно народной массе, рабочим, учащимся, пастырям...»²⁵

Исключительно благодаря заботам и попечению митрополита Владимира, в Москве в 1903 году был открыт Епархиальный дом, в котором был возведен храм во имя святого равноапостольного великого князя Владимира; впоследствии этот дом по прошению московского духовенства к Святейшему Синоду получил название Владимирского в честь своего создателя митрополита Владимира. Владимирский епархиальный дом стал центром просветительской и миссионерской деятельности в Москве. В нем всё духовенство Москвы поочередно совершало богослужения и произносило

проповеди. Ответственным за проповедническую деятельность был поставлен протоиерей Иоанн Восторгов.

По воскресным дням здесь совершалась вечерня с акафистом при общенародном пении, а после богослужения проводились беседы религиозно-нравственного содержания. В конце бесед бесплатно раздавались брошюры на различные темы. Зачастую владыка сам принимал участие в этих собеседованиях.

В Епархиальном доме разместились многие благотворительные учреждения, редакции духовных журналов, Кирилло-Мефодиевское братство с Епархиальным училищным советом, книжный магазин и склад изданий отдела распространения духовно-нравственных книг, библиотека с читальным залом, православное миссионерское общество, попечительство о бедных духовного звания и другие епархиальные учреждения. В большом зале проводились богословские чтения, чтения для рабочих, лекции, беседы и духовные концерты.

Миссионер Московской епархии Иван Георгиевич Айвазов, подводя итог деятельности митрополита Владимира в Москве, писал: «Прежде всего в Москве и в епархии была введена и оживлена церковная проповедь, открыты для народа после вечере с молебствиями и акафистами внебогослужебные собеседования с раздачей религиозно-назидательных брошюр, заведены особые религиозно-просветительные и назидательные чтения для народа, для детей улицы, для учащихся низших и средних школ, специальные чтения для фабричных рабочих в народных домах и публичные богословские чтения для интеллигенции. Высоко ценя специальную миссию в Церкви, имеющую целью борьбу с расколом, сектами, социализмом и атеизмом, владыка открывает четыре должности епархиальных миссионеров, заводит специальные миссионерские беседы с отщепенцами от Церкви, открывает многочисленные народно-миссионерские курсы... куда... он сам приезжает и до 11 часов ночи проверяет успехи курсистов из фабричных рабочих, насаждает церковно-народные хоры, учреждает: миссионерское Братство во имя Воскресения Христова и его отделы в епархии,

специальный Московский Епархиальный Миссионерский Совет, Братство святителя Алексия при Чудовом монастыре, расширяет деятельность противораскольничьего Братства святителя Петра, открывает ежегодные епархиальные миссионерские курсы для духовенства епархии. С целью парализовать натиск сектантства на высшие учебные заведения владыка учреждает «Златоустовский религиозно-философский кружок учащихся» и «Женские богословские курсы». Развитие сектантства в России привело владыку к мысли о насущной потребности приспособить и нашу высшую духовную школу к служению Православной миссии. И вот он с 1907 года усиленно заботится об открытии в Московской Духовной академии специальной кафедры по «Истории и обличению сектантства». Заботы владыки увенчиваются успехом, и такие кафедры открыты... во всех духовных академиях, что составляет величайшую заслугу Московского митрополита Владимира перед Церковью...

Духовная школа имела во владыке поистине своего отца. Он часто посещал духовно-учебные заведения, заботился и об их материальном благополучии. Он устроил здания для Перервинского духовного училища, переустроил здания духовных училищ Заиконоспасского и Донского, а также и женского Филаретовского, открыл третье женское епархиальное училище при Московском Скорбященском монастыре, построил дом для квартир преподавателей Московской Духовной семинарии... Особою любовью согревая церковноприходскую школу, Владыка устраивал курсы для учительского персонала этих школ, всеми мерами улучшал их материальный быт... Преподавание Закона Божия в светских учебных заведениях всегда было близко сердцу владыки, и он созывал съезды законоучителей для обсуждения насущных нужд по данному предмету»²⁶.

Митрополит Владимир явился выдающимся церковным деятелем на поприще борьбы с народным пьянством. ««Московское Епархиальное Общество борьбы с пьянством», – писал Иван Георгиевич Айвазов, – его многочисленные отделы, его издательская журнальная и другого вида деятельность,

наконец... первый под кровом Церкви Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, потребовавший немало средств и всяких забот, – всё это плод исключительных трудов и забот Высокопреосвященного Владимира, который вложил в это дело столько инициативы, личных трудов – литературных, организаторских и лекторских, а также и материальных средств, что невольно приходишь в священный трепет при виде этой стройной и громадной работы, запечатленной характером истинного *подвига* в борьбе за *Трезвую Русь*, – я говорю подвига, потому что здесь мы имеем дело действительно с подвигом абсолютного воздержания митрополита Владимира от всяких спиртных напитков, что служит главным фактором вдохновенной работы и московского духовенства на ниве отрезвления народа»²⁷.

16 июня 1902 года, благодаря трудам митрополита Владимира, в аудитории Императорского исторического музея на Красной площади были открыты общеобразовательные курсы для рабочих города Москвы. Открытие курсов привлекло множество народа, вся аудитория исторического музея с прилегающими к ней помещениями была переполнена рабочими, мужчинами и женщинами. Множество рабочих за недостатком места остались около здания музея и на Красной площади. В конце молебна митрополит Владимир обратился к рабочим со словом, в котором, обрисовав нужность и полезность подобных чтений, сказал: «Две силы в мире ведут борьбу из-за господства – это сила добра и сила зла, и первая всегда встречала и встречает препятствия со стороны последней. Доказательством сему – Сам Господь, заплативший Своею кровию за любовь к человеческому роду, доказательством тому и целый сонм мучеников, пострадавших за имя Христово. И, однако, не тот прав, кто с отчаянием говорит: всё погибло, ничто уже не поможет, – но прав наш Спаситель, Который говорит: *жатва многа*. Не тот прав, кто везде и всюду видит только зло и неисправимую порчу нравов, но тот, кто усматривает в людях черты, которыми Господь всё еще привлекает к Себе народ Свой вопреки всякому противодействию со стороны людей. Так думал, так и поступал

и Сам Спаситель. Он никогда не доходил до уныния и отчаяния. Он узнавал черты божественного образа и в самых отъявленных и отверженных грешниках, Он не обходил Своим вниманием и участием и фарисеев и саддукеев. Он имел любовь к людям, которая *всему веру емлет, вся уповает и вся терпит*. Только такая любовь имеет ключ к сердцу человека. Только эта любовь имеет веру в неизгладимое благородство души человеческой, которая, будучи по природе своей христианкой... томится о Боге и без Него не может жить, хотя иногда и сама того не знает. Спаситель хорошо знал это ее свойство и с полным успехом пользовался им, показывая пример и ученикам Своим. Он, а затем и ученики Его, ревностно сеяли семена слова Божия на этой восприимчивой почве, и какая чудная жатва вышла из этого посева, особенно в языческих странах! Какое изумительное зрелище представили собою те христианские общества, которые образовались здесь под влиянием христианской проповеди. В мире, полном суеверия и неверия, безбожия и нечестия, возникло в лице этих обществ новое человечество, исполненное живой веры в Вечного Бога и такой пламенной любви к Нему, которую не могла погасить никакая сила мира. В мире, утратившем всякое сознание греха, полном грубого разврата и безнравственности, возникло новое человечество, самоотверженно распинающее плоть свою со страстями и похотями. В мире, исполненном жестокости и варварства, в котором замерли, казалось, все нежные движения сердца, зародилось человечество, проникнутое самою крепкою и самою живою любовью, которая простирается на всё, что только носит на себе название человека, которая милует и врага, прощает и неприятелю. Вот почему апостол Павел вправе был сказать: *«ветхое прошло, смотри – все сделалось новым»*²⁸.

Конец XIX и начало XX века явились для России временем переустройства хозяйственной и государственной жизни. Стали меняться сословные, правовые, земельные и хозяйственные отношения, и за несколько десятилетий столичные города оказались заполненными мастеровой молодежью. Приехав в города на заработки и для приобретения профессии, она

оказалась в вертепе безнравственности и разврата. Городское общество, образованное и необразованное, богатое и нищее, все в значительной степени развращенное, ничего не могло дать этой деревенской молодежи, как только погрузить ее в омут разврата и обратить в тот анархический и противогосударственный элемент, который разрушит впоследствии государственный строй. Ни общество, ни государство не осознали глубину совершившихся перемен, и Церковь оказалась лицом к лицу с уже свершившимся фактом, когда многие граждане страны стали представлять значительную по количеству, необразованную по качеству и безрелигиозную по преимуществу толпу.

29 декабря 1907 года митрополит Владимир положил начало Златоустовскому религиозно-философскому кружку учащихся, нашедшему себе приют в Епархиальном доме. Кружок ставил своей целью «содействовать распространению религиозно-философских идей среди учащейся молодежи, в духе строго православно-христианском, по руководству Святой Церкви».

30 декабря 1910 года митрополит Владимир, обратившись во время собрания кружка к верующей молодежи, сказал: «Кто не может подавать пример благочестия дома, тот не может быть учителем и в Церкви Христовой. Недостаточно для цехового или другого какого-нибудь сословия, если член его умеет кроить, шить, кузнечить, плотничать, строить здания или торговать. Он должен быть – и это главное – истинным христианином. Но готовится ли, спросим мы, наше юношество к этой цели? Начнем с того: сколько найдется между нашими подмастерьями, приказчиками, половыми в гостиницах таких, у которых есть Библия или, по крайней мере, хоть Новый Завет? Из сотни едва ли найдете и одного. Большая часть из них совсем и не заглядывает в Библию. Катехизис, если он и изучался когда-нибудь ими, забыт. Церковь для них по большей части не существует. По целым годам они сюда и не заглядывают. Если заглянуть в наши исповедные книги и поискать здесь этого рода исповедников, то едва ли можно насчитать из десятков тысяч и одну сотню. Что же они делают?

День отдают работе, первую половину воскресенья или праздника тоже, а вечер удовольствиям. Не таким, где не забывается страх и закон Божий, а таким, последствием которых бывает растрата сил физических и духовных. Но и во время работы в будничные дни – что служит предметом для их разговоров? Предметы нечестия, неверия и безнравственности. Если вступает в среду их новичок, у которого цело еще религиозное чувство, то он чувствует себя здесь, как Даниил в пещере львов. Скажи он только хоть одно слово о грехе, покаянии и искушении, как его тотчас же осыпят, как градом, насмешками. Могут ли из такой среды выйти впоследствии серьезные отцы для семейства и верные, твердые граждане для государства? В песке и тине не растут дубы – они требуют более твердой почвы. Что же выходит из-под такого влияния? – Юноши, которые забыли своего Бога и Спасителя и своих родителей...

Для приобретения научных знаний и внешнего просвещения нашего юношества забот полагается много, а для внутреннего, духовного просвещения очень мало. Один сваливает эту заботу на другого, и никто почти ничего не делает. Кто же должен это делать? Все должны дружно взяться за это дело. И правительство, и Церковь, и граждане, и господа фабриканты, родители и учителя...

Мы жалуемся, что у нас нет сейчас людей, сильных духом и волею, жалуемся, что ныне нет людей, на верность коих можно было бы положиться, что слова и обещания у всех как трость, колеблемая ветром; жалуемся, что наше поколение колеблется от всякого ветра общественного мнения, что нет у нас людей, которые готовы были бы на всякое самоотвержение или подвиг ради своих ближних. – Затихнут эти жалобы, если слово Божие воздействует в сердцах нашего подрастающего юношества при большем усердии к нравственному воспитанию их со стороны тех, под руководством коих они находятся. Тогда сердце их будет крепко и вера сильна. Тогда явятся и мужи силы, ибо только Господь делает мужа»²⁹.

Видя, с какой быстротой распространяются в среде рабочих идеи безбожного социализма и коммунизма, митрополит

Владимир одним из первых из числа архиереев выступил на миссионерское поприще, разъясняя народу пагубность этих идей, разбирая их с христианской и научной точек зрения.

За пятнадцать лет своего служения в Москве владыка посетил все московские святыни, везде служил, везде проповедовал, во многих собраниях выступал с лекциями. Протоиерей Иоанн Восторгов так свидетельствует об этом: «С изумлением мы видели, как в праздничный день объезжал он, не зная усталости, свой кафедральный, первый по величине в России град, служил и молился в трех-четырех местах, успевал потом посетить и религиозные собрания то людей образованных, интересовавшихся высшими вопросами жизни церковной, то простецов веры, жаждавших слова наставления в трезвости, в христианских добродетелях»³⁰.

Чтобы подъять этот чрез сильный для человеческой немощи труд, владыка совершенно отказался от отдыха. Каждый день он вставал рано утром, а ложился в полночь, а то и позже; по делам он принимал с 9 часов утра до позднего вечера, оставляя во весь день только перерыв для обеда и получасового отдыха.

23 ноября 1912 года владыка был назначен митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским, первенствующим членом Святейшего Синода. Он не желал этого назначения и согласился только после письма к нему императора Николая II. Перед переездом в Санкт-Петербург он приехал помолиться у святынь древнего Новгорода. Было заметно, что владыка скорбел, и на вопрос епископа Новгородского о причинах скорби ответил: «Я привык бывать там в качестве гостя, но я человек не этикетный, могу не прийтись там «ко двору»; там разные течения, а я не смогу следовать за ними, у меня нет характера приспособляемости»³¹.

С 30 ноября по 10 декабря 1912 года Москва прощалась с митрополитом Владимиром. За это время с ним встретились главы всех церковных и религиозных учреждений, в создании которых он непосредственно участвовал, и для всех стало особенно очевидно величие его деятельности и его подвига, который он нес в течение пятнадцати лет. Сбылись о нем слова

митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского): «Если Господь приведет митрополита Владимира пожить там долго, то его чистая душа, его безукоризненная жизнь и ревность о Церкви стяжают ему постепенно такой же авторитет в Москве, каким пользовался митрополит Филарет».

Выслушав речи и адреса с выраженными в них чувствами любви, восхищения и благодарности, митрополит Владимир в ответном слове сказал: «В настоящее время я чувствую истинную радость, но не потому, что эти приветствия льстят моему самолюбию, исконному врагу нашего спасения, – свидетельствую это моей архиерейской совестью, – радуюсь потому, что из вашей любви я усматриваю вашу любовь к Пастыреначальнику. Он – наша жизнь, Он – задача нашей жизни, Он – альфа и омега. В паше время лукавства и безверия я с удовольствием вижу, что вы свободны от современного недуга лжи, маловерия и безразличия. Призываю благословение на вас. Да укрепит Господь вас в вере! Призываю благословение на миссионеров и желаю развития вашей полезной деятельности. Пусть этот Епархиальный дом светит, как звезда над землею, маяк над водою и свеча во тьме!»³²

9 декабря митрополит Владимир в последний раз служил в Успенском соборе в Кремле. Во время проповеди он попрощался в алтаре со всем многочисленным находящимся здесь духовенством и с синодальным хором. По окончании литургии владыка обратился ко всем присутствующим со словом, обнаружившим в нем искреннюю, простую и любвеобильную душу, в котором звучала любовь к пастве, к людям, к златоглавой Москве: «В жизни каждого человека нет тяжелее минуты, как минута расставанья с людьми, с которыми он был связан узами духовного родства, как в данном случае для меня является любимая мною московская паства, среди которой я пробыл пятнадцать лет. Много за это время было пережито и радостных, и печальных дней. Пришлось пережить и японскую войну, и смуту. Пришлось переживать и страшные стихийные бедствия: бурю и наводнение, причинившие массу бедствий городу Москве. Всякому известно, что несчастные

события скорее всего скрепляют добрые отношения между людьми. Оно так и случилось. Я сжился с Москвою и твердо уже рассчитывал служить на кафедре Московской до конца моей жизни и здесь же сложить и свои кости. Но Всеблагий Господь судил иначе. Я верую, что Промысл Божий все делает ко благу человека; может быть, это перемещение меня принесет общую пользу. Может быть, на новом месте обновится моя энергия, обновится мой дух, чтобы исполнилось слово Писания: «Не имамы зде пребывающего града, но грядущаго взыскуем». Может быть, мой преемник на Московскую кафедру больше принесет пользы, нежели я. Он исправит неоконченное и проведет в жизнь новые благие начинания.

И вот теперь я скажу с сердечною скорбью: прости, любимая златоглавая, первопрестольная белокаменная Москва. Видит Бог, я любил тебя всей полнотой своей души. Любил я этот златоглавый, полный священных воспоминаний русской старины русский Кремль, где совершились выдающиеся события из русской истории. Любил я этот святой, полный драгоценных святых храм. Любил я и другие храмы Москвы, где наши благочестивые предки приносили молитвы в тяжелые минуты жизни России, коих так много было в Москве. В этих храмах так уютно, тепло, все в них располагает к молитве, в них слышится голос предков – основателей великой России.

Прости меня, особенно мною любимый храм Христа Спасителя, краса не только России, но и всего мира. Твой величественный вид невольно напоминает величие Творца, твоя высота к небу возвышает дух к молитве.

Простите меня и сонм моих помощников. Скажу, что все, что сделал я полезного для паствы, сделано благодаря вашему голосу и указаниям. Вы всегда старались делать все полезное для блага паствы и служили не только за страх, но и за совесть.

Прости меня и вся благочестивая московская паства, которая неопустительно посещала богослужения. Прости меня во всех моих вольных и невольных прегрешениях. У меня всегда было на душе желание никогда никого не оскорблять и не обижать. Но мог ли я, при немощи человеческой, не оскорблять и не обижать делом и словом и помышлением?! Но молю вас,

покройте, возлюбленные, вашею любовью грехи мои. Пусть мир и любовь водворятся между мною и вами. И я усердно молю Господа Бога, чтобы Он изгладил из книги жизни все обиды и оскорбления. Мир и любовь оставляю вам. Да благословит Господь по молитвам московских святителей всех вас»³³.

В Санкт-Петербурге митрополит Владимир действовал в том же духе, что и в Москве, поддерживая все благие начинания и добрых тружеников на ниве Христовой; кроме того, в Санкт-Петербурге ему пришлось быть организатором многих официальных мероприятий, как например проведение празднования в честь 300-летия дома Романовых. В знак благодарности за труды владыка был пожалован Императором крестом для предношения в священнослужении.

Митрополит Владимир вместе со всем царствующим домом Романовых участвовал и в торжествах прославления священномученика Ермогена, Патриарха Московского, которому в значительной степени обязана и сама Россия сохранением в Смутное время государственности и православия. Ко времени прославления Патриарха Ермогена уже была разработана программа Поместного Собора и сформулирована необходимость восстановления незаконно попранного государственной властью канонического церковного строя; прославление Патриарха Ермогена было как бы последним призывом священномученика – восстановить Патриаршество! Перестать государственной власти попираť православие! «Благословляю всех довести начатое дело до конца, ибо вижу поправление истинной веры от еретиков и от вас, изменников, и разорение святых Божиих церквей, и не могу слышать пения латинского в Москве... Везде говорите моим именем, моим словом... Всем вам от меня благословение и разрешение в сем веце и будущем. Стойте за веру неподвижно, а я за вас Бога молю»³⁴, – писал Патриарх Ермоген. Только такой голос, только такая вера могли сохранить государственность. В чрезвычайных условиях гибнущего государства и поступок, избавляющий от этой гибели, должен быть чрезвычайным, требующим большого мужества и широты взгляда – не вообще образованного и космополитического, а широты русского православного взгляда.

А его-то и не было тогда, в начале XX столетия, оттого и не виделась близость катастрофы, оттого и не виделось, что выход – в чрезвычайном личном поступке того, кто по занимаемому им положению мог его совершить. Но таких не было ни среди церковно, ни среди государственно власть имущих. И жизнь подвижника уходила хотя и на важные сами по себе, но для его положения и его времени частные вещи.

В Санкт-Петербурге, как и в Москве, митрополит Владимир уделял много времени и сил борьбе с пороком пьянства и укреплению в народе духа трезвенности.

Председатель Всероссийского Общества трезвости протоиерей Миртов писал о владыке: «От архипастырского душепопечительного взора... не могла укрыться эта главная опасность, которая больше всего грозит благосостоянию русского народа и твердому стоянию его в вере и жизни христианской. Он видел, что алкоголизм вырос в страшное мировое международное зло и на борьбу с собою должен вызвать все живые охранительные силы каждой страны. Тогда как многие на вопрос о борьбе с этим злом привыкли смотреть с высокомерным невежеством, считая его мелким и недостойным внимания... святитель, вообще не всегда склонный к широким обобщениям, в этом вопросе сумел подняться на точку зрения государственного понимания и считал этот вопрос делом особенной важности и высокого церковно-общественного значения... Он ясно сознавал, что алкоголизм лежит главным камнем преткновения для русского народа на пути к его великому будущему... Мысли о том, что алкоголизм, как ржавчина железо, гложет трудовую энергию народа, его выносливость и терпение, что он расстраивает живые ткани народного хозяйства, вносит разлагающее начало в бытовой государственный уклад, убивает всякое творчество, омрачает сознание, затемняет здравый смысл народный, ослабляет волю народа – эту духовную мышцу его, расхищает и истощает жизнь, делает ее пустыней, где чахнет и замирает всякий светлый порыв, – эти мысли буквально рассеяны во всех его многочисленных речах и докладах, специально посвященных этому вопросу... Впитавший в свое архипастырское сердце

такую тревогу... печальник народный не мог спокойно взирать на то, как по необозримому пространству русской земли колыхнется пьяное море, играя своими зелеными отравляющими волнами и поглощая в своей бурной пучине и нашу государственность, и наше религиозное и национальное чувство... понимал, что алкоголь ведет свою разрушительную работу не только в крови и нервах народа, что он совершает разгром не только его экономических сил, но он вытравливает душу народную, производит разгром его духовных сокровищ... Живой участник всех торжественных организованных выступлений против пьянства, он не отказывался, а охотно ехал в самые трущобные места столицы, где возникала та или другая трезвенная организация, чтобы поддержать ее своим трезвенным сочувствием...»³⁵

24 апреля 1915 года Московская Духовная академия за совокупность литературных трудов присудила митрополиту Владимиру степень доктора богословия. На Санкт-Петербургской кафедре митрополит Владимир встретил начало Первой мировой войны и сразу стал принимать участие в благотворительных организациях, созданных для помощи воинам и родственникам убитых на войне.

К этому времени создание представительных учреждений – парламентов, разрушенное государственной властью церковное управление, начавшаяся мировая война окончательно и необратимо поставили государство на край пропасти, когда стали казаться нестерпимыми творящиеся беззакония в виде произвольных перемещений архиереев с кафедры на кафедру и возможность влияния на эти перемещения посторонних лиц, и все это благодаря разрушению Петром I канонического управления Церкви. Митрополит Владимир стал добиваться встречи с императором Николаем II, чтобы лично переговорить по этому вопросу. Узнав о цели предполагаемого визита владыки, обер-прокурор Святейшего Синода Саблер попытался отговорить его от встречи, так как, по его мнению, это была сложная и малоперспективная в смысле ее положительного разрешения тема. Но переговорить с Императором лично – в этом митрополит видел свой долг, он не считал возможным для

себя продолжать молчать. При встрече с Императором митрополит Владимир стал говорить о Распутине, и прежде всего о том, насколько губительно его вмешательство в церковные дела. Император, выслушав владыку, сказал, что, может быть, он во многих отношениях и прав, но Императрица никогда не согласится на изменение положения дел в этом вопросе.

Императрица, узнав о разговоре митрополита Владимира с ее мужем, пришла в негодование и, обвинив митрополита Владимира в том, что он плохой верноподданный, потребовала его перевода из столицы.

23 ноября 1915 года последовал указ Императора о переводе митрополита Владимира в Киев с сохранением прав и обязанностей первенствующего члена Святейшего Синода, а на Санкт-Петербургскую кафедру был назначен архиерей по протекции.

Прощаясь с петроградской паствой, владыка сказал: «Выслушайте мой последний и, может быть, предсмертный завет! К вам, дорогие сопастыри, первое слово мое. Больше сорока трех лет Бог судил мне послужить в священном сане. Я много пережил. Испытал и сладкое, и горькое, видел и радостное, и печальное, правда – больше горького и печального. Не без скорби вижу я, как растлевающее веяние времени пытается проникнуть и за церковную ограду...

Обо мне же, прошу вас и молю, молитесь Господу Богу. Нужны мне молитвы ваши. «Житейское море, воздвигаемое напастей бурей», далеко перекинуло мой челнок и, к сожалению, не к тихому еще пристанищу, куда входят люди вратами смерти, а на новое плавание, и плыть предстоит мне не как простому корабельщику, а быть кормчим корабля церковного. Трудно это в наши дни. Помолитесь же обо мне, а над вами да будет Божие благословение»³⁶.

22 декабря 1915 года владыка прибыл в Киев и сразу же проследовал в Софийский собор. После краткого молебна митрополит Владимир обратился с приветственной речью к присутствующим, почти полностью повторив то, что им было сказано при прощании с петроградской паствой: «Волны

житейского моря, по Божию изволению, принесли мою ладью к святому граду Киеву. Призванный быть кормчим духовного корабля киевской церкви, я невольно сравниваю себя с кормчим вещественного корабля, обуреваемого в бурном и безбрежном море страшными волнами. Я ясно представляю себе ту опасность, какой может подвергнуться этот корабль при наличии страшной бури, подводных скал и морских пиратов... Как осторожен должен быть кормчий, сознающий всю ответственность за участь плывущих на корабле! Как зорко должен следить за своими сотрудниками, помыслы которых должны быть сосредоточены на единой общей цели!.. Разве не случается, что слуги кормчего и даже сами плывущие на корабле вступают в заговор с морскими разбойниками и делаются соучастниками их нападения на корабль?»³⁷

Однако вся беда в то время и состояла в том, что не было полноправного кормчего у корабля Российской Поместной Церкви, ни тем более Московской, или Петроградской, или Киевской, ибо управление в течение двухсот лет под началом штатских обер-прокуроров невозможно было назвать управлением церковным. А потому и закончилось время долготерпения Божиего. Что не было сделано людьми добровольно, то было сделано по принуждению, и как когда-то руками фараона, так теперь руками безбожников. Управление Российским Церковным кораблем было к началу XX столетия глубоко расстроено, и хороши ли были отдельные кормчие, или они были из рук вон плохи, каждый из них от Господа получал и свою награду, и свое наказание – в то время как весь корабль со всеми своими кормчими и пассажирами давно устремился на рифы. Слишком долго корабль церковный был прикован к кораблю государственному, который и сам не был прочен, получив значительную пробоину при императоре Петре. Дабы не иметь укора за свои безбожные дела, император Петр, применив насилие, расстроил каноническое устройство Поместной Церкви. Вода, начавшая поступать через пробоину, пробитую Петром, в конце концов затопила все отсеки государственного корабля, и после 1905 года, когда монархия в значительной степени самоупразднилась и оказалась в

командирской рубке вместе со своими убийцами, этот корабль можно было считать затонувшим, оставалась лишь видимость государственной жизни и плавания.

Если и была какая историческая задача у первенствующих членов Синода, а ими были в начале XX века митрополиты Антоний (Вадковский) и Владимир (Богоявленский), то она в первую очередь заключалась в том, чтобы освободиться от тянувшей на дно цепи противоканонического церковного управления, – в этом был их исторический долг перед Церковью и земным Отечеством, чтобы, хотя бы и лично жертвуя всем, настоять на созыве Поместного Собора Русской Православной Церкви, на восстановлении канонического церковного строя в лице Патриарха, дав возможность православному русскому народу объединиться вокруг своего духовного центра в единственной организации, которую он сохранил сквозь века. В этом было истинное призвание первенствующих в Синоде иерархов, правящих перед революцией. Это не могли осуществить ни миряне, ни духовенство, ни епархиальные архиереи. Однако никто из первоиерархов не захотел быть подобным Патриарху Ермогену. И тогда Господь силою принуждения заставил если и не обрести необходимое для совершения Его дела мужество, то, по крайней мере, перенести Его страдания – и таким путем, через пролитие крови, войти в Царство Небесное.

Вопрос о восстановлении в России патриаршества был для многих в то время вопросом ясным и очевидным: враги Церкви осознанно противились восстановлению патриаршества, но большинство православного народа скорее недоумевало, почему дело доброе так долго откладывается. По этому поводу публиковалось тогда много статей, и чтобы стало ясно, как этот вопрос понимался тогда, приведем выдержки из статьи о патриаршестве архиепископа Антония (Храповицкого), напечатанной в журнале «Голос Церкви» в 1912 году.

«Церковь на земле воинствует с внешними ей врагами веры; в настоящее время она воинствует и с внутренними врагами, ибо у нас происходит повторение ереси *жидовствующих* среди мирян и части клира, как и в XVI веке;

ересь эта заключалась в нравственном растлении, в цинизме и безверии, возведенными в принцип. Церковь должна воинствовать всем дарованным ей оружием, а наипаче *отлучением*, дабы неверующие кощунники не носили личины людей церковных. Воинство нуждается в военачальнике, а его у нас нет. Православная, на бумаге господствующая, а на деле поработанная паче всех вер Церковь лишена в России того, что имеют и латиняне, и протестанты, и армяне, и магометане, и ламаиты, – лишена законного главы и отдана в порабощение мирским чиновникам, прикрывающимся собранием шести-семи пополугодно сменяемых архиереев и двух иереев...

Обер-прокурорская власть над архиереями и вообще над Церковью несравненно выше и крепче, чем власть всероссийских патриархов и чем власть министров в своем министерстве... обер-прокурорская власть над Синодом более власти епархиального архиерея над своей консисторией.

Последний, в случае несогласия с консисторским постановлением, должен написать резолюцию, которая остается в бумагах как донос на неправильное или неразумное решение. Если же обер-прокурор не согласен с постановлениями Святейшего Синода, то протокол последнего уничтожается и пишется наново.

Раз прокурор поставлен как ответственное лицо за делопроизводство известного ведомства, то вполне естественно, чтобы он относился к последнему так же, как всякий директор к своему департаменту, как министр – к своему совету при министре.

Не многим даже духовным лицам известно и то, например, что назначение митрополитов, назначение членов Синода, вызов тех и других для присутствования в Синоде и увольнение снова в епархию – зависит исключительно от обер-прокурора, что самого Синода об этом и не спрашивают, а если спросят, то это будет делом личной любезности; точно таким же способом производится награждение архиереев звездами и саном архиепископа...

Итак, единоличный управитель Российской Церкви существует, и притом гораздо более властный, нежели

Патриарх, всегда ограниченный собором епископов, – только управитель сей есть простой мирянин, а восстановление канонического патриаршества было бы усилением не единоличного, притом совершенно незаконного, управления Церковью, но управления соборного и законного»³⁸.

Ходатайствуя перед Синодом о созыве Поместного Собора и выборах Патриарха еще в 1905 году, владыка Антоний (Храповицкий) в докладной записке Синоду писал: «Если бы такое радостное событие совершилось в Великом посту (когда состоялся всеподданнейший доклад Святейшего Синода), то не позже Троицы состоялся бы и законный Собор Поместный с участием Восточных Патриархов, а к осени Святая Церковь процвела бы такою силою благодатной жизни и духовного оживления, что оно бы увлекло паству далеко-далеко от тех зверских интересов, которыми теперь раздирается наша родина, и Самодержавная Власть неколебимо и радостно стояла бы во главе народной жизни. По лицу родной страны раздавались бы священные песнопения, а не марсельезы; в Москве гудели бы колокола, а не пушечные выстрелы; черноморские суда, украшенные бархатом и цветами, привозили бы и отвозили преемников апостольских престолов Священного Востока, а не изменников, не предателей, руководимых жидами, – и вообще революции ни тогда бы не было, ни теперь, ни в будущем, потому что общенародный восторг о восстановлении православия после долгого его плена и подступиться не дал бы сеятелям безбожной смуты...

Теперь уже ясно, что врагов восстановления Церкви больше, чем друзей ее, но если Преосвященные Иерархи решатся стоять за истину до смерти, то Господь возвратит Поместной Церкви Свою милость, восстановит ее в канонической чистоте и славе и воздаст помраченное двумя веками ее деятельное братское единение с прочими Православными Церквями, дабы завершить радость христиан Собором Вселенским, на котором и учение веры будет вновь уяснено в прежней его чистоте и в полном освобождении от западных примесей, и начертание совершенной жизни христиан

будет предложено во всей ее нетленной красоте и увлекающей силе.

Со времени составления этой записки прошло шесть лет. Религиозное и нравственное растление русского народа и русского общества идет все глубже с ужасающей силой; польское католичество, немецкий баптизм и русская хлыстовщина отторгают от Церкви десятки тысяч пасомых, а еврейский атеизм и того больше; церковная дисциплина расшатывается в самих основаниях; смелые слова отрицания Церкви раздаются из уст и из-под пера даже священников не только в печати, но и в Государственной Думе, составляются даже союзы духовенства для введения в России реформации; в этом направлении издавались и продолжают издаваться некоторые духовные журналы – но зато остаются без достойной отповеди десятки штундистских, латинских, магометанских и хлыстовских журналов и газет, надменно поносящих иерархию и духовенство и несравненно более популярных, чем издания наших академий. Некоторые епархиальные архиереи и многие иереи и иноки борются с церковным растлением, но делают это дело каждый для своей епархии; народ русский не имеет общего пастыря, а Церковь Русская в ее целом не имеет ответственного попечителя, – она является как выморочное достояние, как *res nullius*³⁹, а не как единая Христова рать в борьбе со своими усилившимися и умножившимися врагами, – этим дали «свободу совести», свободу печати, свободу слова, свободу подкупа, подлога, шантажа и клеветы, а «господствующей» Церкви пока не вручено того, что ей дал Божественный Дух, – не дана ей глава!.. Но может ли бороться с врагом армия при наличии семидесяти пяти самостоятельных военачальников, не объединенных высшими полководцами? А «господствующая» и воинствующая Церковь и находится-то в таком жалком положении!.. До 1905 года – худо ли, хорошо ли – ее охраняла власть мирская, а ныне она лишена этой охраны, но и себе самой не предоставлена: спутанного по ногам коня охраняли от волков пастухи, а потом отошли и сказали: «борись сам за себя с хищниками», но ног ему не распутали, – уцелеет ли он от волчьих зубов?..»⁴⁰

Хорошо понимая подлинное положение церковной иерархии, будучи сам правящим епархиальным архиереем, ректором трех духовных академий, видя последствия неправильного в каноническом отношении церковного управления, автор докладной записки справедливо предполагает, что и при восстановлении канонического управления Патриарх долго еще будет несвободен, долго еще будет страдать отсутствием мужества, отсутствием воли, стремлением сочетать свои благопожелания с далеко не благими пожеланиями государственных чиновников, как бы действуя в рамках все того же синодального, порабощенного государству управления и тем лишая мужества многих церковных чад – архипастырей, пастырей и православных мирян. Показывая это неминуемое, выработанное двумя веками порабощения Церкви государству будущее, автор записки предупреждает, что даже если бы восстановление патриаршей власти состоялось бы при православном главе государства, то есть монархе, то и тогда «высшей власти приходилось бы постоянно прилагать старание о том, чтобы патриархи проникались сознанием своих полномочий, не боялись всех и всего, чтобы громче и смелее поднимали свой голос в стране, хотя бы по чисто духовным, по чисто нравственным вопросам жизни. И конечно, лишь при условии такого дерзновения главы местной Церкви и прочие пастыри ее оставили бы свое преступное молчание пред всякой, даже временной, темной силой крамолы и безбожия...»⁴¹

Менее месяца пробыл митрополит Владимир в Киеве и 7 января 1916 года выехал в Петроград для участия в заседаниях Святейшего Синода. Впоследствии он большую часть времени, по своему положению первенствующего члена Синода, проводил в Петрограде, так что киевская паства стала в конце концов выражать неудовольствие по этому поводу. В феврале 1917 года в России произошел государственный переворот, Император отрекся от престола, Временное правительство назначило нового обер-прокурора, который попытался заставить членов Синода принимать лишь ему угодные решения, и это довершило неустройство в управлении Русской Православной

Церкви. Митрополит Владимир не согласился с беспорядочными действиями нового обер-прокурора, и тот в ответ уволил всех членов Синода и набрал новых, – беззаконие дошло до своего логического конца. 24 марта 1917 года митрополит Владимир вернулся в Киев.

В это время в Киеве нарастала гражданская и церковная смута, стали активно действовать сепаратистские движения, был организован «Исполнительный комитет духовенства и мирян» и создана должность «комиссара по духовным делам». Встретившись с его представителями, митрополит Владимир заявил им, что «Исполнительный комитет духовенства и мирян» – учреждение самочинное, стремящееся к постепенному расширению своей власти и к захвату ему не принадлежащих прерогатив.

Впрочем, митрополит не отказался вовсе от сотрудничества с этим самочинным учреждением, надеясь направить впоследствии его деятельность в каноническое русло, и потому дал благословение на созыв 12 апреля епархиального съезда духовенства и мирян Киевской епархии. Однако когда съезд собрался, то стал уже называть себя «Украинским киевским епархиальным съездом духовенства и мирян». Съезд принял постановление, что «в автономной Украине должна быть независимой от Синода Украинская церковь».

Никакие вопросы не нашли своего разрешения, и следующий епархиальный съезд планировалось провести в начале августа 1917 года. Митрополит Владимир дал на это свое благословение и перед его началом опубликовал архипастырское обращение к киевской пастве, свое духовное завещание и последнее слово к пастве.

«Великое несчастье нашего времени более всего в том, – писал он, – что считают высшим достоинством быть либеральным в отношении вопросов веры и нравственности. Многие находят особенную заслугу в том, чтобы вселить в души русских людей такое либеральное отношение к вере и нравственности... Они в свое оправдание приводят как будто бы заслуживающие внимания доводы. Они говорят: всякий человек может судить о религиозных вопросах со своей точки зрения и

свободно высказывать свои убеждения, каковы бы они ни были, – это дело его совести, должно уважать религиозное убеждение каждого человека. – Против свободы веры и совести никто не возражает. Но не нужно забывать, что христианская вера не есть человеческое измышление, а божественные глаголы, и не может она изменяться сообразно с человеческими понятиями, и если человеческие убеждения стоят в противоречии с божественными истинами, то разумно ли придавать какое-либо значение этим убеждениям, считать их правильными и руководствоваться ими в жизни? Мы, конечно, должны терпеть и не согласных с нами и даже явно заблуждающихся, относиться к ним снисходительно, но от заблуждений их должны отвращаться и с заблуждениями бороться и доказывать их несостоятельность. Это должны считать своим долгом и пастыри христианской Церкви, и истинные последователи Христова учения...

К общему бедствию по всей земле русской присоединяется еще наше местное, увеличивающее немало душевную скорбь. Я говорю о том настроении, которое появилось в южной России и грозит нарушением церковного мира и единства. Для нас страшно даже слышать, когда говорят об отделении южно-русской Церкви от единой Православной Российской Церкви. После столь продолжительной совместной жизни имеют ли для себя какие-либо разумные основания эти стремления? Откуда они? Не из Киева ли шли проповедники православия по всей России? Среди угодников Киево-Печерской Лавры разве мы не видим пришедших сюда из различных мест Святой Руси? Разве православные южной России не трудились по всем местам России как деятели церковные, ученые и на различных других поприщах, и наоборот, православные севера России не подвизались ли также на всех поприщах в южной России? Не совместно ли те и другие создавали единую великую Православную Российскую Церковь? Разве православные южной России могут упрекнуть православных северной России, что последние в чем-либо отступили от веры или исказили учение веры и нравственности? Ни в каком случае... К чему же стремление к отделению? К чему оно приведет? Конечно, только порадует внутренних и внешних врагов. Любовь к своему

родному краю не должна в нас заглушать и побеждать любви ко всей России и к единой Православной Русской Церкви»⁴².

Съезд, состоявшийся 8–9 августа 1917 года, выказал крайнюю враждебность как к митрополиту Владимиру, так и к Русской Православной Церкви. Митрополит держался на съезде с крайней степенью терпимости, стараясь ничем не задеть его участников, чтобы съезд действовал в духе мира, но участники съезда были настроены иначе, и ему пришлось пережить тогда много тяжких обид и огорчений. Во время проходившего 9 августа заседания владыка был настолько оскорблен и пришел в такое расстройство, что, почувствовав себя нездоровым, был вынужден оставить собрание и уехать в Лавру. После его ухода участники съезда тут же истолковали это как бегство главы епархии и выражение крайнего неуважения к собранию. Приехав в Лавру, митрополит лег в постель и несколько часов пролежал неподвижно, так что окружающим показалось, что он близок к смерти.

По окончании работы съезда митрополит Владимир выехал в Москву, где 15 августа 1917 года открылся Поместный Собор Русской Православной Церкви. Собор открылся служением Божественной литургии в Успенском соборе Кремля митрополитом Владимиром в сослужении митрополитов Петроградского Вениамина (Казанского) и Тифлисского Платона (Рождественского). Поместный Собор избрал митрополита Владимира своим почетным председателем, а также председателем отдела церковной дисциплины. Все заседания Собора происходили в Епархиальном доме, устроенном когда-то тщанием митрополита Владимира. В те смутные дни начавшейся государственной разрухи Собор принял решение о восстановлении в Русской Православной Церкви патриаршества. Было проведено несколько туров голосования. Владыка участвовал только в первом туре, так как получил всего тринадцать голосов. Голосованием Собор избрал трех кандидатов в патриархи – архиепископа Харьковского Антония (Храповицкого), архиепископа Новгородского Арсения (Стадницкого) и митрополита Московского Тихона (Белавина). Окончательный выбор был предоставлен Промыслу Божию. 5

ноября 1917 года в храме Христа Спасителя после Божественной литургии митрополит Владимир вынес на амвон ковчежец со жребиями, благословил им народ и снял печать. Из алтаря вышел старец Зосимовой пустыни иеросхимонах Алексий (Соловьев). Помолившись, он вынул из ковчега жребий и передал его митрополиту Владимиру. Владыка громко прочел: «Тихон, митрополит Московский – аксиос!»

В середине ноября 1917 года в Киеве был организован особый комитет по созыву всеукраинского православного церковного Собора духовенства и мирян. Комитет возглавил архиепископ Алексий (Дородницын), проживавший в то время на покое в Киево-Печерской Лавре. На состоявшемся 23 ноября собрании комитет, «обсудив положение православной церкви на Украине в настоящее время, как время отделения украинского государства от русского государства, а также имея в виду провозглашение всероссийского Патриарха, который может распространить свою власть и на украинскую церковь»⁴³ принял целый ряд радикальных постановлений: организационный комитет по созыву всеукраинского православного церковного Собора переименовывался во «временную всеукраинскую православную церковную раду»⁴⁴, а исполнительный комитет по созыву всеукраинского православного церковного Собора – в «президиум временной всеукраинской православной церковной рады», которая провозглашалась «временным правительством для всей украинской православной церкви»⁴⁵. Это правительство назначило своих комиссаров в консистории всех украинских епархий. Всеукраинская Церковная Рада воспретила своему председателю архиепископу Алексию выезжать в Москву, куда он был вызван Патриархом для занятия места настоятеля в одном из монастырей.

Все новообразованные организации были настроены открыто враждебно к митрополиту Владимиру и выступили с требованием не допускать его в Киев.

Подобного рода деятельность национальных сепаратистов встревожила православное население Киева, и 24 ноября 1917 года состоялось многолюдное собрание Союза православных

советов города Киева. Собрание постановило «протестовать против антиканонической попытки создать автокефальную Украинскую церковь, что может привести ее сначала к унии, а потом и к полному подчинению ее Римскому папе»⁴⁶, и признало «пребывание Киевского митрополита вне Киева в такое тревожное время нежелательным явлением, тем более, что на всероссийском церковном Соборе его мог заменить один из киевских викарных епископов»⁴⁷.

В начале декабря из Киева в Москву прибыл один из викариев с просьбой к митрополиту Владимиру вернуться в Киев, так как дальнейшие события на Украине грозят церковным расколом. По прибытии митрополита в Киев, вечером 4 декабря состоялось многолюдное собрание, созванное по инициативе Союза православных приходов города Киева, под председательством митрополита Владимира, в присутствии прибывшего из Москвы представителя Патриарха – митрополита Платона, экзарха Кавказского. Перед началом собрания делались попытки сорвать его; некоторые из собравшихся кричали, чтобы митрополит Владимир возвратился в Москву, но владыке все же удалось открыть собрание, которое прошло вполне благополучно.

Митрополит Владимир совершил торжественное богослужение в Златоверхо-Михайловском монастыре по случаю празднования дня памяти святой великомученицы Варвары. Православная паства выразила свое сочувствие архипастырю и удовлетворение по поводу его возвращения в Киев. Однако были группы иного настроения, которые выказали свое отрицательное отношение к владыке громкими выкриками во время богослужения.

9 декабря 1917 года в два часа дня в покои митрополита явилась вместе с каким-то военным группа духовенства и заявила, что она исполняет поручение Центральной Рады. Пришедшие передали постановление Рады о том, чтобы из Киева был удален епископ Чигиринский Никодим (Кротков) и вступили в должность членов консистории вновь назначенные Радой, а также было предложено покинуть Киев и самому митрополиту Владимиру. Желая получить от них письменное

свидетельство об этих требованиях, митрополит попросил своего секретаря записать их, и чтобы члены пришедшей делегации подписались под ними, но те категорически от этого отказались.

В эти же дни к митрополиту Владимиру явилось несколько священников из законоучителей средних учебных заведений, которые потребовали, чтобы он уехал из Киева. Один из священников города Киева, Липковский, явился к епископу Каневскому Василию (Богдашевскому), викарию Киевской епархии, и предложил ему взять на себя управление Киевской митрополией, что тот с негодованием отверг. Тогда Липковский заявил ему, что митрополит Владимир в любом случае будет удален из Киева, равно как и его викарные епископы – Никодим (Кротков) и Назарий (Блинов).

К этому времени по приходам Киевской епархии было разослано распоряжение о поминовении в церквях за богослужением Всеукраинской Церковной Рады, возглавляемой архиепископом Алексием (Дородницыным); распоряжение было скреплено печатью киевской духовной консистории и подписано священником, назначенным Радой комиссаром. Противодействуя этому беззаконию, митрополит Владимир распорядился, чтобы члены духовной консистории составили документ, что для епархии имеют значение только те распоряжения консистории, которые будут подписаны действительными ее членами. После этого назначенные Радой комиссары явились в консисторию и заявили, что все подписавшие этот документ члены консистории увольняются, а на их место назначаются новые.

В декабре 1917 года между 10 и 12 часами ночи в покои митрополита в Лавре пришел член церковной Рады, священник, в сопровождении военного и стал предлагать митрополиту Владимиру патриаршество в украинской церкви. Митрополит выразил удивление по поводу перемены отношения к нему, но вслед за этим посетители потребовали от него, чтобы он из церковных средств выдал им сто тысяч рублей. Митрополит возразил, что эти средства принадлежат всей епархии, которая одна только и может распоряжаться ими. Они стали угрожать

ладыке, и он был вынужден пригласить через келейника монастырскую братию, чтобы удалить непрошенных гостей, что и удалось сделать часа через полтора.

Об идейном настрое митрополита в то время и его душевном состоянии свидетельствует рассказ очевидца, подпоручика Кравченко, бывшего на приеме уладыки 12 декабря 1917 года, к которомуладыка обратился с такими словами: «Я никого и ничего не боюсь. Я во всякое время готов отдать свою жизнь за Церковь Христову и за веру православную, чтобы только не дать врагам ее посмеяться над нею. Я до конца жизни буду страдать, чтобы сохранилось православие в России там, где оно началось». И, сказав это, архипастырь горько заплакал⁴⁸.

Описывая позицию митрополита Владимира по отношению к предстоящему украинскому Собору и предложениям покинуть Киев, православные авторы тех лет свидетельствуют, что он противился созыву украинского Собора из-за неправильной в церковном отношении процедуры созыва Собора и главным образом потому, что это было требованием «группы людей, собравшихся в украинской церковной Раде под главенством архиепископа Алексия (Дородницына⁴⁹), которого он считал величайшим и тяжким церковным преступником и мятежником»⁵⁰. Однако привычки, приобретенные во время по сути столь же незаконного обер-прокурорского правления, были настолько укоренены, «что если бы законное правительство Украины, – свидетельствовали современники, – предложило ему оставить Киевскую митрополичью кафедру, то он немедленно и беспрекословно сделал бы это», как будто требование – на сию минуту законного гражданского правительства – оставления архиереем церковной кафедры могло стать законным, как будто церковное право могло быть одной сути с правом гражданским, а источником власти церковной – власть светская. Таково было весьма тяжелое, столетиями копившееся мертвящее наследие синодальной эпохи.

Прибывшие в Киев из Москвы епископы украинских епархий признали Центральную Раду правомочной созвать украинский церковный Собор, начало заседаний которого было назначено

на 8 января 1918 года. 2 января митрополит Владимир после литургии при почти полном отсутствии молящихся совершил торжественный молебен на Софийской площади. 7 января после литургии и молебна на той же площади митрополит обратился к участникам Собора с приветственным словом и завершил его молитвой о ниспослании благословения на труды Собора. На другой день митрополит, открывая деяния Собора, обратился к членам Собора со словом, в котором призвал их к осторожной, серьезной и вдумчивой работе в духе мира, любви и единения со всей Православной Восточной Церковью вообще и в особенности со Всероссийской Православной Церковью.

Собор отверг кандидатуру митрополита в качестве председателя Собора, избрав его лишь почетным председателем, председателем же был избран епископ Балтский Пимен (Пегов).

Митрополит Владимир участвовал во всех заседаниях Собора, детально вникал в его дела и шел навстречу соборным нуждам, в частности выделив 60 тысяч рублей на содержание членов Собора.

Участник Собора епископ Черниговский Пахомий (Кедров) писал о митрополите Владимире: «Особенно большое утешение доставила... владыке усердная молитва членов Собора в Лавре 14 января. В этот день митрополит Владимир с несколькими другими иерархами и священниками – членами Собора совершил Божественную литургию в Великой лаврской церкви, причем и все другие члены Собора с великим усердием молились за этой литургией, а потом поклонялись печерским угодникам, почивающим как в Ближних, так и в Дальних пещерах. Эта усердная молитва членов Собора умиротворила их дух и доставила великую духовную радость... киевскому первосвятителю»⁵¹.

Гражданская война и приближение к Киеву большевистских войск дали о себе знать в Лавре 14 января 1918 года, когда на ее территорию залетел первый снаряд. 16 января на территорию Лавры стали залетать ружейные пули, но по дальности расстояния они не причинили никому вреда. 17 января с утра поднялся гул и свист от ружейных пуль,

пулеметов и орудий. Митрополит Владимир в сослужении епископов Прилукского Феодора (Лебедева) и Балтского Пимена (Пегова) и старшей братии Лавры совершил литургию в Великой лаврской церкви под непрекращающийся грохот орудий. Перед литургией был отслужен акафист Успению Божией Матери. На всех присутствующих произвело большое впечатление, с каким спокойствием держался митрополит.

Ввиду начавшихся боевых действий первая сессия украинского Собора 19 января была прервана, а открытие второй сессии было назначено на май. Ни митрополит Владимир, ни председатель Собора епископ Пимен уже не участвовали в последнем заседании Собора, так как находились в то время в Лавре, отрезанной военными действиями от остальной части города.

18-го, 19-го и 20 января продолжался обстрел той части города, в которой находилась Лавра; обстрел стал причинять все большие повреждения лаврским зданиям. 21 января, в воскресенье, обстрел города несколько ослабел, и митрополит Владимир совершил Божественную литургию в Великой церкви Лавры в сослужении старшей братии монастыря.

22 января обстрел снова усилился и достиг своего апогея 23 января, когда Лавра оказалась под непрерывным огнем, так как большевистские разведчики доносили, будто с лаврской колокольни ведется обстрел большевистских отрядов, чего в действительности не было. Во время ураганного обстрела Лавры 23 января в одну из икон попала шрапнельная пуля; пробив стекло, она вошла в икону, в область сердца Богоматери, – это был образ Казанской иконы Божией Матери. Вид этой иконы впоследствии произвел потрясающее впечатление не только на верующих богомольцев, но и на большевиков, которые с изумлением останавливались перед ней.

Вечером 23 января большевики овладели Лаврой, и, по свидетельству очевидцев, в «ней» начались такие дикие насилия и проявления варварства, перед которыми бледнеют известные нам из древних летописей сказания о грабежах и насилиях, производившихся дикими монголами во время разорения Киева

и Лавры в 1240 году. Вооруженные толпы людей врываются в храмы, с шапками на головах и папиросами в зубах, производили крик, шум и безобразия во время богослужения, произносили невыразимые ругательства и кощунства над святыней, вламывались в жилища монахов днем и ночью, стреляли над головами... избивали стариков, грабили что только попадалось под руку, останавливали монахов днем на дворе, заставляли их раздеваться и разуваться, обыскивали и грабили, издевались и секли нагайками... Подобные насилия происходили в течение всего дня 24 января»⁵².

Митрополит Владимир до 23 января жил в верхнем этаже митрополичьих покоев, а 23 января по совету близких он перешел жить в нижний этаж, куда пригласил епископа Прилукского Феодора. Сутки они провели в алтаре нижнего храма во имя святителя Михаила, первого митрополита Киевского.

24 января, перед литургией, митрополит Владимир отслужил в Великой церкви акафист Успению Божией Матери. По наблюдениям сослуживших с ним, чтение акафиста митрополитом в этот день отличалось особенной проникновенностью и задушевностью.

Около полудня 24 января в трапезную Лавры явилось четверо солдат, которыми руководил предводитель, одетый в кожанку и морскую фуражку. Главарь остался недоволен черным хлебом, который был подан к обеду. Бросив хлеб на пол, он заявил:

– Разве я свинья, чтобы есть такой хлеб?!

– У нас, господа, лучшего хлеба нет, какой нам дают, такой и мы подаем, – ответил монах.

Та же группа солдат пришла ужинать в Лавру около пяти часов вечера того же дня, причем их предводитель в кожанке был уже полупьян. Он между прочим сказал: «Нужно сделать здесь что-либо особенное, замечательное, небывалое».

Ночь под 25 января вся Лавра провела без сна. Всю ночь братией непрерывно служились молебны и пелись акафисты. В эту ночь было совершено нападение четырех вооруженных мужчин и одной женщины в одежде сестры милосердия на

квартиру наместника, которая была ими ограблена, затем те же люди ограбили казначея и благочинного.

25 января с раннего утра возобновились грабежи и насилия в Лавре со стороны вооруженных отрядов большевиков. Около трех часов дня трое солдат осмотрели помещения лаврской квартиры митрополита. Найдя несгораемый сейф и ключ от него, они потребовали, чтобы им открыли сейф, и, осмотрев его, забрали золотую медаль, а затем произвели обыск в нижнем этаже покоев.

Около шести часов вечера те же четверо солдат, предводительствуемые человеком в кожанке, вошли в северные ворота Лавры, и их предводитель спросил проходившего по двору монаха:

– Где митрополит живет?

– Дом его – около того места, где вы кушаете, там он и живет, – ответил монах.

– Мы его сегодня заберем, – сказал предводитель.

Затем они прошли в монастырскую трапезную ужинать. После ужина, когда они собирались уже уходить, их предводитель, обращаясь к одному из бывших здесь лаврских монахов, сказал:

– Больше вы митрополита не увидите.

В половине седьмого вечера они подошли к дверям квартиры митрополита и позвонили. Дверь отворилась, они вошли в прихожую, и их предводитель спросил:

– Где Владимир митрополит? Мы желаем с ним переговорить.

И, не ожидая ответа, четверо прошли наверх, а один расположился на диване в прихожей.

Монах закричал вслед солдатам:

– Митрополит не наверху, а внизу, пожалуйста сюда. И он прошел в нижнее помещение, куда за ним прошли и убийцы. Митрополита здесь не оказалось, так как он был в комнате архимандрита Амвросия. Монах и солдаты прошли туда. Навстречу им вышел епископ Феодор, и они спросили его:

– Ты будешь отец митрополит?

Епископ ответил, что нет, и пошел сказать митрополиту о приходе солдат.

Митрополит Владимир вышел в прихожую к солдатам и спросил их:

– В чем дело?

Ничего не ответив, солдаты повели митрополита в нижнее помещение и заперли за собою двери. Разговор занял не более пяти минут, затем дверь отворилась и вышел митрополит, который был заметно взволнован, и, проходя мимо епископа Феодора и архимандрита Амвросия, сказал, разводя руками:

– Вот, они хотят уже расстрелять меня!

– Иди, не разговаривай! Кто тебя будет расстреливать? До коменданта пойдешь! – закричал предводитель.

Монах подал митрополиту легкую комнатную рясу, и он прошел вместе с убийцами в верхний этаж. Поднявшись на первую площадку лестницы, владыка остановился и, обратившись к сопровождавшим его убийцам, сказал:

– Ну, господа, если вам угодно расстрелять меня, расстреливайте здесь же, на месте, – я дальше не пойду.

– Кто тебя расстреливать будет, – иди! – крикнул предводитель.

Наверху митрополита и сопровождавших его убийц встретил келейник, он открыл дверь в залу и подал митрополиту ключ, которым тот открыл дверь в спальню, куда вошел сам, а вслед за ним убийцы, келейника в спальню они уже не пустили.

Минут через 15–20 владыка вышел из спальни в сопровождении солдат, в рясе, с панагией на груди, в белом клобуке на голове. Келейник встретил его в передней и хотел подойти под благословение, но предводитель убийц, грубо его оттолкнув, зло сказал:

– Довольно кровопийцам кланяться – кланялись, будет!..

Келейник, однако, решительно шагнул навстречу митрополиту, и тот сам приблизился к нему, благословил, поцеловал и, пожав руку, сказал:

– Прощай, Филипп!

Затем владыка вынул из кармана платок и вытер слезу. По словам келейника, внешне митрополит казался спокойным, как будто он шел на служение литургии.

Другой келейник владыки, иеродиакон Александр, сказал, обращаясь к солдатам:

– Товарищи, куда вы ведете митрополита?

– В штаб для допроса, – ответил один из солдат.

– А где ваш штаб?

– В городе.

– Не на гостинице ли?

– На гостинице – второстепенный штаб, а главный – в городе, на Печерске.

– Тогда владыке нужно одеться, – на дворе зима, холодно.

– Мы говорили ему, чтобы он одевался, он не захотел.

– Дайте одеться – зима, холодно, – сказал митрополит.

Солдаты позволили; митрополиту подали шубу, калоши и посох. Он всех благословил и сказал:

– Прощайте!

Солдаты вывели митрополита на лаврский двор и повели к воротам. Подойдя к углу Великой лаврской церкви, солдаты закурили, и митрополит, остановившись напротив входа в церковь, стал молиться. Дойдя до ворот Лавры, он снова остановился, обратился к иконе святителя Николая и, перекрестившись, поклонился. Затем монах-привратник открыл обе половинки ворот и митрополит в сопровождении солдат вышел из Лавры.

Убийцы усадили его в автомобиль и, проехав с километр, остановились. Солдаты повели митрополита влево от дороги на небольшую поляну между крепостных валов. Митрополит Владимир спросил:

– Что, вы здесь хотите меня расстрелять?

– А что же? Церемониться с тобою? – ответил один из них.

Услышав такой ответ, владыка попросил дать ему время помолиться.

– Но только поскорее! – сказал убийца.

Воздев руки кверху, митрополит стал вслух молиться:

– Господи! Прости мои согрешения, вольные и невольные, и прими дух мой с миром.

Затем он благословил убийц и сказал:

– Господь вас благословляет и прощает.

Не успел он еще опустить руки, как раздались три выстрела, и митрополит Владимир упал. Убийцы подошли к митрополиту вплотную и сделали еще несколько выстрелов, а затем ударили штыком в живот.

Монахи, стоявшие во дворе Лавры, услышав выстрелы, вслух высказали предположение, что это расстреливают митрополита. В это время к ним приблизилась группа более десятка солдат, и один из них спросил:

– Батюшки, провели митрополита?

– Провели через ворота, – ответил монах.

Солдаты выбежали за ворота и минут через 15–20 возвратились обратно. Один из монахов, подойдя к солдату, шедшему позади всех, спросил:

– Нашли владыку?

– Нашли, – ответил тот, – так всех вас по одному повыведем!

Тело мученически скончавшегося митрополита Владимира пролежало до утра следующего дня и было найдено случайными прохожими, которые и сообщили обо всем происшедшем монахам Лавры. Получив разрешение от властей и пропуск на перенесение тела убитого митрополита в Лавру, архимандрит Анфим в сопровождении четырех санитаров с носилками около 11 часов утра пришли к месту убийства. По совершении литии тело митрополита было положено на носилки. В это время появилось человек десять солдат и вооруженных рабочих, они стали ругаться и всячески препятствовать переносу тела в Лавру. Архимандрит Анфим показал пропуск и разрешение. Снова раздались ругательства и выкрики:

– Вы еще хоронить будете его, – в ров его бросить, тут его закопать; мощи из него сделаете, это для мощей вы его забираете!

Архимандрит Анфим велел прикрыть тело владыки шубой и нести, а сам пошел впереди с поднятым крестом. Некоторые из женщин стали вслух говорить:

– Страдалец! Мученик! Царство ему Небесное!

Услышав это, солдаты снова стали ругаться:

– Какое ему царство, ему место в аду, на самом дне!..

Тело убиенного архипастыря было принесено в Михайловскую церковь и после осмотра медиками⁵³ облачено в архиерейское облачение и положено посреди церкви. Сразу же после этого наместник Лавры архимандрит Климент отслужил вместе со старшей братией панихиду по убиенному митрополиту. В тот же день и в последующие дни были отслужены панихиды как в самой Лавре, так и в приходских храмах Киева.

29 января в 8 часов утра тело убиенного митрополита Владимира было положено в гроб и перенесено в Великую церковь Лавры. После перенесения тела была отслужена литургия, которую совершил митрополит Платон (Рождественский) с епископами – Екатеринославским Агапитом (Вишневским), Черниговским Пахомием (Кедровым), Чигиринским Никодимом (Кротковым) и Балтским Пименом (Пеговым) при сослужении соборных старцев Лавры, священнослужителей – членов украинского церковного Собора и некоторых представителей киевского духовенства.

После совершения отпевания гроб с телом убиенного митрополита был обнесен вокруг храма и крестным ходом перенесен в Ближние пещеры Лавры и погребен в Крестовоздвиженской церкви рядом с митрополитом Флавианом (Городецким).

3-го, 13 февраля и 5 марта архиерейским чином были отслужены заупокойные литургии по убиенному митрополиту, а также отслужены соборно панихиды наместником Лавры архимандритом Климентом на месте погребения и на месте убийства.

Почти сразу же на месте убийства митрополита Владимира был поставлен крест, на котором время от времени стали появляться венки из живых цветов, приносили их преимущественно по ночам из опасения преследований от

безбожников. На месте убийства стали совершаться по просьбам верующих панихиды с участием иногда целых приходов.

Митрополиту Владимиру было посвящено 85-е деяние Поместного Собора Русской Православной Церкви, состоявшееся 15 (28) февраля 1918 года, которое началось панихидой, совершенной Патриархом Тихоном при общем пении членов Собора и многочисленного народа, и было открыто словом Патриарха: «Преосвященные архипастыри, отцы и братие! То ужасное, кошмарное злодеяние, которое совершено было по отношению к высокопреосвященному митрополиту Владимиру, конечно, еще долго и долго будет волновать и угнетать наш смущенный дух. И еще, надеемся, много и много раз православный русский народ будет искать себе выхода из тяжелого состояния духа и в молитве, и в других сладостных воспоминаниях о почившем убиенном митрополите...»⁵⁴

После того как завершились гонения на Церковь, продолжавшиеся в течение нескольких десятилетий, Архиерейский Собор Русской Православной Церкви в 1992 году причислил священномученика Владимира к лику святых. 20 июля того же года были обретены мощи священномученика и положены рядом с мощами преподобных в Дальних пещерах.

Характеризуя общественно-церковное положение митрополита и стараясь проникнуть в глубину его душевных переживаний, протоиерей Иоанн Восторгов сказал в своем слове о священномученике Владимире на Поместном Соборе: «Мало кому ведомо, что покойный был поэт в душе, чрезвычайно любил природу, ценил красоту, любил стихи и до старости сам составлял стихотворения. Помню, раз утром, в вагоне, при переезде из Петрограда в Москву, куда он возвращался на пасхальные дни, в бытность еще митрополитом Московским, он признался, что так любит Москву, так рад приезду своему, что всю ночь спал тревожно, и чувства радости и любви к Москве выразил в составленном длинном стихотворении, которое тут же и прочитал нам.

При таком нежном и впечатлительном сердце, естественно, он болезненно переживал события в церковной жизни последнего времени, начиная со дня своего вынужденного

перевода в Киев. Эксперименты в церковной жизни митрополита Питирима и Раева, удаление из Синода путем интриги, правление безумного Львова и все, что за сим последовало, кончая событиями на Украине, – все это глубоко потрясло владыку. Но, не будучи по природе человеком активной борьбы, он все более и более уходил, замыкался в себя, молчал и только близким людям жаловался, что остается совершенно одиноким. Тихо и молчаливо он страдал. Думается, не так уж он был и одинок, как ему казалось, были сочувствующие его строго церковному мировоззрению, но эти-то сочувствующие сами ждали, что именно митрополит Владимир даст клич, соберет их около себя, выступит с ярким протестом...»⁵⁵

Многие из членов Поместного Собора спрашивали себя, за что убит проживший праведную жизнь митрополит Владимир, им была непонятна его смерть; живя долго в условиях мира, они тогда еще не понимали, что можно быть убитым как раз из-за праведной жизни. Есть грехи личные, есть сделанное доброе, за что человеку может быть от Господа награда, и над этим митрополит Владимир трудился всю жизнь; а кроме того, есть еще и не сделанное – то, что человек мог сделать, занимая соответствующее положение, но не сделал. Потому и ответ держит больший тот, кому больше вверено. А никому так много не было вверено, как первоиерарху Поместной Церкви. Не обер-прокуроры несли ответственность за судьбы Церкви, ибо таковой ответственности у них не было по существу их положения, – они для судеб церковного управления были внешней силой и внешними людьми, – а тот, кому вверено, – первоиерарх, хотя бы и номинальный. У каждой исторической эпохи есть своя мера и свои условия, при которых становится возможным исполнить свое призвание на занимаемом месте. Для начала XX века этой мерой стало исповедничество перед номинально православной властью и враждебным, безбожным обществом. Господь принял праведную жизнь митрополита Владимира и за праведную жизнь простил и покрыл любовью все упущенное, должное, но не сделанное и, пожелав его

близости Себе, даровал ему как величайшую награду
мученический венец и белые одежды.

Составитель игумен Дамаскин (Орловский)

Литературная деятельность митрополита Киевского Владимира⁵⁶

В феврале 1918 года в Киеве был зверски убит митрополит Киевский и Галицкий Владимир. После получения известия об этом на Поместном Соборе Православной Российской Церкви 1917–1918 годов состоялось специальное заседание, посвященное памяти мученически скончавшегося архипастыря. Заседание прошло под председательством Святейшего Патриарха Тихона в присутствии членов Собора, при большом стечении народа.

Святейший Патриарх Тихон соборне совершил панихиду по убиенному митрополиту при общем пении всех присутствовавших.

Затем с речами и воспоминаниями выступили те, кто близко знал митрополита Владимира, – Святейший Патриарх Тихон, митрополит Новгородский Арсений, епископ Черниговский Пахомий и другие. Среди выступлений было и нижеследующее сообщение А. Сагарды⁵⁷ о богословских трудах Высокопреосвященного Владимира, не утративших значения доныне, – более того, как бы написанных сегодня и отвечающих на многие современные запросы церковной и общественной жизни.

* * *

24 апреля 1915 года в Совете Московской Духовной Академии рассматривалось представление о присуждении митрополиту Петроградскому Владимиру степени доктора богословия во внимание к его научным трудам. Представление исходило от группы профессоров – членов Совета, под ним стояли подписи М.Д. Муретова, А.П. Шостыина, А.И. Алмазова, С.С. Глаголева, С.И. Соболевского, Д.И. Введенского, священников-профессоров Д.В. Рождественского, В.Н. Страхова, И.В. Гумилевского и П.А. Флоренского. Оно заключало в себе авторитетную оценку литературной деятельности митрополита Владимира за период времени около сорока лет. Здесь мы, между прочим, читаем:

«Среди многосложных обязанностей и дел Московского Первосвященника митрополит Владимир находит время и возможность заниматься богословскими вопросами, и именно теми, которые, будучи по существу вечными, особенно настойчиво требовали своего обсуждения в данный момент и для обсуждения которых Владыка находил наиболее подходящую и нужную форму. Владыка не искал наград и лавров за свои работы. В течение более сорока лет он писал и печатал трактаты по вопросам богословского знания, православной веры и христианской жизни и учил живым словом. И это он делал для других, а не для себя. Но те, которым дороги интересы веры и Церкви, не могут не оценить высокого значения этой деятельности и, раз они располагают возможностью выразить чем-либо свое понимание ценности трудов Владыки, должны это сделать. Академия располагает такой возможностью. Она может... присудить митрополиту Владимиру степень доктора богословия, и мы предлагаем Совету Московской Духовной Академии войти в обсуждение настоящего предложения... Дух веры и любви, жизненность, отзывчивость, удобопонятность и простота – вот что характеризует произведения митрополита Владимира. Произведения Владыки вызваны жизнью, и притом высшей из форм жизни, существующих на земле, – жизнью Церкви. Эти произведения служат жизни и зовут к высшему типу жизни. Кто же более может быть назван богословом, как не тот, кто своим словом, пером и жизнью зовет к Богу».

Совет Академии, соглашаясь с представлением и заключающейся в нем оценкой литературных работ митрополита Владимира, присудил ему степень доктора богословия. Это было не только выражением признательности профессуры к архипастырю, с просвещенным сочувствием относившемуся ко всем нуждам и благим начинаниям Академии, но и должной оценкой его научно-богословской деятельности. На всех поприщах своего служения Церкви приснопамятный святитель служил ей не только личным подвигом аскета, изустным словом проповедника, напряженным трудом администратора, ревностью пастыря по завету Великого

Первосвященника, но и живым пером писателя. Литературная деятельность была одной из форм обнаружения пастырской ревности митрополита Владимира, тем более удобной, что, пользуясь ею, он получал возможность говорить с широкими кругами всей верующей России, откликаясь на основные течения и запросы жизни.

Произведения митрополита Владимира естественно распадаются на несколько групп. Это прежде всего проповеди и беседы. Проповедь составляла одну из важнейших сторон пастырского и архиерейского служения святителя. Его спокойное, чуждое экзальтации, далекое от искусственной аффектации (которой обычно стремятся восполнить недостаток или отсутствие подлинного искреннего религиозного чувства) и в то же время увлекающее слово никогда не умолкало, но раздавалось всюду, куда он ни приходил с посохом постоянного странника: от Козлова до Киева – матери русских городов, где о Христе свидетельствуют ныне не уста его, уже умолкнувшие, но его мученическая кровь. Ряд напечатанных поучений митрополита Владимира начинается «Словом на Новый год» священника Василия Богоявленского. Далее идут его слова на праздники, сказанные в бытность экзархом Грузии. Но наибольшая часть напечатанных поучений приходится на время служения митрополита Владимира на кафедре Московских Первосвятителей. Они сказаны при посвящении во священники, при открытии религиозно-нравственных чтений и религиозно-просветительных учреждений, по поводу того или иного праздника, тех или иных общественных явлений (например, «Молитва христианина в бедствиях войны», «Пастырское утешение христианину в бедствиях войны»). Некоторые из них вызваны болезненными течениями религиозной мысли в русском обществе, причем проповедник эти течения новейшего времени сближает с течениями давних времен («Неверие книжников и фарисеев древнего и нового времени», «Против отрицающих почитание святых»). Необходимо особо отметить истолковательные беседы митрополита Владимира, к которым принадлежат «Молитва Господня в девяти беседах», «Беседа Иисуса Христа с Никодимом», «Беседа о грехах против Святого

Духа». В петроградский период деятельности Владыки обращает на себя внимание его «Пастырский голос во время войны».

Тот ужас, те бедствия, которые постигли и постигают в настоящее время нашу страну, пришли не вдруг – они подготавливались давно. Святитель Владимир предвидел их; в волновавшейся вокруг него жизни он отчетливо усматривал силы, которые подготавливали государственную и общественную катастрофу, и боролся с ними. Религиозное отрицание силилось разрушить крепкий фундамент, на котором строилось все прошлое и будущее нашего народа, и митрополит Владимир выступил горячим, убежденным апологетом веры, которая ведет человека к радости, счастью, полноте жизни. К его апологетическим произведениям принадлежат: «Соглашение некоторых, по-видимому противоречащих друг другу, мест Священного Писания», «Где истинное счастье: в вере или неверии?», «Работа в свете материализма и христианства», «Вечерние собеседования между крестьянином, фабричным рабочим и священником. Современные религиозные вопросы», «Доказательство бытия Божия», «Наука и религия». Социал-демократическое движение, проникнув в Россию, страну наиболее тогда отсталую в культурном и промышленном отношении, быстро распространялось, угрожая одинаково Церкви и государству и, тем не менее, не встречая серьезного идейного противодействия. В 1907 году в предисловии к своему переводу книги Флейшмана «Против социал-демократии» митрополит Владимир писал: «В Германии научились с нею (социал-демократией) бороться, народ понимает там всю пагубность этого грубо материалистического учения, которое трактует человека с одной только животной стороны и грозит в будущем, при условии успеха своих замыслов, полным ниспровержением всех приобретений культуры и идеальных сокровищ человечества. В России социал-демократическая пропаганда – явление сравнительно новое. Ею увлекаются многие из людей мыслящих, от нее ждут обновления общественного и государственного строя. Успех социал-демократов в России и проникновение их в Государственную

Думу совпадают с полным их поражением в Германии при последних выборах в Рейхстаг. В Германии понимают всю ложь этого нового учения. Этому много способствовала немецкая противосоциалистическая литература, серьезная и основательная, – научная критика социализма. У нас в России по этой части сделано очень немного».

Глубоко понимая антигосударственный и антирелигиозный смысл социал-демократического движения, так же как его крупную силу, Владыка стремился хотя бы отчасти восполнить отсутствие у нас серьезной научной критики социализма. С этой целью он дает и перевод книги Флейшмана, с этой же целью он подробно останавливается на социальных проблемах в ряде речей и самостоятельных статей: «Речь перед началом чтений для рабочих», «Монархия или республика», «Социальная задача семьи», «Богатым и бедным», «Наша пастырская задача в борьбе с социал-демократической пропагандой», «О рабочем вопросе», «О труде и собственности».

К этой же группе произведений, посвященных социальным проблемам, принадлежат статьи Высокопреосвященного Владимира, имеющие своей целью борьбу с вековым недугом русского народа – пьянством. Для Владыки ясно было, что одной из коренных причин духовной и материальной нищеты русского народа является алкоголь, что, пока народ находится во власти этого страшного порока, не может быть и речи о каком-либо улучшении быта крестьянского и рабочего люда. Поэтому он и других призывает к энергичной борьбе, и сам мужественно борется против всевозрастающей силы этой нашей исторической, вековой болезни. Открыв Общество борьбы с пьянством, он печатает «Архипастырский призыв к борьбе с пьянством»; затем в статье «Величайший обманщик мира» объясняет, как алкоголь обещает рабочим крепость, силы и помощь, а потом губит их. В статье «Против ли нас (абстинентов) Библия» Владыка раскрывает отношение Библии к употреблению вина.

Дети – надежда Церкви и государства, и мысль о детях никогда не оставляла Владыку. В их правильном, здоровом воспитании он видит основу здоровой России, чуждой

болезненных пороков, извращенных увлечений утопическими мечтаниями, способных только разрушить и то, что создано уже, и потому он посвящает им целый ряд трудов: «Архипастырское поучение детям о Святой Библии», «Беседы о воспитании детей», «Пастырские беседы с детьми», «Юношам», «Евангелие детства». По поводу последней книги А. Панков писал: «Идея представить некоторые евангельские эпизоды в свете, доступном для детского понимания, является, без сомнения, идеей весьма симпатичной и полезной... Этим хорошим проповедям Московского митрополита Владимира следовало бы дать широкое распространение в наших школах». По поводу этой же книги, переизданной Училищным Советом при Святейшем Синоде под названием «Пастырские беседы с детьми», в «Приходском листке» читаем: «Пастырские беседы с детьми» митрополита Владимира в противоположность всем такого рода изданиям подкупают своей простотой изложения, чуждой какой бы то ни было погони за фразой, и той благоговейной серьезностью, проникнутой и запечатленной молитвенным духом, с какой автор говорит об Отроке Иисусе... «Пастырские беседы» митрополита Владимира написаны для детей и будут прочитаны ими, особенно под руководством законоучителей или родителей, с большой пользой для себя. Хорошая, умная и в то же время доступная по своему изложению книжка для детей, а такой именно и являются «Пастырские беседы», у нас, к сожалению, большая редкость».

Историю детства Иисуса, которую мы находим у евангелиста Луки (Лк.2:40–52), Высокопреосвященный Владимир называет Евангелием детей, написанным кратко для того, чтобы дети своим умом удобнее и скорее могли воспринять его и запечатлеть в своем сердце. Постепенно раскрывая содержание этого Евангелия, Владыка в ряде бесед говорит об Отроке Иисусе как живом для детей примере и высочайшем образце благочестия – любви к храму, дому Божию, к молитве и ко всему, что относится к почитанию Отца Небесного, примере жажды знания или любви к учению, послушания, кротости, смирения и трудолюбия. Смирренная Назаретская горница в беседах митрополита Владимира

выступает для детей как великая школа добродетели – «всего, чему хотел научить Иисус детей, что им нужно делать, чего желать, чему подражать».

Трогательно, что последние три года своей литературной деятельности митрополит Владимир посвящал почти исключительно детям, вопросам их религиозного и нравственного воспитания. За это время им напечатан ряд статей, согретых горячим чувством любви к детям и трезвой, разумной заботой о их будущем. «Воспитание чувства стыдливости», «Воспитание самоограничения, или самоотвержения», «Воспитание правдивости», «Воспитание детей», «Зависть», «Родительская бдительность», «О наказании как воспитательном средстве», «Борьба с главным пороком дитяти» и другие – в этих статьях верующие круги русского общества найдут много нужного и полезного, взвешенного разумом и проверенного живым сердцем, нужного и полезного для правильной, нормальной постановки воспитания детей.

Дух веры и любви, жизненность, практическая значимость характеризуют все произведения Высокопреосвященного Владимира, даже и такие из них, которые на первый взгляд должны бы иметь характер исторической справки, например «Римский амфитеатр – место увеселения язычников и страданий христиан» или «Страдания Христа и страдания Церкви». В прошлых судьбах Церкви святитель отмечает черты, близкие настоящему времени, и от гонений греко-римской власти против верующих его мысль естественно обращается к испытаниям и страданиям, какие постигают чуткую религиозную совесть теперь в православном государстве – в государстве, которое так долго называлось Святой Русью.

Посвящая много сил и времени литературной работе. Высокопреосвященный Владимир руководствовался в данном случае мыслью о том громадном значении, какое печать имеет в настоящее время. В статье «Мысли о современной прессе» он пишет: «Было время, когда прессу называли шестой великой силой, а теперь она является чуть ли не первой. Под влиянием прессы в настоящее время ни одна область духовной и материальной жизни не свободна от страстного движения.

Пресса сделалась органом, или орудием общественного образования... Ее нельзя вытеснить из торжища жизни; как необходим воздух для человека, так и она стала насущной его потребностью... Великое значение и сила прессы в том именно и заключаются, что индивидуальная умственная работа через нее, как через закваску, проникает в развитие народа и может действовать на массы народные то возбуждающим, то успокаивающим, то сдерживающим, то побуждающим образом... Революция и реакция, повышение и понижение нравов, атеизм и благочестие, социальные волнения и успокоение получают значительную долю своего характера от прессы». Вместе с тем для Владыки ясно было, что, в то время как противогосударственная и противоцерковная печать возрастает в своем количестве и влиянии, христиански настроенные и консервативные круги вялы и косны, скупы и малопредприимчивы. «Они далеко отстают от враждебных христианству деятелей. Но доброе должно бы быть энергичнее защищаемо, чем дурное. В наши злополучные дни, когда колеблется почва под ногами, никакая жертва не должна бы быть слишком большой для того, чтобы положить прочный фундамент. Но, к величайшему прискорбию, у нас нет таких жертв, нет такой преданности и самоотвержения. Против несметных полчищ дурных газет и литературных произведений идет некоторое количество хороших как ничтожный, хотя и мужественный отряд, и притом некоторые из них без провианта и боевых снарядов, будучи отрезаны от своей армии и сбиты со своей позиции». Сам митрополит Владимир стоял в передних рядах этого мужественного отряда. И глубоко трогает образ старца-святителя, который среди всех тягот административного служения, спешил откликнуться на каждый зов жизни, осветить его в лучах немеркнущей Правды Христовой.

Страницы его произведений остаются и останутся жизненными, потому что они продиктованы самой жизнью и велениями Вечной Правды. Сам святитель убит, но останутся жить и живут его призывы, обращенные к обществу, пастырям, к пастве. Не для прошлых времен, но для настоящего, которое такой темной ночью облегает нас, написаны эти строки.

«Мы должны чувствовать, что все мы суть члены одного общества, у которых должны быть общими барыши и убытки, что все мы дети одного Отца, члены одной Церкви под управлением одной Главы. Мы должны приучить себя чувствовать, что всякая собственность, всякая способность, всякая сила, всякая ученость, всякий труд есть не что иное, как талант, как капитал, вверенный нам для блага всех... подавлять всякое самолюбие и своекорыстие, пробуждать и насаждать чистосердечную, бескорыстную и милосердную любовь и таким образом готовить сердца для любви Того, Который возлюбил нас исперва (1Ин.4:19), – вот та задача, которая стоит перед нами в настоящее смутное время и сознание важности которой должно сейчас овладеть всем существом нашим. Церковь словом и делом должна проповедовать любовь, врачевать душевную болезнь, ослаблять ненависть, облегчать нужды, скорбь и горе где может и как может. Она должна везде и всюду доказывать не словом только, но и делом, что ее призвание есть призвание служения, а не господства, что ее заботы и сострадания требуют всего более не богатые и сытые, а внутренне и внешне бедные и голодные... Не о том заботиться, чтобы сразу разрешить весь социальный вопрос, а о том, чтобы вырвать из сердца то ядовитое жало, которое служит причиной нашей больной раны, без чего эта рана никогда не достигнет исцеления. Таким образом, насадить и воспитать истинную и деятельную любовь, возбудить взаимное доверие и уважение между различными сословиями и состояниями – вот самая прямая и великая задача сейчас для нашей Церкви».

О Церкви и ее призвании в мире

Страдания Христа и страдания Церкви ⁵⁸

I. Страдания Христа и страдания Церкви

*Симон! ты спишь? не мог ты бодрствовать один час?
(Мк.14:37)*

Настоящую неделю, называемую Страстной Седмицею, Святая Церковь посвящает воспоминаниям о страданиях Христа. Девятнадцать веков уже прошло со времени голгофской драмы, но история страданий Господа всегда нова для сердца христианина и всегда служит источником духовного назидания. Хорошо знает это наша Церковь, а потому каждый год Великим постом представляет эту историю пред наши взоры. Таким образом, страдания Христовы, так сказать, увековечены и, пока существует Церковь, никогда не придут в забвение. Но они не могут быть забыты и в другом отношении и по другой причине. Страдания Христа продолжаются в страданиях Церкви Христовой. Эта Церковь есть тело Христа, а потому ее страдания суть страдания и Христа. Широко поле этих страданий – оно простирается на весь земной мир. Хотя действующие лица в истории страданий Христа и страданий Церкви и различны, но самые страдания остаются одни и те же. При страданиях Христа мучителями были иудеи, книжники, первосвященники, Иуда, Пилат, Ирод и воины римские – в истории же страданий Церкви выступают совсем другие лица. Мы не будем указывать на имена их и вводить их в круг наших размышлений, а бросим только общий взгляд на их деятельность, чтобы извлечь отсюда для себя урок и назидание. На нынешний раз мы остановимся на спящих учениках Иисуса.

Ночь. В безмолвной тишине этой ночи Иисус со Своими учениками идет из Иерусалима на гору Елеонскую. С этого священного места пожелал Он начать Свои страдания. Оставив учеников у подножия этой горы, Он идет далее, в глубь Гефсиманского сада, чтобы помолиться. Время грехов человеческих, горечь наступающих страданий, неблагодарность иудейского народа ложится всей своей невыносимой тяжестью на Его душу. Как бы желая найти для Себя некое подкрепление в участии учеников Своих, Он возвращается к ним, но находит

их спящими. Из слов Его, так недавно еще сказанных, они знали, что Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, что они осудят Его на смерть и предадут в руки язычников, что эти последние схватят Его, заключат в оковы, распнут Его (Мф.20:18). Они знали, что в эту именно ночь начнутся эти предсказанные Им страдания, причем один из них предаст Его, а другой отречется от Него. Все это хорошо знали они, и однако, когда наступил уже час этих страданий, когда, погруженный в смертельную тоску, Он просит их: *побудьте здесь и бодрствуйте со Мною* (Мф.26:38), – они спят. Когда приблизился уже предатель, когда в ночной темноте засветились уже факелы и воины со спирою⁵⁹ подошли, чтобы взять и связать Его, и тогда они продолжают спать, так что Он Сам должен был сказать им: *встаньте, пойдем: вот, приблизился предающий Меня* (Мф.26:46).

Само собою понятно, что Господь не мог отнестись безразлично к такому равнодушию учеников Своих. Нестерпимую болью отозвалось оно в Его сердце. Но любовь Его смягчила Его строгость и облекла это горькое чувство в форму простого упрека: *Симон! ты спишь? так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною?* (Мк.14:37; Мф.26:40). Сколько горечи заключается в этом вопросе! Симон, как бы так говорит здесь Господь, еще за несколько часов сказал ты: Господи, если бы и умереть пришлось мне с Тобою, не оставляю тебя (Мф.26:35), – и вот ты спишь! Вот уже предатель, вот и оковы, чтобы схватить и связать Меня, и в такую-то минуту ты можешь спать?! – Братия! Вы могли бы впасть в искушение, произнести слишком суровый приговор на спящих учеников, если бы не помнили слои апостола Павла: «В том, в чем осуждаешь ты своего брата, осуждаешь себя самого» (ср. Рим.14:10). Эти спящие ученики на Елеонской горе – они ведь образ многих и очень многих христиан и настоящего времени. Тогда ученики спали при страданиях Христа в Его собственном лице, а теперь многие из христиан спят при страданиях Его в лице Его Церкви.

Телесный, натуральный сон есть потребность человека и истинное благословение Божие. Когда сердце человека

удручено бывает скорбью и печалью, Всеблагий Господь успокаивает и врачует его, посылая ему крепкий сон. Но совсем другое следует сказать о сне духовном, нравственном, – он есть великое несчастье. Подвергаясь этому сну, христианин теряет всякое мужество и энергию и впадает в малодушие, которое задерживает в нем развитие христианского настроения и христианской жизни.

Ни для кого не тайна, что мы живем во время не одной только политической, но и религиозной борьбы. Неверие вооружается против Бога, против Христа и прежде всего против Церкви, которая защищает веру в Троицу, Бога, в воплотившегося Сына Божия, в будущую загробную жизнь и твердо стоит на том, что эта вера есть закон жизни и спасение для всех людей. Упоенные успехами этой борьбы своей против Церкви, они дерзают даже похвалиться, что конец Церкви близок и не далеко то время, когда они не оставят в ней и камня на камне. Ни один сын Церкви не должен оставаться безучастным в этой борьбе. Ни один христианин не должен уклоняться от нее и предоставлять ее одним только епископам и священникам, подобно тому как ни один рядовой солдат не оставляет битву с врагами на обязанности одних только военачальников и офицеров. Ни один православный не имеет права спать во время этой войны. Но печальная действительность показывает, что многие спят, потому что забывают ту веру, в которой родились и крестились, и перестают в ней упражняться.

К упражнениям веры относится прежде всего молитва. Каждый верующий член Церкви должен молиться, и молиться не для себя только, и не наедине, но участвовать и в семейной молитве. Ежедневный хлеб мы едим обыкновенно вместе с семьей, за общим столом. Почему же не хотим мы употреблять и духовный хлеб (совершать молитву) в собрании всех членов семейства? Домашняя молитва освящает дом и обитателей его. Она оживляет их веру, укрепляет их религиозные убеждения и теснейшим образом соединяет их с Богом. *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них*, говорит Господь (Мф.18:20). Дух веры и благочестия, воспитываемый молитвою

в семье, переносится, естественно, и в общество. Из семьи переходит в общество и доброе, и злое. Что развивается в семье (страх Божий или неверие, благочестие или нечестие), то устанавливается и в общественной жизни. Вот почему так важно и необходимо, чтобы в семье не засыпала религиозная жизнь, а поддерживалась и пробуждалась молитвенными упражнениями.

Не менее важно затем живое участие в общественных богослужениях. Они суть по преимуществу исповедание веры. Если кто идет в синагогу, это значит – он иудей. Если кто идет в мечеть, то это значит – он магометанин; если идет в кирку, то, стало быть, он протестант. Точно так же и православного узнают по тому, что он ходит к богослужениям в православный храм. А потому, если бы кто из не посещающих никогда общественных богослужений сказал нам: я православный, то не в праве ли мы ответить ему: не живой ты член Православной Церкви – ты спишь, как спали ученики Христовы при страданиях своего Учителя.

К упражнениям веры относится также исповедь и Святое Причастие. Не буду говорить уже о более частом исполнении этого христианского долга. Как православный христианин, я обязан по крайней мере один раз в год побывать у исповеди и Святого Причастия. Если же я и этого не делаю, то я исключаю себя из живого общения с Церковью. Я погрузился в глубокий сон пред глазами Самого Господа, и Он вправе сказать мне: *Симон, ты спишь?*

Но борьба, которую неверие ведет сейчас против Церкви, требует от нас не одного только участия в молитве, богослужениях и Таинствах: она требует, чтобы мы стояли на страже интересов веры там, где угрожает ей наибольшая опасность со стороны неверия. Здесь я укажу только на три области, в которых нужна особенная с нашей стороны бдительность, а именно: на школу, на общественную жизнь и на печать.

Бесконечно важна для Церкви область школы. Кому принадлежит школа, в чьих руках детское сердце, тому принадлежит и будущее. Школа имеет неизмеримое влияние на развитие религиозной жизни. Что сеется в школе, то вырастает

и остается и в жизни. Какое направление дается юной душе в школе, такое остается и на всю последующую жизнь. Великое поэтому счастье для дитяти, если оно имеет такого родителя, учителя и воспитателя, который боится Бога, верует и знает, что он обязан отдать отчет Богу за каждую вверенную ему душу, который помнит слово Господне: *пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие (Мк.10:14)*. Но глубоко несчастно то дитя, которое попадает в руки неверующих учителей, которые, потеряв веру сами, расшатывают ее и в сердцах вверенных их руководству детей, которые устно или посредством книг ниспровергают учения, учреждения и обряды Церкви, которые должны быть святы для каждого православного дитяти. А в других случаях стараются такие учителя довести до сего юношество путем насмешек и чтения противорелигиозных книг. Если же возможны, если существуют такие руководители (а они есть: иначе наши учебные заведения не наполнялись бы такими юношами, которые осмеливаются явно бунтовать против властей и общественного порядка), то не должны ли православные отцы стоять на страже и охранять целостность религиозных убеждений детей своих? Могут ли они, а также и начальники и воспитатели юношества при таких условиях предаваться усыплению? Нет, тысячу раз нет. В таком случае их священная обязанность – бодрствовать и всеми законными средствами: убеждениями, просьбами и жалобами пред кем следует – заботиться и строго охранять права православия.

Вторая область, где нужна особенная осторожность с нашей стороны, есть общественная жизнь. Она также имеет неоспоримую важность для нашего религиозного настроения. Православный христианин, как и каждый другой, имеет нужду в общении и знакомстве с другими. Он так же, как и другие, нуждается в общественных собраниях, в развлечениях. Здесь все зависит от того, какой там господствует дух и направление. Что говорят и делают в этих собраниях, то применимо, без сомнения, и к каждому из их участников. Что слышим мы в этих компаниях, то принимаем часто за общественное мнение, коим дорожим мы. Если в жизни общества господствует дух,

противный вере, то можно ли думать, что он останется без воздействия на православного человека, вращающегося в этом обществе? Нет. И одна капля воды, если она постоянно падает на одно и то же место, и та долбит твердый камень. Точно так же и продолжительное обращение с врагами веры в общественной жизни не может не ослаблять православно-религиозного убеждения, как бы оно твердо ни было. Вот почему особенно важно, чтобы православные члены Церкви имели более тесное общение между собою и менее обращались в кругу своих противников.

Третья область, в которой мы должны тщательно охранять интересы веры и Церкви, есть печать. Кто не знает, какое значение имеет в деле умственного и нравственного нашего развития чтение книг, и какую растлевающую силу имеют некоторые из наших газет, журналов и других периодических изданий! Не много можно найти домов, в которых не получались и не читались бы подобные издания. Не было бы особенной беды в том, если бы эти издания приносили одни только новости и забавные рассказы, но они содержат в себе более, чем одни невинные новости. Многие из них прямо ведут борьбу против веры и Церкви и становятся на сторону ее противников, унижая и подвергая осмеянию и издевательствам все, что для нас священо. Кто читает такого рода издания, тот неизбежно получает вред для своей веры. Еще более: он совершает тяжкий грех против своей Церкви. Ведь это похоже на то, как если бы какой-нибудь сын взял к себе в услужение такого человека, который поставил бы себе задачей смеяться и издеваться над его родителями. Не подвергли бы мы такого сына строгому осуждению, сказав, что он тяжело согрешает против своих родителей? Что же делает православный христианин, когда он покупает и читает книгу противонравственного и противорелигиозного содержания? – Он платит деньги за то, что она подвергает осмеянию и порицанию его духовную мать – Православную Церковь. А между тем посмотрите на наших противников. Найдете ли вы в домах их какую-нибудь духовную книгу, церковную газету, духовный журнал? Я уверен, что никто из них не взял бы в руки такую

книгу, если бы ему прислали ее даром. Но у нас не так. Мы не только не чуждаемся враждебных нашей вере произведений, но еще платим деньги нашему врагу за то, что он подносит нам яд и отравляет нашу душу... Не грех ли это?

В настоящей, более чем когда-либо ожесточенной борьбе неверия с Церковью, когда требуется наибольшее бодрствование духа со стороны верующих, многие из них погружены, к сожалению, в какое-то равнодушие и нравственную спячку. Я говорю не о том нравственном греховном усыплении, которое грозит нравственной смертью (да сохранил нас от этого Бог!), – я хочу сказать только, что многие из нас, обладая в достаточной степени нравственной силой, не проявляют ее в церковной жизни, в защите Церкви от нападков врагов. В них недостает для этого мужества, веры в себя, надежды на успех. «Что можно сделать, – говорят они, – мне одному в такое тяжелое время, какое переживаем мы?» И оттого, что так думают, они действительно ничего не делают и не могут сделать. Это и есть тот нравственный сон, о котором я говорю. Но он не имеет ни малейшего оправдания. Наша надежда на благостояние и непоколебимость Церкви основывается не на человеческих словах, а на неложных словах Самого Сына Божия, Который сказал: *се, Я с вами во все дни до скончания века* (Мф.28:20), Который обещал Церкви, что *и врата ада не одолеют ее* (Мф.16:18)! *Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут* (Мф.24:35; Мк.13:31; Лк.21:33). Зачем же унывать и опускать руки? Будем, братия, помнить, что православные всего могут достигнуть, если будут единодушно и единомышленно, с упованием и мужеством стоять за свое дело, если каждый крепко будет держаться своей православной веры, оправдывать ее в своей православной жизни и смело исповедовать ее пред лицом всего мира.

Итак, чтобы не заслужить справедливого упрека со стороны Спасителя: *Симон! ты спишь? не мог ты бодрствовать один час?* (Мк.14:37), – дадим, братия мои, твердое обещание навсегда оставаться верными своей Церкви, мужественно выступать на защиту ее интересов, особенно в настоящее, трудное для нее время, и не устами только, но и душой

воспевать эту краткую, но прекрасную церковную песнь:
*Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь,
уже стяжал еси честною Твоею кровию. Аминь.*

II. Иисус пред судом

Каждый день бывал Я с вами в храме, и вы не поднимали на Меня рук, но теперь ваше время и власть тьмы

(Лк.22:53)

Судьба Иисуса в истории страданий принимает все более и более печальный характер. Если ранее Господь с некоторою, хотя уже слабою надеждою мог молиться: *Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня!* (Лк.22:42), то теперь, с появлением воинов, посланных от синедриона, Он уже знает, что неизбежно должен испить эту чашу страданий. Начинается первое действие этой драмы. Иисуса заключают в оковы и представляют к первосвященникам на суд. Иисус пред судом – это и будет предметом нынешней беседы.

I. *Каждый день бывал Я с вами в храме, и вы не поднимали на Меня рук, но теперь ваше время и власть тьмы* (Лк.22:53). Так говорит Иисус толпе народа, подступившей к Нему затем, чтобы связать Его и представить на суд синедриона, во главе которого стоял первосвященник. Иисус выражает удивление, почему они не брали Его ранее. Он хорошо знал их давно уже начертанный ими план расправы с Ним. Он знал, что за ним давно уже следят и строят Ему козни. По крайней мере, на лукавый вопрос – *позволительно ли давать подать кесарю?* – Он прямо сказал: *что искушаете Меня, лицемеры?* (Мф.22:17–18). Он знал, что смерть предопределена Ему тотчас после того, как воскрешен был Им Лазарь, и вопрос об этом обсужден был уже первосвященником на высшем совете. «Что будем делать? – говорил он здесь. – Этот человек много творит знамений и чудес, Он привлечет к Себе весь народ, тогда нагрянут римляне и опустошат нашу землю. Поэтому лучше, если умрет один человек, чем погибнет весь народ» (Ин.11:47–50). Иисус удивляется лишь тому, почему они только теперь собрались взять Его? Они слышали Его учение, видели Его чудеса, им хорошо была известна Его деятельность среди народа. Если Он был так опасен, если чрез Него угрожала гибель всему Иудейскому царству, то почему они не

арестовали Его тотчас же, как только все это узнали? Почему они ограничивались только рассуждениями и совещаниями там, где нужно было действовать? Евангелист Лука дает нам ясный ответ на этот вопрос, когда приводит слова Господа: *но теперь ваше время и власть тьмы*. Вот в чем заключалась причина, почему враги Его только теперь употребили против Него силу и заключили в оковы. Теперь только власть тьмы достигла высшей своей степени и наступил тот момент, когда по попущению Божию враги Христа должны были осуществить свое намерение. И вот начинается акт страданий Христа. Его лишают свободы, подвергают осмеянию, оплеванию, заушению, бичеванию и, наконец, в смешной хламиде и терновом венце ведут на Голгофу и на крест.

Что видим мы в истории страданий Христа, то же наблюдаем и в судьбах Церкви. Как только власть тьмы достигает, по Божию попущению, крайних своих пределов, так сейчас же начинаются и страдания Церкви. Во все времена существовала на земле ненависть ко всему божественному, а со времен Христа она проявилась, кажется, еще с большей силой. В Его время эта ненависть жила в фарисейском иудействе, а от него перешла и к язычеству. В настоящее же время эта ненависть сильнее всего действует в наших революционных, тайных и явных, обществах и кружках, которые заключили союз с целью ниспровергнуть существующий, христианством созданный, церковный и государственный строй и порядок. Чего хотели в прошедшем столетии западные богоборные доктрины, стремившиеся сделать расчет с христианством и Церковью, это является конечной целью нынешних врагов Церкви и государства и у нас в России.

Но доселе эти учения распространялись у нас только тайно и посредством книг, которые простому народу мало были доступны, так как пропагандисты их не смели выступать со своей проповедью открыто. Но теперь совсем не то. Общества и кружки, прежде тайные, делаются явными, приобретают известность и быстрое распространение. Мы говорим не о раскольниках только и сектантах, кои совсем уже отделились от Церкви, а и о тех номинальных христианах, которые, именуясь

членами Церкви, на деле являются опаснейшими ее врагами. Они известны под различными именами – недоверов, неверов, либералов, социалистов, прогрессистов, позитивистов, декадентов, материалистов, пессимистов и проч. Их убеждения чрезвычайно разнообразны, но все они сходятся в одном – во вражде к христианству вообще и к Православной Церкви в особенности. Между ними у нас в России первое место, конечно, занимает граф Л.Н. Толстой со своими столь многочисленными заблуждениями, что в сумме их находят свои воззрения и убеждения все враги христианства и проповедники противонравственных идей.

Впрочем, ложные учения распространяют у нас не одни только толстовцы, но и множество других деятелей. Кто же эти деятели и где они? Но спросите лучше: где ныне их нет? Они держатся на всех ступенях государственной и общественной лестницы, сверху донизу. Они есть в высших и влиятельных сферах: это видно из того молчаливого поощрения, каким ныне пользуются враги Церкви и истинного блага нашего Отечества. Это видно и из тайного, а сейчас уже явного, покровительства лжеучителям и всякого рода сектантам. Они есть, несомненно, в наших учебных заведениях – иначе в них не было бы таких юношей, которые учебным занятиям предпочитают забастовки и уличные демонстрации с безумными криками: «Долой самодержавие!» Они есть, как видим, в наших судах, где оправдываются явные злодеи, даже сами сознающиеся в своих преступлениях. Они есть и в земских и в думских собраниях, где дозволяются парламентские приемы и составляют либеральные проекты, направляемые к ограничению царской власти, и где так трудно проходят церковные дела и просьбы о нравственных нуждах народа и, наоборот, так легко дается разрешение на устройство театров и других общественных увеселений. Они много имеют единомышленников и защитников и в прессе. От передовых столичных органов печати и до самых мелких захолустных листков – всюду проникают их противохристианские и противоцерковные учения. Теперь мы ясно видим, что наступает для Церкви час ее страданий.

II. Когда Господь приведен был на суд первосвященников, то задачей последних было найти какое-нибудь обвинение против Него, чтобы приговорить Его к смерти. Открывается совещание, идут переговоры о Его учении и Его деятельности, но ни в том, ни в другой не находят ничего преступного. Его чистое и высокое учение было у всех на глазах. Народ уже произнес свой суд о Нем, сказал свое одобрительное слово: *Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники* (Мф.7:29; Мк.1:22). Его действия и поступки все были в высшей степени благодетельны. И если бы суд захотел измерить все это мерою правды и истины, то он должен был бы отпустить Иисуса. Но ненависть судей к Нему была больше, чем любовь к правде и истине. Вот почему они прибегают ко лжи и клевете и пускают в ход гнусное лжесвидетельство.

Одна и та же опять картина и в страданиях Христа, и в страданиях Его Церкви. Клевета и ложь помогают осудить на смерть Господа – подобная же ложь и клевета роют могилу и Церкви. Если бы Церковь наша действительно была такова, как представляют ее враги ее, если бы она преследовала такие низкие и недостойные цели и намерения, какие они ей приписывают, то я первый не пожелал бы быть ее сыном. Но в чем же, собственно, обвиняют Церковь? Говорят, что она требует одной только слепой веры и даже суеверий, что она задерживает развитие прогресса, враждебно относится к развитию мысли и к науке, идет против культуры и просвещения – словом, поддерживает невежество в народе, «морочит его». Что сказать на это? Правда, Церковь требует веры в свое учение, но ведь это делает и должна делать и каждая религиозная община. Без этого она не могла бы и существовать. Кто хочет быть иудеем, должен веровать в Моисея, кто желает быть магометанином, должен веровать в Магомета, а кто хочет стать православным христианином, должен веровать в учение своей Церкви. А не хочет он этого или не верит ей, может выйти из недр ее, и никто не будет стеснять его свободы.

Но рассмотрим, насколько справедливы те упреки и обвинения, которым подвергают Церковь. Говорят, что она идет против прогресса, против науки, против просвещения. – Это

неправда. Церковь хорошо знает и глубоко убеждена, что для человечества необходимы наука и просвещение, так как и само христианство есть высшее просвещение. Но она восстает и не может не восставать против того, когда оно, это просвещение, из христианского превращается в языческое и отодвигается в решении самых главных вопросов человеческой жизни назад, к темным временам языческой древности. Пусть каждый обратится к истории и посмотрит, что сделано под влиянием Церкви и церковными средствами в области наук, архитектуры, живописи, ваяния, музыки, в области искусств и художеств, и скажет по совести, задерживает ли Церковь развитие и просвещение народа. Пусть он обратит свое внимание хоть на одни только церковные сооружения и скажет, возможно ли говорить о подавлении человеческого духа там, где сооружаются такие грандиозные здания.

Но обратимся к настоящему времени. Скажите, братия (обращаюсь ко всем вам), по совести: полагал ли вам кто-нибудь из пастырей и служителей Церкви препятствие к развитию ваших духовных сил и способностей? Учил ли вас кто-нибудь из них невежеству, то есть тому, чтобы вы уклонялись от приобретения знаний, от ученья? – Конечно нет. Напротив, Церковь желала бы взять в свои руки обучение и воспитание юношества, чтобы поставить его правильнее на нравственно-религиозных началах, но, к сожалению, от этого ее удаляют. Ибо слишком много людей, неблагоприятно расположенных к Церкви, коим не хочется, чтобы в руках ее находились какие бы то ни было учебные заведения, даже и начальные. Кому не известно, сколько препятствий встречает у нас сейчас дело развития церковноприходских школ, коим положительно приходится завоевывать право на свое существование! А при таких условиях справедливо ли упрекать Церковь в том, что она задерживает умственное развитие народа?

Упрекают Церковь еще и в том, что она будто бы стремится к господству и идет против освободительного движения. Правда, Церковь хочет с Евангелием в руках завоевать весь мир и всех приобрести для Царства Христова. Но ведь для этого она и установлена Христом. *Идите*, сказал Он ученикам

Своим, по всему миру и проповедайте Евангелие всей твари (Мк.16:15); идите, научите все народы... уча их соблюдать все, что Я повелел вам (Мф.28:19–20). Это правда, что Церковь хочет всех подчинить закону евангельскому – и царей и воинов, и богатых и убогих, и великих и малых, и ученых и простецов, но это делает она ведь для Бога и по воле Бога, а не из-за властолюбивых и честолюбивых побуждений. Если же на этом основании обвиняют ее в стремлении к клерикализму, то делают то же, что делали лжесвидетели со Христом пред иудейским синедрионом.

То же самое и со свободой. Где нужно бывает охранить и защитить истинную свободу, там Церковь всегда считает своим долгом возвышать свой голос. Но если разуместь под свободой свою собственную свободу страстей, нравственную разнузданность, освобождение от всех божеских и человеческих правил и законов, чего сейчас так усиленно домогаются наши «освободители», то, конечно, Церковь всегда будет стоять против такого извращения свободы. Что же касается истинной свободы, то всякий знающий историю ясно может представить себе, как много сделала для нее Церковь в продолжение своего существования. Истинной свободы Церковь желает всем и каждому – но в пределах божественного закона.

Еще по адресу Церкви говорят, что она небезопасна для государства. Какого же? Есть ли такое царство, которое разрушено какою-нибудь Церковью, я не знаю, но хорошо знаю, что наша Православная Церковь никогда не шла против государства и установленной от Бога власти. Она всегда верна была словам Спасителя: *отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мф.22:21). Но, с другой стороны, она никогда не сделает и не может сделать того, чтобы уступить требованию земной власти, противному заповеди Бога. Вот на это-то недоброжелатели Церкви и указывают, как на нечто опасное для государства. Как некогда лжесвидетели говорили против Иисуса, что Он возмущает народ и запрещает ему платить дань кесарю, чтобы возбудить недоволение Пилата, так и ныне говорят о Церкви: она опасна для государства, чтобы посеять вражду и

недоверие между Богом и установленною властью и Богом же основанною Церковью.

III. Есть еще одно обстоятельство в истории суда над Иисусом, заслуживающее нашего внимания. После того, как многочисленные показания ложных свидетелей оказались недостаточными для произнесения смертного приговора, первосвященник изыскивает другой путь. С искусственным пафосом он обращается к Иисусу с такими словами: *заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?* (Мф.26:63). Иисус торжественно отвечал: *ты сказал* (Мф.26:64). Тогда Каиафа с притворным ужасом сбрасывает с себя одежду и восклицает: *Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! как вам кажется?* Они же сказали в ответ: *повинен смерти* (Мф.26:65–66). Итак, вот где, собственно, заключается основание осуждения Христа на смерть. Этим основанием послужило не то, что показывали лжесвидетели, и не то, что делал и учил Иисус, но Его торжественное исповедание – что Он Сын Божий, от Бога посланный, во имя и по поручению Бога действующий на земле. Если бы Он приписал Себе только человеческое посланничество и авторитет, то они, наверное, отпустили бы Его.

То же самое повторяется и в истории Церкви. Главная и существенная причина, почему ее преследуют и обрекают на страдания, заключается не в деятельности ее и не в тех обвинениях, которые возводят на нее враги ее, но в том, что она говорит: я – учреждение, Самим Богом установленное, Самим Богом облеченное властью и авторитетом. Власть тьмы ничего не хочет знать о власти Божественной. Если бы Церковь наша отказалась от своего божественного происхождения и характера, то она бы перестала быть предметом ненависти и гонения. Если бы она сказала: ну, господа, если хотите, я согласна признать себя учреждением человеческим, которое, однако, нужно вам для охранения нравственного порядка, коего вы не можете достигнуть никакими полицейскими мерами и исправительными домами, – тогда все было бы хорошо, и Церковь не только не стали бы гнать и притеснять, но почитать

и награждать. Но этого-то она и не делает и никогда не сделает. Она прямо говорит всем, и высоким и низким: *кто церкви не послушает, то да будет... как язычник и мытарь* (Мф.18:17). Она чувствует себя как наместница Христа на земле, Который сказал Своим апостолам: *Слушающий вас Меня слушает* (Лк.10:16). Она имеет свободу всем говорить правду Божию. Вот почему ее так не любят и подвергают осуждению. Вот почему и на ее долю выпадает тот же жребий, какой выпал на долю Господа, о Котором говорится в истории страданий: *плевали Ему в лице и заушали Его... ударили Его по ланитам* и прочее (Мф.26:67).

Таков конец этого вечно печального суда над Иисусом у иерусалимского первосвященника. Как видите, Бог попустил, чтобы сила тьмы превзошла Его силу, допустил подвергнуть Себя клевете, лжесвидетельству, невинному, незаслуженному осуждению, но все это только на короткое время. За Его глубочайшим уничижением последовало торжество Его победы, Его возвышений и славы. Если история страданий Иисуса есть первообраз страданий Его Церкви, то она после гнета и гонений будет праздновать и победу. Вот почему нам не следует унывать и отчаиваться, но страдать и действовать с надеждой на Бога, твердо веруя, что эта надежда не напрасна и что Бог никогда не посрамит того, кто на Него возлагает всё свое упование. Аминь.

III. Суд Божий над врагами Иисуса и над врагами Церкви

Между тем, как сидел он (Пилат) на судейском месте, жена его послала ему сказать: не делай ничего Праведнику Тому (Мф.27:19)

Прошла первая ночь страданий Спасителя. Наступил день. Первосвященники суетятся и спешат представить Иисуса как политического преступника, якобы возбуждающего народ против римского императора, на суд Пилата. Последний выслушивает обвиненного и не находит в Нем никакой вины. Политическое обвинение он находит ложным, а религиозным вопросам иудеев, ради которых они обвинили Его, не хотел придавать никакого значения. Однако он боялся сделать неприятное и иудеям. Узнав, что Иисус происходит из Галилеи, из области царя Ирода, который на этот раз пребывал в Иерусалиме, Пилат отсылает Спасителя на суд Ирода. Ирод также не признает Иисуса виновным, однако подвергает Его насмешкам и в смешном одеянии возвращает к Пилату. Последний думает о спасении невинно обвиняемого. Он повелевает бичевать Иисуса. Избитого и окровавленного он ставит Его рядом с разбойником Вараввою и предлагает народу такой вопрос: *кого хотите, чтобы я отпустил вам: Варавву, или Иисуса, называемого Христом? (Мф.27:17)*. Поступая так, он надеялся возбудить в народе милость и сострадание. Но напрасно. Иудеи пожелали, чтобы отпущен был разбойник, а Иисус распят на кресте. Ответственность за кровь Праведника они принимали на себя и на своих потомков. В то самое время, когда все это происходило, Иуда окончил свою жизнь самоубийством. Все эти события наводили такой страх и производили такое гнетущее впечатление, что нетрудно понять то чувство верующего сердца жены Пилата Друзиллы, под влиянием которого она решилась вмешаться в дело этого суда: *не делай ничего Праведнику Тому (Мф.27:19)*, писала она своему мужу. О, если бы и все жалкие участники этого суда, подобно Друзилле, предвидели тот страшный суд, который в непродолжительном времени должен

был разразиться над ними и от которого она хочет предостеречь своего мужа! Исполнение этого суда над врагами Иисуса в страданиях Его и Его Церкви и будет предметом настоящей нашей беседы.

Прежде всех этот страшный суд постиг предателя Иуду. Когда Иуда, читаем мы в Евангелии, увидел, что Иисус приговорен к смертной казни, тогда заговорило в нем чувство раскаяния. Взяв полученные им тридцать сребреников, он пришел к первосвященникам и сказал: *согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. И, бросив сребреники в храме, он вышел, пошел и удавился (Мф.27:4–5).*

Таким образом, ему не пришлось воспользоваться этим презренным металлом; эта цена крови не пошла ему впрок. Проклятие Божие лежало на этих грешных деньгах, они сделались огнем в руках его. Острое, нестерпимо жгучее чувство раскаяния и горечи охватывает душу предателя. Но он ниоткуда не получает нравственной поддержки и ободрения, не получает даже и от тех, по желанию которых он совершил эту измену. Лишь только услышал он насмешливый, безучастный ответ: «какое нам до этого дело, смотри сам», – как смертоносное жало отчаяние вонзилось в его душу. Он пошел и удавился. Таким образом, на нем первом совершился суд Божий. Он первым выступил действующим лицом в этой страшной кровавой драме, первым же сходит и со сцены. К нему более чем к кому-либо приложимы слова Господа: *горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться (Мф.26:24).*

Второе лицо, над которым совершился суд Божий, это тщеславный и легкомысленный царь Ирод. Пилат сам по себе не желал казни Иисуса, так как не находил в Нем никакой вины, но видел возраставшее против него недовольство и волнение в народе, которое могло подвергнуть его опасности, если бы он решился отпустить Иисуса. Вот почему он рад был услышать, что Иисус – из области Ирода, к коему он и отослал Его в надежде, что Ирод произнесет над Ним роковой приговор и таким образом свалит с его плечей тяжелое бремя

произнесения несправедливого суда. Рад был видеть Иисуса и Ирод. Он много слышал о делах Его и ожидал теперь от Него какого-нибудь чуда, но ошибся в расчетах. Он обращался к Иисусу со многими вопросами, но Тот не отвечал ни слова. Тогда Ирод одел Его в белую смешную хламиду и с солдатами выпроводил Его обратно к Пилату (Лк.23:7–11).

Хотя поведение Ирода в отношении к Иисусу в сравнении с другими было менее преступно, однако и он не избежал кары Божией. У евангелистов Матфея и Марка находим мы сказание о таком обстоятельстве. То, чего не сделал Ирод над Христом, это сделал он над Его Предтечею – святым Иоанном Крестителем. В угоду жены брата своего Филиппа, которую держал при себе как жену, он повелел обезглавить Крестителя Господня (Мф.14:1–12; Мк.6:16–29). Теперь мера долготерпения Божия переполнилась: римский император Калигула вскоре лишил его власти, изгнал из страны и сослал в заточение в одну из отдаленных римских провинций, где Ирод и погиб в неизвестности.

Третье лицо, подвергшееся наказанию Божию за христубийство, это Понтийский Пилат. Бесхарактерный судья и честолюбивый правитель, он, как трость во время ветра, колеблется между правдой и неправдой. Он допрашивает и выслушивает обвиняемого и выносит убеждение о Его невиновности: *я никакой вины не нахожу в Нем* (Ин.18:38; 19:4). Он удивляется терпению и кротости Иисуса при возводимых на Него ложных обвинениях. Он знает, что они предали Его только из ненависти. Он приходит в страх и смущение, когда получил предостережение от жены своей Друзиллы, – тем не менее он не нашел в себе столько мужества и твердости, чтобы вступить с энергией за невинного Страдальца. Когда возбужденная и разбушевавшаяся толпа иудеев отвергла предложение отпустить Иисуса и, пригрозив жалобой на него кесарю, настойчиво потребовала, чтобы он отдал Христа на распятие, тогда сказал Пилат: «так возьмите и по вашему закону распните Его сами, но я не повинен в крови Праведника сего» (Мф.27:24; Ин.19:6). – Неповинен? Но можно ли признать неповинным в смерти этой того, кто имел полную возможность и

право спасти от нее Праведника и не спас потому только, что боялся потерять чрез это свою должность, свою власть, свое высокое положение? Нет, злосчастный, и ты не невиновен, и на тебя падет проклятие Божие, и тебя постигнет гнев Божий! И он действительно и постиг его. Несколько лет спустя после суда над Иисусом, иудеи обвинили Пилата пред римским императором, и он, лишенный должности, коею так дорожил, умер в ссылке. Таким образом, никто из участников в суде над Христом не избежал кары и суда Божия.

Но как совершился суд Божий над врагами и распинателями Христа, так же точно совершается он и над врагами и гонителями Его Церкви. Это совершенно последовательно и с Божественною правдой согласно.

Кто гонит и ненавидит Церковь, тот гонит и ненавидит Самого Христа. Это неоспоримая истина, ибо Господь Сам говорит Своим ученикам и апостолам: *Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается* (Лк.10:16). Когда Савл, дыша злобой и ненавистью против христиан, шел в Дамаск с письменным полномочием от иерусалимского синедриона преследовать тамошних христиан, тогда Сам Христос явился ему в чудесном видении и сделал строгий упрек. Обратите внимание на форму этого упрека. Господь не говорит ему: «Савл, Савл, зачем ты гонишь верующих в Меня, последователей Моих?», но ставит вопрос так: *Савл, Савл! что ты гонишь Меня?* (Деян.9:4). И когда Савл в страхе и смущении спросил: *кто Ты, Господи?* – то последовал ему ответ: *Я Иисус, Которого ты гонишь* (Деян.9:5). Здесь ясно Самим Христом засвидетельствовано, что гонение Церкви есть гонение Самого Христа.

Кто преследует Церковь, тот преследует дело Христа. Церковь есть дело Самого Христа. Полагая ей основание, Он Сам избрал апостолов, Сам благословил и посвятил их, и затем Сам же собрал и первое общество верующих. Он хочет, чтобы это общество верующих, или Церковь, существовала до конца мира. Теперь, кто нападает на это дело Христа и хочет разрушить его, не причиняет ли глубокую скорбь и Самому Христу? Может ли Основатель Церкви отнестись к этому с

безразличным спокойствием и допустить безнаказанно разорять построенное Им здание? Нет. Из житейского опыта мы знаем, с какой любовью относится каждый мастер или художник к своему произведению, в которое он вложил так много труда и забот своих. Он смотрит на него как на дорогое сокровище, как на свое милое и родное детище. Попробуй кто-нибудь сделать нападение на это его детище, он, конечно, не иначе взглянет на это нападение, как на нападение на его собственную персону и ни в коем случае не останется равнодушным к нападающему. И эта ревность бывает тем сильнее, чем большего труда и средств стоило произведение. А чего, спрошу я, стоила нашему Спасителю Церковь, это высокое Его произведение? Ответ на этот вопрос дает нам апостол Петр, когда говорит: *не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной, жизни... но драгоценною Кровию Христа* (1Петр.1:18–19). Какой, следовательно, страшной ответственности подвергает себя тот, кто дерзает разорять то, что Христос стяжал Своею кровию!

Однажды высший совет иерусалимский приказал позвать к себе апостолов и после наказания строжайше запретил им что-либо говорить об Иисусе. Тогда выступил законоучитель Гамалиил и сказал: «Будьте вы, мужи, осторожны и берегитесь, чтобы вам не стать против воли и дела Божия. Если это дело от человек, то оно прекратится само собою, но если от Бога, то вы не можете остановить и уничтожить его» (Деян.5:35–39). Итак, если уже в то время, когда Церковь только что начинала развиваться и не могла еще заявить себя никакой благотворною деятельностью, Гамалиил счел благоразумным предостеречь высший совет иерусалимский от посягательств на нее, то что нужно сказать врагам Церкви нашего времени, которые хотят срубить и уничтожить такое благосеннолиственное дерево, под ветвями которого так много живет птиц небесных (Мф.13:32), то есть наций, племен и народов?!

Кто гонит и притесняет Церковь, тот идет против спасения душ. Как дороги наши бессмертные души, этому может научить нас дьявол. В истории искушения Иисуса говорится: «Сатана сказал Ему, показывая Ему все царства мира и его великолепие, – все это я отдам Тебе, если Ты, падши,

поклонишься мне» (Мф.4:8–9). Следовательно, чтобы помешать искуплению, спасению душ, сатана готов был отдать весь мир с его богатством и красотой. А как дороги отдельные души, это мы видим из слова Божия: *кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море* (Мк.9:42).

И, однако, были в истории Христианской Церкви периоды, когда не только отдельные лица, но и вся Церковь подвергалась жестокому гонению. Перенеситесь мыслью к первым векам христианства. Какая страшная картина разрушения, опустошения и кровопролития! Но кровавое мученичество, бывшее уделом многих христиан, не есть еще самое ужасное явление в истории гонений. Оно служит для мучеников средством к достижению спасения, радости, блаженства, а для всей Церкви – средством к назиданию и укреплению в вере. Но самые ужасные и тяжелые в этих гонениях были те моменты, когда делалось почти невозможным принесение Святой Жертвы, стесняема была проповедь слова Божия, когда соединилось с опасностью для жизни совершение святых Таинств, когда разоряемы были церкви, запираемы христианские школы, запрещаемы праздники и преследовалось всё, что напоминало о христианстве, когда дело доходило, например, до того, что один мальчик предан был смертной казни за то, что перекрестился при блеске молнии и ударе грома. Кто может представить тот неизмеримый вред для спасения душ, который происходит от такого противоцерковного движения. Какое нравственное растление и одичание, какое нечестие и умножение всякого рода грехов и пороков должно было вызвать это безбожие и безверие! О, сжалились бы, по крайней мере, над бедными детьми, которые росли без благодатного учения Христова, вне веры и нравственности! Сжалились бы над христианским народом, лишенным проповеди о Том, Кто некогда сказал: *не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Мф.4:4). Пожалели бы тех утруждающихся и обремененных, которым прегражден был путь к Спасителю, призывавшему их к Себе, чтобы успокоить их в их тяжелой доле! Пожалели бы,

наконец, и умирающих, которых гонители лишали возможности подкреплять себя благодатными средствами Церкви и умереть со спокойной совестью!

Странна ответственность людей, которые лишают этих средств христианские души. Их неминуемо должен постигнуть гнев Божий. И он постиг уже многих из них. Если хотите знать хотя бы один из выдающихся примеров этого гнева, разразившегося над гонителями Церкви, я расскажу вам вкратце историю жестокого гонителя Церкви, римского императора Нерона. Мрачен и ужасен нравственный облик этого неистового деспота, обогрившего свои руки кровью многих христиан, в числе коих были и первоверховные апостолы Петр и Павел. Когда он сжег Рим и народ вознегодовал на него за такое злодеяние, он свалил вину на христиан. Чтобы погасить ненависть народа, жадного до зрелищ и увеселений, он в угоду ему допускал такие зрелища, на которых христиане, в шкурах животных, сотнями выводимы были на арену и разрываемы дикими зверями и собаками! В 64-м году по Рождестве Христовом вечером 27 июля Нерон устроил в своих садах праздник для римской публики. Чтобы как можно ярче осветить эти сады, Нерон вместо факелов сжег многих христианских мужчин, женщин, юношей и девиц. Он приказал обложить эти несчастные жертвы соломой, облил эту солому смолой и, привязав их к столбам, зажечь для освещения садов. При таком освещении Нерон, с чувством особенного самодовольства, разъезжал по садам в своей пышной царской колеснице. Этот постыдный и бесчеловечный праздник продолжался три дня и настолько поправился зрителям, что вызвал подражание и в других местах Римской империи. Но мера этой жестокости скоро оказалась переполненной. Когда пали жертвами ее апостолы Петр и Павел (это было 29 июня 67 года), почти одновременно с этим наступил для Нерона и суд Божий. В начале 68 года до Нерона донесся слух о том, что в Галлии солдаты подняли восстание и провозгласили нового царя и в несметном количестве надвигаются на него с тыла. Нерон пришел в ужас и отчаяние. «Конец мне, – воскликнул он, – конец и моему царству». Хотя восстание солдат и было подавлено, и

опасность миновала, однако Нерон не мог уже теперь ни днем, ни ночью, ни за столом, ни на постели иметь покоя. В смятении духа, среди ночи, никем не преследуемый, без всякой причины убегал он из Рима в сопровождении одного невольника; прибегает в одну деревню и, исполненный скорби и тоски, скрывается в одной песчаной пещере. В отчаянии хочет он убить себя, но не находит для этого мужества и только с помощью невольника перерезывает себе горло. Так печально закончил свою жизнь этот беспримерный тиран, неистовый гонитель христиан. В бедной, тесной и мрачной конуре умирает тот, пред величием которого трепетал весь мир. Таков суд Божий над этим гонителем Церкви. Таков он был и над многими другими из них; но я не буду говорить о них, чтобы не утомить вашего внимания.

Как видите, братия, Бог не оставляет Свою Церковь без Своей защиты и помощи. Он и впредь не оставит ее, как Свое дорогое сокровище, как Свое дорогое детище. Слово Господне, что врата адовы не одолеют ее (Мф.16:18), навеки останется истинным. Не верьте же, братия, и не становитесь на сторону врагов ее, которые говорят, что дни Церкви сочтены и конец ее близок. Аминь.

IV. Положение христианской женщины в борьбе против врагов Церкви

И шло за Ним множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем (Лк.23:27)

После того как не удалась и ни к чему не привела последняя попытка спасти Иисуса, Пилат предал Невинного в руки врагов. Прежде всего Он подвергается поруганию со стороны воинов. В царской одежде, с терновым венцом на голове, с тростью (вместо скипетра) в руке стоит Он теперь пред ротою солдат, переноса от них различные насмешки, оплевания и заушения. Трудно было придумать способ более глубокого унижения и поругания. Но вот, натешившись досыта в своей злобе, мучители возлагают теперь тяжелый крест на Его плечи и ведут на Голгофу – место казни; но, несмотря на плачевный вид Страдальца, никто не обнаруживает Ему сочувствия. Даже и тогда, когда Он под тяжестью креста споткнулся и видно было, что одному Ему не донести его до места казни, никто добровольно не вызвался помочь Ему, и только по принуждению воинов некий Симон Киринеянин разделил с Ним эту ношу. Единственное участие обнаружено было женщинами, которые сопровождали Его до самой Голгофы и горько плакали. Обстоятельство, достойное внимания! Ученики Его давно уже, еще при самом заключении Его в оковы, разбежались. Друзья и почитатели Его из мужчин во все время страданий держали себя далеко от Него: Лазаря, которого недавно воскресил Он, нигде не видно; Никодим и Иосиф Аримафейский явились только по смерти Иисуса, чтобы похоронить тело Его, но не решились провожать Его, так как никто не нашел в себе столько мужества, чтобы чрез свое сочувствие публично выдать себя за учеников Его. Но зато благочестивые женщины проявили при этом чрезвычайное мужество и смелость: они не только с плачем проводили Его до самой Голгофы, но не оставили Его и во время самой казни. О, поистине геройская душа живет в женщине, когда она проникнута любовью!

Если же в истории страданий Христа самое видное место занимали женщины, то и в страдании Церкви они должны занимать такое же место. Вопрос в том, какое положение должна занимать женщина в современной борьбе Церкви и будет предметом нынешней моей беседы.

Во всей жизни Иисуса женский пол занимает очень видное место. Не говоря уже о нежных отношениях Иисуса к Марии, Матери Своей, Он показывает Себя особенным благодетелем и всего вообще женского пола. Самарянку у колодезя Иакова Он удостоивает Своей беседы и наставления и позволяет говорить с Собою так свободно и непринужденно, что этому не могли не удивляться ученики Его. Вдове – матери Наинского юноши – Он возвращает к жизни умершего сына. Невесте на браке в Кане Галилейской Он оказывает честь Своим присутствием на брачном торжестве. Кающейся грешнице позволяет целовать ноги и омыwać их Своими слезами и дарует затем отпущение грехов. С Марфою и Мариею имеет близкое знакомство, нередко бывая у них в гостях, и всему вообще женскому полу дает новое положение в отношении мужчины, возводя брак в достоинство Таинства и устанавливая нерасторжимость его как догмат христианского вероучения.

Но и женский пол показывает себя особенно благодарным Иисусу за такую Его милость и благодеяния. Исцеленная Им теща Петра усердно прислуживает Ему; Марфа с особым радушием prepares Ему угощение. Самарянка приводит к Нему всех своих сограждан. Благодетельные женщины сопровождают Его в проповеднических путешествиях и помогают в удовлетворении материальных нужд и потребностей как Его Самого, так и учеников Его. Они следуют за Ним даже до Иерусалима. Они не оставляют Его и на пути Его страданий, стоят при кресте Его и оказывают помощь при Его погребении.

И по вознесении Иисуса во времена апостолов, и во все времена благодетельные женщины принимали близкое участие в делах Церкви Христовой. Святая Фекла, богатая девица, служит от своего имени апостолу Павлу в его апостольских трудах. Во время гонений благодетельные женщины помогают преследуемым епископам и пресвитерам, погребают тела

мучеников, посещают страдальцев, утешают и ободряют заключенных в узы и темницы, заботятся о бедных и немощных братьях о Христе. Хотя они и не могли выступать с проповедью в звании учителей и священников, однако Церковь обязана некоторым из них обращением ко Христу целых народов (Мария Магдалина, равноапостольная Нина). Во все времена, особенно же во времена гонений, Бог указывал женщинам особенную задачу, которую они и выполняли с особенным усердием.

И в настоящее время, время религиозного брожения и разномыслия, на вас, боголюбивые сестры, лежит обязанность поддерживать Церковь и помогать ей в борьбе с врагами. Какая же это обязанность? И на ком именно лежит она?

Эта обязанность лежит на всем женском поле: на девицах, на женах и матерях. Но здесь я предчувствую возражение: «Что вы говорите нам? Быть может, скажет кто-либо из вас, я – бедная девица, я – забитая жена, удрученная мать, могу ли я мечтать о такой высокой задаче?» – Да, не только мечтать должны вы, но и на деле исполнять то, что я говорю вам. Я твердо стою на этом мнении. Взгляните на попрание нашей общественной жизни, на наш мужской пол, и вы увидите, каковы в настоящее время многие из наших юношей и мужей. Холодные и равнодушные к религии, к христианству, к Церкви, они никогда не поднимают своего взора горе, к небу, к Богу и весь смысл и счастье жизни полагают только в земных чувственных удовольствиях. Легкомысленно, даже насмешливо относясь ко всему божественному, христианскому, церковному, они являются сторонниками и слугами врагов Христа. Положение дела, как видите, не радостное. Но если бы в десять раз еще было хуже, то и тогда мы не пришли бы в уныние, пока не таковы наши женщины, как мужчины. Коли бы вы, девицы, жены и матери стали такими, каковы в большинстве случаев мужчины, тогда, по человеческому соображению, можно было бы сказать, что христианству и Церкви нашей приходит конец. Но, благодарение Богу, вы еще не таковы, а потому-то вы и можете оказать неизмеримо благотворное влияние на развитие духа церковности.

Вашу задачу в этом случае должно составлять миссионерство среди мужчин. Вы должны сильнее действовать на огрубевшие сердца мужчин, размягчать их, перерабатывать и снова приобретать для Христа и Церкви. В эту работу вы можете посвятить себя все без исключения.

Прежде всего вы, девицы! Что может сделать здесь христианская девица? А вот что. Немного между вами таких, которые остаются вне брачного состояния. Большинству же приходится находиться в положении невесты, так как брак, супружество составляет ваше призвание. И вот здесь тот пункт, с которого должна начаться ваша работа. Первая ваша задача состоит в том, чтобы внушать ищущим нашей дружбы мужчинам уважение и любовь к христианской вере, внушать своею любовью к ней, образом жизни, словом и примером. Слово назидает, а пример увлекает к подражанию.

Еще в Ветхом Завете сказано было о женщине: *Милостивость обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы (Притч.31:30)*. Таким образом, богобоязненность, благочестие и набожность – вот что прежде всего требуется от христианской девицы. Этот страх Божий прежде всего и больше всего обеспечивает сохранение девственной чистоты в мыслях, словах и действиях. Это – ваше самое главное и самое лучшее украшение, корона душ ваших и самый дорогой наряд ваш. Когда из ясных очей девушки светится добродетель девственного целомудрия, тогда и самый испорченный человек не может не плениться чистотою и святостью ее сердца, отражающеюся в ее невинности. Отсюда вы сами можете понять, какое значение имеет эта добродетель ваша для Церкви. Потеря чистоты сердца и невинности идет рука об руку с охлаждением и усыплением веры и нравственной жизни. Поэтому ваша нравственная и телесная чистота есть главная сила и могущественное средство для борьбы за Церковь. Вот пред вами молодые мужчины, добивающиеся вашего знакомства, вашей любви и расположения. Если они видят в вашем поведении высокую добродетель, безукоризненную чистоту, как плод и цветы религиозной жизни, если они видят, что вы невинны, чисты и целомудренны, потому

что набожны и богобоязненны, то и они научатся высоко ценить веру, которая так украшает вас и делает вас столь достолюбезными.

Страх Господень выражается у девицы в благочестии и набожности. Это преимущественная наследственная черта женского пола, почему его нередко и называют благочестивым полом. И в самом деле, идея благочестия и набожности так тесно связана с женщиною, что мы ничего не можем представить себе более отталкивающего, противного и неестественного, как нечестивую, безнравственную женщину, которая потеряла всякий стыд и страх Божий. Все другое легче и скорее можно перенести в женщине, чем недостаток благочестия и страха Божия. Даже совсем неверующий мужчина, и тот чувствует презрение и отвращение к нечестивой и порочной женщине. Напротив, и самый равнодушный и нерелигиозный мужчина пленяется истинным и нелицемерным благочестием женщины. Здесь невольно припоминается, сколько грубых языческих мужей обращено ко Христу благочестивыми женами-христианками.

Итак, вот в чем, девицы, ваша задача: осуществить в вашей жизни обе эти добродетели – целомудрие и благочестие. При наличии этих качеств каждая из вас будет для мужа истинным миссионером и проповедником веры. Что он будет видеть и уважать в своей жене, к тому почувствует влечение и сам. Он научится также любить веру и Церковь, воспитавшую эти добродетели, как любят дерево, когда пользуются его добрыми плодами.

Вторая обязанность ваша – защищайте как можно тверже и мужественнее вашу веру и не позволяйте в вашем присутствии ничего говорить против нее. Тогда поневоле будут щадить ваши религиозные убеждения. Кто желает связать с вами судьбу свою брачными узами, тот наперед должен знать, что он имеет дело с искренней, ревностной исповедницей православия. Если бы все девицы были такого настроения, то, без сомнения, они привлекли бы на свою сторону и приобрели бы для Христа всех мужчин, которые хотят сочетаться с ними браком. Поверьте, что мужчина, который любит вас, который все готов сделать для вас

из любви к вам, он полюбит ради вас и вашу веру, и вашу Церковь.

Еще больше, еще сильнее влияние женщины в ее положении как супруги. Здесь является она в отношении своего мужа как равноправная подруга его жизни. Ее любовь и преданность он изведal и в добрые и в недобрые дни. Она – мать его детей, его опора, поддержка и утешение в тяжких испытаниях и болезни. Все эти тесные отношения служат весьма надежным поручительством за успех ее воздействия на сердце мужа. Кто так близок, верен для мужа во всех обстоятельствах его жизни, тот имеет полное право сказать ему свое веское слово, и это слово будет иметь особенную силу и значение. Кто больше всех заботится о нем, того он больше всех и слушает. Мать детей имеет непреодолимую власть над сердцем их отца, если захочет употребить ее. Но, к несчастью, это не всегда бывает: многие жены не пользуются этой властью, они ничего не делают для того, чтобы приближать своих мужей к Богу и Церкви.

Но что же, спросите вы, должны и могут они в этом случае делать? Прежде всего – молиться, молиться за мужей и за себя самих, чтобы иметь в этом деле успех, ибо всякое благо и всяк дар совершен посылается свыше от Бога. Быть не может, чтобы Бог не услышал искреннюю, неотступную молитву, с которой обращается к Нему жена за своего мужа. В брачном состоянии между другими обязанностями Бог возложил на супругов и ту обязанность, чтобы один освящал и приводил к Богу другого. Вот почему апостол Павел и дает совет женам-христианкам, состоящим в супружестве с язычниками, не разводиться с ними в той надежде, что они своим влиянием приведут их ко Христу. *Неверующий муж*, сказал он, *освящается, женою верующею* (1Кор.7:14). Может ли Бог отвергнуть молитву христианской жены за своего мужа, который также есть член тела Христова? Конечно нет.

Но если жена хочет в религиозном отношении благотворно влиять на мужа, то она должна прежде всего сама вести себя безукоризненно в его глазах. Апостол Павел убеждает христиан: «Братия, живите так, чтобы никто из внешних, то есть не

принадлежащих к христианской общине, не мог упрекнуть вас в нечестии» (ср. [2Кор.6:3](#); [1Фес.4:12](#)). Этим он хочет сказать им, что если они, как христиане, не будут безукоризненны в глазах язычников и иудеев, то позор и порицание будет падать не на них только, но и на христианскую веру; ради них будет хулиться и христианская вера. Если жена нечестивого мужа и сама безупречна, то она не только не достигнет цели, если бы захотела оказать влияние на религиозное настроение своего мужа, но вызовет еще у него чувство неуважения к христианской вере. Недостатки и слабости жены муж поставит на счет христианской веры, которую она исповедует. Но зато какое могущественное влияние может оказать строго благочестивая жена на нечестивого мужа! Это мы можем видеть из жития Моники, матери [блаженного Августина](#). Муж ее был не только язычником, но и порочным человеком, но это не помешало ей исправить его нравственно и привести ко Христу. Ее молитва, ее безупречный образ жизни, ее неисчерпаемая любовь, ее неусыпная энергия и заботливость о нравственном исправлении подвигла упорного мужа к принятию ее веры. Пред смертью он принял святое крещение.

Действуя в духе святой Моники, и каждая жена может достигнуть многого. Она может разобщить своего мужа с дурными людьми, с врагами веры. Она может расположить его к молитве, к участию в богослужении и в святых Таинствах. Она может отучить его от посещения дурных обществ и безнравственных увеселений, от чтения противорелигиозных книг и газет, она может возвратить его в недра Церкви Христовой, как бы далеко он ни отошел от нее.

Враги Церкви хорошо знают это, а потому – и это следует всегда иметь вам, женщины, в виду, – для них верующая благочестивая женщина столь же ненавистна, как добрый, ревностный пастырь. Они хорошо знают ту громадную силу, то влияние, какое имеют на своих мужей благочестивые жены, а потому употребляют все усилия, чтобы вас, боголюбивые сестры-женщины, переманить в круг неверующих, отвратить от Церкви и отравить ваши души развращающими доводами и ложными основаниями.

Поэтому не увлекайтесь этой пропагандой, но пользуйтесь той силою, какою вы обладаете! Ведите мужей ваших к вере, к Церкви, возвращайте их ко Христу! Это ваша задача, ваш долг, ваше призвание. Не отчаивайтесь! Уже были опыты, когда еще и более слабыми силами совершались еще более великие дела.

Но самую великую услугу Церкви оказывают женщины-матери, если они своих детей с самого раннего возраста приучают к Церкви. Церковь Божия на земле – это то же, что войско на поле битвы, почему она и называется воинствующею Церковью. Когда во время сражения смерть делает пробелы в рядах воинов, то эти пробелы пополняются новыми наборами солдат. Так и в Церкви. То, что похищает у нее смерть, это восполняют матери, когда они своих детей, тотчас же при появлении их на свет, вводят в ряды воинов Христовых чрез Таинство святого Крещения. Это – священная обязанность каждой православной матери, даже и тех матерей, которые в деле крещения и христианского воспитания встречают какие-либо препятствия. Мать имеет первое и преимущественное право на дитя свое. С болезнями она родила его, с нежною любовью и материнской заботливостью, с самоотверженною бдительностью ухаживает за ним, бережет его. Поэтому она имеет не только право на дитя, но и первую обязанность, состоящую в том, чтобы приводить его к истинной вере во Христа. И благочестивые матери умеют исполнять эту обязанность, несмотря ни на какие препятствия. Чрезвычайно трогательны свидетельства истории о том, с каким непобедимым мужеством отвоевывали для детей своих православную веру христианские матери во время гонений на Церковь. Они скорее готовы были отдавать их на мучения, пытки и смерть, чем потерять их для христианской веры.

Памятуя слова Господа: *пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им.* (Мк.10:14), Православная Церковь всегда старается исполнять это в точности, потому что знает, что в чьих руках юность, тому принадлежит будущее. Это понятно само собою. Едва ли есть какая-нибудь большая заслуга, которую мать могла бы оказать Церкви, как воспитание своих детей в духе Церкви. Равно и для благочестивой матери-

христианки едва ли есть большая радость, как научить своего ребенка произносить сладчайшее имя Иисуса в то время, когда и голос его еще слаб и язык его нем. Начинай же, мать, с самого раннего возраста учить детей своих по-христиански. Учи их по-христиански молиться, по-христиански думать, по-христиански чувствовать, по-христиански говорить и действовать. Что дитя всосало, так сказать, в себя с молоком матери, то останется у него на всю жизнь. И если ты, мать, находишься в таком положении, что тебе необходимоверить дитя свое руководству других, например, отдать в школу, то избирай такую школу, в которой православная вера не подвергалась бы опасности. А чтобы избежать этой опасности, приучай свое дитя с самого младенчества к участию в религиозной жизни: бери его с собой к богослужению, объясняй ему праздники и священные обряды, упражняйся с ним в церковной молитве и располагай его как можно раннее прибегать к спасительным благодатным средствам Церкви и принимать святые Тайны.

Вот, христианские женщины, задачи, которые выпадают на вашу долю в борьбе с врагами Церкви, в истории ее страданий. Вы видите, как велика и серьезна эта задача. Примите же ее к сердцу и дайте обет по мере сил своих исполнять ее. Станьте за веру. Не допускайте врагам проникать в ее святилище. Если уже не хотят они слушать нас – пастырей и учителей Церкви, то пусть послушают вас. В этом и ваш собственный интерес. Чем живее будет христианская вера, чем более она будет покорять себе мир, тем более будут обеспечиваться и права, и честь, и уважение, и общественное положение женщины. Аминь.

V. Израиль – первообраз народов, преследующих Христа и Его Церковь

Иисус же, обратившись к ним, сказал: дочери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших (Лк.23:28)

Сострадание женщин, сопровождавших Иисуса на пути к Голгофе, не могло не тронуть сердца Его. Казалось бы, что при такой любви и преданности, какую оказали Ему женщины, в сердце Спасителя на этот раз на первом месте должно бы стоять чувство благодарности к ним.

Но на деле оказалось не так. Преобладающим чувством Его было чувство сожаления не о женщинах, но чувство скорби о бедном, ослепленном народе иудейском, для спасения которого пришел Он и ради которого Он обрек Себя на смерть. Это было то самое чувство, которое исторгло из очей Его слезы, когда Он при ликовании народа торжественно входил в Иерусалим. Он плакал тогда, представляя Себе ту страшную участь, какую готовил себе еврейский народ. И теперь, на страдном пути Своем, Он думает о той же страшной судьбе Израиля, отвергшего своего Спасителя. Введенный в заблуждение своими вождями, Израиль думал, что, совершая такую жестокую расправу с Иисусом Назореем, он охраняет свое благополучие. На самом же деле он полагал этим основание своему отвержению, суду над собою. Израиль в этом отношении есть типичный образ всех других народов, которые вторично распинают Христа в лице Его Церкви. Как израильский народ своей враждою и гонением против Христа подверг себя каре Божией, так и те народы и вожди их, которые преследуют Церковь, вызывают гнев Божий и навлекают тяжкое наказание.

Эту мысль мы и постараемся раскрыть сегодня, разрешив при этом два вопроса: 1) кому приносит пользу борьба против Церкви и 2) кому причиняет вред?

I. Положение израильского народа после жестокого и несправедливого осуждения Христа быстро изменилось к худшему. Восстав против своего Учителя, от Бога посланного

Спасителя, он объявил этим войну против Бога. Но борьба против Бога всегда стоит в связи с борьбой и против гражданского порядка. Так случилось и с израильским народом. После того как он уже убил своего истинного Вождя, скоро потерял он сознание того, что служит к его миру и спасению. В неразумном ослеплении последовал он за теми недобросовестными вожаками, о которых Господь сказал: *восстанут лжехристы и лжепророки* (Мф.24:24; Мк.13:22). Заручившись доверием несчастного народа, они начали восстанавливать его против законного правительства и подстрекать к войне против римлян. Война действительно возгорелась. Но это была та злополучная, роковая война, которая унесла жизнь многих миллионов иудеев, лишила их национальной самобытности, заветного святилища – Иерусалимского храма, отечества и сделала народом презренным, рассеянным по разным местам света, без родины, без национальной самостоятельности и достоинства.

Говоря это, мы уже некоторым образом даем ответ на первый поставленный вопрос: кому приносит пользу гонение Церкви? – Никому не приносит, кроме революционеров и крамольников.

Революция по ее внутреннему существу есть вражда, восстание против порядка Божия на земле. Она ведет свое начало от того злого духа, который первый восстал против Бога, сказав: не хотим служить и подчиняться, но поставим наш престол выше престола Божия (ср. Ис.14:13). Восстает ли эта сила против Бога и Его Церкви или против царя и всякого рода властей и правителей, от Бога поставленных, сущность ее остается одна и та же. Она есть восстание против всего установленного порядка на земле. Ибо Богом установлены не одни только религиозные, но и гражданские отношения между людьми. Следовательно, на земле существует религиозный и гражданский авторитет, коему все должны подчиняться. И тот и другой очень близко стоят друг к другу и в жизни человека нередко соприкасаются между собою и действуют совместно. Поэтому нельзя ниспровергнуть одного, не разрушив другого. Нельзя ниспровергнуть Церковь, как религиозный порядок на

земле, не разрушив порядка и гражданского, государственного. Всякое нападение на Церковь содействует успеху и политической революции.

При виде того, что совершается сейчас у нас пред глазами и после пережитого нами недавнего мятежа, нужно ли говорить, что мы живем во времена революции! Среди нас немало людей, которые не довольны ничем и стремятся к насильственному изменению существующего порядка.

Пользуясь этим недовольством, враги нашей Церкви в эту находящуюся в состоянии брожения среду народа бросают, как огонь в горючий материал, свои безбожные и революционные сочинения, брошюры, книги, газеты и прокламации, в коих глумятся над верою, осмеивают авторитет Церкви, презирают каждого, кто обнаруживает какое-нибудь сочувствие Церкви и сколько-нибудь признает ее авторитет. Какие отсюда могут быть последствия, понять нетрудно. Бедный, угнетенный судьбою человек, проводящий жизнь в труде и заботе о насущном куске хлеба, одно только имеет утешение на земле, которое ободряет, нравственно облегчает и помогает ему нести этот крест, – это веру в Бога, во Христа, в загробную вечную жизнь и воздаяние. Отыми у этого человека веру в Бога и надежду на Него, наполни его сердце ненавистью и враждою к Церкви, и ты сделаешь условия его жизни положительно невыносимыми, и он начнет проклинать тот строй и порядок гражданской жизни, который якобы служит причиной его бедности и лишений. Велико ли отсюда расстояние до лагеря революции? Один шаг, не более. Это хорошо знают вожаки революционного движения; они знают, что ненависть к Церкви и отпадение от нее массами гонит бедняков в их лагерь, а потому ни о чем они так не стараются, как о возбуждении вражды и ненависти народа к Церкви и об ослаблении ее авторитета.

Но если враги Церкви стараются подорвать доверие к ней и стремятся к тому, чтобы сделать для нее невозможным влияние на жизнь народа, то кому принесет это пользу? – Революции, – опять должны сказать мы. Последней весьма желательно, чтобы священнику запрещена была проповедь. Чтобы его отстранили совсем от кафедры, от алтаря, от благотворительности, от

общества. Для революции было бы приятно, если бы закрыты были монастыри, запечатаны церкви и духовенство устранено было бы от участия в деле народного воспитания. Тогда прекратилось бы всякое влияние Церкви на жизнь народа, с которой Церковь связана тысячами нитей. Тогда дух безверия проник бы в народные массы, и вместе с этим одичание нравственное было бы так велико, бедствия и нужды тысяч бедняков так невыносимы, что они сами собою пробили бы русло к революции.

Своим назидательным словом, возбуждением утешительной надежды на Бога, проповедью Божественных заповедей, развитием своей благотворительности Церковь сглаживает шероховатости общественной жизни, уравнивает во многих случаях неровность жизненных условий и отношений, смягчает недовольство и озлобление бедняка и воспитывает его в чувстве преданности воле Божией, учит его нести крест по примеру Христа, повиноваться начальству и власти, внушает ему, чтобы он признавал не одни только права свои по отношению к обществу, но и обязанности, указывает ему премудрую цель и благодать Божию в его страданиях. Отымите все это у народа, лишите этого в особенности бедняка, и вы увидите, что по мере того, как он будет дальше отходить от влияния Церкви – будет подпадать под влияние революции и отдавать себя в руки тех ложных друзей своих, которые восстают против власти и закона и обещают им рай на земле, если только он при их руководстве силою опрокинет и разрушит ненавистное им здание существующего порядка.

Далее, если враги Церкви успеют устранить воздействие Церкви на воспитание юношества, то кому будет от сего польза? – Только революции. Чтобы воспитать юношей полезными членами государства, верными подданными, которые и кесарю отдадут то, что принадлежит кесарю, для этого необходимо воспитание основать на религии, на вере. В вере корень послушания. Она – фундамент всякого авторитета. Я верую – следовательно, я послушен. Я верую – значит, признаю и покоряюсь тому, чего требует от меня высший авторитет. В этом заключается основание, корень всякого повиновения и

покорности. Попробуйте изъять из воспитания веру и влияние Церкви, насаждающей эту веру в сердцах чад своих, и вы вытравите у них всякое уважение к начальству и власти и откроете широкий путь своеволию и разнузданности.

Воспитание без всякой веры порождает молодых революционеров, которые ожидают только, когда придет их время. В наши злополучные дни не только говорят, но и пишут, что достаточно воспитывать юношество в духе естественной и разумной нравственности, достаточно развивать и укреплять в их сердцах только чувство долга, а этого можно достигнуть и без влияния веры и Церкви. Но это можно допустить только в проекте, на бумаге, и то только до тех пор, пока молодых людей можно держать под школьной дисциплиной, но и здесь эта теория оправдывается не всегда. В Америке, например, где воспитывают в школах эту нравственность без религии, «господа» школьники нередко стреляют в своих учителей из револьверов. Но устраните дисциплину и принудительные меры, и вы скоро увидите горькие плоды этой безрелигиозной нравственности и цветы этого чистого чувства долга. Скажи что-нибудь об этом долге молодому человеку, которого ты воспитал на таких началах, он захохочет над тобою, коль скоро он имеет полную свободу. Ты научил его чувствовать себя независимым от Бога – ужели думаешь ты, что он будет подчиняться власти и авторитету человека? – До тех только пор, пока применяются к нему принудительные меры, но ни на одну минуту далее. И если, потом, это юношество, воспитанное на таких свободных началах, войдет в соприкосновение с людьми, зараженными революционными идеями ниспровержения существующего порядка, думаешь ли ты, что оно не будет пить яд этих идей с такой же жадностью, как алкоголик водку? Толпами будут ваши молодые люди бежать в лагерь революции, если они лишены будут воздействия религии и Церкви. Сердце юноши во все времена было одно и то же: оно всегда склонно к свободе, разгулу, произволу и своеволию. Нетрудно поэтому понять, что только строгое, на религиозных началах основанное воспитание может ослабить этот юношеский пыл.

Где ослабляется влияние Церкви на воспитание, там благоразумные люди и сейчас сильно жалуются на своеволие и непокорность юношества. И едва ли было время, когда было бы столько малолетних преступников, привлекаемых к суду, как в настоящее время, и притом эти дети судятся не за маловажные проступки, но за самые крупные преступления против нравственности, против собственности и безопасности жизни. Чего же можно ожидать в том случае, если врагам Церкви удалось бы совершенно устранить воспитание от влияния Церкви? В этом случае в течение нескольких десятилетий воспитается такое поколение, которое ничего не будет спрашивать ни о порядке и законе, ни о власти и авторитете и готово будет разрушать и ниспровергать все, что было доселе дорого, священо и неприкосновенно.

Итак, несомненно, что из борьбы против Церкви никто не извлечет пользы, кроме революционеров. Вот почему последние всегда с особым удовольствием и участием обращают взоры свои туда, где воздвигается гонение на Церковь, хорошо зная, что где падают алтари, там падают и престолы.

Но когда при понижении нравственно-религиозного уровня увеличивается шайка революционеров, то это, конечно, великое зло и несчастье, но все же еще не самое большое и не самое серьезное. Гораздо хуже этого вот что: при борьбе против Церкви усиливается опасность революционного настроения, его жестокости и фанатизма. Исторический опыт свидетельствует, что фанатизм нигде не бывает так жесток и ужасен, как у проповедников неверия. Можно ли представить себе какое-нибудь более кровожадное чудовище в образе человека, как Робеспьер, Дантон, Марат. Много ужасов рассказывают из средневековой инквизиции, о сожжении еретиков и истязаниях иудеев. Если бы и все было справедливо, что говорят об этом, то все же это было бы ничто в сравнении с жестокостями первой французской революции. Ничто так не извращает и не делает человека зверем, как неверие, отпадение от Бога, потеря страха Божия. А это-то именно и бывает следствием борьбы против Церкви. Когда человек потеряет страх Божий,

тогда фанатизм его и дикость неверия преступают всякие границы и проявляются в самом разрушительном виде. Богу, конечно, это не может принести никакого вреда, Церковь может дать только новых мучеников. Но что дает этот разрушительный фанатизм тем, которые разжигают огонь, спокойно смотрят на распространение его пламени, радуются при каждом ударе против Церкви? Этим людям будет гораздо хуже и страшнее, чем как они об этом думают.

II. Второй вопрос, подлежащий нашему ответу, состоит в том, кто терпит ущерб при борьбе против Церкви или кому причиняет вред эта борьба?

Самый большой вред от этой борьбы не для Церкви. Даже если иметь в виду идеальные блага, то для Церкви от этой борьбы может быть только польза.

Каждое тяжелое и смутное для Церкви время сопровождается пробуждением энергии в ее членах, усилением их деятельности. В такое время более чем когда-либо обнаруживается в них верность, любовь, единение и искренность веры, и молитвенное настроение. Поэтому за Церковь мы нисколько не боимся, когда воздвигается против нее гонение; мы знаем, что ее не одолеют и врата адовы. Но если кто может понести существенный вред от сего, так это гражданское общество, народ и больше всего беднейшая часть его.

Всем известно, как православный народ наш любит строить и благоукрашать Божии храмы и обставлять благолепием богослужение. Этим живут много художников и мастеров, а чем будут жить они, если бы последовало уничтожение этих храмов? Далее, во все времена Церковь заявляла себя всякого рода благотворительными учреждениями, чтобы облегчить нужду бедных, больных, престарелых и сирот. Так ли будет при развитии духа бесцерковья? Наконец, сколько учреждений у Церкви для воспитания сирот, призрения вдов, сколько больниц и общин со множеством сестер милосердия. Сколько упразднится таких учреждений, сделавшись жертвой безрелигиозного движения?

Но этот вред еще не самый существенный. Материальный вред легко исцеляется христианской любовью. Но что всего труднее поддается излечению, так это состояние нравственного одичания, которое должно быть неминуемым последствием гонения на Церковь. Кто ежедневно читает газеты и наблюдает за преступлениями, о которых они извещают, тот может представить себе эту страшную картину нравственной испорченности и развращения, какое развивается в нашем народе вследствие упадка религиозного чувства и удаления от Церкви. И чем больше видят враги Церкви успех в достижении своих целей, тем энергичнее они ведут свое дело. И вот мы видим, в каком множестве распространяются сейчас их безбожные и растлевающие произведения. Их прокламации и брошюры, полные кощунства и богохульства, которые всюду ходят по рукам наших грамотеев, с жадностью читаются и вытравляют в душах их все, что прежде для народа было священно и дорого. Как хотелось бы при этом обратиться к вождям нашего народа, стоящим у кормила правления, с такими словами: что делаете вы, передовые люди, вожди народа? Дозволяя нападать на веру и Церковь и подвергать ее осмеянию, вы допускаете рубить тот самый сучок, на котором сидите сами. Вы ведете народ наш в бездну погибели, если терпите такое кощунственное отношение ко всему священному. Даже и язычники знали, что человеческое общество не может существовать без религии и без страха Божия, и они поэтому издавали такие законы, коими крепко оберегалась и защищалась религия. На основании этих законов все враги и хулители религии и богов подвергаемы были наказанию как враги отечества. В других отношениях слепцами называем мы этих язычников. Но они не были, однако, так слепы, как наши современные либералы, видящие в религии одно только суеверие. Они знали, что пренебрежение ко всему божественному наносит величайший вред стране и ее обитателям и приводит Отечество к расстройству и погибели. О, если бы Бог дал, чтобы наши современные мудрецы и вожди народа настолько хорошо поняли бы значение религии, насколько это понимали язычники за две тысячи лет назад. Об

этом должны мы слезно и непрестанно молиться Богу. В противном случае и на наших современных народах исполнятся слова Спасителя: *плачьте о себе и о детях ваших, ибо приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие! тогда начнут говорить горам: падите на нас! и холмам: покройте нас!* (Лк.23:28–30). Аминь.

Всемирное призвание Церкви⁶⁰

Во имя Того, пред Которым все мы преклоняем свои колена, приветствую вас, боголюбивые отцы, братия и сестры, собравшиеся на наш миссионерский праздник. По случаю этого праздника да будет мне позволено предложить вам слово о всемирном призвании Церкви. Избирая такую тему для нынешней речи, я уверен, что не отступаю от нашего предмета и не нарушаю миссионерского характера нашего собрания. Ибо Церковь и миссия находятся между собою в самой тесной связи. Между тем как Церковь призвана служить миру, миссия имеет своей задачей приготовить место Церкви среди этого мира.

Церковь и мир – они суть друг против друга и в то же время друг за друга. Когда в день Пятидесятницы апостол Петр окончил свою проповедь, он трогательными словами убеждал собравшихся, чтобы они для своего спасения переходили из мира в Церковь. Церковь есть корабль, на который мы садимся из мира; она есть ковчег Ноя, который во время греховного потопа переносит нас на берег спасения. Церковь и мир – друг против друга, мы это знаем хорошо. И, однако, они должны быть в свою очередь и друг за друга. Не в углу и не в каких-нибудь закоулках и апостол Павел проповедовал Евангелие, но публично, пред всем народом, на открытых местах и площадях. Отсюда ясно видна взаимная близость мира и Церкви. Этому учит нас и прежняя миссия, и миссия наших дней. Хотя она зародилась в тиши и росла в тесноте, но она с самого начала носила в своем сердце весь мир и обнимала своею любовью все народы. И история миссии громко и убедительно проповедует нам, что оба они заодно между собою – и Церковь, и мир, и что Церковь имеет призвание для мира. Вот почему в настоящий день миссионерского праздника мы хотим напомнить себе об этом, положив в основание своей речи слова великого апостола языков.

И все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота

Наполняющего все во всем (Еф.1:22–23).

Это слово ясно говорит нам о всемирном призвании Церкви. Но нынешний день побуждает нас обратить особенное внимание на то, как это призвание осуществляется в миссии.

Два положения высказывает Апостол в этих двух стихах: 1) что мир призван служить Церкви и 2) что Церковь призвана служить миру. Первое может нас утешать, а второе побуждать и поощрять.

Удивительна настойчивость, с которой апостол Павел во всем послании к Ефесянам, в особенности же в этом месте, проводит свою мысль о неразрывной взаимной связи Христа и Его Церкви: *Христос*, говорит он, *есть глава Церкви* (Еф.5:23), а Церковь есть тело Иисуса Христа (1Кор.12:27). Так как Он есть глава ее, то мир должен служить ей; так как она есть Его тело, то она должна служить миру.

Мир призван служить Церкви. Ибо глава ее (Церкви) есть Тот, Которому все подчинено. Бог *все* (все предметы мира) *покорил под ноги Его*, и поставил Его *выше всего, главою Церкви*.

Он есть глава Церкви. В голове соединяются вместе все нити или нервы телесной жизни и оттуда в свою очередь исходит всякое движение духа и воли. Здесь – та таинственная лаборатория, где зарождаются мысли, которые потом принимают образ слова и дела. Здесь тот сокровенный правитель, который посылает слуг и вестников для исполнения своей воли и своих повелений. Чем служит голова для тела, тем Христос для Церкви. В Нем все мы соединяемся воедино, в одно общество, хотя и рассеянное на земле и часто разделяемое распрями, но в Нем единое: *Верую во Едину Святую Соборную Церковь*. Если это единство во временных спорах иногда и исчезает в наших глазах, то Он – наше единство, и Его высокие святые мысли суть тот мир, который парит выше наших споров и несогласий. Он – наша глава; Он – вверху, а мы внизу, далеко, как это нам кажется, отделены друг от друга. Но чудесные невидимые нити сближают, соединяют нас с Ним и связывают Господа на небе с Его Церковью на земле. Как тогда, во время Своей земной жизни, у Него было

единение с кружком Своих учеников (Он – розга, а они ветви (Ин.15:5), соединенные с Ним верою и любовью), так же точно и теперь Он для круга Своих последователей сокращает, уничтожает эту даль неба. И когда нам приходится чувствовать скорбь и внутреннюю тугу на распутьях этой жизни, по которым мы ходим, как осиротевшие и всеми оставленные дети, Он утешает словами: *В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Ин.16:33). Он есть наша глава, с которою мы связаны узами веры, любви и надежды.

Бог все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви. Он есть, следовательно, наша глава и Владыка всей вселенной. Если когда-нибудь приходило на уста человеческие особенно высокое и величавое слово, так это то слово, которое Он сказал Своим ученикам при разлуке с ними: *дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак идите, научите все народы* (Мф.28:18–19). Так никогда не говорил человек, так не мог, не имел права говорить никто из людей. Так мог сказать только Он один. Всемогуший Бог. И то, что сказал Он здесь, это исполнил Он по Своем вознесении. Теперь Он принял Свое царство и воссел на престоле. Теперь осуществилось то, что некогда сказано было в Ветхом Завете: *Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих* (Пс.109:1). Теперь Он на самом деле сделался Господом, Владыкою, Царем всех вещей. И эту Свою власть, Свое владычество Он даровал и Своей Церкви на земле. Ибо для того Он восседает одесную Бога и приобрел власть над всем миром, чтобы чрез это помогать Своей Церкви. Два существуют слова, которые выражают эту тайну Божию: Он есть власть, которая простирается над небом и землею, и Он есть вечная любовь. В Иисусе Христе вечная любовь для нашего спасения сделалась человеком. И вот Он сидит теперь на троне неба, облеченный силою, могуществом, чтобы употреблять это владычество над всем миром на служение Своей вечной идее и любви, соделовавшей наше спасение.

Вот почему историю миссии мы можем изучить уже в самом тесном кружке, в нашей собственной жизни.

Ибо что такое наша жизнь? Не есть ли она история миссии? Не есть ли она повесть об обращении нашем к Богу? Чем служит история миссии для народов, тем же самым служит для каждого история его собственной жизни. Представим, братия, поэтому себе картину нашей жизни со всеми ее светлыми и мрачными явлениями, все те ложные пути, по которым мы шли, ту благодать Божию, которую мы на себе испытали, те радости и страдания, которые посылал нам Бог, те пути, которыми Он вел нас, – не правда ли, что они были для нас часто очень мрачными, но мы тогда того не понимали, мы нередко вздыхали и сетовали, не зная того, что хотел нам сказать этим Бог. Но теперь мы знаем это; теперь мы знаем, что это был тот голос, которым вечная любовь говорила нашему сердцу и действовала на нашу душу, голос вопиющего; теперь мы знаем, что Бог все направлял чудесным образом к одной цели, к одной мысли, чтобы спасти наши души; теперь понимаем мы ту благожелательную работу Бога в наших душах, которой должно было служить все, что приносила нам смена лет и ход нашей жизни. Рассматриваемая с нашей точки зрения жизнь наша есть какая-то путаница и смесь разных случайностей и картина, полная мрачных теней; но рассматриваемая с точки зрения Божественного промысла, она есть образ мудрости и любви, которая сумела пути наших грехов и пороков превратить в пути спасения и мрачные тени осиять радостным светом. Любовь есть великая художница, а могущество и сила ей служат. И когда мы некогда придем к концу своей жизни, тогда восхвалим мы того Духовного Мастера, Который сумел сделать нашу жизньстройной, гармонической песнью, служащей к Его прославлению.

Но Тот, Кто является мастером в малом, есть мастер и в великом. Как одна великая путаница, смешение многих струн, и как шум нестройных, несогласных голосов является пред нами история мира. Но чрез всю эту путаницу проходит одна золотая нить, и в шуме этих голосов слышится один тон, одна мелодия, и выражается одна душа в теле этой истории. Какая же это душа? Древнее христианское писание говорит насколько гордо, настолько же и прекрасно: «Что душа в теле, то суть и

христиане в мире»⁶¹. Теперь, если христиане суть душа в теле человека, то история христианства, история миссии есть душа истории мира. Так это и есть на самом деле. Когда имя Нерона гремело на весь свет, наполняло весь мир, то кто говорил тогда о Петре, которого он распял, о Павле, которого он обезглавил? Но теперь их слово сделалось силой, которая побеждает мир, а о силе Нерона в истории человечества осталось только мрачное воспоминание о его злодеяниях. Миссионерская деятельность Петра и Павла, о которой никто не говорил тогда в римском царстве, сделалась душой истории того времени и наследницей будущей. То же видим мы и теперь. Книги, журналы и газеты наполнены у нас речами о великих делах человечества, об успехах цивилизации, торговли и промышленности. Но известия о делах миссии очень и очень редко проникают в современную печать нашу. Да если когда и проникают, то голос ее заглушается в шуме других голосов, которыми оглашается современное общество. И, однако, миссия есть душа истории и наследница будущего. И всякая другая история должна служить ей. Ибо Бог поставил Христа выше всего, главою Церкви (Еф.1:22).

Когда Александр Македонский совершал свой великий поход, который простирался до стран Индии, и весь мир говорил о нем, оглашаемый славою его воинских подвигов, кто мог предполагать тогда, что чрез это Бог хотел сделать Евангелие всемирно известным и приготовил духовную почву. Когда римляне заставили все народы подклонить свою выю под их железное иго, кто знал тогда, что это собрание народов было приготовлением для собрания их в Церковь? И когда они пролагали свои столбовые дороги, по которым шли легионы в провинции, и заводили свои торговые сношения с различными народами, тогда никто не думал о том, что эти дороги назначаемы были промыслом служить вестниками Иисуса Христа, способствовать миссионерскому делу. И так идет это чрез всю историю. Целого дня не было бы достаточно для того, чтобы изложить это со всеми подробностями и обстоятельностью; как рассеяние Израиля служило к тому, чтобы семена его чаяния и утех разносились между народами,

так переселение других народов на восток и юг служило для них средством к тому, чтобы они на почве образования мира нашли прежде всего семя Евангелия и вступления в Церковь Христову. И вся история нашего русского народа, как и других христианских народов, свидетельствует о том, что история миссии есть душа истории мира и что Бог так устроит и направляет течение дел жизни, что оно необходимо должно служить делу миссии. Итак, несомненно, что история мира призвана служить истории Церкви. Она есть сила Божия, которая prepares камни, – но она есть и вечная любовь, которая, как цемент, связует их и созидает из них дом для Церкви Христовой.

Так это и есть теперь.

Какой характер нашего времени? Не таков ли, что ему присущи все самые великие и самые обширные предприятия мира? Все холмы срыты, все глубины наполнены, по морям быстро ходят пароходы, а по суше, по земле – паровики, локомотивы, начинают уже летать и по воздуху; с быстротой молнии переносятся с одного конца мира на другой мысли человека; концы земли сходятся вместе, и люди густыми вереницами снуют туда и сюда и в этом постоянном передвижении сообщаются друг с другом. Нужно ли задаваться вопросом, что всё это означает? – Бог хочет сократить пространство земли и открыть ворота людям для Своего Евангелия. Наше время есть время миссии, в этом убеждают нас знамения времени. Мы видим в ходе вещей стопы Того, Который поставлен главою Своей Церкви выше всего и Которому должно служить все.

Это говорим мы в утешение себе, возлюбленные! Как бы мрачно ни было на горизонте нашей Церкви, какие бы скорбные думы ни возбуждало в душе нашей ее будущее, не будем забывать того, что сказано в Писании: в деснице Ветхого Денми лежит запечатанная книга будущего, но Агнец сломает печать (Откр.5:1). Его есть будущее и все предметы мира должны служить Ему и Его Церкви.

Это первое.

Дабы Церковь служила миру – это второе – которая (Церковь) *есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем.*

Тело есть место обитания или жительства души, но оно есть также и орудие души. Церковь есть тело Иисуса Христа, в котором Он живет, но она есть и орудие, посредством которого Он действует, она есть Его служительница. Для того Он установил Свою Церковь, чтобы чрез нее делать Свое дело на земле. Она должна быть Его ногою, которая ходит по земле; она должна быть Его рукою, которая созидает Ему обитель; она должна быть Его устами, которые возвещают Его слова; она есть служительница в Его мировом призвании, ибо Он должен быть Спасителем всего мира. В этом она должна быть Его споспешницей.

Которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем. Как душа наполняет тело, так наполняет Он ее, наполняет ее Своею полнотою. Полноту Своих даров и благ Он вложил в нее, полноту того, что Его делает нашим Спасителем, сообщил Он ей. Он столько сообщил ей этой полноты, что отсюда Он наполняет ею весь мир. Как Иегова прежде жил во святилище и имел Свое благодатное присутствие во святая святых, дабы отсюда иметь Свое присутствие в целом израильском народе, так и Христос наполняет Свое общество, Свою Церковь, чтобы отсюда наполнять мир. Отсюда должны течь источники жизни, которые несут и разливают по земле целительную воду спасения, чтобы ею исцелились язычники. Отсюда Христос все наполняет во всем. *Все во всем.* Это – есть цель. Наполняет не только отдельных лиц, не только малый кружок, но и *все во всем!* Чудное слово! Вдвойне чудное в устах ученика Иисуса в те дни, когда еще с такою фанатической ревностью весь римский мир стоял против христианства. И вот, невзирая на это, идет он возвещать это Евангелие, он – слабый человек, поддерживаемый очень немногими и ненавистный для многих, но с уверенностью, что он призван насадить послушание веры между всеми народами, дабы Христос наполнил *все во всем.* Чудное слово и еще более чудный путь к этой цели! Он проповедует в иудейских школах, он говорит о Распятом и Воскресшем Христе на улицах и рынках, он собирает

обращенных ко Христу в небольшие группы – и отсюда хочет он победить мир и наполнить *все во всем* учением о Христе! Поистине чудный путь!

Но таково свойство и призвание Евангелия: оно есть перл⁶² и оно есть и закваска. Во-первых, перл (Мф.13:45–46). *Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира* (Ин.1:29), – вот было то слово, которое привлекло первых учеников к Иисусу, которое и впредь должно привлекать наши души. Один только есть путь ко спасению, дабы каждый из нас нашел в Нем своего Спасителя и привел к Нему свою душу, дабы она в прощении грехов обрела у Него свой мир душевный и надежду спасения, как то *единое*, что нужно нам на небе и на земле, как то *единое на потребу*, которое мы искали на всех путях нашей жизни и не находили, – теперь же мы нашли это и, радуясь такому приобретению, ничего более не желаем ни на небе, ни на земле, как обладать таким перлом, за который охотно отдадим, если это будет нужно, все, что только есть для нас здесь дорогого. Вот тот путь, который одинаков как для всякого отдельного человека, так и для всех народов, путь, столь же хороший и пригодный для народов образованных, как и для грубых, непросвещенных, – для индийцев, как и для европейцев, то слово, в котором все мы одинаково нуждаемся, как один, так и другой, хотя бы в других отношениях мы и были далеко неодинаковы. Проповедовать это слово, принести народам эту жемчужину – вот призвание и задача миссии.

Евангелие есть перл. Но оно есть и та закваска, которая должна всквасить все (Мф.13:33). *Все во всем*. Это – есть чудесная тайна Евангелия о Кресте, что эта самая странная из всех проповедей, чуждая, по-видимому, всякой другой жизни, и, однако, носит в себе источник сокрытой, таинственной жизни, способной делать новой всякую другую жизнь. Христос хочет привести к счастью и миру не только ищущую Его и стремящуюся к нему душу и наполнить Своим утешением мучимую и отягченную грехами совесть – хотя это прежде всего, – но отсюда, от этого сокровенного источника новой жизни Он хочет потом *все и во всем* наполнить Собою, весь образ мыслей

и жизни сделать новым, поставив Себя (Свое учение) содержанием всего.

Не так ли это было прежде, не так ли это и теперь?

Когда грек или римлянин обратился к Богу и получил благодать Божию во Христе, то это, собственно, была та истина, которая наполнила всю его душу. Но от этой истины для него все изменилось и сделалось новым. Когда он увидел Бога и человека, когда узнал о назначении земной жизни и о судьбах человека – все стало для него другим, шаг за шагом все изменилось. Евангелие бросило свои лучи во все стороны, и крест сделался средоточным пунктом нового, светлого мира мыслей. Христос начал всё наполнять Своим духом. И не только в мыслях христианина, но и в обыденной его жизни, в нравах и обычаях его, в его семье, в его обращении с женою и детьми, в отношении его к ближним – все стало у него иначе, все обновилось. И мы знаем это и видим это ежедневно перед своими глазами, как образовался отсюда новый мир, в котором мы живем. Новый мир мыслей, чувствований и желаний – от высшей духовной жизни до внешних форм ее нравов и обычаев. Все это сделалось новым, все изменилось. От того средоточного пункта, слова о Кресте, Христос начал наполнять Собою *все во всем*. Но это сделал Он посредством Своей Церкви и ее миссионерской деятельности, которая служила Ему и до сих пор служит споспешницей в этом деле. Правда, незначительны и скудны плоды миссии нашей Церкви, слабо и неудовлетворительно состояние христианской жизни в наших приходских общинах как у нас на Руси, так и вне ее. Мы знаем это хорошо, знаем это больше всего. Но все же они суть оазисы среди пустыни, все же это новый мир мыслей, в котором они живут, и другой воздух, которым они дышат, а не прежний, отравленный воздух языческого идолопоклонства с его смрадными, отуманивающими чувства испарениями.

Чтобы Он наполнял все во всем. Что это значит? Ужели все так бессодержательно и пусто? – Да, совершенно так. Грех сделал жизнь на земле пустою, удалил от Бога, лишил жизни по Богу и с Богом и сделал ее, таким образом, ничтожной и суетной, так что она не носит в себе никакой истины, никакого

смысла. Только жизнь из Бога и по Боге может наполнить эту пустоту; нам необходимо поэтому исполниться истинной, существенной жизни из Бога. Основание этой жизни – во Христе. *Как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе (Ин.5:26)*. Из Него, чрез Него должна она истекать и, как поток, разливаться или сообщаться миру. Поэтому Он уничтожил преграду греха, которая стояла на пути, и изгладил, истребил древний великий грех, дабы таким образом свободно мог течь и разливаться поток жизни, которая из Бога, напоая души человеческие и наполняя жизнь людей.

Чтобы Он наполнял Собою все во всем. Все ускользает из рук и улетучивается: и богатые блага, и дарования духа, и величайшая сила и крепость – ничто не вечно и не постоянно, все подвергается беспощадному закону времени; одно только воспоминание прошедшей славы и величия остается у будущих поколений. *Суета сует, – все суета!* говорит мудрый Соломон (Еккл.1:2). Только жизнь, которая из Бога, только та жизнь, которая питается из этого источника, только эта жизнь носит в себе вечность. Церковь же Христова есть колодезь, резервуар для народов, существующий для того, чтобы отсюда они почерпали для себя воду жизни. Для того миссия несет эту Церковь и к самым отдаленным народам, чтобы жизнь христианская, из нее исходящая, усвоилась и ими, чтобы Христос наполнял *все во всем*. Таково призвание миссии вовне, в отдаленных странах, таково призвание Церкви и дома, на родине, чтобы наполнять Христом (учением Христа) *все во всем*.

Но вы, братия, смотря сейчас на меня, с недоумением спрашиваете: ужели и у нас? И с тугою на сердце поднимаете ваши взоры на печальную картину нашего народа и нашего времени, когда слышите, что Христос *все во всем* и у нас. Опыт не свидетельствует ли скорее о том, что Он все менее и менее находит места в общественной жизни нашего народа? Не показывает ли он, напротив, что началось новое время, совершенно другое, несколько не похожее на то, которое было доселе? До сих пор Евангелие, как его проповедует Церковь, наполняло, господствовало в умах, правах и обычаях всех

слоев нашего общества, а также и всех христианских народов. Все, что сделано в нашем народе самого лучшего, высокого и полезного, есть результат союза его духа с Церковью Христовою. Но с грустным чувством останавливаешься сейчас на этом прекрасном и богатом мире цветов и плодов. Ибо он, по-видимому, идет к могиле... Поэтому может ли быть наше время благоприятным временем для миссии, когда Глава Церкви, по-видимому, хочет перенести в другое место, в другой пояс земного шара то, что здесь идет к увяданию и гибели? Я этого не знаю. Но то знаю я, то должны знать и все мы, что никакая слава и величие нашего народа, никакая высота его духа и его мощи, никакая гордость его культуры не помогут ему, но умрут как пустоцветы и не принесут никакого плода, если он не будет питаться из того источника, который Христос Господь открыл нравственно разложившемуся и умершему миру. Все другое – это мы знаем наверное – престанет и подпадет суду и гибели. Ужели это будет и с нашим народом? Ужели это будет в те именно дни, которые Бог судил пережить и нам с вами, братия? Ужели нас самих ожидает такой страшный жребий?

Нет. Еще не иссякли потоки жизни в нашем народе; еще не умолкло слово о Кресте; еще не удалась и спасительная благодать от нашего Отечества, – и призвание Церкви насаждать Христа в сердцах и в жизни нашего народа, чтобы Он наполнял *все во всем*, имеет еще под собою почву. Еще не наступил вечер, еще продолжается день. Гак не будем же терять присутствия духа, опускать рук и погружаться в уныние. Еще восседает на престоле Бога Отца Тот, Который есть глава Церкви и наполняет ее Собою, дабы она наполнила собою мир.

Сменяются времена, изменяются формы. Но мировое призвание Церкви остается одно и то же. Мир должен служить Церкви, чтобы Церковь служила миру. Мы знаем, братия, эту конечную цель. Последняя цель состоит в том, чтобы Бог был *все во всем*. Но чтобы некогда Бог был во всем, чтобы пришло Его полное Царство, о котором мы ежедневно молимся, для этого Христос должен теперь наполнять *все во всем*. То есть цель, а это – путь. На этом пути стоим мы. Но средство – это деятельность Церкви, работа миссии вдали и здесь.

Итак, как бы ни было по временам тяжело и скорбно для души нашей смотреть на развивающийся дух бесцерковья, будем, братия, с надеждою поднимать взор свой к Тому, Который восседает на высоком престоле мира и мощною рукою управляет обоими – и миром, и Церковью, направляя их к тому, чтобы тот и другая служили друг другу. В такой надежде и уверенности, с радостью и бодро будем продолжать свою миссию как там, вдали, вне родины, у языческих народов, так и дома, в нашем народе, каждый на своем месте, так чтобы нам не на словах только, но и на деле показывать, что мы имеем Господом Того, Которому Бог *все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем* (Еф.1:22–23).

Проповеди на церковные праздники

Слово на Рождество Богородицы⁶³

Рождество Твое, Богородице Дево, радость возвести всей вселенной (тропарь праздника)

По церковному преданию, 8 сентября, в 21-м году пред рождеством нашего Спасителя, в Назарете Галилейском у благочестивых супругов Иоакима и Анны родилось то избранное дитя, которому предопределено было Промыслом стереть главу древнего змия. Бедность окружала его колыбель, и родители его, хотя и происходили от царского рода Давида, были люди совершенно простые и вели скромную, замкнутую жизнь. Таким образом, дитя, назначенное быть невестой Святого Духа и матерью Сына Божия, взирает впервые на мир Божий в бедности и тесноте, и, однако, вся земля и само небо имели все причины радоваться рождению сего дитяти. *Рождество Твое, Богородице Дево, радость возвести всей вселенной* – восклицает Святая Церковь.

И действительно, рождение Пресвятой Девы Марии принесло радость первее всего небу. Если Всемогущий Бог, по выражению Священного Писания, радуется всем Своим творениям, то как велика должна была быть Его радость, когда появилась на свет Мария – это благороднейшее и совершеннейшее из всех творений! Как художник с внутренним услаждением смотрит на особенно удавшееся произведение своих рук, так и Всевышний с особенным довольством взирал на эту прекрасную душу, в которую Он влил всю полноту Своей благодати и благородство которой превзошло все, что только сотворено было Его десницею на небе и на земле. Но вместе с Господом радовались и все лики Ангелов. Ибо если, по словам нашего Спасителя (Лк.15:7), на небе бывает великая радость об обращении и одного грешника, то какой восторг должен быть при рождении Той, чрез Которую все грешники должны были получить освобождение из бездны ада и порока. Мария назначена была быть Матерью Того, Который снова восстановил падшее человечество, избавив его от греха, проклятия и смерти.

Если же, таким образом, Рождество Пресвятой Девы принесло такую радость самому небу, то как же не радоваться было земле и человеческому роду? Если доброе дитя с радостью приветствует день рождения своей матери и проводит его с особенною торжественностью, то насколько более имеем причин к радости мы – христиане, при воспоминании дня рождения Честнейшей Девы-Богоматери, родившей нам Божественного Искупителя!

Как несчастный узник, целые годы томившийся в мрачной темнице, вдали от человеческого общества, не видя ни неба с его чудесами, ни земли с ее красотами, приходит в великий восторг, когда неожиданно отверзаются пред ним двери темницы и он получает возможность наслаждаться всеми благами свободы, так было и с человечеством, которое в продолжение целых четырех тысячелетий томилось в узах князя тьмы, когда оно чрез крестную смерть Спасителя достигло свободы чад Божиих.

Нам, с детства живущим под влиянием учения и установлений христианства, едва ли можно правильно оценить те блага и благодеяния, участниками коих мы сделались чрез Искупителя мира. Об этих благах искупления можно сказать то же, что и о красотах природы. Так как они для нас составляют нечто обыкновенное, ежедневное, то они не производят на нас особенно сильного, поразительного впечатления, и мы думаем, что все это великолепие звездного неба, вся эта прелесть усеянных цветами полей и лугов, все это так и должно быть, что иначе ничего и быть не может. Но что было бы, если бы и мы с юности томились в холодной и мрачной темнице и вдруг, среди прекрасного летнего дня выпущены были бы на свет Божий? Не совершенно ли другим представился бы нам тогда этот белый свет Божий, эта солнечная теплота, игра и ароматический запах этих цветов!

То же нужно сказать и о благах христианства. Чтобы оценить эти блага по их достоинству, нам нужно бы пожить для этого в язычестве, пережить всю пустоту, ту безутешность, то бедствие и нравственное разложение, которые царили на земле до пришествия Спасителя. Совсем иначе прозвучало бы тогда в

ушах наших учение христианства. С какою величайшею радостью и благодарностью приняли бы мы тогда его истины и правила и как глубоко напечатлели бы их в нашем сердце!

Нам, например, совершенно понятным кажется то, что у нас один только Бог и Отец на небе, что этот Бог есть дух и что все кланяющиеся Ему, должны кланяться в духе и истине (Ин.4:23–24). Но казалось ли это так понятным и естественным дохристианскому миру? Не видим ли мы, напротив, как язычник, под давлением внутренней туги, терзаемый угрызениями совести, в тяжелую годину жизни преклонял колена перед немymi, бесчувственными идолами? Его моление к ним не приносило никакого утешения в его разбитую душу. Вот почему он старался утолить гнев своих мнимых богов жертвами, нередко даже человеческими, или же надеялся приобрести благоволение их, предаваясь разврату.

Для нас совершенно понятно, что для человека по смерти наступает вечная жизнь, полная счастья для добрых и мучительная для злых. Но для язычника страна по ту сторону гроба была «пустое ничто», и урна собирала все, что оставалось от человека, или же родиною душ была только мрачная, туманная страна безутешных теней.

Как было в отношении этих истин, так было и в отношении всего нравственно-религиозного учения язычества. Всюду царило невежество, суеверие, безнравственность и растление, и среди этой страшной, весь мир охватившей ночи широко раскинул свой трон князь тьмы. Образованные и необразованные, богатые и бедные, знатные и простолюдины – все преклонялись пред его темным скипетром, и вся государственная и общественная жизнь человечества была зачумлена учением идолослужения.

Для более ясного представления о жизни язычества возьмем хотя бы один пример. Представим себе то положение, какое занимал в языческом мире бедный и низкопоставленный человек. Мы выросли в учении, что все люди без исключения – дети Божии, дети одного Отца Небесного, следовательно, братья одной семьи, которые взаимно уважают и любят и всем сердцем преданы друг другу. Но знало ли что-нибудь язычество

из этого учения? Каким образом могло оно хотя бы только предощущать, что Бог так далеко заходит в Своей любви к нам, что за помощь, оказываемую нами бедствующим, награждает так, как будто мы сделали это Ему Самому? Где во всем язычестве найдем мы хотя бы один пример той самоотверженной любви к ближним, которая готова пожертвовать для страждущего и нуждающегося в помощи собрата не только своею собственностью, своим достоянием, но и самую жизнь, которая простирается на все, что только носит название «человек», которая милует и врага, прощает и неприятелю, как это видим мы сейчас в христианстве?

Напрасно стали бы мы искать этого. Напротив, с возмущенною душою усматриваем мы, до какой степени в язычестве попираемы были права и достоинства отдельного лица. Не говоря уже о том, что женщина низведена была там на степень рабыни, что дитя лишено было всяких прав, да и человек-то вообще в глазах язычества был не более как товар, и чем беднее он был, чем ниже он был поставлен, тем безнаказаннее можно было мучить и умерщвлять его. Здесь невольно припоминается мне римский амфитеатр с его вечно обагренною кровью ареною, на которой нередко в один день погибали целые сотни и тысячи гладиаторов, которые на куски разрываемы были дикими зверями только для того, чтобы удовлетворить дикой страсти к зрелищам буйного, кровожадного, развращенного народа. Припоминается далее это бесчеловечное, варварское рабство, тяготевшее над большею частью языческого мира. В Риме были богачи, обладавшие целыми тысячами невольников, следовательно, целыми тысячами таких людей, которых они безнаказанно могли оскорблять, мучить и убивать. Причем само собою понятно, что раб не мог приносить никаких жалоб на своего господина, так как на всякого раба смотрели тогда не как на человека, но как только на живую машину, не более.

В языческом Риме – этом городе богатства, роскоши, изобилия и удовольствий, между дворцами и палатами великих мира сего, как это бывает и везде, целая четверть города занята была хижинами, где ютилось множество бедных и нуждающихся

в пропитании. Но в этом городе – не ужасно ли это! – не было ни одного приюта для бедных и престарелых, ни одной больницы для страждущих. Этого мало, у римлянина не было даже и слова для выражения понятия «милостыня» или «любовь к ближнему». Что же делалось с теми несчастными мужчинами и женщинами, которые по старости не могли зарабатывать себе куска хлеба? Что делалось с теми рабами, которые по болезни и бессилию не могли быть более полезными для своего господина? Что делалось с той массой голодных, бесприютных бедняков, когда ни одна рука не протягивалась к ним для помощи и поддержки их? О, для нас, при существовании у нас всякого рода прекрасных учреждений христианской любви, для нас, знакомых с богадельнями для слабых и престарелых, госпиталями для больных, воспитательными домами для сирот, обществами и братствами для нуждающихся и бедных, – для нас невозможно без ужаса заглянуть в эту мрачную эпоху, когда не была известна никакая любовь к ближнему. Ах, как много было бедных и беспомощных в низшем классе народа, которые желали своею собственною рукою вонзить кинжал в свое сердце, чтобы избавиться от своего страшного бедствия. Как много умирало их при поварьных болезнях без всякого призора, предоставленных самим себе, как дикие звери.

Все это необходимо принять во внимание, чтобы видеть картину того нравственного переворота, которое произвело на земле христианство, и основание для той радости, которую принес нам Сын Пресвятой Девы Марии. Он явился как тот Свет, Который осветил безотрадную тьму язычества и обновил все лице земли.

С того времени, когда Ангел сказал Марии: *радуйся. Благодатная! Господь с Тобою: благословена Ты в женах* (Лк.1:28), с этого времени сделалось совсем другим положение женщин вообще: женщина облагородилась и получила право на уважение как существо одного пола с Матерью Бога. С того времени, как сказаны были слова: *пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное* (Мф.19:14), возвысилось в глазах людей и слабое

дитя и приобрело право на любовь и уважение со стороны взрослых. С того времени, как сказал Христос: *так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф.25:40), изменилось к лучшему положение и всех бедных и незнатных, с этого времени мы всюду видим на земле господство любви к ближним, которая доказывает себя в бесчисленных проявлениях христианского милосердия.

Таким образом, если все слабые, презренные утешены, возведены сейчас в свое человеческое достоинство, то это исключительно благодаря учению рожденного Мариею Спасителя. Вот почему мы имеем все причины радоваться рождению Той, Которая родила нам этого Спасителя, и все побуждения от души молиться, чтобы новейшему духу времени не удалось разрушить здание христианства и вверх дном опрокинуть весь мир богооткровенных понятий, к чему делаются попытки, ибо, если бы это удалось, тогда все здание человеческого общества так же быстро распалось бы, как распалось Римское языческое царство. Да сохранит нас от сего Бог! Аминь.

Слово на Рождество Христово⁶⁴

И, поспешив, пришли и нашли Марию и Иосифа, и Младенца, лежащего в яслях (Лк.2:16)

Земля, возлюбленные слушатели, сначала была раем, полным счастья и блаженства, но грех первых людей превратил ее в плачевную юдоль бед и скорбей, болезней и смерти. Этого мало. Он положил средостение между тварью и Творцом, человека удалил от своего Бога, дитя отторг от недр Отца и чрез это погрузил весь род человеческий в бездну вечной гибели, вечной смерти. Но Господь не захотел оставить его в таком бедственном положении. По бесконечной любви Своей к нему, Он восхотел снова возвратить ему то, что потерял он в лице своих прародителей. Он тотчас же обещал ему Спасителя, Который должен был раздавить главу змия и примирить человека с Богом. Несколько тысяч лет люди тщетно ожидали пришествия этого Искупителя, и вот видите, в то время, когда никто об этом и не думал и не предощущал, Он вдруг сошел с неба на землю. В одну ночь вифлеемские пастухи пасли в поле стада свои. Вдруг озарил их свет небесный, и явившийся из него Ангел сказал им: *не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях (Лк.2:10–11).*

Это было, братие, в первую ночь Рождества Христова. Но вот мы снова переживаем сейчас эту Рождественскую ночь, и слово Божие снова сообщает нам ту же самую весть, которую Ангел впервые принес пастухам Вифлеемским. Что же должны мы сегодня сделать, чтобы достойно провести этот великий праздник? Сделаем то же, что сделали и пастухи: скажем и мы друг другу: *пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь (Лк.2:15).* А что же мы видим и найдем там? То же самое, что нашли и увидели пастухи: *нашли Марию и Иосифа, и Младенца, лежащего в яслях (Лк.2:16).*

Рассмотрим поближе группу этих трех лиц, чтобы извлечь отсюда для себя урок и назидание.

У яслей в Вифлеемской пещере прежде всего мы видим Марию. Она только что сделалась матерью; но телесный вид Ее не обнаруживает ни малейшего следа совершившихся родов. Он не показывает ни лихорадочной красноты, ни чрезмерной бледности. Она не испытывает ни слабости, ни боли; Она выглядит совершенно здоровою, свежою и цветущею. А почему? Потому, что Она девою была и до родов, девою осталась и после них. О, Мария! Ты поистине самая счастливая и самая благословенная в женах! Ради Тебя изменил Господь естества устав! Ибо чуждо, как говорит песнь церковная, *матерям девство и странно девам деторождение, но на Тебе обоя устроишася*. Все другие лица Твоего пола, если хотят наслаждаться радостями матери, неизбежно должны слагать с себя венец девства. Ты только одна из всех дочерей земли удостоилась благодати соединить красоту девства с достоинством матери!

Мария – Мать Младенца, Который лежит пред Нею в яслях. Она родила Его – Она и должна теперь окружить Его материнскими заботами, должна воздоить и вскормить Его, дабы Он возрос и сделался мужем, способным выполнить возложенную на Него задачу. Но и Дитя это, со Своей стороны, должно признать Марию Своею матерью. Оно должно воздавать Ей, как матери, почтение, питать в Своем сердце сыновнюю к Ней преданность и любовь, должно слушаться и повиноваться Ей. И Оно действительно знает уже Свою Мать. Как приветливо улыбается Оно Ей, когда Она устремляет на Него Свой материнский взор! С какою радостью простирает Оно к Ней Свои маленькие ручки, просясь на Ее руки! С каким удовольствием и восторгом Оно прижимается к Ее груди, когда удовлетворено Его желание!

Каковы были чувства Марии, когда Она стояла у яслей Своего Младенца? Ах, братие, кто может надлежащим образом изобразить это? Кто в состоянии перечувствовать то, что переживала и чувствовала тогда Она? То только достоверно, что в этот момент Она радовалась тому, что Она всегда, с

самого детства, боялась Бога и служила Ему, а потому могла стоять теперь пред яслями Своего Младенца с сознанием Своей нравственной чистоты и невинности. В этот момент Она от всей души благодарила Бога за то, что Он так *призрел на смирение Рабы Своей* (Лк.1:48), так возвеличил Ее и такую дал Ей благодать. В этот момент в тайниках души Своей Она давала обет Господу быть верною матерью для дарованного Ей Дитяти, о Нем заботиться, для Него трудиться и жить, а если бы это потребовалось, за Него и умереть. В этот момент Она снова посвящала Своего Младенца Богу, Который и даровал Ей Его, Которому одному только Он принадлежал и Который некогда обратно потребует Его от руки Ее.

Когда мы с такими мыслями смотрим на Марию, стоящую у яслей новорожденного Младенца, тогда невольно возникает в душе нашей чувство особенного к Ней благоговения. Но если кто сегодня должен устремить на Нее особенно внимательные взоры, так это вы, принадлежащие к женскому полу, особенно вы, юные девицы. О, смотрите пристально на Деву Марию и берите с Нее пример в Ее добродетели, в Ее нравственной и телесной чистоте и невинности! Храните чистоту вашего сердца и чувства – это драгоценнейшее сокровище, которым вы обладаете, это наилучшее украшение, с которым вы смело можете явиться пред лицом и неба, и земли. Не позволяйте лишать себя этого украшения, не отдавайте этого сокровища никому и ни за что на свете. Некоторые из вашего пола также сделали матерями – но как? Не только ценою их девства, но и ценою их чести и добродетели. А такие лица могут ли наслаждаться чистыми материнскими радостями? Может ли такая мать с благодарностью Богу простереть свои объятия и прижать к груди дитя свое? О, бедная, несчастная мать! Не наслаждаться и радоваться, а плакать и страдать должна ты, когда видишь дитя свое, ибо оно напоминает тебе о твоём падении, о твоей потерянной невинности. А когда оно, это дитя твое, подрастет и начнет говорить, то первыми словами, которые пролепечет оно, будут слова: мама и папа, а затем имена отца и матери. Но каково тебе, если оно в своем неведении спросит тебя: «Мама, а где же мой папа?» Не

придется ли тебе тогда пред малюткою закрыть от стыда лицо свое руками? А каково затем будет в то время, когда это дитя, пришедши в разум, поймет и узнает, каким образом ты сделалась матерью? Но еще более жгучая искра упадет в твою совесть в том случае, если оно само окажется в опасности сбиться с пути истинного, а ты захотела бы предостеречь его и обратиться к нему со словом увещания. Не в праве ли оно будет тогда сказать тебе в ответ: «Мама, да ты ведь и сама так делала, когда молода была». О, бедная, несчастная и жалости достойная мать!

Вот почему еще раз повторяю я вам: вы, юные, неопытные девицы, сохраняйте вашу невинность, берегите вашу девственную чистоту! А когда будете вступать в брачное состояние, то просите на это прежде всего благословения у Бога, а потом у родителей. И если затем сделаетесь матерями, тогда вы вправе будете радоваться так же, как радовалась Мария. Но тогда не забывайте и того, как она думала о тех высоких обязанностях, которые лежат на христианской матери. Давайте и вы тогда обет Господу, что вы будете верно и добросовестно выполнять эти обязанности, будете воспитывать ваших детей не в духе мира и для мира, а в духе веры, по воле Бога и для Бога!

Но обратимся теперь к тому мужу, который рядом с Мариєю стоит у яслей. Это святой Иосиф Обручник. Тихо и спокойно стоит он здесь, с умилением бросая взгляд свой то на Младенца, то на Мать Его, и светлая, неземная радость озаряет лицо его. Но каким образом попал сюда этот человек и почему он стоит рядом с Мариєю у яслей Вифлеемских?

Иосиф был мастеровой, плотник, который жил в тиши и уединении, кормился трудами рук своих и верно служил Богу, в точности исполняя Его заповеди. Таким образом, в глазах мира он был простым, маленьким человеком без титула и влияния; но глаз Бога усмотрел скрывавшееся в глубине сердца этого простого, незнатного человека великое сокровище благочестия и добродетели. И вот это ничтожное и малое Господь избрал для того, чтобы совершить через него нечто великое и важное. Он решил извлечь этого человека из праха и облечь его таким

достоинством, которое поставило его выше князей и царей. Мария, Мать Сына Божия, хотела и должна была остаться чистою девою; однако честь и положение Ее и Ее Дитяти требовали, чтобы Она жила в законном браке с мужем, которого, до тех пор, пока не открылась пред миром тайна пришествия Иисуса Христа, считали за отца Его. И Оба Они – и Мать, и Дитя – нуждались в попечителе, руководителе и кормильце, который заменял бы им отца и супруга. Вот почему Мария должна была жить с мужем, что доселе было совершенно неслыханным делом, в девственном браке. Но где такой человек, который был бы настолько богобоязнен, настолько нравственно высок, настолько свят и чист – словом, такой человек, который был бы ангелом в человеческой плоти? Однако Бог нашел его – Он нашел его в лице плотника Иосифа. Он обручается с Мариєю, он делается Ее законным мужем, а Она его женою; он окружает Ее своими заботами, берет Ее к себе, руководит Ею, сопутствует Ей в Вифлееме, где и родился от нее Иисус Христос, Спаситель мира. Вот почему и стоит он вместе с Мариєю у яслей.

Не должны ли мы проникнуться чувством благоговения и к этому мужу? Но в особенности вам необходимо сделать это, юноши и мужи! Его поучительный пример пусть всегда стоит пред вашими глазами! Старайтесь всегда и во всем подражать ему и идти тем же путем страха Божия, которым шел он. Если пойдете этим путем, то каковы бы ни были обстоятельства вашей жизни, как бы ни были вы малы и ничтожны в глазах людей, но зато, подобно Иосифу, велики будете в глазах Того, пред Которым всякая высота и величие сего мира не что другое, как призрак. В особенности же следуйте его примеру в отношении невинности вашего сердца и чистоты ваших нравов. Вот видите, святому Иосифу Бог вверил девицу как жену, без всякого опасения за добродетель целомудрия обоих. Но нашел ли бы Он между вами такого благочестивого юношу или мужа сейчас? Ах, други, как ни тяжело это, но справедливость требует сказать: едва ли! Есть довольно юношей и мужчин, которые при близком знакомстве и общении с особами другого пола в ослеплении страсти или себя лишают невинности, или

же являются несчастными, проклятия достойными соблазнителями и душегубцами, – но как редки Иосифы, в близости, непосредственном соприкосновении с которыми могла бы вне всякой опасности жить невинность!

А что сказать еще мужьям и отцам нашего времени? Каковы вы, мужья, в отношении ваших жен, каковы вы, отцы, в отношении ваших детей? Любите ли вы их от искреннего сердца? Заботитесь ли и работаете ли вы для них так, как этого требует долг ваш? Близко ли принимаете к сердцу их временное и вечное благо? Что можете сказать на это вы, празднoлюбцы, ходящие без определенных занятий, и вы, хищники, промышляющие чужою собственностью; вы, азартные игроки и пьяницы, вы, ленивые, беспечные и равнодушные христиане, не знающие ни молитвы, ни храмов Божиих, ни богослужения с его Таинствами? – Посмотрите на Иосифа. Он охотно исполняет все нелегкие отцовские обязанности по отношению к Дитяти, Которое не принадлежит ему, – а вы не хотите исполнять их и для тех, которым вы дали бытие и жизнь! Иосиф – любвеобильнейший, кротчайший и трудолюбивейший супруг для Жены, с Которою он живет как брат с сестрой, – а вы заставляете терпеть нужды и лишения, тесните и тираните и ваших собственных жен, которые родили вам целый ряд детей. О, устыдитесь пред святым Иосифом и сознайтесь, что вы не заслуживаете имени христианского супруга и отца!

Однако пора, наконец, обратить нам взор свой на Младенца, лежащего в яслях. Что это за Младенец? На первый взгляд Он кажется таким же, как и всякое другое дитя, только что появившееся на свет. Он – совсем маленькое и слабое существо; Оно лежит в яслях, Оно не может ни стоять, ни ходить; Его так же, как и всякого новорожденного ребенка, нужно поднимать, носить и снова класть. Даже более. Это совершенно бедное и жалкое Дитя: вертеп, назначенный для загона скота, – место Его рождения; ясли – Его колыбель, сено и солома – Его постель, пеленки – Его одежда. И, однако, что мы видим? Пред этими яслями преклоняет колена Мария, преклоняет колена Иосиф, преклоняют колена и пришедшие пастухи и с глубоким умилением и благоговением молятся

этому, по-видимому, маленькому, слабому и жалкому Младенцу. Что же это за Младенец? Что это за Дитя? Это то самое Дитя, о Котором Архангел Гавриил сказал Марии: *вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки (Лк.1:31–33)*. Это то Дитя, о Котором Ангел Господень сказал во сне Иосифу: *Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого; родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их (Мф.1:20–21)*. Это то Дитя, о Котором Ангел сказал пастухам Вифлеемским: *я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь (Лк.2:10–11)*. Таким образом. Дитя это есть Сын Божий, Который пришел в этот мир как человек. Оно кажется маленьким, и, однако, Оно есть беспредельное, неизмеримое Существо, Которое не может вместить небо и земля. Оно кажется слабым, и, однако, Оно есть Существо всемогущее, Которое одним словом вызвало к бытию всю вселенную и Своею мощною десницею держит ее и управляет ею по Своей воле. Оно кажется бедным и жалким, и, однако, оно есть Господь, от Которого все произошло, Которому все принадлежит и Который всем распоряжается как хочет. Оно лежит в яслях как дитя, и, однако, Оно сияет на небе как Бог.

Но почему же Сын Божий приходит в мир в образе человека? – Он приходит не для Себя, а для нас. Он приходит взыскать и спасти погибшее. Он хочет раздавить главу змия, искусившего в раю наших прародителей, хочет уничтожить грех и смерть, которую он (змий) внес в мир. Он хочет взять на Себя грехи мира и снова примирить человека с Отцом Своим, снова исходатайствовать ему благодать Божию и снова открыть ему заключенные врата неба. Он хочет быть нашим братом, дабы и мы были его братьями и детьми Его Отца, наследниками Небесного Царствия. Он исходит к нам в образе человека с тем, чтобы и мы некогда, при нашей смерти, могли взойти на небесную высоту вечного блаженства.

Но почему Он приходит не в величии, не в силе, не во славе Своей? Почему Он является в мир таким бедным и слабым существом – Младенцем? – Что такое мир? Святой евангелист Иоанн говорит: *Не любите мира, ни того, что в мире... Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская (1Ин.2:15–16)*. Эту троякую похоть, которая всегда служит обильным источником греха, Спаситель и хочет подавить. Он хочет Своею проповедью обратить на нее внимание людей и воодушевить их на борьбу с нею. Он хочет сделать это сейчас же, при первом появлении Своем на свет. Как Младенец, Он не может еще сделать этого словами и потому проповедует о сем делом. Вы, богатые, что думаете вы о благах сего мира? Не считаете ли вы их за величайшее сокровище на земле, которого вы всеми силами добиваетесь и, когда приобретаете, не сосредоточиваете ли на них все свое внимание, всю свою любовь и заботы? Но пойдите к яслям Вифлеемским и посмотрите! Младенец, лежащий в этих яслях, есть Сын Божий, и, однако, Он является на эту землю в крайней бедности, в нищете. О чем проповедует Он вам этою бедностью? – Он приносит вам с неба весть, что деньги и имущество, богатство и сокровища этого мира ничего не значат в глазах вашего Небесного Отца.

А вы, именующие себя знатными между вашими собратьями, за что почитаете вы всякую земную высоту? Не думаете ли вы превозноситься на основании своего происхождения, своей родовитости и своего положения над другими и не смотрите ли на них свысока и с презрением? О, пойдите к яслям Вифлеемским! Младенец, лежащий в этих яслях, есть Сын Божий, а Он является на эту землю в крайнем унижении. Незнатная девица – Его Мать; простой плотник – Его попечитель, которого Он называет Своим отцом, а Себя его сыном. О чем говорит это униженное явление в мир Иисуса Христа? Оно говорит, что высота происхождения, знатность рода и преимущественное общественное положение сами по себе не значат ничего.

А вы, беззаботно предающиеся веселью и удовольствиям, что думаете об этих радостях и наслаждениях мира? Не

думаете ли, что без них не было бы счастья на земле? О, подойдите к яслям Вифлеемским! Этот Младенец, лежащий в них, есть Сын Божий, и, однако, как далек Он и в самом младенчестве Своем от удовольствий и радостей сего мира! Не со смехом, а с плачем и слезами вступает Он в мир, и не с тем вступает, чтобы наслаждаться радостями, а чтобы плакать и трудиться, терпеть и страдать, а потом и умереть. Что говорит вам такое самоотречение Спасителя? Оно говорит, что истинных радостей для сердца следует искать не в удовольствиях и наслаждениях мира и что можно быть счастливым и в страданиях и злоключениях жизни. Более того. Если Сын Божий явился в мир в таком виде, то отсюда можно заключить, что человек тем богаче, тем выше, тем счастливее в глазах Бога, чем более он обрекает себя на добровольную нищету, на добровольное уничтожение и самоотвержение при совершении поприща земной своей жизни. Так это есть на самом деле. О, если бы все люди прониклись такими мыслями и чувствами в ночь Рождества Христова у яслей Спасителя!

Закончив свое размышление о Марии, Иосифе и Младенце Иисусе в Вифлеемском вертепе, я хочу спросить вас, братие: что хотите вы делать в продолжение нынешнего дня? О, сделайте то же, что сделали благочестивые пастухи Вифлеемские. Поспешите перенестись своим умом и сердцем к месту рождества Христова и оставайтесь там целый день! Пробудите в себе живую и непоколебимую веру в ту непреложную истину нашей Церкви, что Родившийся Христос есть Сын Живого Бога, Бог от Бога, Бог истинный от Бога истинного, Который пришел в мир просветить, искупить и спасти его от греха и вечной гибели. В этой вере падите пред Ним ниц и молитесь Ему, как вашему Творцу и Господу. Возблагодарите Его от всей души вашей, что Он настолько взыскал вас Своею любовью, что, оставив небо, нисшел ради вас в эту плачевную юдоль. Обещайте Ему здесь, что вы всегда будете иметь пред глазами пример Его, никогда не забудете Его учения и всегда будете идти тем же путем, каким шел в Своей земной жизни и Он. Сделав это, обратитесь затем к Марии и Иосифу и просите их, чтобы они сегодня там, на небе,

помолились Сыну Своему, да поможет Он вам оставаться до конца своей жизни так же верными и твердыми в вере и добродетели христианской, как верны и тверды были они. И если такими истинно христианскими очами вы увидите Христа своего Младенцем, лежащим в яслях, в месте, назначенном для скота, теперь, – то, несомненно, сподобитесь некогда узреть Его и там, на небе, в блеске величия и славы, сидящим одесную Своего Небесного Отца. И тогда вы, как вечные и блаженные граждане и наследники Его Небесного Царства, снова падете пред Ним ниц, чтобы пролить к Нему теплую молитву и воспеть свою песнь хвалы и благодарения. Аминь.

С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним. Тогда Иисус сказал двенадцати: не хотите ли и вы отойти? (Ин.6:66–67)

«Зачем и куда идешь ты, сын мой?» – так спрашивает добрый отец своего сына, которого он со всякой любовью и заботливостью берег и лелеял, воспитывал и образовывал, но которому тесно стало в родительском доме, и он, вопреки желанию отца, неудержимо рвется в неизвестную даль. Там, за пределами отцовского дома, лежит пред ним мир, столь великий и обширный, но столь полный опасностей, искушений и злоключений на различных путях своих. Изберет ли он надлежащий путь, достигнет ли своей цели, будет ли он счастлив? «Ах, зачем же и куда стремишься ты?» – снова спрашивает его сердобольный отец, с глубокою скорбью на душе, с горькими слезами на глазах. Глубоко трогательны эти, прямо из любящего отцовского сердца исторгающиеся слова, и разве только в самой испорченной душе они не способны произвести решительного переворота. Но еще трогательнее для благочестивого человека должен быть приведенный нами вопрос Спасителя: *не хотите ли и вы отойти?* – вопрос, с которым Он в лице двенадцати учеников Своих обращается и к нам сейчас, в виду усиливающегося в наше время отпадения христиан от Него и Его Церкви, и на котором мы желали бы сегодня остановить ваше, братие, внимание. О, если бы сегодня, в день Нового года, под влиянием этого вопроса Спасителя оказались мы настолько искренними к самим себе, что, взвесив пред судом своей совести все свои труды и заботы, намерения и цели, домогательства и стремления, предстали пред лице Бога с искреннею мольбою 138-го псалма: *Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое; испытай меня и узнай помышления мои; и зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный* (Пс.138:23–24).

Итак, рассмотрим многозначительный вопрос Спасителя (не хотите ли и вы отойти от Меня) в связи речи: рассмотрим

его а) как выражение скорби Спасителя о том, что столь многие из Его последователей отходят от Него, и б) как побуждение для нас, христиан, к испытанию самих себя и своего жизненного направления.

а) Как солнце видимое представляет собою собственно один небольшой, но светлый, лучезарный круг, а другой – большой по объему, но менее светлый, так вокруг Господа, кроме небольшого кружка двенадцати апостолов, собрался другой, более обширный круг последователей. Привлеченные Его чудесами, плененные силою Его слова, последние долгое время ходили за Господом, не давая себе отчета в том, какое сделали они приобретение в лице Иисуса Христа и какой пользы могли они ожидать от Него. Увидев чудо насыщения пяти тысяч народа пятью хлебами и двумя рыбами, они подумали, что настали времена Мессии, пришел тот пророк, которому должно прийти в мир, и в этом они, конечно, не ошибались. Ошибались они только в чувственном представлении Царства Мессии, полагая, что их теперь постоянно будут кормить хлебом, сходящим с неба. Христос не раз предлагал им учение о Своем истинном существе, направляя его прямо против изменности их плотских стремлений и ожиданий. Он внушал им стараться не о тленной пище, а о хлебе небесном, истинном, который дает жизнь миру. И на их просьбу: *Господи! подавай нам всегда такой хлеб (Ин.6:34)* – Он сказал им: *Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда. Но Я сказал вам, что вы и видели Меня, и не веруете (Ин.6:35–36)*. Тогда возроптали на Него иудеи за то, что Он сказал им: *Я хлеб живой, сшедший с небес (Ин.6:51)*. Но чем дальше, тем с большею ясностью раскрывает Он им, что их следование за Ним из-за одних внешних, чувственных побуждений не доставит им никакой пользы, если они не уверуют в Него как истинного посланника Божия. Он открывает им, что и происхождение их отцов, которые ели манну в пустыне, нисколько не поможет им, если они сами не получат истинного хлеба жизни, и что этот хлеб есть плоть Его, которую Он отдает за жизнь мира (Ин.6:51). Отсюда начинается решительный поворотный пункт для многочисленной толпы

иудеев, следовавших за Иисусом. Многие из них, выслушав учение Его о плоти Своей как истинной пище и крови как истинном питии, сказали: *какие странные слова! кто может это слушать?* (Ин.6:60). Тогда Спаситель прямо и решительно сказал им, что их приближение к Нему не истинное и бесполезное. С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и более уже не ходили с Ним, так как они поняли теперь, что Христос не может удовлетворить их плотским ожиданиям и честолюбивым расчетам.

Как жалки эти люди, которые не могли найти в Иисусе Христе ничего такого, что могло бы удержать их при Нем. Хотя они и сличали ветхозаветные обетования о Мессии с тем, что представлял из Себя Христос, хотя и находили они в нем осуществление многих из этих обетований, но это было делом только их разума, а не сердца, верою по букве, а не живою и действенною верою. Они похожи были на людей притчи, у которых семя слова Божия падало на каменистую почву. Они слушали слово Божие и принимали его с радостью, но оно не пустило корня в их сердцах, а потому они не могли быть тверды в своей вере. Лишь только Христос выступил пред ними с решительным требованием веры в Свое Божественное величие – и они отошли от Него.

Так было во времена Спасителя. Не то же ли самое замечаем мы в отношениях к Нему и у позднейших Его последователей – современных нам христиан?

Воспитываемые с детства благочестивыми родителями в православно-христианском духе, наставляемые в истинах православно-христианского вероучения, многие принимают его только внешним образом и только по привычке осуществляют его в своей жизни; но если приходится им более серьезным образом доказать свою веру, перенести какие-либо лишения и страдания за своего Господа, то они не обнаруживают достаточного мужества в этом испытании, в них возникает ропот, они отходят от своего Господа, не хотят знать и матери своей, Церкви. Сначала, на первых порах своей жизни, многие из чад Православной Церкви с радостью и удовольствием принимают и соблюдают все то, чему учит их Церковь на

основании Священного Писания и Священного Предания. Но вот закрадывается в их сердца сомнение в истинности простого библейского учения и спасительности церковных Таинств, доносится до их слуха чуждый голос нечестивых лжеучителей, подтверждающих их сомнение, – и они теряют веру в своего Господа и отходят от Него, вообразив себя, подобно блудному сыну, способными жить самостоятельно.

Но вот Господь с любовью отца, с внутреннею тугою смотрит вслед каждого из этих отходящих от Него блудных сынов Своих и говорит им: *не хотите ли и вы отойти?* Вот стоит Он с любовью царя, который готов жизнью пожертвовать за каждого из этих, изменяющих Ему Его подданных, и, как у пророка Михея (Мих.6:3–4), говорит им: *Народ Мой! что сделал Я тебе и чем отягощал тебя? отвечай Мне. Я вывел тебя из земли Египетской и искупил тебя из дома рабства, и послал перед тобою Моисея, Аарона и Мариам. Людие мои, подумайте о том, сколько добра сделал для вас Господь ваш!* Вот стоит Он с любовью пастыря, который готов бежать вслед за каждой отбивающейся от стада овцой и на раменах Своих принести ее домой. Вот стоит Он с любовью и скорбью жениха, который все сделал для того, чтобы пойти под венец со Своею невестою и навсегда связать с нею судьбу Свою, но в день брака она отказывает ему в руке своей и отдается другому.

О, какая скорбь снедает грудь Спасителя, когда Он видит, как много его последователей удаляется от Него и Его Святой Церкви. Он готов удержать их в доме Отца Своего, но они не хотят более быть в нем. У Него, в Его обширном, любящем сердце, есть место для всех них, но они не хотят оставаться в нем. У Него достало бы благодатных средств для всех, но они не хотят ими пользоваться. В доме Отца Его много светлых обителей и украшенных чертогов, но они слепы, они не видят красоты и великолепия этих чертогов и без сожаления оставляют их. Само собою понятно, что если они не хотят более оставаться с Ним, то здесь не может быть места никаким принудительным мерам, – в таком случае Он должен отпустить их, хотя и с глубокой скорбью.

Но как несчастны и жалки эти неверы, отступающие от Христа и Его Церкви! Как обманываются они, рассчитывая сделать чрез это шаг вперед, стяжать себе титул передовых людей! Не вперед шаг делают они чрез это, а отступают назад, потому что истинное движение вперед есть только движение ко Христу. И, однако, наше время – поистине – время не приближения ко Христу, а удаления от Него и Его Церкви. Осмотритесь кругом, и вы вполне убедитесь в этой печальной истине. С каждым годом все более и более умножаются между христианами ереси, расколы, отпадения от истинной веры во Христа, более и более является людей, вовсе утративших благо веры и только по одному имени и по рождению в христианской семье принадлежащих Церкви. О, если бы Спаситель явился сейчас среди нас, то при взгляде на нас, не предложил ли бы Он и сейчас, как тогда, Своего полного скорби вопроса: *не хотите ли и вы отойти?*

С этим вопросом в приведенном нами тексте Христос обращается, собственно, не к отходящим от Него ученикам более обширного круга, а к тем двенадцати избранным ученикам Своим, которых Он ввел во внутреннее общение с Собою. Такой вопрос Спаситель предлагает последним не потому, чтобы Он не надеялся на их верность Себе, но чтобы побудить их к самоиспытанию. При этом Спаситель как бы так говорит: «Не хотите ли уж и вы отойти от Меня? вы, которых Я так приблизил к Себе из одной любви к вам, вы, которым Я открыл тайны Царствия Божия и снабдил особенными, благодатными силами и дарами? Отойти от Меня, оставившего ради вас Свою небесную родину, где жил Я в полном довольстве, в блеске величия и славы и снисшедшего в эту плачевную юдоль бед и скорбей, – от Меня, извлекшего вас из бездны гибели и оказавшего вам такую любовь, какой никто не может оказать?»

Таков смысл и содержание этого вопроса Христа к двенадцати ученикам Своим. Этим Он не хочет насильно заставить их остаться при Нем. Нет, – это дело их свободного выбора. Как отошли от Него другие, так и они могут отойти от Него, если им не нравится общение с Ним. Их не должны

приковывать к Нему никакие внешние, насильственные узы. Своим вопросом Спаситель хочет заронить только жгучую искру и совесть учеников Своих и заставить их посерьезнее испытать самих себя, взвесить, в каком они отношении стоят к Нему, чем они пользуются от Него в настоящем, что могут получить от Него в будущем и что могут найти, если бы отошли от Него.

б) Такое именно действие и произвел на апостолов этот исполненный грусти вопрос Спасителя, как это видим мы из ответа апостола Петра, который он дает им от лица всех своих собратий: *Господи! говорит Петр, к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго (Ин.6:68–69)*. Да и куда им, в самом деле, было идти? Разве к их прежнему занятию рыболовством, к рыбацким снастям и лодкам на Генисаретском озере? Но Христос сделал их ловцами человеков, а это занятие и призвание несравненно выше. Или к Иоанну Крестителю, учениками которого некоторые из них прежде были? Ах, его уже не стало – Ирод Антипа убил его, да к тому же Иоанн не был светом истинным, самосветящим, – он светил только светом, заимствованным у Христа, как и сам Он свидетельствовал: *Ему, то есть Христу, должно расти, а мне умяться (Ин.3:30)*. Но здесь было Само вечно светящее солнце правды. Или они, быть может, могли пойти к фарисеям и книжникам? Но они *связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их (Мф.23:4)*. Но здесь Тот, иго Которого благо, и бремя Которого легко (Мф.11:30), и у Которого одного только можно найти покой душам своим. Или должны они примкнуть к первосвященникам и старейшинам иудейским? Но слава их храма уже померкла, и завеса, отделявшая Святая Святых от входа в нее народа, скоро будет разодрана. А здесь стоит Вечный Первосвященник, Который вошел в самое небо и Своей собственной кровью совершил там искупление. Или, наконец, нельзя ли было им пристать к Ироду – царю, к Пилату – правителю? Но их власть была только тенью и слабым отражением истинной власти. Здесь же – Сам истинный Царь из племени Давидова, Который сделал их Своими подданными, и кто от истины, тот слушает

Его голос. Итак, на что им было решиться, куда идти? Всюду непостоянство и смерть, всюду ночь, мрак и тени – здесь, у Христа только жизнь и глаголы живота вечного, у Него только свет, мир и радость.

А что сказать теперь нам с вами, слушатели, на этот трогательный вопрос Спасителя, который и для нас имеет такое же значение побуждения к самоиспытанию, какое имел он для двенадцати апостолов? Не хотим ли уж и мы отойти от Христа и Его Святой Церкви точно так же, как отходят на наших глазах многие из наших собратий? Если когда, то именно сегодня, в день Нового года, особенно нужно нам испытать самих себя, куда склоняемся мы нашими мыслями, желаниями и намерениями, и на каком пути мы находимся. Так обыкновенно делает благоразумный путешественник: проведши ту или другую станцию, он останавливается и соображает, по той ли дороге идет он, которая прямее и беспрепятственнее может привести его к предпринятой цели. Так должны делать на пути нашей жизни и мы – странники земли, не имеющие здесь постоянного града, но ищущие будущего (Евр.13:14). И так, куда же идем мы и куда должны идти?

Может быть, ты идешь к провозвестникам мудрости века сего или к новоявленным ересеучителям, с их новыми евангелиями, с их новою самоизмышленной верой? – О, предостереги себя от их обманчивого света, от их растлевающего учения: там ничего нет для твоей бессмертной души, ничего нет для вечности – Христос только имеет глаголы живота вечного, у Него и в Его Церкви только душа находит то, чего так сильно желает, – свет, жизнь, мир и радость. Может быть, тебе хочется примкнуть к сонму тех, которые утопают в роскоши и неге и не отказывают себе ни в каких земных удовольствиях? Но этот мир, со всеми его удовольствиями, преходит и только тот, кто исполняет *волю Божию, пребывает вовек* (1Ин.2:17), у него только есть истинная радость. Или, быть может, ты жаждешь почестей и уважения в этом мире, хочешь быть богатым и знаменитым, занимать высокое положение в обществе? Но все это *суета сует*, – *все суета!* (Еккл.1:2), одна только честь у Бога достойна нашего достижения и никогда не

теряет своего значения. Или ты хочешь во что бы то ни стало добиться расположения великих и сильных мира сего, чтобы при посредстве их сделаться счастливым? Но помни, что их рука слаба, их величие непостоянно, их сила ничтожна. У Христа только ты можешь найти для себя прочную и надежную опору, только Он один *вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр.13:8). К Нему, к Нему одному должны мы направлять и свои мысли, и свои желания, и свою деятельность. Куда бы помимо Его нас ни звали – не слушаем; куда бы ни указывали – не посмотрим; куда бы ни стали завлекать – не последуем!

В жизни нам часто приходится стоять на перекрестке. Справа мы видим узенькую тропинку, которая чрез тесные ворота ведет в жизнь вечную, а слева широкую дорогу, чрез широкие ворота ведущую в бездну гибели. По-видимому, все люди должны бы одинаково предпочитать первый путь, ведущий к вечной жизни, потому что каждый хочет жить и блаженствовать и никому не хочется умереть и погибнуть. Но перекресток соблазнителен, опасен, ибо путеводителем по правому пути служит один только простой крест, с такого рода надписью: *кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мк.8:34). Но не очень заманчива эта надпись для людей. Напротив, запуганные ею, они поспешно обращаются в другую сторону – посмотреть, каково там. Там видят они множество дорог и дорожек, на которых стоят столбы – указатели пути, с разного рода заманчивыми надписями. На одном, например, написано: «В храм славы и почестей». Как привлекательна эта надпись! Как много прельщенных ею идут по этой дороге и низвергаются в пропасть. На другом стоит: «На золотые горы и к сокровищницам». И смотрите, как гнутся и ухищряются, как напрягаются и толкаются эти злосчастные сребролюбцы, бесчисленными толпами взбирающиеся на эти горы! Они забыли, что за этими золотыми горами и сокровищницами каждого из них ждет мрачная могила только в три аршина длины и в полтора аршина ширины, куда нельзя взять всех этих сокровищ. Далее читаем: «К веселой и разгульной жизни, к чувственным удовольствиям и наслаждению!» И так как люди

по испорченности своей природы никогда не прочь от удовольствий и наслаждения, то какими длинными толпами спешат они сюда, истощают жизнь, тратят силы и здоровье, жертвуют душевным спокойствием. Тех многочисленных жертв этой разгульной жизни, трупы которых печально лежат на этой дороге, казалось бы, достаточно для того, чтобы привести в ужас всякого стремящегося сюда, но ослепляющая страсть к наслаждениям берет свое. Она постоянно привлекает тысячи тысяч новых жертв молоху чувственных удовольствий, повергая их в его распаленные объятия. Дальше, дальше от этого пути ты, бедный и неокрепший юноша, ты, невинная и слабая девица! Здесь дело идет уже более чем об обыкновенном счастье, здесь идет дело о вечном блаженстве. Но вот читаем мы еще такого рода надпись: «К счастью и миру в этой жизни». Эта надпись, хотя и не так опасна, как те, однако истинное счастье возможно только там, где вечное блаженство, а истинный мир возможен только под условием мира с Богом.

Христианин! Переступая порог Нового года, который, по причине постигшего край наш страшного бедствия – голода, не может не порождать в нас тревожных опасений, потщись прочитать по книге своей совести свои мысли, намерения и домогательства и определить, на каком пути ты находишься. И если, к несчастью, окажешься на левом, широком пути, то постарайся хотя в наступающем и, быть может, последнем в твоей жизни году стать на правый. Сюда зовет тебя Сам Спаситель, говоря: «Ужели и ты хочешь отойти от Меня?» Не считай слишком трудным и непосильным для себя крестный путь Его. Ибо Христос, хотя и требует, чтобы ты нес этот крест, но лишь только ты возьмешься за него, как Он Сам спешит подставить рамена Свои, чтобы облегчить труд твой, разделить с тобою ношу. И это бремя – оно поистине ведет к высшему наслаждению, и наоборот: бремя мира – оно ведет всегда к более и более тяжелому и горькому бремени. И куда бы ты ни пошел помимо Христа и Его Церкви, но рано или поздно ты везде почувствуешь себя обманутым.

Итак, пусть другие идут куда хотят, но мы, возлюбленные чада Православной Церкви, будем стремиться к нашей цели –

Господу Иисусу. И если потом Он обратится и к нам с вопросом: *не хотите ли и вы отойти?* – будем отвечать Ему словами апостола Петра: *Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго. Аминь.*

Слово в день Собора Иоанна Предтечи⁶⁶

Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему (Лк.3:4)

Сегодня Церковь наша прославляет святого пророка, Предтечу и Крестителя Иоанна, Спасенный по милости Божией от смерти, постигшей тысячи младенцев в Вифлееме во время избиения их по приказанию Ирода царя, святой Иоанн детство и юность провел в дикой и безлюдной пустыне, готовя себя к великому служению постом, молитвою и строгою жизнью. Но когда приблизилось время, в которое Спасителю нужно было выходить на общественное служение, *был глагол Божий к Иоанну (Лк.3:2)*, чтобы он вышел с проповедью покаяния и подготовил бы сердца людей к принятию Мессии. Повинуясь этому призыву, святой Иоанн тотчас же приступил к его исполнению. Имея около 30 лет от роду, он явился, по выражению церковной песни, как *светлая утренняя звезда*, которая своим блеском превосходила сияние всех других звезд и предвозвещала утро благодатного дня, освещаемого духовным Солнцем – Христом (Мал.4:2). С ревностью исполняя волю Божию, он, как говорит Евангелист, *проходил по всей окрестной стране Иорданской, проповедуя крещение покаяния для прощения грехов (Лк.3:3)*. Этот *глагол Божий* продолжает, братие, и сейчас исходить к пастырям и учителям Церкви, призывая их к проповеди покаяния. И благодарение Богу! – Пастыри следуют этому призыву, неленостно проповедуя слово Божие и в храмах и вне оных, за богослужением и во внебогослужебное время, и в своих приходских церквях и в особых, нарочито для проповеди устраиваемых, какова и настоящая. В Евангелии Иоанна говорится, что Иоанн Креститель на вопрос фарисеев: *кто же ты?* – отвечал: *я глас вопиющего в пустыне*, каковое наименование он прилагает к себе и в приведенном нами месте (Лк.3:4; Ин.1:23). Это наименование приложимо и ко всем благовестникам христианского учения, ко всем церковным проповедникам. Ибо голос христианского проповедника должен быть голосом

вопиющего – но он, к сожалению, очень часто бывает и голосом вопиющего в пустыне. Вот мысль, раскрытие которой я нахожу уместным в этом новом храме, который устроен с миссионерскою, духовно-просветительскою целью и предназначен для ежедневной проповеди.

Голос проповедника, говорю я, должен быть голосом вопиющего. Вопиать – значит резко кричать, говорить громким, возвышенным, напряженным голосом. Вопиют, или громко говорят, во-первых, тогда, когда те, к которым обращена речь, находятся на большом расстоянии от говорящего. Проповедник покаяния главною задачей своею имеет действовать на совесть грешников, удалившихся от Бога, и возвращать их на истинный путь. Но какое расстояние может быть больше того, какое отделяет грешника от Бога Всесвятого? Астрономы говорят, что Луна отстоит от земли на 50 тысяч миль, а многие из других светил на сотни тысяч миль; они уверяют, что пушечное ядро должно было бы много лет лететь, чтобы достигнуть Солнца; они утверждают, что миллиарды звезд так называемого Млечного Пути движутся в небесном пространстве на расстоянии от нас целых миллиардов верст. Но несравненно далее, чем Луна от Земли, чем Солнце и звезды Млечного Пути от нас, отстоит смертный грешник от Бога. Ибо воздух, который между Ним и грешником, беспределен. Голос же проповедника должен проникать в сердце и такого человека, должен и ему указывать на ужас и бедствие того положения, в каком он находится. Чтобы достигнуть этого, его голос должен быть, конечно, голосом громко вопиющего, иначе его не будет слышно.

Во-вторых, громко говорят тогда, когда имеют дело с глухим, то есть с человеком, у которого поврежден орган слуха. Проповеднику весьма нередко приходится иметь дело и с глухими, только не телесно, а с глухими духовно. Сюда относятся все закоснелые, упорные грешники, то есть те, которые в продолжение многих лет, повторяя очень часто какой-нибудь грех, наживают такую сильную к нему привычку, что, несмотря на все вразумления со стороны своих родителей, духовника или проповедника, не хотят подавить в себе эту

привычку, не хотят даже избегать и ближайших поводов к любимому греху. Все таковые слушатели намеренно закрывают уши своего сердца – не хотят слушать проповедника, когда он обращает внимание на их грехи и пороки, на их дурные наклонности и греховные поступки. Не должен ли поэтому его голос быть голосом громко вопиющего, если он желает, чтобы его услышали и поняли и такого сорта слушатели?

В-третьих, сильно кричат еще, когда нужно бывает разбудить крепко спящего. Нередко и очень нередко приходится и проповеднику пробуждать своею проповедью спящих. Здесь я разумею опять не телесно спящих (хотя ныне не бывает недостатка и в таких, которые часы богослужения и проповеди превращают в часы сна), но спящих духовно. Крепко заснувший ничего не чувствует, что происходит вокруг него, он не боится и ничего не слышит даже и тогда, когда ему угрожает большая опасность от воров и разбойников, от огня или других несчастий. Между слушателями христианского проповедника бывает очень много таких, которые, находясь в состоянии нравственного сна, не чувствуют никакой опасности в отношении спасения своей души. Сюда относятся все беспечные, равнодушные религиозные индифферентисты, число которых, к прискорбию, легион. Сюда принадлежат особенно те самоправедные фарисеи, которые думают, что им нечего бояться Бога и небо для них совсем безопасно, потому что они не знают за собою никаких особенно крупных грехов, потому что они, как часто сами говорят, никого не убивали, никого не обкрадывали, ни ложной присяги не принимали, ни домов не поджигали, ни прелюбодеяний не совершали и т.п. Но что они ежедневных молитв не совершают или совершают только для формы, без участия сердца, что без уважительной причины Божественную литургию в воскресные и праздничные дни пропускают, ненависть и злобу в сердцах своих питают, нецеломудренным помыслам и вожделениям предаются, двусмысленные, безнравственные речи говорят или слушают, в житейских и торговых сношениях обманы допускают, постов и воздержания не соблюдают – на это они не обращают внимания. К числу беспечных и духовно спящих относятся и те,

которые в своем безумном ослеплении пороки свои облачают в тогу добродетелей и на свои слабости смотрят как на добрые качества, когда, например, гордость свою выдают за самоуважение, роскошь в одеждах за чистоплотность, свою скупость и жадность за бережливость. Сюда, наконец, принадлежат еще те из христиан, которые, предаваясь греху и пороку, любят утешать себя мыслью о бесконечном милосердии Бога, забывая при этом о Его бесконечной святости и правосудии. Такого рода христиан много между так называемыми образованными классами. Состояние, в котором находятся все эти спящие религиозные индифферентисты, тем серьезнее и пагубнее, что они совершенно не сознают его опасности. Христианский проповедник обязан побуждать и этих спящих, разрушать их тщетную надежду на себя и на Бога, раскрывать им этот самообман и путем возбуждения страха выводить их из мнимого покоя и безопасности. Но чтобы достигнуть этого, ему необходимо сильно возвышать свой голос, чтобы его могли слышать, – необходимо опять быть гласом вопиющего.

Наконец, возвышают до крайнего напряжения свой голос еще тогда, когда говорят в чувстве ревности и справедливого негодования с желанием произвести более сильное впечатление на слушающего. Очень нередко пастырско-благовестник божественного слова находится и в таком положении. Крепко нужно бывает возвышать ему свой голос против греха и порока и греметь против тайного и явного растления в своем обществе. И если он при этом предастся гневу, то этот гнев есть гнев безгрешный, справедливый, священный гнев. В чувстве такого гнева говорили часто пророки Ветхого Завета. Такому гневу предавался и ныне прославляемый проповедник покаяния Иоанн Предтеча. Таким гневом воспламенялся и Сам Спаситель при виде тех возмутительных злодеяний, какие совершались у Него на глазах. Такому священному гневу естественно предаваться и проповеднику божественного слова. Мужественно и неустрашимо он должен возвышать свой голос против всякого зла. *Взывай громко, не удерживайся*, говорит Бог пророку

Исаии, *возвысь голос твой, подобно трубе, и укажи народу Моему на беззакония его (Ис.58:1)*. Это требование, с которым Бог обращается здесь к пророку Исаии, приложимо и ко всякому христианскому проповеднику. Следовательно, и его голос должен быть гласом вопиющего – но, к сожалению, он очень часто бывает гласом вопиющего в пустыне, как это мы увидим сейчас из нижеследующего объяснения.

Если бы кто стал кричать в безлюдной, необитаемой пустыне, то его голоса, конечно, никто не услышал бы, как бы он ни был силен. Такова часто бывает судьба и проповедника слова Божия. Хотя ему и не приходится говорить в пустыне, хотя он говорит большею частью пред многочисленным собранием, в храмах, иногда переполненных народом, но часто от этого так же мало бывает пользы, как если бы он проповедовал в безлюдной пустыне, пред одними скалами и камнями. Его слова остаются пустыми, никем не воспринимаемыми звуками. Из семян слова Божия, которые он сеет, одна часть, как говорит Сам Спаситель в Своей притче, падает на дороге и затапывается проходящими, другая падает на каменистую почву и не всходит, а третья попадает между терниями и заглушается травой, и только небольшая часть падает на добрую почву и приносит плод (Мф.13:3–23). Многие из христиан слушают проповедь только телом, а не душою: они готовы отдать свое внимание всему возможному, только не слову проповедника. Другие хотя и уделяют этому слову долю своего внимания, но не воспринимают его сердцем, то есть они не верят и не следуют тому, что им проповедуется, а потому слово Божие не производит на них никакого впечатления. Проповедник, желая обратить сердца грешников к Богу, делает им предупреждения, наставления и увещания, но они не слушают его, – они намеренно ожесточают сердца свои и спокойно идут своим путем, отходя все дальше и дальше от Бога. Он хочет пробудить нравственно заснувших от глубоко сна, разубедить их в ложной безопасности, но они не трогаются его словами и, вместо того чтобы принимать их на свой счет, относят их всегда только к своим ближним.

Если же, наконец, он, объятый праведным гневом, смело и неустрашимо возвышает свой голос против явных и тайных пороков в своем обществе, то или подвергается насмешкам и презрению, или же делается предметом явного и тайного преследования врагов своих. Такая участь постигла и ныне воспоминаемого проповедника покаяния Иоанна Предтечу. Когда он с неустрашимым мужеством сказал прямо в лицо нечестивому царю Ироду: *не должно тебе иметь жену брата твоего (Мк.6:18)*, то поплатился за это не только темницею, но и мученической, кровавой смертью.

Но проповедник слова Божия не должен, однако же, предаваться унынию, когда не слушают его предостережений, увещаний и обличений. Его обязанность – настойчиво продолжать свои труды и тогда, когда он не видит от них успеха. Он не должен оставлять не испробованным ни одного средства: ни нежной доброты, ни суровой строгости, ни любви и снисходительности, ни настойчивой требовательности. Наставление апостола Павла: *проповедуй слово, стой во время и не во время, обличай, запрещай, увещивай со всяким долготерпением и назиданием (2Тим.4:2)* – относится и к каждому проповеднику. И хотя бы он своею неустрашимостью и ревностью нажил себе тайных и явных врагов, то и это не должно сбивать его со своего пути в исполнении священных его обязанностей. Он не должен искать людской похвалы и бояться человеческого злословия, но всегда помнить слова Апостола: *Если бы я... угождал людям, то не был бы рабом Христовым (Гал.1:10)*.

Итак, хотя горькая, но несомненная правда, что голос вопиющего проповедника очень и очень часто бывает гласом вопиющего в пустыне. Но как хотелось бы, чтобы голос, по крайней мере, ныне празднуемого проповедника святого Иоанна Крестителя, не остался для вас, братие, пустым звуком, коснувшимся только вашего внешнего слуха, но запал бы в ваше сердце и нашел бы в нем живой отголосок! Что ж говорит этот голос? Он говорит: *приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути*

сделаются гладкими (Лк.3:4–5). Да, братие! Приготовьте путь Господу, чудесное Рождество Которого мы только что отпраздновали! Откройте Ему и Его слову сердца ваши, дабы Он мог войти в них Своею благодатью! Удалите из них все, что может Его отталкивать и преграждать Ему путь к ним! Закопайте и заровняйте в душах ваших все ямы и углубления плотских склонностей и чувственных вожделений, а также честолубия и корыстолубия, алчности и наживы! Наполните окружающую вас атмосферу благоухающим фимиамом христианской любви, положив конец ненависти, зависти и злобе и простив врагам всякие обиды и оскорбления! Сройте и уровняйте горы и холмы гордости и самопревозношения, заменив их добродетелью смирения! Выпрямите кривые и извилистые пути притворства и лицемерия, лжи и неправды, обмана и лихоимства! Будьте открыты и прямы, честны и искренни во всех ваших действиях и поступках! О, если бы вы под влиянием этой проповеди святого Иоанна действительно уравнили бы так путь к сердцам вашим! Тогда не было бы места нашим опасениям за судьбу этого храма, предназначенного для ежедневной проповеди. Тогда он не представил бы из себя бесплодной и безлюдной пустыни. Тогда он всегда полон был бы жаждущих слова Божия слушателей. Тогда и нашим проповедникам, поучениями которых ежедневно будет оглашаться храм сей, не было бы надобности неумеренно напрягать свой голос. Тогда каждое слово, и не громко сказанное, несомненно, стало бы достигать вашего слуха и глубоко западать в вашу душу. Аминь.

Слово на Сретение Господне⁶⁷

Падение и восстание многих

Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий (Лк.2:34)

Так сказал праведный старец Симеон о Божественном Младенце Иисусе, возлежавшем на руках его.

Еще у ветхозаветных пророков Мессия называется Князем мира (Ис.9:6), как принесшего мир на землю воспели Его и Ангелы в ночь рождения Его (Лк.2:13–14), – однако не то как будто говорит Он Сам о Себе: *не мир пришел Я принести, говорит Он, но меч* (Мф.10:34). На первый взгляд эти выражения Священного Писания кажутся противоречащими друг другу, но это кажущееся противоречие легко примиряется. Христос Господь пришел возратить миру истинный мир, который состоит в совершенном согласии человеческой воли с Божественной и в подчинении плоти закону духа. Но для достижения этого истинного мира необходимо разрушить тот ложный мир, который человек заключил со своими страстями и греховными наклонностями. И вот по отношению к этим последним-то Христос и явился с мечом, то есть Он пришел на землю не для того, чтобы подложить мягкое возглавие для страстей человеческих, но чтобы возжечь непримиримую борьбу против них.

Но не все хотят вести эту борьбу, напротив, многие остаются друзьями или, лучше, рабами своих страстей и становятся в ряды врагов Христа. *И свет во тьме светит, и тьма не объяла его* (Ин.1:5). *Пришел к своим, и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими* (Ин.1:11–12). Это деление мира на два враждебных лагеря пророчески предвидел и старец Симеон, когда он, прижимая к груди своей Божественного Младенца, сказал: *се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий* (Лк.2:34).

Не правда, что эти слова противоречат и той торжественно-радостной песни, которая воспета была Ангелами при рождении Спасителя: они обозначают только то, что самые радостные

тайны нашей религии по вине человека суть и самые в то же время печальные для него. Ибо чем более сделано Богом для нашего спасения, тем больше будет и наше осуждение, если все эти спасительные средства будут нами отвергнуты. Правда, благодеяния Божии чрез злоупотребление ими со стороны людей ничего не теряют в своем величии и бесконечном достоинстве, тем не менее, однако же, печально, в высшей степени печально то, что они для многих из людей по их собственной вине служат не к восстанию, а к падению. Христос Господь, хотя никого не лишил права на участие в Его искуплении, хотя Он желал для всех без исключения послужить к восстанию, – но Бог, сотворивший нас без нашего участия, не захотел нас искупить без нашего содействия. Напротив, мы можем достигать спасения только под условием нашего собственного старания, наших собственных усилий. *Царство Небесное силою берется, говорят слово Божие, и употребляющие усилие восхищают его (Мф.11:12)*. А так как многие не хотят взять на себя никаких подвигов к своему спасению, то дело искупления Христа служит для них к падению, к еще большему осуждению.

В приведенном нами месте говорится далее, что Христос лежит в предмет пререканий, то есть в предмет спора. Как здесь, так и в других местах, Христос справедливо называется знамением, чудом, потому что в Нем все чудесно, все непостижимо, все несогласно с обыкновенным способом мышления. Он – Бог и в то же время смертный человек: Он всемогущ и вместе с тем не свободен и от человеческой немощи; Он Царь славы и Высочайшее Существо и в то же время уничиженнейший из всех сынов человеческих; Он – Владыка вселенной и в то же время *не имеет, где приклонить голову (Мф.8:20)*. Хотя Бог ни в чем так не обнаружил Свое всемогущество, Свою премудрость, благость и правду, как в добровольном унижении Своего едиnorodного Сына, однако осуетившийся ум многих иудеев и язычников не мог этого понять, почему Христос для иудеев послужил соблазном, а для эллинов безумием. По их мнению, Мессия должен был явиться в земном величии, славе и могуществе. А так как Господь Иисус

Христос явился в крайне уничиженном виде, в образе раба, то поэтому и сделался предметом пререканий, причем усматривали глупость и безумие там, где сокрыта была высочайшая мудрость. В самом деле, ужели не было согласно с Божественною мудростью то, чтобы она избрала *немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира... чтобы посрамить сильное* (1Кор.1:27)? Если бы Христос для основания Своего духовного Царства на земле призвал на помощь сильных и мудрых мира сего, то успех этого дела могли бы приписать внешним обстоятельствам. Теперь же быстрое распространение христианской религии является очевидным чудом, и чем более Божественный Учредитель его и Его посланники лишены естественных вспомогательных средств, тем нагляднее и очевиднее открывается перст Всевышнего.

В наше время никого уже не соблазняет тот уничиженный вид Спасителя, в каком явился Он на землю, и ни в ком не оставляет недоумений вопрос о том, почему Он в таком, а не в другом виде был на земле, – но зато тем более пререканий встречает Его святое учение. Мудрецы нашего времени, не желая по гордости своей подчинить свой разум игу веры и в то же время не в состоянии будучи понять некоторые тайны христианской религии, или подвергают их сомнению, или совсем отвергают. Но еще более склонны многие отвергнуть нравственное учение христианства, и хотя прямо и открыто они этого делать не осмеливаются, так как в этом обнаружилось бы слишком злое их сердце, но в душе-то они желают не чего-либо другого, как именно перемены или отмены этого нравственного учения. Они желали бы такой религии, которая давала бы больше простора страстям человеческим, которая менее строго осуждала бы невоздержание и нецеломудрие, себялюбие и любостяжание и другие греховные наклонности, по крайней мере, никого не исключала бы из Царствия Небесного, – религии, которая довольствовалась бы одним только «Господи, Господи!» и ничьей не беспокоила бы совести, – вот такая религия им нравится. Атак как наша религия предъявляет к людям строгие требования и объявляет войну против всех их страстей и пороков, то, будучи рабами последних, они и

вооружаются против нее всей силой своего негодования и делают на нее всевозможные нападки. *Ибо всякий, делающий злое, говорит Спаситель, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличались дела его, потому что они злы (Ин.3:20).*

Братие! Я не думаю, чтобы между нами были сейчас люди, которые питали бы в уме своем мысли и убеждения, противные нашему православно-христианскому учению, – но, свободные от противоречий ему словом, не противоречим ли мы ему делом?

На этот вопрос пусть ответит совесть каждого из нас.

Со своей стороны я напому сейчас о том только, что если мы хотим участвовать в искупительных заслугах Спасителя, чтобы Он был для нас *не на падение, а на восстание*, – то веру в Него, исповедуемую устами, мы должны доказывать и делами. Правда, по испорченности и слабости своей, мы и при самом искреннем желании делать добро можем не достигать своей цели, но у нас есть Спаситель, сострадающий нашей слабости; Он охотно приходит к нам на помощь всякий раз, когда мы, изнемогая в борьбе со злом, обращаемся с молитвою к Нему. Не должны мы только воображать, как это делают новомодные лжеучители веры, разливающие яд своего вредоносного лжеучения по всему нашему Отечеству, что Христос спасет нас и без нашего содействия. Глубоко заблуждаются те, которые всю нравственную распущенность человека хотят извинить одним, по-видимому, благочестивым вздохом: ах, что же делать? Человек так слаб! Сам по себе человек слаб – это правда, но при помощи благодати Божией он все-таки может побеждать страсти и совершать добро, к чему он и обязан. И если этого тебе доселе не удавалось, то это говорит только о недостатке твоего собственного старания и усилия. Впрочем, при этом нужно избегать другой, совершенно противоположной крайности, то есть не нужно слишком много полагаться на свои собственные силы. Это бывает, когда кто-либо, задавшись твердым и решительным намерением не совершать более того или другого греха в продолжение всей своей жизни, забывает, что для осуществления этого намерения, требуется еще благодатная помощь Божия, когда он думает, что он может сам себя освободить от уз греховных, не

прибегая к Всевышнему Помощнику. Отсюда происходит то, что он в самом непродолжительном времени изменяет уже своему намерению, впадает снова в тот грех, которого он не хотел повторять, и выводит отсюда заключение, что для человека невозможна победа над своими греховными наклонностями, как бы он с ними ни боролся.

Но, друже! Ты хотя и боролся, но боролся не по правилам православного учения веры. Православный борец, с одной стороны, употребляет все усилия, все меры и средства к тому, чтобы избежать греха, к которому он чувствует наклонность, но в то же время он постоянно молится и о Божественной благодатной помощи. Он борется, как будто он сам все может преодолеть, но вместе и молится, как будто сам по себе он ничего не может сделать и все должна делать одна только благодать. Наше восстание от греха, освобождение от уз низменных страстей не есть наше дело, но дело нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа. – *Сей лежит на восстание многих.*

Он не только пострадал за наш грех, но исходатайствовал нам и благодатные средства к преодолению его, хотя этими последними многие и пренебрегают. – *Сей лежит на восстание.* Собственными силами мы никогда и никак не можем восстать из бездны греха. Не можем мы восстать из нее с тем слабодушием, которое, отчаиваясь в возможности внутреннего изменения и исправления человека, полагается на одни только внешние заслуги Христа и не думает о возрождающей силе Его благодати; но не можем восстать и с той самонадеянностью, которая ждет исправления человека только от его собственных усилий и не думает о том, что без Христа мы так же бессильны победить грех, как и искупить его. Христос есть не только умиловительство за грехи наши, но Он есть и наша жизнь, первоисточник всякой святости, потому что мы только чрез Него, чрез Его воздействие можем исправить нашу жизнь и сделаться праведными и святыми. Глубоко поэтому заблуждаются те (последователи Лютера), которые думают, что для спасения нашего достаточно одного только внешнего применения или присвоения заслуг Христа без внутреннего возрождения человеческого сердца. Нет, такое учение

противоречит и святости и правде Бога в одно и то же время: противоречит Его святости, потому что этим допускалось бы потворство греховной лени и беспечности человека; противоречит Его правосудию, потому что Он тогда признавал бы человека праведным и добродетельным при отсутствии в нем этих качеств.

Таким образом, и здесь истину составляет середина: человек не может спасти себя своими собственными силами и средствами, но он не может быть спасен и без его собственного содействия. Для спасения человеку необходимо внутренне измениться, *совлечься*, по слову Божию, *ветхого человека* (Кол.3:9), из грешника сделаться праведником, но он не может этого без помощи дарованной нам Христом Божественной благодати.

Господи Иисусе! Для всех приходил Ты на землю, дай же, чтобы и все правильно познали Тебя и приняли спасение, приготовленное Тобою для всех падших сынов Адама! Аминь.

Слово в день кончины священномученика Ермогена, Патриарха Всероссийского⁶⁸

Ныне мы празднуем 300-летие блаженной кончины Святейшего Патриарха Всероссийского Ермогена. При воспоминании о той эпохе, когда жил святитель Ермоген, восстает в памяти одна из самых мрачных картин Русской истории... Это было время великого гнева Божия на Россию, время политического и нравственного развращения народа и время, когда народу приходилось стенать под натиском иноверцев, старавшихся стереть с лица земли православие.

Но милосердный Господь послал спасение России в лице ныне поминаемого святителя патриарха Ермогена, избранного на это служение и посвященного в сан Патриарха в этом самом храме, где мы в настоящее время молимся...

Его самоотвержение и ревность поучительны для всех, и в особенности для нашего времени, которое имеет некоторое сходство со Смутным временем Русского Государства. Я не буду здесь говорить о развивающемся в сильной степени в настоящее время масонстве, не буду говорить и о походе против Церкви со стороны социал-демократической партии. Я желаю указать на опасность, грозящую православию от вероучений различных философов: одни из них проповедуют, что для народа нужна не религия, а наука, другие утверждают, что все религии хороши, третьи проповедуют, что никто не должен касаться религиозных убеждений... четвертые говорят, что правительство должно им строить мечети, капища, содержать духовенство... Долго перечислять все виды софизмов, которые пускаются в ход для ослабления православия...

Нас стараются убедить, что веротерпимость есть ореол высшей добродетели. На самом деле это не то: по самому словопроизводству веротерпимость есть только *терпение* чужой веры со стороны христианина.

Мы должны узнать свою веру, изучить ее, распространять ее, а затем уже и снисходительно относиться к тем, которые ее

не признают.

Теперь все искажено: говорят, что нужно каждому предоставить полную свободу вероисповедания – пусть переходят в какое угодно вероисповедание...

Кто требует веротерпимости для других, тот требует этого в то же время и для себя, иначе почему же он желает оградить себя от этих притязаний?

Если бы подобные люди веровали, то никогда не требовали бы свободы для других, а в настоящее время они оставляют веру без охраны, церкви без защиты, преступников без наказания...

Если так рассуждать, то нужно совершенно отказаться от борьбы со злом и дать ему полную свободу.

Есть еще много христиан, которые защищают веротерпимость, не зная основ своей веры и боясь в то же время получить название фанатиков.

Это указывает, как шатки вообще наши познания в истинах веры: мы даже и не стараемся, чтобы ее изучить.

Братия! Мы сюда собрались в честь святителя патриарха Ермогена, положившего свою душу за веру и Отечество. Вознесем же горячие молитвы ко Господу, да возрастит Он для Церкви таких же крепких и энергичных мужей, каким был патриарх Ермоген; пусть они выведут общество из бездны заблуждений, которые грозят нашей Церкви неизмеримыми бедствиями.

Слово в неделю мытаря и фарисея⁶⁹

Возлюбленные о Христе братие!

Человек по природе своей склонен более просить, чем благодарить. Вот почему мы на каждом шагу можем встречать такого рода людей, которые, будучи одарены Богом всевозможными благами, думают, что все это в порядке вещей, что иначе и быть не могло, и потому не умеют как должно, от души поблагодарить Всеблаготворного Бога, так щедро, и притом не по заслугам, наделившего их Своими благами. Вот почему и сейчас сплошь да рядом повторяется то же самое, что, по Евангельскому повествованию, случилось в Иерусалиме с десятью прокаженными, которые, не находя слов для выражения своей просьбы, громким голосом вопияли ко Господу о помощи, а когда получили ее, то один только иноплеменник-самарянин не забыл поблагодарить за нее Господа и воздать славу Богу (Лк.17:12–19).

Если конечная цель всякой нашей благодарности состоит не в том, чтобы воздать славу Богу, то благодарность, выражаемая одними нашими устами, не имеет никакой цены, она не есть благодарность – благодарность устами, не чувствуя благодарности в сердце, тогда, когда благодарят из-за того только, чтобы можно было рассчитывать на новые благодеяния, на новые дары. Не такой благодарности желает и ожидает от нас Бог. Ему угодна благодарность, истекающая только из искреннего, в милости и благодати Божией нуждающегося сердца, которое каждое благодеяние Божие принимает и употребляет как незаслуженный дар. Это и показывает нам Спаситель в нынешней евангельской притче на примере человека-фарисея, который хотя устами своими и говорит: «Благодарю Тя, Боже, что я не таков, как другие люди», но в сердце его не было ни чувства благодарности, ни расположения воздать хвалу Богу. Выслушаем повнимательнее слова этой притчи: *два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам, в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди,*

грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится (Лк.18:9–14).

Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди. Вот та молитва, которую решительно отверг Господь Бог как неприятную Ему, и мы при объяснении этой притчи не раз уже слышали, почему она неприятна Богу. Но, слушатели-христиане, этими же самыми словами может быть возносима и приятная Богу молитва.

В каком же смысле может быть она приятна Богу и какого успеха может ждать от нее искренно молящийся? Ответ на эти вопросы и будет предметом настоящего поучения.

У человека есть склонность стать, или казаться, по крайней мере, чем-то другим, лучшим и более высоким, чем он есть и должен быть по воле и определению Божию. В большинстве случаев он слишком мало ценит и дорожит тем, что по милости Божией имеет сам и слишком высоко ценит все чужое. С завистью взирает он на своего собрата, если последний превзошел его своим богатством, своею славою. И эта склонность не ограничивается ни полом, ни возрастом, ни состоянием. Женщина мечтает и домогается прав и преимуществ мужчины, мальчик хочет быть юношей, юноша мужем, бедный хочет быть богатым, слуга – господином. Многие стыдятся пред людьми за свое общественное положение как слишком непредставительное и низкое, совершенно забывая при этом, что истинное достоинство человека состоит не в том, что он есть, а в том, каков он есть, то есть не в высоте общественного положения, а в том, насколько честно и добросовестно исполняется им его служение, и что и на невысоком, мало уважаемом в мире посту можно иметь более заслуг, чем на высоком. Весьма отраднo поэтому, слушатели, встретить человека, который свободен от этой

общераспространенной наклонности или который, при помощи Божией, в состоянии преодолевать ее, который довольствуется тем, чем одарил его Господь, и без зависти смотрит на ближних, которые на самом ли деле или только кажутся более его счастливыми. «Как Богу угодно, – говорит всегда таковой. – Все, что я имею, есть Его дар, не заслуженный мною. Я доволен своим положением, какое назначено мне Богом и не хочу иметь ничего сверх того, что дано мне Его десницею. Благодарю Тя, Господи, что я не таков, как другие, что я по Твоей милости довольствуюсь тем, что Ты мне даровал, и об одном только прошу Тебя: помоги мне и впредь оставаться праведным для Твоей славы и моего спасения». Вот такого рода молитва, слушатели, не может быть неприятна Богу, и если кто в таком именно смысле произносит слова: *Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди*, – то его молитва не останется безуспешною, на том всегда будет почивать обильное благословение Бога и Его благоволение.

Но фальшь фарисея в притче заключается не в том, что он в порывах гордости и самомнительности ставит себя наравне с теми, которые были и выше, и заслуженнее, и благочестивее его. Напротив, Спаситель говорит эту притчу о тех, которые слишком уверены бывают в своей самоправедности и не иначе, как свысока и с презрением, смотрят на других, – поэтому-то Он и представляет нам этого фарисея человеком, сравнивающим себя с людьми, которые явно и хуже и ниже его. Не из пышных палат великих мира сего и не из скромных хижин праведных и добродетельных взяты им люди, с которыми он сопоставляет себя, а из тюремных замков и из домов безнравственности и разврата. Он сравнивает себя с такими, которые пред лицом всего мира заявили себя безнравственностью и злодеяниями и за грубые свои пороки и преступления подпали уже человеческому суду. *Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь*.

Что же, ужели грешно сравнивать себя с такими, которые навлекли на себя всеобщее презрение и как явные преступники, как вредные члены общества и на человеческом суде получили

достойное по делам своим, ужели грешно сопоставить себя с такими злосчастными людьми, от души порадоваться и поблагодарить Бога за то, что Он по благодати и милосердию Своему предохранил нас от такого бедствия и нравственной порчи? Конечно, не грешно, – напротив, мы были бы неправы пред Богом, не отдав должной справедливости такой Его милости и промыслению о нас. Но этот фарисей благодарит Бога только видимо, между тем как в душе-то своей он благодарит только себя самого, приписывая свое превосходство пред явными грешниками своей собственной заслуге. Вот почему он не преминул тотчас же вслед за этим похвастаться своею собственною праведностью, своими добродетелями: *пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю.* Чего более может ожидать от него Бог? По своей самомнительности он полагает, что дары Божии получены им потому собственно, что он, как праведный, заслужил их и что Бог не мог не дать ему преимущества пред другими. Он не замечает, что если он не навлек еще на себя всеобщего презрения своими явными грехами, то это не его заслуга, но милость и снисхождение Божие; он не замечает, что он в глазах Всевидящего и Всеведущего Бога ничем не лучше других людей, но так же, как и другие, ежедневно и многократно нарушает Его заповеди. У него нет сознания, присущего мытарю, что и он пред Богом не что иное, как жалкий, нуждающийся в милости Божией грешник, которому нужно, подобно мытарю, стоять вдали, бить себя в грудь и говорить: *Боже! будь милостив ко мне грешнику!* Вот почему высказанная им благодарность не была приятна Богу, и он вышел из храма молитвы неоправданным.

Не такова, братие, молитва того, кто сознает, что он пред Богом не кто иной, как жалкий, нуждающийся в Его милости грешник, который, подобно мытарю, должен в чувстве глубокого смирения постоянно так взывать к Богу: «Господи! И словом, и делом, и помышлением я ежедневно нарушаю Твои заповеди; Ты проникаешь в сокровенное души моей, и никому из людей не известное пожелание плоти моей пред Твоими глазами есть прелюбодеяние, и каждый завистливый взор, бросаемый мною

на брата своего, есть хищение и воровство, и каждый наплыв ненависти и гнева есть убийство. *Будь милостив ко мне грешнику!* Если я не таков, как другие люди, навлекшие на себя своими злодеяниями презрение всего мира и подпадавшие суду людскому, если я до сих пор живу в уважении и чести у своих ближних, то это не моя заслуга – это Твоя милость и снисхождение. Ты, Ты содействовал этому счастливому направлению и развитию моих сил и способностей!.. Ты, Ты даровал мне заботливых родителей и руководителей в моей юности, которые сизмала наставляли и приучили меня своим добрым примером ко всему доброму. Ты, Ты уровнял путь моей жизни, предохранил мое сердце от всяких опасных искушений, предостерег меня от соблазна... *Благодарю Тебя, Господи, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи!* Да, Тебе, Тебе только одному и Твоему только имени хвала и слава. *Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя, имя святое Его. Благослови, душе моя, Господа, и не забывай всех воздаяний Его* (Пс.102:1–2).

Вот такая молитва, братие, не может не быть услышана Богом, и кто в чувстве такой преданности молится Богу, говоря: *Благодарю Тебя, Господи, что я не таков, как прочие люди*, на том пребывает благословение Бога.

Что же это за благословение? Это благословение заключается в той невозмутимой тишине, в том безмятежном спокойствии нашей души, за которым следует всецелая преданность Богу. «Пусть будет так, как угодно Богу, – говорит обыкновенно истинный христианин, на котором почиет благословение Божие, – все, чем я обладаю и что находится в руках моих, не есть моя собственность – это дар, незаслуженно полученный мною от Бога; мне ли после этого роптать на Него, если Он другим посылает более удач и счастья в их жизни, чем мне. Лишь бы Он помог мне пребывать верным своему призванию и довольствоваться немногим. Каждое звание и состояние имеет свои достоинства. Да будет воля Господня! Все Его дар, Его собственность, которую Он даровал мне из милости. В праве ли я роптать на Него, когда Он отберет назад у меня Свои блага. Он лучше меня знает, до каких пор полезно

для меня имущество. Я смотрю не на тех, которые выше, уважаемее, счастливее меня, – нет, я устремляю свои взоры на злосчастных бедняков, униженных и презренных пред лицом света, и это не с тем, чтобы возвысить себя пред ними, но чтобы при взгляде на них тем более чувствовать незаслуженную милость своего Бога, сочувствовать и сострадать своим несчастливым братьям. *Благодарю Тебя, Господи, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи*, но помоги мне открыть душам своих собратий благодать Твою, которую я ношу в своем сердце и которая извлекла меня, как головню из огня, сохранила меня от гибели. Аминь».

Слово в Неделю вайй⁷⁰

Сегодня мы празднуем торжественный вход Господа нашего Иисуса Христа в Иерусалим. В этом торжестве есть и печальное событие: при виде Иерусалима Господь пролил слезы: *когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем (Лк.19:41)*. О чем же эти слезы? Ответ на это дает нам святой евангелист Лука. Он говорит, что когда Христос увидел город, то прослезился и сказал: *О, Иерусалим, Иерусалим! если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей, твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего (Мф.23:37; Лк.19:42–44)*. Господь плачет не о Себе, не о предстоящих Ему тяжких страданиях, а о нераскаянности жителей иерусалимских. Его пророческому взору предносятся те ужасные бедствия, которые имеют постигнуть Иерусалим, и это вызывает слезы у Господа. Как мать проливает слезы над могилой дитяти, так Христос плачет над городом, ставшим могилой многих тысяч жителей. Как хозяин плачет над потерянным имуществом, так плачет Господь над имевшим превратиться в развалины городом.

Предсказание Спасителя о разрушении Иерусалима исполнилось спустя сорок лет. Римский полководец Тит окружил город войсками и подверг жителей голодной смерти. Лишенные пищи, жители вынуждены были питаться тем, чего никакое животное не станет есть. Матери, доведенные голодом до отчаяния, делали то, чего никакое живое существо не станет делать: они грызли своих детей. Когда, наконец, войска Тита чрез пролом в стене проникли в город, то не щадили никого – ни воинов, ни стариков, ни детей. В огне погибли и храмы, и дворцы, и люди. Только сосуды храма были выхвачены из огня воинами Тита. Историк замечает, что многие только в пламени пожара познали, за что их постигло такое бедствие! Сам Тит,

видя развалины стен и горы трупов, сказал: «Это сделал не человек, а тот Бог, Которого они отвергли». Стены Иерусалима были настолько крепки, что и язычник Тит признал могущество Бога, наказывающего народ, не узнавший времени посещения Своего.

Братия и сестры! Мы переживаем тягостнейшую войну. Страна наша превратилась в сплошной госпиталь. Города и села переполнены несчастными беженцами. Всеми этими бедствиями Господь ясно зовет нас к покаянию. Что же? Стали ли мы лучше? Каемся ли? Ведь если сегодня еще день «посещения», то завтра может быть день суда! И как тогда Господь лил слезы над нераскаянными жителями Иерусалима, так проливает Он слезы и теперь над нашей нераскаянностью.

Отец, Отец! Дай нам уразуметь то, что служит к нашему миру и спасению и в таком покаянном настроении провести хотя бы грядущие дни Страстной Седмицы. Аминь.

Слово при вступлении в последнюю седмицу Святой Четыредесятницы⁷¹

Не очень давно Вюрцбургский профессор Рентген⁷² сделал, как обыкновенно говорят, случайно одно очень замечательное и важное открытие. Он нашел, что есть такие лучи света, которые хотя для наших глаз и недоступны, однако ж обнаруживают необычайное свойство проникать внутрь предметов, именно: подвергая те или другие тела действию этих лучей, можно видеть, что в них заключается.

Эти вновь открытые лучи сами по себе, как я уже заметил, для наших глаз невидимы, но, проходя чрез темную массу того или другого предмета, например чрез дерево, человеческое тело и тому подобное, они отражаются на специально приготовленной пластинке. Там воспроизводят они образы предметов, которые находятся внутри тела, куда мы не можем проникнуть своими глазами. Таким образом, при посредстве этих лучей можно сфотографировать, например, весь состав человеческого тела или неизвестное содержание замкнутого сундука. Когда подвергают действию этого света какой-нибудь предмет, например тело или дерево, то оно принимает такой вид, будто бы состоит из прозрачного стекла. То, что заключается внутри и сокрыто во мраке и темноте, это выводится на свет и делается видимым.

Наука и искусство в будущем возлагают большие надежды на это новое открытие, да и в настоящее время оно приносит огромную пользу: и теперь уже, как сказали мы, при помощи этих лучей можно фотографировать весь состав человеческого организма и видеть там разного рода болезни и повреждения. Равно и искусственные поддельные перлы, которые прежде не могли отличать от настоящих, подлинных, теперь, при помощи вновь открытого света, легко стали отличать от действительных. Обману, таким образом, положен конец.

Но, когда я говорю это, иной из вас, боголюбивые слушатели, может быть, думает про себя: все это очень любопытно и интересно, но какое отношение имеет это к

церковной проповеди и почему ты вздумал говорить об этом с церковной кафедры? Потому, отвечаю, что многие из явлений этого мира и из обстоятельств сей временной жизни, учат нас тому, что в вечности, на небе. Земные явления и предметы часто служат образом и подобием высших предметов, вечных, духовных.

И в духовном мире есть такой свет, который, хотя также невидим для человеческого глаза, но который во все проникает, все освещает и который несравненно сильнее, чем новооткрытые лучи света.

Как мир в течение нескольких тысячелетий ничего не знал доселе об этих лучах света, которые, однако ж, существовали, так тысячи и миллионы людей ничего еще не знают и не хотят знать о том божественном свете, который все освещает, все обнаруживает и все приводит на суд. Иной живет на свете целые десятки лет и ничего не знает об этом чудном свете или, по крайней мере, ничего не спрашивает о нем. Но смотрите, что иногда случается с подобным человеком? Вот внезапно проникает в его сердце луч благодатного, божественного света и озаряет все существо его. Он не знает, как это случилось, но какое он из этого света делает чудесное открытие! Новые, никому не известные лучи света, которых не видел и никогда не может увидеть естественный глаз человека, озаряют весь внутренний мир его, все его тайные желания и помышления – и в таком обнаженном виде предстают пред очами Бога. Что рентгеновские лучи могут делать в некоторой только, несовершенной мере для тела, открывая содержащиеся в нем предметы и известные повреждения, поранения и переломы, – это в полной и совершенной мере делают лучи божественного света для души: они открывают нам повреждения, недуги и пороки человеческого сердца. При этом свете человек открывает и узнает то, чего он никогда не предполагал, о чем никогда не думал, но о чем определенно и ясно говорит ему слово Божие, именно: что его сердце от юности прилежит ко злу, что оно исполнено страстей и порока и что он поэтому есть пред Богом великий, нечистый и жалкий грешник. Теперь он видит себя пред очами Божиими во всей наготе, видит свое

сердце, свою внутреннюю и внешнюю жизнь. Теперь он ясно понимает смысл молитвенных слов Моисея, который прежде нас познал невидимые, но во все проникающие лучи божественного света: *Ты положил беззакония наши пред Тобою*, говорит он, обращаясь к Богу, *и тайное наше пред светом лица Твоего* (Пс.89:8).

Что же касается достоинства тех добродетелей, которыми доселе так гордился человек, то при свете этих ярких лучей он видит их настолько малоценными, насколько малоценны поддельные перлы в сравнении с настоящими: снаружи хотя и блестят они, внутри же все в пятнах, полны грязи и нечистоты. Он научается теперь вместе с Исаией пророком говорить: *и вся праведность наша – как запачканная одежда* (Ис.64:6).

При этом свете человек видит себя в самом натуральном, в самом подлинном виде, во всей своей наготе и греховной нечистоте. А Бога он видит во всей Его святости и чистоте. И в сем светлом присутствии Бога, он невольно взывает вместе с праведным Иовом: *Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле* (Иов.42:5–6).

Как это знаменательно и чудно! Иов, тот самый Иов, который незадолго пред тем (Иов.29) в самых ярких красках изображал свои добродетели и совершенства и который делал это со всей искренностью и без преувеличения, этот Иов, увидев себя теперь пред лицом Бога, в ужас приходит от своей нечистоты и нравственного безобразия. И в чувствах глубокого смирения и сознания своего недостойнства повергается в прах и пепел.

О, если бы и каждый из нас умел делать в себе такое чудное открытие, как бы кто ни представлялся самому себе чистым и непорочным! Если бы каждый из нас почаще рассматривал себя при свете Бога, каков он и каковы его мысли, чувствования и дела! Тогда многие из нас при всей своей кажущейся праведности, как в зеркале, увидели бы, как мы грязны, нечисты и неблагообразны, и перестали бы предаваться беспечности.

Бог есть свет. В Нем и вокруг Него нет никакой тьмы (1Ин.1:5), никакого мрака. Пред Ним и ночь светла, как день, и мрак как свет (Пс.138:12).

Бог всеведущ. Ему так же хорошо известны и самые малые грехи, как и самые большие. Пред Ним открыты все самые сокровенные изгибы нашего сердца. Каждое движение, каждое пожелание нашего сердца ведомо Ему. Вся наша жизнь пред Ним как раскрытая книга. Будучи всеведущим, Он в то же время и свят. Он насквозь видит каждого человека. Он никогда не признает виновного за невинного, грешника за праведника, нечистого за чистого.

Тем не менее, Он любит человека, так как Он есть любовь. Он для того и предал Своего Единородного Сына на смерть, чтобы нас спасти от смерти, ада и суда и возвратить нам то, что потеряли мы чрез грех прародителей.

Благо поэтому тому, кто умеет пользоваться этим спасительным средством, кто, будучи освещаем этим Божественным светом при виде своей нравственной нечистоты, взывает вместе с мытарем: *Боже! будь милостив ко мне грешнику! (Лк.18:13).* При таком раскаянии он обрящет во Христе прощение, спасение и жизнь.

Но горе тому сердцу, которое не открыло себя для этого божественного света, не увидело своей нечистоты и безобразия, не смирилось пред Ним даже и в день своего посещения! Горе сердцу, которое осталось затемненным и загрязненным и в таком виде должно предстать при всепроникающем свете, пред Престолом нелицеприятного Судии, Бога. О, какое это будет страшное открытие! Там уже нет прощения, нет спасения. Там поздно будет искать примирения. Не вечный свет и не небесная слава удел таких душ, но вечная мука и кромешная тьма.

Братие-христиане! Вступая уже в последнюю седмицу Великого поста, многие из нас, не замечая в себе никаких особенно тяжких грехов, не только не были доселе, но, поощряемые самоправедностью, и не думают быть у исповеди и Святого Причастия. Но взгляните, други мои, в вашу совесть, рассмотрите ваше поведение при этом божественном свете, и вы наверное откроете в себе такие доселе неведомые

душевные язвы, которые подвигнут вас неотложно обратиться к Врачу душ наших и очистить свою совесть покаянием, чего и да сподобит вас Господь. Аминь.

Слово после четвертого евангелия последования Страстей Христовых⁷³

И сказал Пилат Иудеям: се, Царь ваш! (Ин.19:14)

Какой печальный памятник, братие, поставила Церковь Христова тому несчастному языческому правителю, имя которого неразрывно связано с историей незаслуженных страданий и смерти нашего Господа Иисуса Христа! Каждое дитя у нас знает его и называет его по имени, когда читает четвертый член Символа нашей Веры: *распятого же за ны при Понтийском Пилате*. Такую печальную известность приобрел он тем, что вопреки своей совести предал на позорную смерть Спасителя мира.

С ужасом и сожалением называем мы имя этого злосчастного человека. Но скажите, братие, нет ли и между нами, в среде христианства, людей, которые делают себя участниками в этом тяжком грехе языческого мужа? – О, Он еще и сейчас страдает, и очень страдает, этот Сын Человеческий в руках грешников! Если ты из-за человеческого страха или человекоугодия не обнаруживаешь смелости стать на Его сторону, на защиту Его, если честь у мира ты ставишь выше, чем у Него, если ты устами исповедуешь Его имя, но попираешь своим образом жизни и поведением, если бесчестишь Его своим неверием и маловерием – то что все это значит, как не делать себя участником в грехе Пилата и не становиться в ряды его клеветов и помощников в его злодеянии? И пусть сейчас никакой человеческий памятник не напоминает тебе о тех страданиях, которые испытывает Господь в руках твоих, пусть и сам ты очень скоро забываешь о них, но о них напомним тебе тот день, когда ты узришь Его, своего Спасителя, как нелицеприятного Судию живых и мертвых. – Но, Господи, не вниди в суд с нами за те многочисленные наши беззакония, коими мы вторично распинаем Тебя. Помогите нам подумать о том, что служит к нашему миру и спасению, помогите нам исправиться, дабы не быть нам некогда осужденными вместе с чадами сего мира. Смиренно преклоняем мы сегодня колена душ и телес

наших пред Тобою, распятый Царь наш, и приветствуем Тебя приветствием искренней и благодарной любви! Обрати к нам страдальческий образ Твой, дабы мы, взирая на Него, воспламенились рвением ничего более не искать, как любить Тебя, прославлять Тебя и служить Тебе. Благослови нас провести этот час нашего общественного богослужебного собрания в благоговейном размышлении о Твоих страданиях.

Пилат, услышав это слово, вывел вон Иисуса и сел на судилище, на месте, называемом Лифостротон, а по-еврейски Гаввафа. Тогда была пятница перед Пасхою, и час шестой. И сказал Пилат Иудеям: се, Царь ваш! Но они закричали: возьми, возьми, распни Его! Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря. Тогда, наконец он предал Его им на распятие. И взяли Иисуса и повели (Ин.19:13–16).

Они достигали того, чего желали враги Иисуса. Полное и ясное сознание Пилата, голос совести, свидетельствовавший ему о невинности обвиняемого, его внутренняя борьба против осуждения невинного, гордость римлянина, для которого противно было исполнять волю этих презренных иудеев, страх пред загадочным человеком, речи которого производили на него столь сильное и непонятное впечатление и о котором враги его теперь говорили, что Он выдает себя за Сына Божия, – все это стусевалось пред возникшим в душе его опасением потерять благоволение своего императора. – *Если, отпустишь Его*, сказали иудеи, *ты не друг кесарю (Ин.19:12)*, и этими словами они сразу достигли своей цели. Как только Пилат услышал эти слова, он вывел вон Иисуса и поставил на Лифостротон – место суда (Ин.19:13). Теперь он не думает уже о защите невинного; теперь спасение сего бедного, до полусмерти замученного иудея для него не могло уже быть настолько дорого, чтобы из-за него лишаться благоволения кесаря, в чем заключался весь интерес его порочной жизни, – он решился отдать его на распятие. Но прежде чем привести в исполнение свое намерение, он изливает свою злобу на этих иудеев, которые наделали ему так много хлопот, в насмешках. Указывая на Иисуса, Он говорит: *се, Царь ваш!* И когда они закричали:

возьми, возьми, распни Его! – он еще с большею насмешкою спрашивает: *Царя ли вашего распну? Тогда первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря. Тогда, наконец, он предал Его им на распятие. И взяли Иисуса и повели на Голгофу (Ин.19:13–16).*

Смотрите, се, *Царь ваш!* Братие, не есть ли это слово как бы пророческое слово в устах язычника? Не есть ли оно то язвительно-насмешливое слово, которое с потрясающей силою еще и сейчас раздаётся в нашем грешном, во зле лежащем мире? Рассмотрим же его повнимательнее и напечатлеем поглубже в своем сердце то, что говорит оно всем чадам мира и сынам нашего века!

Смотрите, говорит Пилат, се, *Царь ваш!* Но что же можно было здесь увидеть? Не что другое, как одно плачевное зрелище, которое он устроил иудеям. Предав Иисуса в руки врагов, он позволил не только заключить Его в оковы и подвергнуть бичеванию, но к этому телесному страданию присоединить и нравственные – язвительные насмешки и издевательство, причем они преклоняли в смехотворной форме пред Ним колени и говорили: *радуйся, Царь Иудейский!* (Мф.27:29). При этом смех обнимал всех. Смеялась чернь, смеялись воины, смеялись старейшины и князья. В таком же насмешливом тоне и сам Пилат представил Его народу и сказал: се, *Человек!* (Ин.19:5), – да, какой, в самом деле, жалкий человек! На лице Его следы плевков и ударов, с которыми они приносили Ему свою присягу, на главе, вместо царской короны, – терновый венец: в руке, вместо царского скипетра, – палка, которою они ударяли Его по лицу; на плечах, вместо царской одежды, – какая-то ветхая, солдатская хламида, в которую они одели Его в насмешку. Таков был этот человек, на Которого теперь еще раз указал Пилат и сказал: смотрите, се, *Царь ваш!* Поистине это был тот момент, когда исполнилось предсказание пророка о том, Который должен был прийти в мир: *нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал, бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и издевавший*

болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его (Ис.53:2–3).

И, однако, что делаете вы, чада мира сего, когда закрываете пред Ним лице свое, презирая Его? Ах, не отвращайтесь от Его страдальческого вида, хотя бы в нем ничего не было приятного для чувства и привлекательного для естественного глаза! Смотрите, этот презреннейший и уничиженнейший из всех, этот отвергнутый своими и преданный в руки язычников, скованный тернием, увенчанный, оплеванный и избитый и, как агнец безгласный, ведомый на Голгофу Иисус Назарянин – Он Царь ваш! Он – Тот, на Котором одном только исполнились все обетования Бога от начала до конца. На то и пришел Он в исполнение времен из славы Отца Своего, которую Он имел у Него *прежде бытия мира (Ин.17:5)*. Этот вечный, воплотившийся Сын Божий, прекраснее *паче* всех *сынов человеческих (Пс.44:3)*. Ибо Он только один есть чистый между нечистыми, беспорочный, безгрешный между грешниками. И, однако, от этих грешников уничижен, оплеван, избит, отвергнут, изгнан и на крест возведен. О, воззрите, братие, если вы еще не видели в этом вечном примере, на эту страшную силу греха, того человеческого греха, который живет и в вашем сердце, но вместе и на всепобеждающую силу божественного милосердия, силу благодати, которая преизбыточествует там, где умножается грех (*Рим.5:20*). Как агнец безгласый, идет Он на Голгофское заклание и, как истинный Первосвященник, приносит Он Себя там, на Голгофе, на алтаре нового вечного завета, как вечно искупительную Жертву за грехи всего мира. О, не пренебрегайте поэтому Им в Его страдальческом образе, не отвращайте от Него вашего взора, но идите к Нему и смотрите на Него молитвенным взором кающегося грешника; прибегайте под крепкую Его руку, которую Он, как Спаситель, простирает со креста Своего ко всем, ко всему миру.

Простирает, братие, и к вам. Так смотрите: *се, Царь ваш!* Он и ваш Царь, ибо и для вас также оставил Он славу Отца и пострадал при Понтийском Пилате, и для вас сделался послушным до смерти, смерти крестной (*Флп.2:8*), чтобы спасти

и вас, погибших и осужденных людей, искупить и избавить от всех грехов, от смерти и от силы диавола, не золотом и серебром, но Своею святою и драгоценною кровью и невинными страданиями и смертью, дабы вы принадлежали Ему, вошли в Его Царство и служили Ему в вечной правде, невинности и блаженстве. – Вот Царь! Но таков ли Он в действительности? Такой ли Он – Царь, Которому принадлежит ваше сердце, без Которого вы не можете жить и для Которого готовы пожертвовать всем, что есть у вас самого дорого в жизни и даже самую жизнь? Он не хочет никакого раздвоения в вашем сердце. Он не хочет ваших слез и сожаления о Его незаслуженных страданиях – Он желает вашего покаяния, слез о ваших собственных грехах. Для Него недостаточно трогательных чувств умиления – Он хочет полного внутреннего вашего исправления, сердечной преданности Ему, самоотвержения и распятия вашей плоти. Тот не в праве еще называть Его своим Царем и не может еще иметь части в Нем и Его Царстве, кто жаждет и домогается венца почестей там, где его Царь нес терновый венец. Тот не может считаться Его верноподданным, кто любит еще мир с его прелестями и удовольствиями, тот мир, Который возвел нашего Царя на крест, кто преклоняет пред ним Свои колена, устами Своими приветствует Его как Царя, а между тем поступками и действиями своими оскорбляет и унижает Его, не давая Ему никакой власти над своим сердцем.

Ах, зачем столь многие из людей отворачиваются от этого Царя, не хотят признавать Его, чтобы не потерять расположения своего кесаря? Иудеи отказываются от Него и кричат: *нет у нас царя, кроме кесаря (Ин.19:15)*, – хотя этого кесаря, от которого они ничего не видели кроме притеснений и тиранства, они ненавидели до глубины души. Но не то же ли, братие, мир делает и теперь? Не предпочитает ли он и теперь владычеству этого распятого Царя рабство своим кумирам, которым он служит в своей гордости и суетности, в увлечении своими страстями?! и, однако, как жалок и злополучен тот человек, который не имеет царя, кроме кесаря. Это видим мы прежде всего на примере этого Пилата. Чтобы сохранить благоволение

императора, он, вопреки внушениям своей совести, предал на распятие ни в чем не повинного Царя Небесного – хотя чрез несколько лет все-таки лишен был этого благоволения. Обвиненный иудеями пред императором, он вызван был в Рим и приговорен к ссылке в заточение, где, при следующем императоре, и был лишен жизни. Видим это, далее, на примере этих несчастных иудеев. Это было в пяток пред Пасхою, когда они отказались от Христа – этого чаяния и утехи своего народа, заявив, что у них нет царя, кроме кесаря, – и что же? Чрез сорок лет (это было опять на Пасху) этот кесарь вошел в дымящиеся развалины их города, от которого не оставалось и камня на камне, ибо где была падаля, там собрались и орлы.

Братие! Как богата, как невыразимо богата жизнь наша в этом мире, при всех отравляющих ее грехах, различными драгоценными благами и дарами нашего Бога! Ах, если бы только во всякое время могли мы открытыми глазами смотреть на них и с благодарными сердцами ценить и принимать их! Представь себе эти ее драгоценнейшие и благороднейшие дары, уважение и честь, которыми пользуешься ты у своих собратий, успехи, коими сопровождаются труды твои при исполнении твоего призвания, счастье и благополучие твоей семьи, успех твоих детей, любовь, соединяющую супругов, образование, искусство, человеческую мудрость, свободу и славу, – как дорого и как вожделенно обладание этими благами! И, однако, как жалок человек, когда он за эти блага предает свое здоровье, когда, преклоняя пред ними, как пред идолами, свои колена, говорит: у меня нет царя, кроме кесаря, у меня нет никакого другого блага, которым принадлежало бы мое сердце, моя любовь, цель моей жизни, кроме сих благ. Что останется у тебя, друг, если тот идол, пред которым ты преклоняешься, вдруг, на твоих глазах упадет и рассыплется в прах от руки Всемогущего Бога? Что останется у тебя, если тот сонный призрак твоего счастья, за которым ты так неотступно гоняешься, вдруг исчезнет, как туман? Ах, вот почему мир, который ничего не хочет знать о распятом Царе и Его вечном Царстве, так безуспешен в своей до болезненности напряженной погоне за счастьем. Вот откуда это лихорадочное

нетерпение, это раздражение и неистовство его, когда он встречает непреодолимые препятствия на пути к достижению недостижимого. Вот откуда эта внутренняя туга, недовольство и уныние современного мира при всем блеске его богатства и полноте жизни.

Христиане же, слуги нашего распятого Царя, никогда не бывают так несчастны и жалки – ни в лишениях земного богатства, ни в приумножении его, ни во дни благополучия, ни во дни бедствия и жизненных невзгод. От благ этого мира, в чем бы они ни состояли, они не ожидают больше того, сколько могут они обещать. Но и теряют они в них, как бы драгоценны ни были эти блага, не более того, сколько должны терять в них христиане. Они не забывают, что они живут в том грешном мире, в котором для их Царя не нашлось другого места, кроме креста, в котором и доселе раздаются слова: *возьми, возьми, распни Его!* (Ин.19:15), оглашая слух всех, кто искренно верует в Него. Но они знают и то, что Он всё же есть Царь, что Кто слово крестное, которое и доселе еще служит для иудеев соблазном, а для эллинов безумием, оно для верующих есть Божия сила и Божия премудрость (1Кор.1:23–24). Они знают, что они многими скорбями должны пролагать себе путь в Царствие Божие. И, однако, они никогда не пожелали бы променять служение своему Царю на служение кесарю. В Его Царстве, под Его мягким скипетром, уже здесь во всяком злоключении, во всякой борьбе со врагами живет мир, радость, свет, довольство и блаженство, – как благо Его ига и как легко Его бремя! «Восемьдесят лет, – сказал досточтимый епископ Смирнский Поликарп, когда от него потребовали, чтобы он для сохранения своей жизни принес жертву цезарю и отрекся от Христа, – восемьдесят лет служу я моему Царю, и Он никогда не делал мне ничего дурного – как же я откажусь и изменю такому Царю, который не сделал мне никакого вреда?»

О, так приидите к Нему, чтобы и вам познать то благо, которым пользуются все, кто верно служит Ему. Приидите вы, рабы мира и поклонники его кумиров, – не соблазняйте более страдальческим видом вашего Царя! Приидите все вы, так долго хромавшие на оба колена (3Цар.18:21), и, однако, никогда

не находившие спокойствия в мире, – приидите и, пока еще не поздно, преклоните пред крестом Его колена душ и телес ваших, с полною готовностью отдать Ему ваше сердце и ничего более не желать, как служить Ему, любить и прославлять Его, – и Он не замедлит протянуть к вам Свою мощную руку, чтобы извлечь вас из бездны зол ваших, в которую вовлечены вы заботами мира.

Слово на день Святой Пасхи⁷⁴

Что вы ищете живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес (Лк.24:5–6)

Когда рассматриваем мы на кладбище надгробные памятники, от самого простого деревянного креста до великолепного монумента, то всюду читаем: «здесь лежит тело такого-то и такого-то». Всюду эти надгробные надписи напоминают нам о том, что ни славные имена, ни красота, ни полнота сил и здоровья – ничто не защищает от общего неизбежного жребия всех смертных. Их земная, телесная оболочка существует здесь для того только, чтобы прейти, чтобы снова возвратиться в персть, от неяже взята бысть (Быт.3:19). Но вот какая бесконечная разница между надгробными надписями людей и надгробною надписью нашего Искупителя! – *Его нет здесь: Он воскрес* – гласит та надпись, которую делает сегодня Ангел Небесный на Его гробнице. Господь не дал, как сказал пророк Давид, *святому Своему увидеть тление* (Пс.15:10).

Итак, мы не должны искать своего Спасителя между мертвыми. Он жив, Он воскрес. Как лев в ярости разрывает цепи, как орел гордо парит в небесную высоту, так Спаситель наш расторг узы смерти, сломал печать врагов своих, которою они запечатали гроб Его, поверг на землю стражу Его, чтобы воссесть одесную Бога как Владыка мира и Судия народов. В стране древнего Египта в песчаной пустыне возвышаются исполинские пирамиды, те колоссальные здания, которые уже четыре тысячи лет возбуждают удивление в мимопроходящих путешественниках. Все вокруг них одно за другим исчезло, народы и поколения пронесли, как облака, гонимые сильным ветром, но они целы и до сих пор, как величие веков, как твердыня, имеющая свое основание в глубине земли, и горделиво парят своими вершинами в небесную высь. – Усматриваете ли вы, братие, здесь образ Победителя, Который восстал сегодня из гроба? Во славе и величии восседает Он на Своем царском престоле; быстро проходят пред Ним и

сменяются одни другими народы и поклонения людей, а Он – вечно один и тот же царит над всеми поколениями.

О, какой славный ныне день! От одного конца мира до другого, от ночи вечного льда до жара тропического солнца, в пышных храмах столичных городов и в самых скудных деревенских часовнях, в домах богачей и убогих хижинах бедняков – всюду, где только живут христиане, целые тысячи и миллионы прославляют сегодня Князя от Иуды (Быт.49:10) в лучезарном блеске Его победы. Все мы радуемся сегодня при словах: *Христос воскрес!* – ибо какой-то внутренний, из глубины души поднимающийся голос подсказывает нам, что ныне день торжества, день победы, и притом двоякой победы, а именно: победы для нашего Спасителя и победы для каждого христианина. Об этом и будет настоящее слово.

Страшная это была борьба, которую ад в союзе с исчадиями мира вел против Сына Божия. Пущены были в ход все средства злобы, чтобы обеспечить победу, и совершенно беспримерны были страдания, которые приготовлены были Спасителю мира сатанинской изобретательностью. И вот каков был образ Его на Голгофе. Он, прекраснее всех *сынов человеческих* (Пс.44:3), достойнейший и благороднейший из всех, предается в руки грубых, жестоких воинов на мучение. Едва только очутился Он в руках их, как во всем теле Его от подошвы до темени не осталось ни одного здорового места. Всяду – следы побоев, всюду – раны, синяки и опухоли. Лицо заплевано, щеки окровавлены. Обезображенный, похожий на прокаженного, Он действительно теперь был, как сказал пророк, *червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе* (Пс.21:7). Тело Его истерзано, глава изъязвлена колючим терновником, трость в руках Его и багрянца на израненных плечах. Безответный и безгласный, как Агнец, ведется Он на заклание. Раздетый донага висит Он там, на кресте Своем, с пригвожденными руками и ногами, с растянутыми членами. Как воск, таяло Его сердце; погруженный в море скорби и тоски, Он в праве был с пророками сказать мимо проходящим: *о, остановитесь вы мимоидущие и посмотрите, есть ли скорбь на свете, подобная моей скорби?!*

Но мимоидущие, видевшие Его в этой скорби и муках, только смеялись над Ним. *Других спасал, а Себя Самого не может спасти; если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него* (Мф.27:42). – Так издевался, так язвительно смеялся, так торжествовал ад. Так висел Он вместе с разбойниками, между небом и землею, отвергнутый миром, оставленный Богом во мраке, распространившемся по всей земле. Так, наконец, и умер этот Праведник, Единородный Сын Божий, Спаситель мира, рождение Которого так торжественно воспели целые воинства небесных Ангелов. Он стал жертвою жестокости врагов Своих, которые с сатанинским удовольствием смотрели на струившуюся кровь Его. Смерть Его казалась им совершенным уничтожением Его дела, они торжествовали уже победу, и их ликованием оглашались жилища гордых жителей Иерусалима. Но они слишком рано начали праздновать свою победу. То, что считали они своею победою, это именно и было их падением, и уже в момент смерти Спасителя началась Его славная победа.

Вся природа содрогнулась при последнем вздохе Распятого и тем признала Его своим Господом, так что многие из самых врагов Его пришли в ужас и смятение, и языческие воины с сотником своим исповедовали Его избранным Сыном Божиим. Раскрылись гробы, и многие из умерших святых восстали в доказательство того, что Он есть Господь жизни и смерти. Завеса церковная разодралась надвое от верхнего края до нижнего в знак того, что закончился Ветхий Завет закона и на Голгофе начался Новый Завет любви и благодати. Враги Спасителя хотя и старались увенчать свое дело успехом, запечатав гроб и приставив к нему стражу, но лишь показалась первая утренняя заря Пасхального дня, как этот «презреннейший богохульник», этот распятый «преступник», сбросив с себя оковы смерти, восстал из гроба и явился ученикам Своим. Прожив с ними еще сорок дней, чтобы сделать их твердыми свидетелями Своего воскресения, Он со славою вознесся пред их глазами на небо и, как победитель, занял Свое место одесную Бога.

О, какая чудная перемена! Тот, Которого еще так недавно считали за человека, – Он парит в небесную высоту и князи неба взывают: *Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы!* (Пс.23:7). Так исполнилось то, что сказал Даниил и повторил Апостол: Бог поставил Христа выше всех властей и господств и сил, *и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних* (Флп.2:9–10).

Итак, какая разница между Распятием на Голгофе и Царем славы! Вместо трости, в руках Его – скипетр владычества над миром; вместо тернового венца – блестящий венец Божества. Вместо червленицы – Он облечен теперь в беспредельное величие. Не разбойники и злодеи вокруг Него, но Архангелы и Ангелы, воспевающие Ему хвалебные песни. Так восседает Распятый, как славный победитель, на вечном престоле; но вся сила Его победы откроется еще тогда, когда Он придет произвести суд Свой над Своими врагами, который предал Ему, по слову Апостола, Отец Его (1Кор.15:24–27).

Но праздник Пасхи есть праздник победы не для одного только Христа, но и для каждого отдельного христианина. Как Христос, так и мы празднуем нашу победу над всеми испытаниями мира, над всеми силами тьмы.

Уже самое время, в которое празднуется Пасха, немало располагает к радости. Сама природа празднует в это время свое воскресение. Несколько недель назад в ней царила еще мертвая тишина и холод. Но вот возвращается весна, и все пробуждается к жизни. Приветливее глядит синее небо, яснее кажется солнце, теплее дуют ветры, веселее журчат источники, и радостно поднимает человек взор свой к Господу миров, утвердившему перемены времен года. И куда ни обратили бы мы взор свой, всюду видим новую жизнь, всюду находим новые и новые поводы и причины к радости и восторгу. И это чувствует даже самый дурной человек, а посему в целом году нет столь веселого праздника, как воскресение Христово.

И как природа всюду возвещает новую жизнь и воскресение, так и то великое событие, которое воспоминаем мы в нынешний день. Когда Иисус закрыл Свои очи и положен

был во гроб, тогда опечалились Его друзья, тогда восскорбело даже бездушное творение. Но лишь только Он возвратился к жизни, как снова настали радость и веселие и для тогдашних друзей Его, и для всех, кто только верует в Него. И это воскресение Господа не достаточно ли убеждает нас в действительности будущей жизни, в продолжении бытия нашего духа по смерти тела? И что может быть для нас дороже в земном нашем странствовании, как не эта вера? Она освещает нам путь этой жизни, она дает нам мужество и силы переносить все трудности и невзгоды на этом жизненном пути, она мирит нас со всеми бедствиями и скорбями, которых так много выпадает на долю каждого смертного.

О вы, жалкие крестоносцы, переживающие великую пятницу в вашей скорби и несчастиях! Посмотрите на славу воскресшего Господа, и вы убедитесь, что и для вас некогда настанет пасхальное утро, и для вас наступит весна! Взгляните на этот престол победоносного Агнца, и вы увидите здесь сонм людей из всех племен и народов. Откуда они пришли сюда? С роскошных пиров и шумных увеселений? – Нет. С высоты мирского величия, из блестящих золотом палат и хором богачей? – Нет. Они пришли сюда, как говорит Святой Дух в Откровении, *от великой скорби* (Откр.7:14). Они пришли сюда от тяжелых, невыносимых работ и труда; они пришли сюда из скромных хижин бедняков, где они изливали пред Богом свое скорбное сердце, пришли с одров тяжких болезней, из мест бедствий и несчастия, из мест изгнания и заключения. Но теперь, когда они украшены венцом победы, за что считают они бедствия земли? О, вечные, благодарственные гимны воспевают они Богу за то, что Он путем креста возвел их на такую высоту славы и блаженства.

А потому праздник Пасхи есть праздник победы для всех труждающихся и обремененных, для всех крестоносцев этой земли. Каждый из них может и должен сегодня сказать себе: если Христос, прежде чем вошел во славу Свою, должен был пострадать, то не следует ли и мне соразделить Его страдания? Если Христос, пострадавши, воскрес, то почему и мне в своих страданиях нельзя ожидать того же? Нет, и я одержу победу, как

Христос, если я страдаю, как Христос: *блаженны плачущие, ибо они утешатся; блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное* (Мф.5:4–10). Таким образом, каждая скорбь в конце концов находит свое врачевство, каждое страдание – свое утешение, каждая ночь – свой рассвет, каждая зима – свою весну, каждая великая пятница – свою Пасху.

Так побеждаем мы скорбь этого мира; но какая польза будет нам от этой веры, если мы не восторжествуем вместе со Спасителем над властью греха, если вместе с Ним не воскреснем для новой духовной жизни. А это неизбежно случится с теми из нас, которые не хотят принимать никакого участия в радости воскресения Христова, которые видят Спасителя восставшим из гроба, а сами остаются лежащими в глубине греха, из которой Он хотел извлечь их. Но, к сожалению, как много еще таких людей! Сколько пережили они Пасхальных дней, и, однако, доселе еще лежат в гробу греха! Сколько раз весна оживляла природу, напоминая им об их нравственном оживлении, но в их сердцах и доселе еще зима, холод и ночь! Но, христианин, ужели это должно остаться навсегда!.. Христос, воскресший из мертвых, полный величия, славы и любви. Он Сам зовет тебя ныне принять участие в Его победе, в Его радости и блаженстве, и ужели ты не захочешь этого? Ужели решишься ты лишиться себя радости Пасхального торжества? Ужели не захочешь ты выйти из душной темницы и дышать на свободе чистым воздухом? Ужели не захочешь встать с одра болезни и возвратиться к своему здоровью? О, спроси только своих братьев, которые очистили свою совесть чрез Таинство Покаяния и обратились с сокрушенным сердцем к Богу, обновившему, *подобно орлу, юность их* (Пс.102:5), – спроси их, и они скажут тебе, какой благодатный дух объял их в этом Таинстве, как оживил Он их, какую радость, мир и успокоение влил Он в сердца их! Возьми с них пример, и тогда такая же радостная Пасха будет и в твоём сердце.

А те из вас, братие, которые воскресли и разорвали узы греха, те пусть вспомнят сегодня слова Апостола: *Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти* (Рим.6:9). Избегайте и вы вторичной

смерти. Тогда только получите со Христом наследие бессмертия, когда будете держаться твердо и до конца новой христианской жизни. Только *претерпевший до конца спасется* (Мф.10:22). Аминь.

Слово на третий день Пасхи⁷⁵

Злостраждет ли кто из вас, пусть молится. Весел ли кто, пусть поет псалмы (Иак.5:13)

В этих словах Апостол убеждает нас в радости и скорби приближаться к Богу, дабы и Он приблизился к нам, и мы чрез все опыты жизни теснее и теснее соединялись с Ним. Но когда мы предстанем пред лице Божие с нашею скорбью и нашею радостью, тогда нам необходимо точно испытать оба эти состояния нашего сердца, насколько они справедливы и угодны Богу. Вот и сегодня, в настоящем нашем праздничном собрании, есть между нами и печальные, и радующиеся. Такова ли ваша радость и такова ли ваша скорбь, какая должна быть у христианина *в сей день, егоже сотвори Господь*, в день воспоминания воскресения Христова? Пасхальная ли эта скорбь, пасхальная ли это радость? Ныне прочитанное Евангелие представляет нам в образе двух учеников Иисуса зеркало для испытания и сличения нашей радости и нашей скорби.

Воспроизведем содержание этого чтения, вникнем в смысл слова Божия и рассмотрим его для очищения и возвышения как скорбных, так и радостных чувств нашего сердца:

В тот же день двое из них шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус; и разговаривали между собою обо всех сих событиях. И когда они разговаривали и рассуждали между собою, и Сам Иисус, приблизившись, пошел с ними. Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его. Он же сказал им: о чем это вы, идя, рассуждаете между собою, и отчего вы печальны? Один из них, именем Клеопа, сказал Ему в ответ: неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни? И сказал им: о чем? Они сказали Ему: что было с Иисусом Назарянином, Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его. А мы надеялись было, что Он есть Тот,

Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло. Но и некоторые женщины из наших изумили нас: они были рано у гроба и не нашли тела Его и, придя, сказывали, что они видели и явление Ангелов, которые говорят, что Он жив. И пошли некоторые из наших ко гробу и нашли так, как и женщины говорили, но Его не видели. Тогда Он сказал им: о, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы верить всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти во славу Свою? И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании. И приблизились они к тому селению, в которое шли; и Он показывал им вид, что хочет идти далее. Но они удерживали Его, говоря: останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру. И Он вошел и остался с ними. И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его. Но Он стал невидим для них. И они сказали друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание? И, встав в тот же час, возвратились в Иерусалим и нашли вместе одиннадцать Апостолов и бывших с ними, которые говорили, что Господь истинно воскрес и явился Симону. И они рассказывали о происшедшем на пути, и как Он был узан им в преломлении хлеба (Лк.24:13–35).

Здесь видим мы двух учеников Господа, глубоко опечаленных в начале евангельского сказания и сильно обрадованных в конце его. Сличим с их скорбью нашу скорбь и с их радостью нашу радость, дабы они могли сегодня, в этот торжественный Пасхальный день преобразиться в пасхальную скорбь и пасхальную радость.

Два ученика Иисуса идут по дороге в Эммаус и в глубокой сердечной скорби разговаривают между собою о том, что занимало их душу. Вот подходит к ним Воскресший, но не узанный ими Спаситель и говорит: о чем это вы, идя, рассуждаете между собою, и отчего вы печальны? Объясняя причину своей скорби, они говорят Ему: об Иисусе Назарянине, Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и

всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его. Они скорбели при этом не о собственной только тяжелой потере, которую понесли они со смертью своего любимого учителя, нет – они очень многого ожидали от Него и для всего своего народа. А мы надеялись было, что Он есть Тот, говорят они, Который должен избавить Израиля. Когда же благочестивый израильтянин говорил об избавлении своего народа, то он разумел под этим не одно только земное, внешнее избавление, но исполнение всех обетований Ветхого Завета о наступлении царства Мессии со всеми телесными и духовными Его благами. Казалось бы, что у них не могло быть более серьезного и глубокого основания для своей печали и Господь должен бы сказать слово одобрения за такую поистине благородную скорбь их, – но случилось не так. Он говорит им: о, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы верить всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти во славу Свою? Он указывает им на еще более глубокое основание их печали – на их неразумие, на маловерие и косность их сердца. Почему они так мало веровали слову обетования, так мало углублялись в смысл Священного Писания? Почему они так мало уразумели Его собственные предсказания об исходе Своем, о той разлуке, которую Он должен был иметь с ними в Иерусалиме? – Тогда они спокойнее, тогда с меньшею скорбью перенесли бы свершившееся событие, тогда совсем в другом свете представилось бы им все то, что теперь волнует сердце, тогда с большею верою и меньшею тугою сердечною пережили бы они настоящие тяжелые, полные скорби дни.

А что скажете на этот вопрос Спасителя вы, братие, собравшиеся сюда с глубокою скорбью на душе: «Отчего так печальны?» Быть может, некоторые из вас ответят так же, как и те эммаусские путники: «Об Иисусе Назарянине», и со вздохом сердца укажут на упадок христианской и церковной жизни, укажут на то, что Христос и доселе еще имеет так много врагов и предателей, что Он и сейчас снова ими распинается!

А другие, если они честны, назовут, быть может, другие причины своей скорби, укажут на житейские нужды, скорби и заботы, на жену и детей, на пищу и одежду, на дом и домочадцев. Или, быть может, их снедает скорбь разлуки с родными и близкими сердцу, похищенными смертью, и вот именно теперь, в эти торжественные дни светлого Праздника, едва зажившая рана их сердца снова растревается и дает себя чувствовать с особенною силою. А иные, может быть, простирают еще далее взор свой в этой скорби. Их сердцу очень близко счастье и благополучие Отечества: они возлагали большие надежды на его будущее, которые не оправдались, и вот с болью сердца и опасением смотрят они на дальнейшие судьбы его. И как хотелось бы, чтобы миновала эта опасность! Какое горе, что дух веры и молитвы, дух благочестия и христианских нравов так ослабевает в народе и уступает место духу неверия и нечестия в столь многих сердцах! Кто измерил глубину этого горя, которое давит благочестивое сердце при мысли об утрате многими столь высоких благ!

И однако, братие, Спаситель дает нам понять, что величайшее бедствие, которое мы должны чувствовать в своем сердце, состоит не в том только, на что мы указали сейчас. Он указывает еще на нашу собственную душу; Он прежде всего спрашивает нас самих о том, веруем ли мы-то сами как должно Его слову, сообразуем ли мы свою-то жизнь с Его жизнью? И если ты должен сознаться, что у тебя и самого недостает еще многого для полной и живой веры в Него, что и в твоём собственном сердце христианские чувства и настроения омрачаются нередко маловерием, суеверием и пристрастиями мира, тогда и тебе Он прежде всего укажет на маловерие и косность твоего собственного сердца. Самое острое жало всяких других наших скорбей должно заключаться в том, чтобы мы чувствовали и говорили себе: «Да, если бы Христос поистине жил во мне, если бы Он только один был сокровищем моего сердца, то что бы тогда значили для меня все страдания этой жизни? Насколько легче я переносил бы их, насколько крепче я был бы в борьбе со всякою нуждою, насколько способнее я был бы отирать слезы своих братьев!» Того не

устрашит потеря земных благ, кто смело и по совести может сказать: «Зачем я буду скорбеть, когда Христос со мною? Если Он со мною и за меня, то кто против меня?» Тот не может на могилах своих родных и близких сердцу предаваться такой скорби, как язычники, не имущие упования, кто знает, что он снова увидится с ними в вечной жизни: надежда на это будущее свидание улаживает эту скорбь. Тот сохраняет радость своей веры и при потере самых высших и дорогих благ своих и своего Отечества, кто знает, что любящим Бога все служит ко благу и во спасение.

Что́ народ, что́ земная родина и Отчество, если только наступит Царство Бога и слава Небесного Отечества? И ты несравненно легче перенесешь скорбь о том, что Христос так много еще имеет врагов и распинателей, что и ты так часто изменяешь Ему в своей верности, если в тебе еще сильно бьется пульс Его жизни, если ты живо чувствуешь мир Его в твоём сердце и смело можешь свидетельствовать о Его силе и благодати пред всяким не верующим в Него! Ах, зачем Христос, Его жизнь и Его учение так мало проникли еще в мое сознание, что и в отношении ко мне Он часто должен говорить еще: «О, *несмысленный и косный сердцем!*» или: «*Плачьте о себе и о грехах ваших!*» Вот та скорбь, в которой должна сегодня сливаться всякая другая скорбь, поистине пасхальная скорбь – скорбь о нашем неполном общении со Христом, воскресшим Царем жизни.

Вот та божественная печаль, которая ведет к блаженному раскаянию, печаль, которую Спаситель и у нас может превратить в мир и радость, мужество и упование, как превратил Он в тот пасхальный день печаль двух учеников Своих.

Посмотрим, в чем состояла радость тех учеников, и мы увидим постепенный ход в ее развитии. Тот, о смерти Которого они скорбели, жив еще для них, изъясняет им слова Писания, и они говорят: *не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?* Они ощущают Его жизнь в своих сердцах; новая, прежде неведомая радость объемлет их – Он с ними, Он близ них. Теперь поспешно

возвращаются они в Иерусалим, и вот новая радость. Не одни только они узнали о Его воскресении – есть другие вокруг них, для которых Он также ожил и которые также знают об этом и свидетельствуют им: «Христос воскрес!»

Здесь в образе и подобии мы усматриваем то, что и всегда должно служить нервом христианской радости, если она имеет притязание на название пасхальной радости, именно – что Христос не умер, но живет и для нас, и в нас, и вокруг нас!

Он живет для нас. Он сегодня – с нами, как некогда был с учениками в Эммаусе, Он изрекает нам слова жизни. Он преломляет с нами хлеб в Таинстве Евхаристии. И где верующая душа охотно принимает Его, приглашает Его остаться, туда Он входит и дает познать Себя, и такой человек чувствует в своем горящем любовью к Нему сердце, что Он живет в нас и, несмотря на нашу косность, маловерие и неверие, не хочет оставить нас. Тогда сердце верующего ощущает такой наплыв радостных и восторженных чувств, что не может удержаться, чтобы не возвещать о Его имени своим братьям. Отсюда ясно, почему и сейчас еще нет недостатка в таких учениках Господа, которые, подобно нам, узнали Его жизнь, воспламенились любовью к Нему. Благодарение Богу! Господь имеет еще у Себя последователей, будет иметь их и до скончания века, – имеет большее, чем думают неверующие, количество христиан, которые вместе с нами исповедуют и свидетельствуют о том, что Он в них живет и действует, и по собственному опыту могут сказать: «Да, Он действительно жив, Он воистину воскрес!»

Вот та истинная, пасхальная радость, которая должна служить источником для всякой другой радости, если она имеет притязание на это имя. Есть ли, братие, какое-либо более драгоценное право для грешного человека, как право радоваться, когда сердце забывает всякую земную печаль и заботу и делается далеким от всяких земных пристрастий? Горе человеку, который не может, который утратил и право, и способность радоваться! Вот почему ничто не должно препятствовать тому праздничному настроению, которое наполняет сегодня твое сердце, выражать в той или другой

человеческой благодарной радости и придавать ей характер домашнего торжества. Но все эти радости тогда только имеют свой надлежащий смысл и значение, если они проистекают из источника чистой пасхальной радости – если ты знаешь и своим собственным сердцем чувствуешь, что Христос жив, что Он живет и действует и в тебе, и для тебя, и вокруг тебя. Но если ты не знаешь такой радости, то что даст тогда тебе право на нынешнее, общехристианское торжество? Ты должен прежде принести покаяние и хотя в эти пасхальные дни и часы познать то, *что служит к миру твоему* (Лк.19:42) и спасению. К чему тогда этот радостный, торжественный звон колокольный, к чему вся эта праздничная обстановка, это веселье и ликование в дни Пасхи, если ты не знаешь, почему христианин должен радоваться на Пасху.

Но те, которые знают Христа и радуются Его воскресению и жизни, которые восчувствовали любовь Его в пламенеющих сердцах своих, те имеют полное право и все причины ликовать и веселиться, и этой радости их не может омрачить никакая забота, никакая скорбь сего мира. Это такая радость, которая никогда не прекращается и будет пребывать, когда и мир прейдет с его прелестью, которая никого не исключает из своего благословения и которой не может отнять у тебя никакая сила мира! Итак, украшайте как кто может этот праздник, ибо *сей есть день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь* (Пс.117:24)!

Братие! В некоторых отдаленных христианских странах в древности существовал, а местами и сейчас существует такой прекрасный обычай. В пасхальную ночь собираются верующие в одно место и ожидают первого луча восходящего солнца, и кто увидит его, тот первый приветствует его радостным восклицанием: «Христос воскрес!» – и получал от всех ответ: «Воистину воскрес!»

Среди облегающего мрака современного суеверия, маловерия и неверия видит, братие, и мой пастырский глаз на небосклоне душ и сердец ваших восход внутреннего солнца, зарю новой, полной христианских чувств жизни, и я с восторгом и радостью приветствую вас: «Христос воскрес!» О, если бы в

нашей обширной пастве православной побольше бы нашлось таких, которые на это пасхальное приветствие не словами, а сердцем могли бы ответить: «Воистину воскрес!» Аминь.

Беседа на третий день Пасхи⁷⁶

Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

Вот приветственные слова, которые чаще всего слышатся между нами в настоящие дни. В первый день настоящего светлого праздника мы заглянули в безмолвную гробницу Спасителя, и Ангел возвестил нам чудо: *что вы ищете живого между мертвыми?* – сказал он о Распятом, – *Его нет здесь: Он воскрес* (Лк.24:5–6). А сегодняшнее евангельское чтение ставит на очередь вопрос о том, какое впечатление произвело на нас это известие? А потому да будет мне позволено, возлюбленный брат, возлюбленная о Господе сестра, спросить: как относишься ты к воспоминаемому ныне величайшему событию Воскресения Христова, какова твоя вера в отношении этой истины? Заняла ли она в твоём сердце место твердой, исключаящей всякое колебание уверенности, или же в нём и доселе теснятся ещё недоумения и сомнения и ты далек ещё от истинной радости при пасхальном благовестии? О, если так, то возьмем в путеводители Евангелие и пойдем с ним во Святую Землю. Есть там дорога, ведущая из Иерусалима в селение Эммаус, – по ней и пойдем мы. Она наведет нас на такой религиозный разговор, который прекращает всякое пасхальное сомнение и превращает его в блаженную пасхальную уверенность. Вот этот разговор:

В тот же день (день Воскресения Христова) двое из них шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус; и разговаривали между собою обо всех сих событиях. И когда они разговаривали и рассуждали между собою, и Сам Иисус, приблизившись, пошел с ними. Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его. Он же сказал им: о чем это вы, идя, рассуждаете между собою, и отчего вы печальны? Один из них, именем Клеопа, сказал Ему в ответ: неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни? И сказал им: о чем? Они сказали Ему: что было с Иисусом Назарянином, Который был пророк, сильный в деле и слове

пред Богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его. А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло. Но и некоторые женщины из наших изумили нас: они были рано у гроба и не нашли тела Его и, придя, сказывали, что они видели и явление Ангелов, которые говорят, что Он жив. И пошли некоторые из наших ко гробу и нашли так, как и женщины говорили, но Его не видели. Тогда Он сказал им: о, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти во славу Свою? И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании. И приблизились они к тому селению, в которое шли; и Он показывал им вид, что хочет идти далее. Но они удерживали Его, говоря: останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру. И Он вошел и остался с ними. И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его. Но Он стал невидим для них. И они сказали друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание? И, встав в тот же час, возвратились в Иерусалим и нашли вместе одиннадцать Апостолов и бывших с ними, которые говорили, что Господь истинно воскрес и явился Симону. И они рассказывали о происшедшем на пути, и как Он был узнан ими в преломлении хлеба (Лк.24:13–35).

Это евангельское повествование по своему содержанию, как видите, есть не что иное, как пасхальное раздумье, которым оно начинается, и пасхальная уверенность, которой заканчивается. Об этом я и хочу побеседовать с вами, причем я остановлю ваше внимание сначала на тех думах, которые волновали ум эммаусских путников, а затем на той уверенности, к которой привела их неожиданная встреча с Воскресшим Христом.

Два ученика вечером в день Воскресения Христова идут по дороге в Эммаус. Это было в такое время года, когда вся

природа празднует свое воскресение, когда она пробуждается к новой жизни и зеленые ковры луговые, и благоухающие цветы первых весенних дней свидетельствуют о чудесах Божественного всемогущества. Но оба путника не обращают никакого внимания на эти чудеса природы, на это воскресение в природе. Другое, более высокое чудо занимает их душу; другое, большее воскресение составляет предмет их разговора. Насколько возвышен был предмет их разговора, настолько глубока была их сердечная туга. Три дня провели они в сильном волнении и душевной тревоге. Своего возлюбленного Учителя потеряли они, а чрез это порвались и все те чаяния и надежды их, которые так тесно связаны были с Ним. Смертью преступника-злодея умер Он на кресте, и Бог не внял Ему даже и тогда, когда Он в страшных, невыносимых муках взывал к Нему: *Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?* (Мф.27:46). Таким образом, все теперь оказалось обманом, ошибкою, заблуждением! Их трехлетнее хождение за Ним было не чем иным, как загадочною игрою превратных вещей! Удар, разразившийся над учениками Христа, настолько был силен, что во всех ударах судьбы, которые когда-либо постигали человека, едва ли можно указать что-либо подобное. Чем глубже было их благоговение пред величием Господа, чем крепче была их вера в Его мессианское призвание, чем выше и святее была любовь их к Нему, чем более потрясающим образом должен был подействовать на них этот внезапный, по крайней мере, в таком виде никогда не ожидаемый, разрыв сего союза. Ах, нам должно быть достаточно понятно то, почему смерть Господа не только повергла в глубокую скорбь и уныние учеников Его, но и заставила их разбежаться от Голгофы. Как ошеломленные и пристыженные, они стояли теперь не только пред народом, но и друг пред другом. И вот в таком-то настроении застают их первое известие женщин, что они нашли гроб Его пустым и видели двух Ангелов, которые сказали им, что Он жив. Можно ли удивляться тому, что в первый момент они не могли поверить этому известию? Ах, как желали бы они, чтобы это была правда, – но радостная весть слишком много обещала счастья, чтобы они сразу могли отдаться ей с полным доверием,

без боязни страшного разочарования в том случае, если бы она не подтвердилась. Подвергая ее общему обсуждению, они обнаруживают и веру, и недоверие, высказываются и «за» и «против» нее. Петр и Иоанн сами поспешили к гробу, чтобы проверить известие женщин, и, возвратившись, сказали, что они нашли все так, как говорили женщины, но Самого Его не видели. Новая надежда, но и новое сомнение овладевает их душами. Теперь одно остается у всех желание – это своими собственными глазами увидеть Господа и непосредственно убедиться в истинности воскресения Его. Но до этого момента в душах их продолжается колебание – надежда сменяется сомнением, причем то та, то другое берет перевес. В таком состоянии духа два ученика, отделившись от прочих, пошли по уединенной дороге, ведущей в Эммаус. У этих последних мысли и чувства теперь еще легче колеблются и сменяются одни другими, чем тогда, когда они были все вместе. Их беседа была не чем другим, как исканием уверенности в действительности события и, следовательно, исканием Самого Воскресшего Господа. Тогда приближается к ним Сам Он, но их глаза были удержаны, так что они Его не узнали и приняли за незнакомого человека. Но из того, что Господь явился им и присоединился к их обществу, мы вправе заключить, что их разговор был не неприятен Ему. *Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, сказал Он, там Я посреди них (Мф.18:20).* В настоящем случае разговор двух учеников был в Его имя, а потому Он и принял в нем участие, в противном же случае мы не нашли бы Его среди них. Что же это был за разговор? О, я хотел бы указать на него как на зеркало тем из сомневающихся в истине Воскресения Христова, которые своими сомнениями и неуверенностью в ней омрачают радость светлого праздника. Эммаусские путники не были людьми сомневающимися в Воскресении Господа, хотя не имели они и полной уверенности в действительности этого события. У сомневающегося нет желания прийти к полной уверенности и убеждению, а ученики, шедшие в Эммаус, напротив, ничего так не желали, как этой уверенности. Сомневающийся к своим суждениям примешивает насмешки и говорит о предмете сомнения без участия сердца,

без чувства, а у учеников Христа каждое слово глубоко запало в сердце, и они сильно были опечалены, как это заметил и Сам Господь, когда сказал им: *о чем это вы, идя, рассуждаете между собою, и отчего вы печальны?* Знаешь ли ты, друг, разницу, какая существует между сомневающимся и тем примером, какой в данном случае представляют собой ученики Господа? – Тот есть растение, листья которого завяли и опустились, потому что червь подточил ствол и корень его, а эти суть растение, верхушка которого печально согнулась потому только, что жаждет освежающего дождя. Да, поистине освежающим дождем служил для них каждый момент, каждое обстоятельство, подтверждавшее для них факт Воскресения Господа. Такого-то момента они и ожидали, таких-то подтверждений они и искали. Вот восстает пред их умом такое обстоятельство, которое сильно говорит за возможность и вероятность Его воскресения. Все они знали Его как пророка, сильного делами пред Богом и людьми, Который не только исцелял больных, но и воскрешал мертвых. Почему же, думали они, Тот, Который мог возвращать от смерти к жизни других, не может снова даровать жизнь и Себе Самому? Но против этого говорит другое обстоятельство, именно то, что Он не проявил, однако, Своего могущества в глазах Своих врагов, не сошел со креста, на что они вызывали Его, и не избавил Себя от позорной смерти. Но за Него далее говорит то, что Его все знали как пророка, сильного словом. Который говорил так, как никогда не говорил ни один человек, и Который проповедовал такие истины, которых нельзя было слышать ни из каких человеческих уст. Но, с другой стороны, Мессия по их ожиданию должен быть не только пророком, не только учителем мудрости, но и царем Иудейским, а Он не оправдал этого ожидания, и они напрасно надеялись, что Он избавит Израиль от римского владычества. Еще более за Него говорит то, что женщины, бывшие рано у гроба, нашли его пустым и рассказали, что они видели Ангелов, которые говорят, что Он воскрес, и что этот рассказ женщин проверяли у гроба Петр и Иоанн, которые нашли все так, как рассказывали женщины. Но и против этого, в свою очередь,

говорит то обстоятельство, что они Его-то Самого, однако, не видели.

Здесь нам необходимо, братия, на минуту остановиться – мы дошли до такого пункта, где явившийся Господь дает этому разговору учеников Своих другое направление. Оба ученика на эммаусском пути суть только образец бесчисленного множества путников пасхального вечера, которые скрывают во глубине души своей такие же вопросы и такие же мысли. Если бы кто имел возможность вчера и третьего дня прислушаться к разговорам о воскресении Христа, которые вели между собою многие из наших собратий, тот, наверное, признал бы в них разговор эммаусских путников. Велись ли эти разговоры на пути из церкви домой, велись ли они в семейных кружках или в полдень на уличной прогулке – это все равно; но я не сделаю ошибки, если предположу, что такие разговоры вели и ведут очень многие из людей честных, благонадежных, набожных и ищущих знания и истины. Ибо пасхальная тема, истина Воскресения Христова, настолько велика и серьезна, что к ней нельзя отнестись так же, как относимся мы к простой, обыкновенной новости дня, – нет, она должна найти себе место во глубине нашей души, в нашем непосредственном убеждении. Как такая истина христианского вероучения, которая составляет главный, средоточный пункт веры не только для этой, но и для будущей нашей жизни, она, естественно, должна быть подвергнута нами строгому исследованию и рассмотрению без всякого самообмана. Если в отношении ее апостол Павел в праве был сказать, что *если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна* (1Кор.15:17), то совершенно естественно для человеческой души спрашивать об ее основании и требовать ее доказательств, и все, что говорит «за» и «против» нее тщательно взвешивать даже и в том случае, если бы чашка на весах накренилась в ту сторону, где могут поколебаться наши чаяния и надежды и погрузить нас в глубокую скорбь. Но то только не свойственно природе человеческой души, чтобы она имела склонность к сомнениям, к отрицанию и давала бы слишком много простора холодным заключениям разума и чрезмерному, неограниченному преобладанию его над

непосредственным языком сердца. Здесь дело идет о таком догмате христианского вероучения, который прежде всего и ближе всего касается не разума, а сердца нашего и в его жажде, в его запросах и потребностях имеет свое начало, свою почву, свой корень, и из этой жажды и потребности развивается и постепенно возрастает убеждение веры. Это и не такой догмат, из которого можно делать приличный предмет разговора в веселых компаниях, в шумных собраниях и в таких вообще местах, в коих не терпят ничего святого: это – догмат, о котором приличнее рассуждать на уединенных тропинках, в тихих священных местах, при обмене мыслями людей благочестивых, благоговейно настроенных и способных к восприятию духовных впечатлений. Это не такой догмат, из которого можно делать надпись над входом в места публичных удовольствий и увеселений, – из него скорее можно делать надписи при входе на кладбища – места упокоения умерших. Мысли, которые пробуждают в нас кладбища, суть лучшее истолкователи догмата воскресения. На гробах твоих присных или при представлении места своего собственного упокоения ты лучше всего понимаешь эти великие слова: *Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин.11:25).

Какие же это, однако, вопросы, которые все еще мучают наше сердце, коему так хотелось бы верить в воскресение Христа, как и в свое собственное? Это те же самые вопросы, которые занимают в нынешнем евангельском повествовании и учеников Христа. Хотя многое говорит и за воскресение, но многое другое говорит и против него. Нет сомнения, что большинство наших собратий твердо веруют в ту истину, что Христос был *пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом*, что они признают за Ним, как за выдающимся учителем мудрости, преимущество пред всеми сынами человеческими, ставят Его выше всех людей; но как тогда ученики Его смущались и находили это странным, так и теперь они смущаются тем, что если Он действительно был Сыном Божиим, то каким образом Он дозволил лишиться Себя жизни и испустил дух Свой на кресте? Правда, евангельская история уверяет, что смерть над Ним не возобладавала, что Он в третий

день воскрес из мертвых, но как тогда ученики Его, так близко стоявшие к Нему, не могли отнестись к такому известию с полною верою, так как Сам Воскресший им еще не являлся, так и теперь многие из них не могут вполне убедить в этом свое сердце потому, что они не видят Воскресшего своими телесными очами, и потому, что не могут составить никакого для своих телесных очей представления о том, каким именно образом совершилось это явление Воскресшего Христа. Прославленное, одухотворенное тело, тело Воскресшего, превышает наши понятия. Его проникновение сквозь затворенные двери, Его неузнанное пребывание с учениками, шедшими в Эммаус, Его телесное вкушение пищи и питья и в то же время Его духовное состояние, бестелесность, Его, наконец, мгновенное и внезапное исчезновение – все это тревожит и наполняет мучительными вопросами наше сердце, которому так хотелось бы верить и которое, однако, не может запретить разуму делать свои возражения, взятые из видимого опыта и основанные на законах природы. Братия христиане! Не находится ли кто-нибудь и из вас сейчас в таком раздумье? Не испытываете ли и вы душевной тревоги от подобных недоумений и сомнений? О, позвольте только войти в наше собрание Самому Господу со Своим словом, со Своею проповедью, и Он успокоит ваше встревоженное сердце, Он рассеет ваши сомнения и приведет к твердой, блаженной пасхальной уверенности.

Эту проповедь Свою Он начинает таким предисловием: *о, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы, веровать всему, что предсказывали пророки!* Христианин! вникни поглубже в смысл слов этих и прими к сердцу это наставление среди твоих пасхальных недоумений и сомнений. Отчего происходят они? Ведь только от того, что дело Божие ты хочешь измерять тем же масштабом, каким человеческая мудрость измеряет обыкновенные события и явления видимого естественного мира. Но что пишет апостол Павел к Коринфянам об этой мудрости? – Пусть, говорит он, никто не обманывает себя: *мудрость мира сего есть безумие пред Богом* (1Кор.3:19). Божественные предметы требуют для измерения

своего другого масштаба, чем законы естествознания. Если ты за несомненную истину принимаешь только то, что можно видеть нам своими телесными глазами, осязать своими руками и что только можно доказать с математической точностью, то, конечно, тогда падает вся история Воскресения Господа. Ибо это раз и навсегда решено: предварительное и необходимое условие нашей веры в Воскресение Христово состоит в том, чтобы мы признали в Нем сверхъестественное событие. Кто же отрицает возможность такового, для того всякая с нашей стороны попытка убедить его в Воскресении Господа будет напрасною. А так как каждый из нас имеет в своем сердце долю этой склонности, то для нас ясно должно быть то, что хочет сказать Господь, называя наше сердце «косным сердцем». Он хочет сказать этим, что все мы, по причине этой естественной склонности сверхъестественное заключать в рамки естественного, не способны отказываться, когда нужно, от знания и довольствоваться верою. Но этого вера, впрочем, даже и не желает, так как в этом случае она лишилась бы права на признание ее истинною и основательно доказанною. В подтверждение своих истин и она, как и знание, приводит основания и доказательства – только эти доказательства не таковы, как доказательства знания. Знание основывается на собственных, непосредственных впечатлениях, а вера опирается на свидетельства других. На то, что говорили пророки о Мессии, указывает поэтому и Господь своим ученикам. Знание говорит мне, что *нечто есть*, а вера говорит, что *нечто должно быть*. «Не должен ли был Христос пострадать и войти в славу Свою?» – восклицает поэтому и Господь в Своем наставлении ученикам. То, на что Господь указал ученикам Своим как на основание для их веры тогда, это же служит основанием для нашей веры и сейчас, с той только разницей, что для нас таких оснований стало больше. Кроме свидетельств и предсказаний ветхозаветных пророков о будущем воскресении, у нас есть исторические свидетельства апостолов о воскресении как о событии, уже совершившемся. Рассмотрим поближе каждое из них отдельно.

Это поистине замечательное явление, которому нигде ничего нет подобного, что пророчества о Мессии проходят чрез все письменные памятники еврейского народа, как одна непрерывная нить. Эти пророчества нельзя, конечно, считать бреднями и вымыслом кого-нибудь из людей. Бредни и сновидения одного не могут иметь так много жизненной силы, чтобы они в неизменном виде сохранялись и переходили от одного поколения к другому в продолжение целых тысячелетий, давали бы всему народу особое духовное направление и намечали бы ему особые цели и задачи для достижения их в будущем. В этих постоянных и непрерывных пророчествах есть пророчество и о будущем воскресении Спасителя. Давид говорит относительно его: *Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление* (Пс.15:10). Спаситель к одному из подобных пророческих предсказаний присоединил однажды такие слова: *читающий да разумеет* (Мф.24:15; Мк.13:14), то есть кто это читает, тот пусть обратит на смысл этих слов особенное внимание. Очень хотелось бы и мне спросить вас: не должны ли и мы обратить наше особенное серьезное внимание на то обстоятельство, что о Святом, Которому не дано увидеть тление, мы читаем как о событии, предсказанном устами пророка еще за тысячу лет назад? Но мы имеем более сильное свидетельство о событии Воскресения Христова, чем это пророчество, – мы имеем об этом свидетельство истории, рассказы очевидцев. Во всей истории мира нет такого события, которое было бы так ясно и твердо засвидетельствовано и заслуживало бы такого доверия, как событие Христова Воскресения. Верующий в отношении исторических событий ничего не требует, кроме таких свидетельств, которые историк признает достаточными для того, чтобы убедиться в их достоверности. Если известное событие помимо такого свидетельства имеет за себя еще свидетельства очевидцев, то в таком случае его научная достоверность признается им достаточно обеспеченной и становится вне всякого сомнения. А в отношении факта Воскресения Христа мы имеем и то и другое, и даже в более полной мере, чем при

каком-либо другом историческом событии, так как о нем были свидетельства и в отдаленном прошедшем времени.

Казалось бы, что при таких данных истина Воскресения Христова не должна подлежать сомнению, однако были и есть люди, которые не довольствуются этими свидетельствами или же стараются подорвать достоверность их. Но вместо опровержения этих ложных мнений, для чего потребовалось бы слишком много времени, позвольте мне, братие христиане, поставить только два вопроса – первый: возможно ли, чтобы Иоанн Богослов, который таким бесподобно нежным, глубоко прочувствованным образом, как грифелем святой любви, рисует нам образ Восставшего из гроба, говорил нам ложь и небылицу? Возможно ли для твоего сердца счесть за обман то, что Иоанн написал в своем Евангелии как собственноручную скрепу, как заверение именно, что он засвидетельствовал о том, что сам видел и что свидетельство его истинно, и он знает, что он говорит истину, дабы и вы веровали. Но что сказали мы о свидетельстве евангелиста Иоанна, то должны сказать и о свидетельстве апостола Павла. И самые злонамеренные писатели не могли отрицать того, что апостол Павел в своих посланиях в чудных словах изложил чудные истины. Но он все свое учение обосновывает всецело на великом событии Воскресения Господа: *Если, говорит он, Христос не воскрес, то вера ваша тщетна (1Кор.15:17)*. Даже более того. Он говорит о себе самом, что чрез это воскресение сделался тем, чем он есть. Он говорит: *уже не я живу, но живет во мне Христос (Гал.2:20)*. Ужели можно и после этого утверждать, что апостол Павел, о котором и вообще нельзя сказать, чтобы он недостаточно ясно и глубоко излагал и другие возвышенные истины, стал говорить языком легкомысленного дитяти о таком предмете, который для него был самым главным и самым важным предметом? Допустим, впрочем, что он говорил языком дитяти, но дитяти Бога, которое своим детским, чутким сердцем весьма ясно понимает разум и самых разумных мудрецов. Если Христос не воскрес, то личность Павла со всей его историей и жизнедеятельностью есть какая-то историческая загадка и противоречие самой себе. И если бы ты стал разъяснять эту

одну загадку, то повстречался бы по ее неразрешимости с другой, новой и еще более трудной и неудоборазрешимой загадкой.

Но ужели в самом деле так трудно понять, что Иисус Христос, Сын Всемогущего Бога, воскрес из мертвых? Не подобало ли, не необходимо ли было в самом деле, чтобы Христос, именно потому, что Он был Сын Божий, пострадал от грешного мира и таким образом вошел в Свою славу? Совершалось ли какое-нибудь святое дело в мире без того, чтобы оно не встретило ненависти, злобы и противодействия со стороны этого мира? Не мог в этом случае составить исключение и Праведный Богочеловек, Сын Божий. Мир, поскольку он видел, что Его пришествие на землю грозило ему смертью, необходимо должен был восстать против Него и в свою очередь умертвить и Его. Было бы противно природе и существу мира, если бы он этого не сделал. Но, с другой стороны, и Бог не мог допустить, чтобы мир окончательно восторжествовал спую победу, и Он лишил его этого торжества тем, что Христа, Которого он на кресте умертвил и во гроб положил, чудом Своего всемогущества снова возвратил к жизни и поставил выше всех и всего, так чтобы *пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних* (Флп.2:10). Таким образом, для нас вполне понятно, что если Христос по Своей человеческой природе не мог избавить Себя от смерти, на которую обрек Его мир, то по Божественной Своей природе Он необходимо должен был восстать из гроба. Это «необходимо» (по-славянски «подобало») укрепляет веру. На это «необходимо» и Господь указывает ученикам Своим.

Но к этому «необходимо» присоединяется еще другое «необходимо». Никто не отрицает и не может отрицать, что христианство есть такая могучая жизненная сила, которая во всем мире произвела резкий переворот, снабдив его новыми, высшими, духовными силами. Но все это, если проследим исторически, вытекает из того великого события Воскресения Христова, со времени которого апостолы распространили в мире христианство. Если бы это был обман, то странно, что обман сделался источником таких очевидных истин. Если бы

Христос остался мертвым во гробе, то каким образом один мертвец послужил источником новой, истинно человеческой, духовной жизни, которая распространилась на целые миллионы людей? Христианство служит живой душой всей мировой истории в продолжение девятнадцати веков. Все, что за это время придумано и сделано великого и благородного в мире, все это произошло из него (христианства) и неразрывно связано с ним. У тех только народов и развивается истинно человеческая жизнь, которые получили свою жизнь от Христа. А Сам Он – этот непреложный и неистощимый источник жизни – был бы мертв? О, я с полной уверенностью говорю, что Он необходимо должен быть живым, как Воскресший, восседая на престоле Славы одесную Отца, – в противном случае от Него не могла бы исходить такая жизнь, которая овладевает всем миром, и если бы все свидетельства Священного Писания, все доводы отцов и учителей Церкви не в состоянии были бы возбудить во мне веру в Воскресение Христа, то одна жизнь Его, распространившаяся по всему миру и засвидетельствованная историей, достаточна была бы для того, чтобы заставить меня воскликнуть: *Воистину Христос воскрес!*

Но почему мы останавливаемся своим вниманием только на внешней истории человечества? Взгляни еще, собрат, на себя самого, обратись к истории твоей собственной жизни и посмотри, что там. Если ты не по имени только, а поистине христианин, то не служит ли Христос душой и твоей собственной жизни? Твоя голова думает по-христиански, твои уста говорят по-христиански, твои ноги ходят по-христиански, твое сердце бьется по-христиански. Все, что есть сродного с вечным и небесным и имеет виды на вечную, небесную жизнь, – испытай, не от Него ли все это происходит и не с Ним ли неразрывно все это связано? Все, что носишь ты в себе как истинную жизнь, все это есть Он же Самый Воскресший Христос. Ты живешь – однако не ты живешь, но Христос живет в тебе. Вот почему и на основании опыта собственного сердца я считаю себя вправе снова воскликнуть: *Воистину воскрес Христос!*

Досточтимое собрание! Если мне удалось достигнуть того, что в твоём сердце ощущается сейчас некоторое движение, как бы некоторая единомышленная сила, располагающая тебя разделить мои мысли и чувства, то да будет мне позволено объяснить это как то горение сердца, какое ощущали эммаусские путники и о котором говорится в Евангелии нынешнего дня. Если у тебя, возлюбленный брат, зародилось хотя бы слабое ощущение или чувство того, что Воскресший Христос с тобою, то упроси, умоли Его остаться с тобою, и из этого слабого ощущения при дальнейшем общении с Ним не замедлит явиться у тебя и признание Его верою. Общение с Ним приводит к совершенной уверенности в истине Воскресения Христова. Так было это с эммаусскими путниками, так будет и с тобою. Вот почему моя смиренная пастырская молитва за тебя, дорогое собрание, в этот час нашего пасхального вечера такова: Господи! Если кто из этого собрания очами своей веры узрел Тебя сейчас как Воскресшего, то останься с ним до вечера его жизни. Ах, останься, Господи, останься с ним, останься и со мною, останься и со всеми нами! Аминь.

Слово на третий день Пасхи⁷⁷

И приблизились они к тому селению, в которое шли; и Он показывал им вид, что хочет идти далее. Но они удерживали Его, говоря: останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру. И Он вошел и остался с ними. И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал, им. Тогда, открылись у них глаза, и они узнали Его. Но Он стал невидим для них (Лк.24:28–31)

Вот история, которую мы выслушали и нынешнем Евангелии.

Это было вечером в день Пасхи. В Иерусалиме, куда по случаю праздника Пасхи собрались израильтяне со всех сторон земли, было полно и в домах, и на улицах, и в храме, и на рынке. Всюду движение и суета. Всюду говор и шум: шум от покупателей и продавцов товаров, привезенных на рынок сельскими обывателями, шум и от веселой, ликующей, по-праздничному настроенной толпы; но среди этого шума и ликования были группы и серьезных мужчин и женщин, опечаленных событием дня, которые со скорбью и полупшепотом говорили об Иисусе из Назарета, *Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники для осуждения на смерть и распяли (Лк.24:19–20)*. К числу таковых принадлежали и те два ученика Иисуса, которых мы видим идущими из Иерусалима в деревню и в разговоре которых принял участие примкнувший к ним незнакомый человек. Они не могли оставаться в шумном городе; со своею скорбью о распятом Учителе они хотели быть одни; их души искали тишины и сосредоточенности. Пред ними лежала тихая, скромная, отстоявшая на шестьдесят стадий от Иерусалима деревня Эммаус; туда они и устремились, чтобы избежать городского шума.

Вот и мы, боголюбивые сестры, собрались сейчас в эту обитель, которая, подобно Эммаусу, укрывает нас и от шума городского, и от суеты мирской. Правда, не отделяют ее от города те шестьдесят стадий, которые отделяли Эммаус от

Иерусалима, но зато она сама отгородила себя от этого строгостью своего устава, и вы видите и опытно испытываете, как тихо, уютно жить здесь: сюда не проникает ни шум городской, ни суета мирская. Здесь так удобно беседовать об Иисусе Назарянине в кругу одинаково настроенных и ищущих единого на потребу сердец. Вот почему с чувством особенного удовольствия явился и я сюда, чтобы помолиться с вами и побеседовать о Воскресшем Господе и благожелательно приветствовать вас, дорогие сестры, с пасхальным праздником.

Чего же пожелать мне вам в этот радостный и великий день Праздника праздников? Под впечатлением нынешнего Евангельского чтения я ничего не могу придумать лучшего, как пожелать вам, боголюбивые сестры, чтобы ваша Марфо-Мариинская обитель сделалась для вас своего рода Эммусом, то есть таким домом: а) где находит для Себя место Иисус, б) где преломляется хлеб жизни и в) где открываются глаза для опознания Господа.

а) И приблизились они к тому селению, в которое шли; и Он показывал им вид, что хочет идти далее. Но они удерживали Его, говоря: останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру. И Он вошел и остался с ними (Лк.24:28–29).

Два обстоятельства важны для нас в этом рассказе: первое, что Он показал вид, что хочет идти далее, и второе, что Он все-таки остался с ними. Еще не открылись глаза учеников Его, еще продолжали они смотреть на Него, как на одного из многих чужестранцев, пришедших на праздник, когда подошли они к дому. Уже ухватились они за скобку двери, чтобы войти в дом, а Он делает шаг далее, несмотря на наступившую темную ночь. Почему это? Не потому ли, что Он огорчился тем, что они Его не узнали? Ах, да, ничего нет прискорбнее для Спасителя, как если Он долгое время идет вместе с душою человека и она не узнает Его, – тогда для Него ничего не остается, как оставить ее, отойти от нее. Но здесь, однако, была другая причина. Это было пробным камнем, на который Он ставил учеников Своих. Показывая вид, что Он намерен идти далее, Он хочет этим испытать сердца их. Пригласят ли они Его? Не окажутся ли они

настолько холодны и безжалостны, что допустят Его ночью продолжать путь в чужой стране? – Нет. Они не напрасно были учениками того Учителя, Который рассказывал им притчу о милосердом самарянине, Который говорил также и о том, как в день Страшного Суда будет сказано грешникам: *был странником, и не приняли Меня* (Мф.25:43). И они, удерживая Его, говорили: *останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру*. Не ради себя, а ради Его Самого просили они быть у них гостем. Они хотели Ему Самому оказать услугу, а на деле оказалось, что не они Ему, а Он им оказал величайшее благодеяние.

Как только услышал Он из уст их приглашение, Он сейчас же вошел с ними в дом. Он никогда не проходит мимо таких сердец, в которых живо и сильно благочестивое настроение. Так заходил Он к Закхею, потому что в его сердце нашло для себя место искреннее покаяние, заходил к Марфе и Марии, потому что там жила пламенная вера, а теперь заходит к Клеопе и его другу в Эммаусе, потому что в сердцах их обитала любовь.

И Он вошел и остался с ними. Не на один только короткий момент вступает Он под их кровлю. Он проводит с ними не один час: Он терпеливо выслушивает их сетование и жалобу, разъясняет им их заблуждение, доказывая Свои мысли местами Священного Писания, а когда настало время вечерять, садится с ними за стол, ест их хлеб и пьет их вино и делает для них несравненно более того, чего они от Него ожидали, – Он остается с ними с этого часа навсегда.

Дорогие сестры! Слыша об этом обстоятельстве, наверное, и вы исполняетесь желанием иметь своим гостем Христа Иисуса. Но знайте, что Спаситель может входить не под всякую кровлю, не во всякий дом. Ах, как много знаю я домов в нашем городе, в которые Он наверное не заходит и не может зайти. Ибо там нет для Него места, там закрыты для Него двери. Знаете ли вы, что уготовляет место Спасителю? – Только туда заходит Он, где выходят к Нему навстречу сердца, исполненные Его духа. Только тогда может Он обитать и между вами, когда Он признает вас Своими по вере, по надежде и по любви. Знаете ли вы тот ключ, которым отпираются двери для Иисуса?

– Это молитва. Только туда Он входит, где на Его стук отворяют Ему двери с прошением Лавана: *войди, благословенный Господом; зачем ты стоишь вне?* (Быт.24:31) или с просьбой эммаусских путников: *останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру*, войдет Он и в вашу среду, если и вы будете собираться во имя Его, то есть жить по Его учению и согласно своим обетам, – войдет и останется с вами и *обитель сотворит у вас* (Ин.14:23). Он будет сопровождать и руководить вами на всех путях ваших, Он будет с вами и во время ваших занятий и работы, и в часы вашего отдыха, и в церкви во время богослужения, и в часы вашей уединенной молитвы – короче, Он будет присутствовать всюду, всегда и во всем, что у вас делается: в словах и речах, которые у вас говорят, в песнях, которые вы поете, в работе, которую вы совершаете, в духе, веющем во всем строе вашей жизни, так что всякий при взгляде на вашу обитель вправе будет сказать: да, здесь действительно живет Господь.

б) Но Иисус приходит не с пустыми руками. Когда Он там, в Эммаусе, возлег со Своими учениками, то взял хлеб, преломил его и подал им. Дивно было это в глазах учеников: они пригласили Его гостем, а Он поступил как хозяин: Он взял хлеб и возвел очи Свои к небу (как в других случаях это делал Господь и Спаситель, когда, например, насыщал пять тысяч человек или когда еще так недавно ел с ними пасхального агнца) и подал им. Этот хлеб был для них более чем обыкновенная телесная пища – он был хлебом жизни, преломленным для них дорогими руками Иисуса.

Не должно ли это быть образом того, что хочет предложить Марфо-Мариинская обитель и вам, насельницы ее? В самом деле, что предлагает вам, боголюбивые сестры, мир, откуда вы собрались сюда, с его блеском и пышностью, с его трудами и заботами? Я думаю, что вместо хлеба он предлагает жесткий камень. Труды и заботы, – ах, как тяжелы, как суровы, как холодны эти голые камни, с которыми люди неизбежно должны в течение всей своей жизни влачить судьбу свою! Я думаю, что это можете подтвердить и сами вы, ибо и между вами есть такие, которые не по розам совершали доселе жизненный путь

свой, но среди терний и волццев, которые обречены в ноте лица своего есть хлеб свой. А эти мимолетные радости и удовольствия мира, так дорого оплачивающиеся, оплачивающиеся не деньгами только, но нередко и потерей чести, душевного мира и спокойствия, – что все это, как не те же камни? Камни эти, может быть, и драгоценные, но ведь и драгоценные камни также не утоляют голода и жажды: камень всегда остается камнем, хотя бы это был и настоящий бриллиант. Но не то хочет предложить и предлагает нам Марфо-Мариинская обитель, в которой вы имеете счастье находиться. Питая вас словом Божиим, писаниями святых отцов и учителей Православной Церкви, развивая в вас чувство любви к ближним, милосердия, благочестия и подвижничества, по примеру древних христианских подвижниц, она дает вам здоровое питание, такой хлеб, которым могут питаться и жить ваши тело и душа. Ах, как много в настоящее время подмешивается в пищу нашего юного женского поколения губительного яда. В том, что они читают, что они слышат и что видят, как много заключается такого, что порождает и развивает в них чувство суетности и легкомыслия, нецеломудрия и страсть к наслаждениям, но нисколько не утоляет их духовного голода и не дает им хлеба жизни! Дорожите же, сестры, вашей обителью, как таким местом, где утоляется этот духовный голод, где преломляется хлеб жизни. *Я есмь хлеб жизни (Ин.6:48)*, говорит Господь. *Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек (Ин.6:51)*. Вот то единое, что требуется для нашего спасения.

в) Наконец, ваша Марфо-Мариинская обитель должны быть местом, где открываются глаза для познания Господа. *Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его*. Счастливый был для них этот момент. Как воспрянули они духом, когда узнали незнакомца в этом преломлении и подаче им хлеба! «Как? Ужели, думают они, это Он, распятый, о Котором женщины сказали, что Он жив? Почему мы были так слепы все это время, когда Он шел рядом с нами? Да, это Он, воистину Он», – и они уже вскочили с места, чтобы обнять Его. Но Он мгновенно исчез, стал невидим.

Вот, любезные сестры, счастливое, вожделенное опознание. Хорошо, очень хорошо, когда молодая девушка приобретает некоторые знания о предметах этого мира и обучается тому, что нужно для ее призвания, что она может и должна знать как дитя своего века. Христианство вывело ваш пол из тяжелого состояния рабства, в котором он находился всюду и теперь находится, где нет Христа, и таким образом проложило путь к образованию женщины. Но как много в настоящее время говорят неразумного о женских правах и эмансипации женского пола, об образовании женщин и т.п., забывая о том, что можно много знать и все-таки быть неразумным до гибели своей души – и наоборот, можно принадлежать к числу неученых и простых и в то же время иметь такую мудрость, которой не имеет и не может дать весь мир. «Если я знаю, как должно, одного только Иисуса, то я имею мудрость полную и совершенную». А потому постарайтесь, дорогие сестры, познать и уразуметь Иисуса, как своего Спасителя и Господа. Это истинное знание. Придти к вам в этом на помощь и имеет своей задачей Марфо-Мариинская обитель. Дорожите этой помощью. Можно быть добрым христианином или христианкой, можно хранить себя от стыда и позора, от падения и порока, можно быть церковно настроенным и усердно читать слово Божие, но чтобы быть истинной христианкой, всего этого еще недостаточно – нужно опознать Христа, нужно самому опытно испытать и убедиться, что Он жив и пребывает между Своими учениками, нужно возражать в вере и познании. *Сия же есть жизнь вечная, говорит Господь, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа (Ин.17:3).* О, как счастливы те, у которых спадает с глаз покрывало, и они прозревают для опознания Христа! И нам должна быть вполне понятна та необычайная радость, которая заставила этих эммаусских путников выйти и на весь мир воскликнуть: «Христос Воскресе! Воистину Воскресе!» О, да благословит Господь и вас, возлюбленные сестры, в вашей обители сбросить покрывало с очей ваших, дабы и вы могли узнать Его во всей силе Его

воскресения и в таком познании приобрести радость и блаженство.

Если Иисус заходит к вам, если у вас преломляется хлеб животный, если открываются у вас глаза для опознания Христа – о, тогда ваша обитель поистине есть благословенное место, поистине Эммаус.

Из Эммауса те ученики возвратились в Иерусалим. С печалью шли они сюда, но с радостью возвращаются; тогда утомленные, а теперь подкрепленные; тогда упавшие духом, а теперь твердо уверенные; тогда запуганные, а теперь дерзновенные. И все это сделал Эммаус. О, даруй Господи, чтобы и ваша Марфо-Мариинская обитель сделала с вами нечто подобное, чтобы и вы выходили отсюда на свои подвиги среди страждущего человечества с такой же радостью, спокойствием и великодушием, как те ученики Господа! Тогда ваша обитель исполнит свою задачу, тогда она будет поистине благословенный Эммаус. Аминь.

Слово на третий день Пасхи⁷⁸

Но они удерживали Его, говоря: останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру (Лк.24:29)

Так просили Господа вечером в день Пасхи два ученика Его, шедшие в Эммаус, когда подошли они к дому, где они должны были расположиться на ночлег, и заметили, что Он хочет идти далее. И Он внял их просьбе, вошел к ним и остался с ними.

Не замечаем ли и мы, братия, что Христос Спаситель, по причине нашего маловерия и косности нашего сердца, хочет удалиться от нас, оставить и наш народ, более и более погружающийся в безверие и нечестие? Настоит поэтому нужда и для нас, подобно эммаусским путникам, просить Его остаться с нами, и нет сомнения, что Он не откажет и нам, если мы сумеем как должно попросить Его. Кто же может попросить Его так, чтобы эта просьба не осталась бесплодной?

Из нынешнего евангельского повествования о данном событии вытекает следующий ответ на сей вопрос: тот может с таким успехом молиться Ему, чье сердце исполнено горячей любовью и постоянно тяготеет ко Господу. Тот, кто с сердечным расположением и с чувством раскаяния слушает Его хотя бы и строго обличительное слово. Тот, кто, нося в себе веру в Воскресшего Христа и имея живое общение с Ним, не держит себя особняком, но старается входить в общение и с другими, которые также Его признали воскресшим и могут засвидетельствовать, что Христос воистину воскрес.

Что побудило эммаусских путников, с которыми шел Господь в пасхальный вечер, просить Его: *останься с нами?* Была ли причиной этого одна только забота о доставлении Ему ночлега ввиду наступившего вечера? Не следует ли скорее усматривать здесь нежелание их расстаться со своим путником? Не говорят ли они сами о том, что их привязывало к Нему? *Не горело ли в нас сердце наше, говорят они, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?* (Лк.24:32). Когда Он говорил с ними, глаза их были удержаны, так что они не

узнали Его и приняли Его за чужестранца: в Его словах оставалось для них еще много непонятого и темного. Но им так хорошо было в сообществе с Ним! То, что было для них непонятого в Его словах, пробуждало в них жажду более глубокого их уяснения и уразумения. Вот почему им так не хотелось расстаться с Ним и прекратить с Ним беседу. Вот почему они просят Его остаться с ними, тем более что наступил уже вечер, и Он не мог уйти далеко. Тогда Он вошел к ним и остался с ними. И вот за счастливым днем наступил для них и счастливый вечер. *Когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его (Лк.24:30–31)* и воочию убедились в действительности Его воскресения.

Может ли Он отказать и в нашей просьбе, если мы с пламенным желанием сердца будем просить Его, чтобы Он не удалялся от нас, но постоянно находился в общении с нами и делал нас участниками Своей жизни? Там, где сердца остаются холодными к Нему и блуждают на распутьях мира, забывая совсем о Его Царстве, там, где и настоящий светлый праздник проходит, нисколько не согревая их и не наполняя живыми чувствами любви и расположения к Нему, – там, конечно, просьба эта не может быть услышана. Но где сердце открыто для Него и горит любовью к Нему и в сознании недостаточности проникновения в смысл Его слова пламенеет желанием глубже уразуметь его, ближе стать к Нему и войти в более тесное и живое общение с Ним, то кто из таких людей не пожалеет, что так скоро проходят дни и часы этого праздника! Кто не почувствует внутренней туги при мысли, что мы снова с неукрепленным сердцем должны скоро выйти на поле битвы со врагами Христа с опасностью не устоять пред ними, изменить Ему, потерять Его, потерять Того, без Которого мы не можем, не желали бы и жить! – Но успокойтесь, возлюбленные! При таком настроении просьба наша не будет напрасна. В этом случае Он примет и наше приглашение. Он придет к нам, в наши дома и наши сердца и останется у нас, хотя бы день склонился к вечеру, и вокруг нас было так темно и печально. *Он трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит*

(Мф.12:20). Он услышит, Он не может не услышать воздыхания той души, которая жаждет Его, томится о Нем; для такой души Он готов сделать всегда больше, чем сколько она у него просит.

Братия! Если Пасхальная радость пробудила (о, если бы пробудила!) сейчас в глубине душ ваших это сердечное желание более и более познавать Его, глубже и глубже проникать в смысл и дух Его учения, теснее соединиться с Ним и живее чувствовать Его близость и общение с вами, то пусть каждый из вас из глубины души воззовет сейчас к Нему: «Господи, мы видим, что Ты хочешь уйти от нас, но не оставляй нас, Господи, ибо день склонился уже к вечеру и мрак неверия и нечестия облегает нас. О, как жутко нам в этом мраке без Твоего света, без Тебя, наша единственная утеха, мир и надежда! Не уходи от нас, останься с нами, Господи». И Он услышит эту молитву вашу, останется в душах ваших и даст вам силу в борьбе с искушениями мира, Он будет возводить вас от силы в силу и не оставит вас до конца жизни вашей.

Конечно, эммаусские путники в пасхальный вечер не получили бы такой благодати, если бы они отвратили слух свой от того, что Он говорил им на пути. Но они охотно и со смирением выслушали Его обличительное слово; они не оскорбились, когда сказал Он им: *о, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы верить всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти во славу Свою?* (Лк.24:25–26). Они не нашли эти слова жестокими и резкими, но выслушали их со смирением, а потому Господь и согласился остаться с ними и открыл им Себя как Живого. И в настоящее время Он охотно остается с теми, которые со смирением и готовностью исправиться принимают Его обличительное слово. Многим это слово кажется слишком суровым и жестоким, ибо оно говорится не по примеру людей мира сего, которые, когда хотят произвести приятное впечатление на своих собеседников, прибегают к неправде и лицемерию, воскуряя перед ними фимиам лести. Но Господь поступает не так: Он со всей прямоотой бичует нас за медлительность и косность нашего сердца в восприятии той истины, которую Он проповедует нам,

– истины веры и покаяния, как единственного условия нравственного обновления и вступления в тесное общение с Ним. И кто желает этого общения, тот не оскорбляется этой резкостью, но со смирением выслушивает Его и слагает в своем сердце с твердым намерением исправиться! Таковой и сейчас не напрасно просит: *останься с нами!*

Когда Иисус исполнил просьбу учеников Своих, эммаусских путников, остался с ними и открыл Себя как воскресшего из мертвых, тогда они поспешно пошли в Иерусалим к оставшимся там своим братьям. Когда рассказали они последним, что произошло с ними *на пути, и как Он был узан ими в преломлении хлеба (Лк.24:35)*, то и те в свою очередь подкрепили их в чувстве радости той вестью, что Христос *истинно воскрес и явился Симону (Лк.24:34)*.

Братие-христиане! Какой благодати и благословения лишаем мы себя тем, что оставляем того или другого из наших собратий одиноким в своей вере и исповедании Господа, что мы в нашей жизни христианской так мало умеем поддерживать их в общении с нами! С самыми лучшими и благочестивыми намерениями, полный христианской любви, выступает иногда иной юный христианин на поприще жизни, но как скоро он охладевает в своем сердце, растлевается в своей душе, когда ему ни в школе, ни в доме его хозяина, ни даже в доме его собственных родителей ничего не говорят о Боге! Когда те, которые назначены ему в качестве руководителей, не только не возгревают одушевляющего его религиозного чувства, но, напротив, погашают и убивают его, препятствуя ему, например, свято проводить воскресные и праздничные дни, бывать за богослужениями, молиться и слушать проповедь слова Божия! Как легко угасает огонь, который горит в одном только человеке! Но попробуйте зажечь его и в других, и вы увидите, как быстро пыл одного перейдет и на другого и загорится ярким пламенем! Насколько бы было живее наше общение с Господом, если бы мы вернее следовали примеру первенствующих христиан, которые ежедневно были вместе за молитвою и у которых *было одно сердце и одна душа (Деян.4:32)*!

О, не оставляйте, не пропускайте наших богослужебных собраний, как имеют обычай *некоторые* только, как говорил некогда Апостол, но, к сожалению, многие и очень многие! Не забывайте и домашней молитвы, собирайтесь для сего со своими семьями, женами, детьми и прислугой, как это бывало в старое доброе время. Пусть пламя молитвы, благодарения и поклонения высоко поднимется из сердец ваших во славу Живого и Воскресшего Господа. Тогда Он услышит нас, тогда Он останется и пребудет с нами, тогда возрастет и утвердится Его жизнь между нами и внутри нас, тогда мы не устами только, но и сердцем будем приветствовать друг друга: «Христос Воскресе! Воистину Воскресе!»

Если Он отречется и удалится от нас, то что пользы от всякого счастья и всякой радости на земле! Если же останется и пребудет с нами, то какая беда от всяких злоключений и превратностей судьбы? Пусть приходит злое время, бушуют бури и ветры, пусть восстает вся сила тьмы со своим князем! Я не боюсь и в такой мрачной юдоли никакого несчастья – ибо Он со мною. И если наступит вечер и придет к концу день моего земного странствия, то и тогда за ночью и всеми ужасами смерти последует утро, которое возведет меня навстречу вечного и блаженного общения с Ним. Аминь.

Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! (Лк.12:49)

О каком это огне говорит здесь Господь наш? Ответ на этот вопрос дает нам нынешний праздник Пятидесятницы. Когда ученики Иисуса в пятидесятый день по Воскресении Христовом собрались в Иерусалиме в Сионской горнице, на них сошел обещанный Утешитель – Дух Святой в виде огненных языков, то есть потоков. Почему он явился им в виде огня? – Потому что действия Духа Святого подобны действию огня. С огненной силой объял Он учеников Христовых, огненную ревность о Царствии Божиим зажег Он в сердцах их; с огненной силой лилась речь, которую они возвещали о великих делах Господних; как огонь, жгла эта проповедь сердца слушателей. Вот усиливается огонь этот, проникает сквозь сердца слушателей, и они, по слову Иоанна, крестятся духом Святым и огнем. Огонь распространяется, и напрасно книжники, первосвященники и старейшины народа усиливаются положить ему преграду – он расторгает узы, разламывает темницы и проторгается чрез гроб Стефана. Вот охватывает он Павла, и этот последний разрушает стену Закона, и падают границы Ветхого Завета; неудержимо распространяется он в странах языческого мира, и куда ни проникает – всюду падают идольские капища, всюду, как заря, восходит и начинается новая жизнь в умершем мире, и народы, доселе ненавистные друг другу, соединяются в одной братской любви. Таково свойство Святого Духа, которое Господь называет огнем. Он действительно подобен огню. Как огонь, очищает Он сердца верующих. Когда благодать Святого Духа охватывает человека и начинает в нем свое дело, тогда душа этого человека делается подобной золоту, которое очищает плавильщик в горниле. Ум его просветляется, мысли исправляются, сердце очищается от накопившихся осадков нравственной нечистоты, греха и порока, воля закаляется в добре, и пламенная ревность о славе имени Божия делается ее внутренней потребностью. Как загорается

любящее сердце, когда чувствует приближение своего друга, так горело оно в учениках Христовых на пути в Эммаус, когда Господь говорил с ними и изъяснял им Писание. И как те, узнавши Господа, до тех пор не хотели успокоиться, пока не поведали эту радостную весть своим братьям во Иерусалиме, так и теперь пламенная ревность о славе имени Иисуса побуждает учеников Его идти в мир, чтобы благовествовать о Нем братии. Они веруют, а потому и проповедуют, – в них загорелся свет и жизнь. Вот разделяются души, как некогда в день Пятидесятницы; отделяются плевелы от пшеницы, грязь и нечистая примесь от золота. Одни приходят в негодование и смеются, а другие с верой принимают это слово жизни и делаются счастливыми. Какая радость, какой восторг, когда от этого огня исчезает ледяное покрывало неверия и самолюбия, каким окутано было человеческое сердце, – и юная, теплая весенняя жизнь, как заря, занялась в новорожденных сердцах, согретых, загоревшихся пламенем первой христианской любви! Не страшны теперь и козни князя мира сего. Какие бы ни употреблял он усилия к распространению своего огня ненависти и греховных страстей, ему не погасить уже сего святого огня. *Кто отлучит христианина от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?.. Но все сие он преодолевает силою Возлюбившего его (Рим.8:35–37).*

Вот тот огонь, о котором говорит Господь в приведенном нами тексте. Для возжжения этого огня Он и приходил на землю, для этого и сделался *послушным даже до смерти, и смерти крестной (Флп.2:8)*. Вот почему к словам Своим: *Огонь пришел Я низвести на землю*, Он присоединяет Свое горячее желание: *и как желал бы*, говорит Он, *чтобы он уже возгорелся!* Он не загорался еще, огонь этот, в то время, когда Спаситель говорил слова эти. Хотя там и здесь и западала в восприимчивые сердца искорка его жизни, хотя несколько и вспыхивала она в сердцах учеников Его, но ей трудно было бороться против огня нечестивых страстей и себялюбия. И как легко она могла быть погашаема, когда наступали дни тяжелых гонений! В среде народа одни оставались холодными и

равнодушными, а другие застывали, окоченевали под ледяным покрывалом своей гордости и фарисейской самоправедности. Ему нужно было пройти еще чрез глубочайшую бездну страданий. Ему нужно было еще Своей кровью искупить и приобрести их души – иначе не стал бы гореть этот огонь, зажечь который Он пришел на землю. Вот почему Он тотчас же и присовокупил: *Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!* (Лк.12:50). Крещение, о котором Он говорит здесь, было то именно крещение кровию, коим Он должен был креститься, прежде чем ученики Его крестились Духом Святым.

Как желал бы Я, чтобы он уже возгорелся! Таково было желание нашего Спасителя, когда Он говорил слова эти в кругу Своих учеников. Видим ли мы, братия, исполнение сего желания в настоящее время? Благодарение Богу! Огонь этот горит и теперь, и никакая сила мира и его князя – дьявола не погасит того святого огня Господня, который низвел Он на землю в день Пятидесятницы. Горит он, и этот праздник Пятидесятницы, который мы так торжественно сейчас празднуем, есть очевидное доказательство того, что священное пламя его еще не погасло на земле. Он горит в тысячах тысяч сердец, преисполненных веры, любви и благодарности, одушевленных горячими молитвами и святыми обетами, когда они восторженными песнопениями воспевают, прославляют Бога и возвещают великие дела Господни.

И однако, возлюбленные братия, если бы и ныне, как тогда, явился Господь и сказал: *Огонь пришел Я низвести на землю*, то к этим словам не присоединил ли бы Он и ныне, как и тогда, Свое желание: *и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!*

Он горит в нас – христианах. Но одни ли только мы должны носить этот огонь, это пламя? Не должен ли он – этот огонь святой – быть распространяемым нами между народами востока и запада, севера и юга, даже и до конца земли? Почему целые миллионы наших братьев по плоти сидят еще во тьме и сени смертной, не зная имени Отца Своего Небесного? Почему они сидят не просвещенные светом Христа, не согретые огнем Его любви и не подготовленные к новой христианской жизни? И

не возгорается в наших сердцах огня ревности к тому, чтобы с факелом этого огня выйти к людям, сидящим во тьме и во мраке языческого мира, воскликнуть: *Светися, светися, Иерусалиме, прииде бо твой свет, и слава Господня на тебе возсия!* (Ис.60:1). Как холодны наши сердца для дела Божия, для христианской миссии, для спасения мира! и, однако, Господь пришел для того, чтобы зажечь огонь по всей земле, и говорит: *как желал бы, чтобы он уже возгорелся!*

Он горит в нас, братия, собравшихся сейчас в этом храме Божию; горит, без сомнения, во многих из тех, которые по разным благословенным причинам не могли придти сюда. Но что все мы, взятые вместе, как не одна только горсть в сравнении с огромным количеством таких, которые не пришли сюда потому, что сердца их не горят огнем Христовым, холодны и мертвы для той любви, которая за нас Себя на кресте вознесла? Может быть, когда-нибудь горел он и в их сердцах, но это пламя потухло в холоде неверия или заглушено огнем нечистых страстей и похотей. И теперь уже не горят сердца их ни огнем благодарной любви, ни усердием к молитве. И вот, когда всюду сейчас весна и праздник, но нет никакой весны, никакого праздника оживления в сердцах таковых людей, нет того религиозного воодушевления, какое присуще ныне истинно верующей душе.

Горит он в нас сегодня, в этот высокаторжественный и радостный день Пятидесятницы. Но объял ли он все существо наше, проник ли до глубины душ наших, очистил ли их от всякой скверны, сора и нравственной грязи, преобразил ли он их в образе Христа, возжег ли он истинную, беспредельную любовь ко Христу, просветил ли Его светом? Ах, почему мы так скоро поддаемся влиянию другого огня? Сегодня сердце наше предано святой любви, а завтра оно является орудием диких страстей. Сегодня ликуем мы в чувстве такого блаженства, более которого нам ничего не следовало бы и желать, а завтра мрачно и пусто в душах наших, и печаль мира всецело овладевает нами. День начинается торжеством Пятидесятницы, радостью о Духе Святом, но кто скажет, какой радостью он окончится вечером?

Мы празднуем Пятидесятницу, и, однако, как далеко она не похожа на ту Пятидесятницу, какая была у первых учеников Христа. Тогда апостол Петр отверз уста свои, и три тысячи слушателей, объятые Духом Святым, тотчас же крестились во оставление грехов. А теперь из года в год проповедуем мы и в пустых и наполненных народом храмах, и желательно спросить, пробуждается ли хоть одна душа к покаянию и после трех тысяч проповедей? Тогда верующие ежедневно пребывали в храме в единоклубии, молитве и преломлении хлеба. А теперь неоднократно каждый день раздается звон колоколов, призывающих в храм Божий на молитву, на божественную трапезу, но немногие слышат его; немного оказывается между нами алчущих хлеба жизни и жаждущих воды живой, и рыдают, по выражению пророка, пути Господни. Тогда была у верующих истинная ревность о спасении душ своих – они знали, в Кого они веровали. А теперь и у самых лучших христиан часто одно только внешнее христианство: они поступают так, а не иначе потому только, что так поступали их отцы и праотцы. Тогда строгая во всем дисциплина, не допускавшая ничего, что могло позорить христиан и вредить их нравственности, дабы свет христианского общества светил всему миру, – а теперь полная распущенность, своеволие, самочиние, противление власти и закону. Тогда – самоотверженные сердца, готовые вместе со Христом нести Крест Его и пить Его чашу, а теперь бегство от Креста, малодушие, страх и отпадение от веры во Христа, когда постигает нас какое-нибудь тяжкое испытание или настанет необходимость исповедать Его пред лицом мира. Тогда множество верующих имели одно сердце и одну душу, а теперь брат восстает против брата. Церкви распадаются на отдельные общины и секты, и как, по человеческому соображению, далек еще тот день, когда *будет одно стадо и один Пастырь* (Ин.10:16)! Тогда ненавистные друг другу семьи, сословия и племена соединялись в одной братской любви, а теперь всюду рознь и партийность, сословие восстает на сословие, народ на народ и царство на царство. Вот уже девятнадцать веков прошло с тех пор, когда в ночь Рождества Христова хором небесного воинства провозглашен мир на земле, а у нас и

доселе идут войны, брани и текут потоки крови. И сколько с того времени пролито этой крови, начиная с крови Самого Царя мира – Христа?! Если бы собрать вместе кровь одной только настоящей нашей войны с Японией, то от нее одной, кажется, побагровел бы целый океан. Как далек еще, значит, тот день, когда люди, по слову Божию, *перекуют мечи свои на орала, и копья свои – на серпы (Ис.2:4)!*

И все это оттого, что не возгорелся еще тот огонь, зажечь который приходил Спаситель.

Царю Небесный, Утешителю, Душе истины! Прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны и тех нечистых страстей, которые не дают нам зажечь в себе огонь любви христианской, и спаси, Блаже, души наша. Аминь.

Слово в день Рождества Иоанна Предтечи⁸⁰

Сегодня Церковь празднует день рождения Иоанна Предтечи. Как чрезвычайное явление не только своего времени, но и всей истории должны мы приветствовать рождение этого мужа. Высоко и важно было служение, к которому Иоанн призван был еще от чрева матери; совершенно новый и в своем роде единственный был способ, каким он исполнил свое трудное служение. Он должен был быть пророком Вышнего, должен был идти впереди Господа и приготовить путь Ему, иначе сказать, должен был народ, погруженный в бездну греха и порока, привести к сознанию своего бедственного положения и пробудить в нем жажду освобождения из того состояния, в котором так хорошо себя чувствовала его греховная, чувственная природа, – словом, должен был приготовить людей к принятию Спасителя. А это такое трудное дело, что можно было не только усомниться в исполнении и успехе его, но прийти в отчаяние, если посмотреть, как приступил Иоанн к его исполнению. Не знамениями и поразительными чудесами, как прежде его пророки, внедрял он веру в свое божественное посланничество, не льстивыми словами он старался расположить к себе слушателей, не тем старался он привлечь к себе сердца их, чтобы говорить им только приятное, – нет. Исполненный строгости и пламенея ревностью Илии, выходит он из пустыни, где в уединении и в тихой созерцательной жизни проводил он годы своей юности и суровыми упражнениями и лишениями připravлял себя в Предтечи Испытателя человечества. Беспощадно обличил он господствовавшее направление своего чувственного века и бичевал порок всюду, где бы он ни находил себе место – в пышных ли палатах богачей или в убогих хижинах бедняков. И так как его собственная жизнь стояла в полной гармонии с его учением, так как он сам исполнял то, чего требовал от других, и своей собственной строгостью жизни опровергал ту мысль, что чистая добродетель христианская будто бы для человека слишком тяжела и неосуществима, то его проповедь имела необычайный

успех. Сила добродетели, обнаружившаяся во Иоанне, была непобедима. Она производила на людей столько глубокое впечатление, что народ составил о нем мнение, что он есть тот великий, от Бога посланный Мессия, Которого он так давно ожидал. Видите ли, какова сила доброго примера?! Видите ли, что может сделать добродетель одного человека, когда она открывается во всей своей чистоте и достоинстве?! Посему, если хочешь ты, брат, или ты, сестра, иметь влияние на других, если есть у тебя искреннее желание приобрести их для Бога и добродетели, то нет более могущественного средства, как показать им пример. Почтим же день памяти того великого мужа, который имел столь сильное влияние на современников своим примером, размышлением о том, как и чем добрый пример может оказывать доброе влияние?

Добрый пример прежде всего назидает. То, что составляет нашу обязанность, что мы должны любить и что ненавидеть, к чему стремиться и чего избегать, что исполнять и чего отвращаться, ясно, конечно, можно выражать и словами. Можно хорошо писать и говорить о добродетели и честности, можно давать при этом благие советы и наставления – но все это остается мертвой буквой без духа и жизни, если не будет одушевлено примером. В иудейском народе было немало учителей добродетели и до Иоанна Крестителя, которые хорошо объясняли Закон Божий. Но как скудны были плоды всех этих учителей в сравнении с тем влиянием, которое производил Иоанн, этот обитатель пустыни! Весь народ потянулся к Иоанну, когда он выступил со своею строгой проповедью. Потрясенные ею, тысячи людей разрывали связь свою с грехом и приносили покаяние, даже воины пришли к нему и пожелали креститься в знак своего покаяния. Почему же для Иоанна стало возможным то, что не было возможно для тех учителей закона? – Потому что он и делом подтверждал то, о чем те говорили только языком, и собственным примером показывал то, чего требовал от других. Да, совершенно справедливо, что путь воздействия на других посредством одного только слова труден и длинен, а путь наставления делом и примером, напротив, легок и короток. Многие неспособны воспринимать одно только словесное

назидание. Они слушают слова, не соединяя с ними никакой мысли. Но совсем другое впечатление получается ими, когда словесное наставление сопровождается и примером. Не потому ли и христианство столь богато плодами добродетели, что Учредитель его первый показал на Себе пример, как Сам Он засвидетельствовал: *Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам* (Ин.13:15).

Но добрый пример не назидает только, а и ободряет и воодушевляет к подражанию.

Если Захария при рождении своего сына Иоанна сказал, что он приготовит путь Господу (Лк.1:76), то это не было его тщетной надеждой и несбыточной мечтой. Успех, который имел в своем деле Иоанн, вполне оправдал эту надежду. Никогда Иисус не нашел бы такого приема, никогда Его учение не достигло бы такого быстрого и широкого распространения в народе, если бы Иоанн не вызвал в нем движения к Нему и не сделал сердца людей восприимчивыми для Него. Но чем произвел он такое действие? Не своей ли строгой, с благоговением совершаемой добродетелью сделал он это – добродетелью, которая воодушевляла и его последователей, сообщая им силу, ревность и мужество растрогать узы греха и подниматься на ту нравственную высоту, на которой видели они Иоанна? В самом деле, скажите мне вы, находящиеся еще в узах греха, не пробуждается ли у вас желание начать другую, лучшую жизнь в то время, когда пред вашими глазами выступает пример добродетели или когда вы некоторое время возвращаетесь в обществе добродетельных людей? А вы, любящие добро, скажите, что пробудило в вас эту любовь, что воспламенило вашу ревность, что укрепило вас в борьбе против ада, что дало вам мужество возвратиться на путь добра в то время, когда под тяжестью искушений вы близки были к бездне гибели, когда приходили в отчаяние при встрече с разного рода трудностями и препятствиями? В большинстве случаев, не были ли это примеры добрых, благочестивых родителей, начальников и воспитателей, благородных друзей, примеры добрых людей из различных времен и стран? О, без сомнения, многие из тех, которые спасены сейчас, погибли бы от бури

страстей своих, если бы иногда стыд, иногда любовь и благоговение к тому или другому благородному человеку не отвращали их от пути греха и порока, если бы добрый пример других не освещал им, как светлая путеводная звезда, пути ко спасению. Что, например, подвигло блаженного Августина, у которого внутренние движения благодати долгое время оставались без действия, отказаться, наконец, от своей прежней чувственной, греховной жизни и сделаться новым человеком? Его друг Симплициан рассказал однажды ему, с какой твердой решимостью ритор Викторин, бывший таким же, как и он, грешником, сделал раз и навсегда расчет с порочной своею жизнью и начал вести истинно христианский, исполненный добродетели образ жизни. Этот рассказ поразил Августина. Пример Викторина подействовал на него с такою силой, что он тотчас же решил неуклонно следовать ему. Прежде он думал, что для него нет возможности жить по строгому христианскому учению, но когда увидел он Викторина и вспомнил при этом некоторые другие примеры мужественных борцов и христианских подвижников, тогда воскликнул: «Почему же и я не могу сделать то же, что могли эти люди?» Таково значение доброго примера! Какой же следует отсюда урок?

Если же такова сила и таково значение доброго примера, то мы должны тщательно избегать всего, что может ослаблять его силу и мешать его действенности.

Добрый пример есть одно из главных средств, которое Бог употребляет для исправления человеческого рода. Он назидает, убеждает и воодушевляет к подражанию. Горе поэтому тому, кто препятствует этому намерению Бога, подрывая доверие и уважение к тем из людей, чрез примерную жизнь которых Бог хочет действовать на исправление нравственности других, который радуется, когда удастся ему открывать в них какие-нибудь недостатки, чтобы очернить и опорочить их. Горе завистникам, которые унижают и бесславят лучших своих собратий потому только, что не могут достигать такой же, как они, высокой христианской жизни. Горе злоречивым и хульникам, которые оглашают каждую слабость добрых людей с тем, чтобы лишить их доброго имени и ослабить их авторитет.

Горе злым клеветникам, которые всякий вымысел, всякую ложь пускают в ход, чтобы лишить доброго человека уважения и доверия, и когда добрые качества – благочестие и набожность его бывают слишком очевидны, то клеймят добродетельного именем ханжи и лицемера. Не говоря уже о том, что такое поведение противно главному закону христианства, как тяжко согрешают они против блага человеческого рода! Они ослабляют те дорогие силы, которые могли бы приносить так много добра и пользы; они разрывают пружины, которые приводят юные сердца в движение к добру. Сохрани нас Бог сделаться виновными в таком изменничестве общечеловеческому благу! Да будет же свят и нерушим для нас всякий добрый пример, а потому если бы в человеке, которого мы привыкли уважать за его примерную жизнь, и открылся какой-нибудь недостаток, не будем указывать на него, но употребим все старание к тому, чтобы сделать еще виднее его достоинство, дабы этот свет распространялся более и более и добродетель его более и более находила себе подражателей.

Но избегая всего, что может ослаблять силу и действенность доброго примера, мы должны еще стараться воодушевлять себя к подражанию ему.

Священное Писание не напрасно убеждает нас, когда говорит: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного (Мф.5:16)*. Какая возвышенная мысль, какая это светлая задача – пробуждать в других уважение и ревность к добру, воодушевлять их к спасительным намерениям и стремлениям, принимать участие в их благе и просвещении, направлять к тому, чтобы заблуждающиеся возвратились на путь истины, порочные исправились и стали снова на путь добродетели, а верные и благочестивые продолжали оставаться в своем состоянии! А эту благородную радость, эту высокую заслугу вы все можете иметь, братие, если поставите правилом для себя в вашем положении и во всех обстоятельствах жизни вашей быть тем, чем вы должны быть, и этим подавать другим добрый пример. В особенности вы, пастыри, начальники и начальницы, вы, родители, учителя и воспитатели, имеющие

своим призванием руководить других и приводить к истине и добру, о, не забывайте ни на минуту, что примером вы несравненно сильнее можете действовать, чем словесным учением. Примите к сердцу слова блаженного Августина: «Христианин должен жить так, чтобы своим примером просвещать других, а своими делами и поступками оправдывать и подкреплять свои слова». Какая будет польза от всех речей, наставлений и проповедей ваших, если они не будут согласоваться с образом вашей жизни, если вы сами не будете делать того, о чем проповедуете? Если вы говорите вашим детям о красоте и необходимости добродетели, то каким образом ваши, хотя бы и благонамеренные слова проникнут в сердца их, если ваш образ действий, ваша жизнь доказывает, что вы и сами недостаточно глубоко проникнуты сознанием ее высокого достоинства? В праве ли отец рассчитывать на то, что он сына своего воспитает деятельным, прилежным, порядочным человеком, если он сам небрежно относится к обязанностям своего служения и предается лени и беспечности? Каким образом мать может ожидать от своей дочери, что она будет серьезной хозяйкой и строгой христианкой, если она сама помешана на нарядах, мишуре и суетных развлечениях? Каким образом родители и воспитатели своими внушениями и наставлениями могут приготовить восприимчивую почву для нежного растения набожности и богобоязненности в сердцах своих детей и питомцев, если они своими действиями и поступками обнаруживают, что они сами не имеют и не любят этих качеств, если сами не проявляют ни веры в учение Иисуса Христа, ни уважения к Церкви и ее Таинствам? Ах, глаз детей в этом отношении видит гораздо острее и дальше, чем как это нам кажется. И всякие наставления, замечания и увещания, не подкрепленные примером, остаются, по меньшей мере, бесполезными. Они бывают в этом случае не чем иным, как медью звенящею или кимвалом звучащим (1Кор.13:1). Не словами Спаситель пробудил в учениках Своих желание молиться, но примером, именно: когда ученики Его столь часто замечали, как их Божественный Учитель после утомительного, напряженного вседневного труда не давал Себе покоя и

вечером, посвящал молитве даже и часть ночи, когда наблюдали они, какой тогда покой отражался на лице Его и с какою охотою и живостью на следующее утро Он принимался за тяжелый труд Свой, – тогда они научились ценить высокое достоинство молитвы, тогда они подступили к Нему с просьбою: *Господи! научи нас молиться* (Лк.11:1). Аминь.

Слово в день Успения Божией Матери⁸¹

Сегодня мы празднуем Успение Божией Матери. Никогда так не оправдывалась та великая истина, что какова жизнь человека, такова бывает и смерть его, как при этом событии. Смерть Божией Матери была самым наглядным отражением Ее добродетельной жизни. Она, как и вся жизнь Ее, полна была чистейшей любви к Своему детищу – Иисусу, а потому не только не была горькой и лютой, но, напротив, приятной и сладкой.

Вот нам, братие, прекрасный образец, которому и мы должны подражать, если хотим иметь мирную, безболезненную кончину. И нам смерть будет сладка и приятна, если она, как и жизнь наша, будет освящена любовью к Богу – этой истинной дочерью неба, которая все смягчает, все облегчает, все услаждает.

Тот, в сердце которого горит огонь искренней любви к Богу, не только не боится смерти, но желает ее и ожидает как Ангела, приближающего его к источнику вечной радости и утешения. Чтобы убедиться в этом, приблизимся мысленно к смертному одру Богоматери. Здесь увидим мы, как обитавшая в Ней любовь к Богу возжигала в Ней желание смерти и как услаждала Она ее наступление.

Мати Божия! Умоли Сына Своего и Бога нашего, да изольет Он на нас Свое благословение и да научимся мы из сего размышления следовать Твоему примеру в нашей жизни и смерти, дабы некогда разделить славу Твою и на небе.

Если бы я дерзнул показать вам, братия, любовь Марии к Своему Сыну во всей ее полноте, то погрузил бы вас в необъятное море, глубина которого неизмерима и берега которого недосыгаемы. Огонь Ее любви был настолько силен, что не найти нам слов на языке человеческом, которыми можно бы как должно изобразить его. Всякое пламя любви, которое горело в сердцах святых избранников Божиих и дориносимых⁸² Херувимов и Серафимов, в сравнении с тем огнем, коим пылала девственная душа Благодатной, есть не что иное, как тусклое мерцание в сравнении с ярким светом солнечного дня.

Но чем сильнее бывает любовь и привязанность к известному предмету, тем большую скорбь причиняет его отсутствие. Вот почему любовь Марии насколько была сильна, настолько же болезненна. Она тяготела к Нему Своей любовью, потому что в Нем одном видела источник Своего счастья, но в то же время и страдала, потому что слишком далеко отстояла от Него и не могла видеть и соединиться с Ним. Кто может поэтому измерить глубину Ее скорби и тоски, которую Она испытывала в ожидании свидания со Своим Сокровищем! Как часто взывала Она вместе с Давидом: *Увы мне, яко пришелствие* [рус: странствие] *мое продолжися* (Пс.119:5) и странствованию моему не видно конца. Как усердно молилась Она вместе с невестой в Песни Песней: «О, если бы я могла найти и облобызать тебя (ср. Песн.8:1)! Когда, о когда же, свободная от всяких уз, Я возлечу к Тебе и увижу золотое лице Твое!» Если некогда мать юного Товия, горя желанием видеть отсутствующего сына, ежедневно ходила за город, на то самое место, на котором произошло их разлучение, и орошала его горькими слезами, по целым дням не вкушая пищи (см. Тов.10:4:7), то насколько сильнее было желание видеть Своего Сына у Марии, любовь которой была неизмеримо сильнее, чем любовь матери Товия. «Ах, зачем, – как бы так взывала Она, – зачем и Меня, так же как Иисуса, не возведут на крест, на котором Я могла бы поскорее испустить дух Свой? Зачем и Меня, подобно Стефану, не побьют камнями? Зачем бежит от Меня смерть Моя, которая одна только может соединить Меня с Моим сокровищем? Я готова перенести самые жестокие страдания, самую жестокую борьбу со смертью, лишь бы только соединиться с Моим Иисусом – желанием сердца Моего». И в самом деле, если любовь к Богу пробуждала желание смерти и Давиде, со вздохом говорившем: «когда предстану и явлюся пред лице Господне» (Пс.5:4), если с таким же чувством и апостол Павел восклицал: *имею желание разрешиться и быть со Христом* (Флп.1:23), то насколько вожаденнее должно было быть желание разрешиться от уз тела у Марии?

Братие! Если бы у нас была хоть одна искорка той любви, которою горело сердце Марии, то мы сразу поняли бы, почему

смерть, которую мы встречаем с великим страхом и скорбью, может быть не только не страшной, а даже очень желательной и приятной. Но так как мы своей любовью привязаны более к твари, чем к Творцу, и наше сердце тяготеет более к земному, чем к вечному, то вот почему мы так боимся и трепещем при ее наступлении, вот почему так много при этом бывает у нас скорби и горя, рыданий, слез, ропота и отчаяния. Но измени мы наше настроение, изменится и наше отношение к ней. Зажги мы в сердцах своих огонь той искренней и глубокой любви ко Христу, какой проникнуто было сердце Марии, и смерть представится нам совсем в другом свете. Тогда и мы будем приближаться к ней как к вратам, открывающим нам вход во град Божий, и приветствовать ее как Ангела Божия, который из этой юдоли бед и скорбей переводит нас в страну вечного мира и покоя. Словом, тогда не скорбеть и бояться будем мы при ее приближении, а радоваться и желать ее скорейшего наступления. Когда одному святому юноше сказали о приближении смерти, то он не только не смутился, но пришел в восторг и с необычайным воодушевлением воскликнул: «Иду, иду с радостью, иду к отцу моему!».

Во всем Священном Писании нет более прекрасного примера смерти, как смерть патриарха Иакова. Согбенный под бременем лет и богатый добрыми делами, этот верный раб Божий приказал всем своим чадам собраться к его смертному одру, чтобы преподать им последнее благословение. Горько плакали сыновья его при виде наступающей смерти отца, но сам он показал такое спокойствие и радость сердца, что святой Амвросий мог сказать о нем: «Бывает ли кто так весел даже в юности, как этот в своей смерти? Без всякой скорби и печали, подобно отходящему ко сну, возлег он на смертный одр свой и тако почил о Господе». Что было причиной такой мирной смерти? – Надежда на избавление грядущего Спасителя: «Я уповаю на Твое избавление», говорит он, – вот что усладило его смерть, и усладило настолько, что он смотрел на нее не как на смерть, а как на приятный сон. Если же одна мысль видеть Спасителя чрез несколько столетий могла так усладить смерть патриарха, то какую сладость должна была почувствовать при

приближении смерти Мария, которая уверена была, что Она уже чрез несколько мгновений увидит Своего Божественного Сына, да и не только увидит, но и примет участие в Его славе и, так сказать, сядет на одном с Ним престоле. Не должна ли была показаться Ей эта смерть особенно сладкой и приятной? Да, – перенеситесь умственно к Ее смертному одру и взгляните на лице Ее! Вот лежит Она на этом одре без малейших признаков скорби и страдания; Ее не мучит никакая болезнь, не омрачает никакая забота. Здоровая телом, бодрая духом, Она утешает в скорби окружающих Ее апостолов нежными, любвеобильными словами, преподает им в последний раз Свое материнское благословение. Всецело погруженная в Бога, устремив взор Свой к Нему, Она улыбается среди слез и вздыханий окружающих Ее и тем облегчает их скорбь при разлуке с Собою. Уже скользит, так сказать, на помертвевших губах Ее последнее дыхание, уже отказывает Ей язык, уже останавливается биение пульса Ее, но на челе и ланитах Ее все еще отражается радость и веселие, предвкушение райского блаженства. Поистине, если смерть избранника и любимца Божия, по выражению псалмопевца, есть сон, то смерть Марии заслуживает этого названия по преимуществу. О, какая прекрасная жизнь, когда, умирая, любят. Какая блаженная смерть, когда, любя, умирают. Так лети же Ты, счастливая и благодатная душа, лети на недра Своего Сына и Бога, Который зовет Тебя в Свои объятия! Утоляй теперь Своей жаждой, черпай полной чашей утешение из того неисчерпаемого источника, который открыт теперь пред Тобою, удовлетворяй Своему страстному желанию, которое достигает своего средоточного пункта. Но не забудь в высших селениях и тех, которые остаются здесь, на земле, – вспомни и нас грешных, трепещущих в ожидании смерти. Не допусти, чтобы эта смерть наша была слишком лютою, но удели нам хоть одну капельку любви Твоей, дабы она облегчила и наше отшествие из этого мира, как усладила ныне воспоминаемое Твое Успение!... Аминь.

**Речь при наречении во епископа и слова
при вручении жезла новопоставленным
епископам**

**Речь Святейшему Правительствующему Синоду,
произнесенная настоятелем Новгородского
Антониева монастыря архимандритом Владимиром
при наречении его во епископа Старорусского,
викария Новгородской епархии, 8 июня 1888 года⁸³**

Ваше Святейшество, милостивейшие архипастыри и отцы!

Избранные ученики Господа нашего Иисуса Христа при наречении в апостольство с безмолвным благоговением выслушивали призвание, с покорностью выполняли повеленное и подвигами жизни и смерти оправдали наречение. Тем более мне пред Вашим Святейшеством неприлична многоглаголивая речь. В простых сердечных словах позвольте мне дать вам отчет в тех мыслях и чувствах, которыми исполнена душа моя в настоящие многознаменательные для меня минуты.

Тяжело и многоответственно служение епископское. Приемлющий на себя это служение должен принимать это как талант, вручаемый ему Господом при условии возвращения с лихвой и под страхом в противном случае быть вверженным в кромешную тьму; должен принимать его как служение раба, поставленного разделять верно и благовременно евангельскую пищу домочадцам Господина, опасаясь за неверность и нерадение быть рассеченным (Мф.24:45–51); должен принимать его как чреду пастыря словесных овец с обязанностью водить их на пажити добрые и защищать от волков, не щадя себя самого, чтобы не впасть в суд нерадивого наемника; должен принимать его как пост стража людей Господних, чтобы немолчно возвещать им о всякой опасности и неусыпно блюсти их спасение, со страшной ответственностью платить своей кровью за кровь каждой души, погибшей от его беспечности. Какой великий подвиг, какое тяжкое бремя для сил человеческих, не говоря уже о собственной немощи!

И если пред служением епископским не могли не смущаться мужи силы, великие умы и подвижники благочестия, то какое же чувство должен испытывать я, меньший из братии и могущий похвалиться одними немощами, я, выходящий на это

служение без достаточной подготовки и опытности, при скудости разума в познании веры, без твердости воли в делах благочестия? С внутреннею тугой стою я сейчас на этом святом месте, и мысли одна другой страшнее возникают в моей голове. Что если, вознесенный на эту высоту, я не в состоянии буду удержать себя на ней? Что если, призванный вести стадо Христово в страну неба, предусматривать и устранять все препоны и соблазны, полагаемые на этом пути врагом рода человеческого, я сам паду и чрез то своими руками разрушу порученное мне дело Божие? Что тогда я буду для паствы? Что для надежд ваших? Что пред судом Христовым? Ах, не лучше ли вместо: «приемлю и нимало вопреки глаголю», воскликнуть сейчас с Иеремиею: «не помяну имени Господня, *не буду более говорить во имя Его*» (Иер.20:9); не лучше ли пасть к стопам вашим и умолять именем Господним: не возлагайте на слабые рамена тяжелого бремени, превышающего мои силы, не подвергайте безответного страшному ответу перед Судом Христовым.

Но вот среди этого смущения слышится мне другой, из той же Души, но от другого чувства исходящий голос, голос ободряющий и вразумляющий. Зачем предаешься, говорит он, такому чувству, малOVER? Измлада наученный и других учивший Писанию, неужели не знаешь ты, что поставляющий епископов пасти Церковь Господа и Бога есть Сам Дух Святой (Деян.15:28)? Если же Сам Бог избирает тебя к сему служению, то верь, что Сам Он подаст тебе все потребное к этому служению, начавши и совершит (Флп.1:6). Сотворив чудо милости в избрании тебя к служению, Он явит тебе эту милость и в исполнении его. Да Он уже и явил эту милость для тебя, когда устроил так, что бремя епископского служения не всецело возлагается на тебя, но ты призываешься только соразделять его с другим, что первые, нетвердые шаги на этом поприще будешь совершать ты не один, но под руководством мудрого и опытнейшего Первосвященителя Русской Церкви.

Он явил тебе эту милость и в том, что место для служения твое указал в стране, издревле известной благочестием и добрыми нравами, любовью к храмам Божиим и обителям, к

богослужению и священным торжествам, что послал тебя работать на ниве, хорошо возделанной трудами целого сонма великих делателей – святых святителей и подвижников Новгородских, которые и из гробов своих продолжают свое делание. Как стражи, стоят обители их на всех пределах и отдаленных пунктах Новгородской паствы, окружая и ограждая ее как бы непрерывной цепью неумолкающих молитв о ее спасении.

Эти ли небесные молитвенники не облегчат твоего служения? Их ли пример не может научить тебя, *как должно поступать в доме Божием (1Тим.3:15)?*

Не смущайся до робости и малодушия, говорит мне дальше этот голос, если чувствуешь свою немощь и бессилие, но ободряй себя упованием, что Тот, Кто все сотворил из ничего, может и в немощах твоих совершить Свою силу (2Кор.12:9); подкрепляй себя верою, что благодать Всесвятого Духа, простых галилейских рыбаков сделавшая способными к вселенскому епископству, уготовляет и тебя в епископском сане на всякое дело благое, уврачевав твои немощи, восполнив и недостатки.

Ободряемый такими мыслями, не буду, Господи, пререкать Твоему званию ни мыслью, ни чувством, но, подобно апостолам, в эти именно дни сидевшим в Иерусалиме и ожидавшим, *доколе облекутся силою свыше (Лк.24:49)*, буду и я сидеть в этом первопрестольном граде и ждать того великого дня Господня (дня Святого Духа), в который Церковь назначила ввести меня в наследие сил и дарований Святого Духа⁸⁴.

Умоляю вас, богомудрые архипастыри и отцы, присоедините к моей бессильной молитве, ваши богоугодные и многомощные молитвы, да не будет тщетна во мне эта благодать, имеющая низвестись на меня возложением рук ваших, но да укрепит меня в предстоящем служении и во благо направит стопы мои.

К тебе, доблестный Первосвятитель Церкви Российской, милостивейший Архипастырь и отец мой, прежде всего обращаю свое сердце и свою просьбу! Благословив призвать меня из глуши к служению Новгородской Церкви в качестве

настоятеля скромной обители, ты принимаешь теперь меня помощником себе в великом звании епископском. По широте твоей любви умножь твои святительские молитвы к Небесному Пастыреначальнику, да даст Он мне силы и усердие быть тебе добрым помощником в твоих пастырских трудах, и благослови меня на предстоящий мне подвиг тем отеческим благословением, которое утверждает дома чад.

Слово при вручении жезла Преосвященному Трифону (Туркестанову), епископу Дмитровскому⁸⁵

Преосвященный епископ Трифон!⁸⁶

Что сказать тебе в назидание, коего требует от меня сейчас и правило Церкви, и долг архипастыря? Зная беспримерное усердие и любовь твою к проповедованию слова Божия, я хочу напомнить тебе те дорогие для каждого из нас, пастырей, слова, которые некогда сказал Господь смущенному и боявшемуся за успех своей проповеди апостолу Павлу в Коринфе: *не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла, потому что у Меня много людей в этом городе* (Деян.18:9–10).

Если и такой муж силы, и такой герой веры, каким был апостол Павел, не был свободен от страха, когда получил божественное призвание проповедовать слово крестное в многолюдном, полном роскоши и богатства языческом городе Коринфе, если и он, как сам говорит, был в этом городе и *в немощи и в страхе и в великом трепете* (1Кор.2:3), то что удивительного, если ты, как сам поведал нам при своем наречении, принимаешь свое призвание к епископскому служению не без смущения и душевной тревоги.

Есть, действительно, в этом служении нечто такое, что может встревожить и самую неробкую душу. Правда, ты идешь на проповедь Евангелия не в языческий город, как апостол Павел, но в город христианский, издревле известный своим благочестием, но при настоящем брожении умов и религиозном разномыслии мало ли в христианстве людей, мыслящих не по-христиански, людей, которые *премудрость Божию, тайную, сокровенную* (1Кор.2:7), почитают за глупость и безумие.

И кто не знает, какое тяжелое, какое смутное время переживает сейчас наша Церковь! Никогда на ниве Христовой не было столько плевел, как ныне. Никогда враг человеческого спасения – дьявол не употреблял столько усилий к разрушению Царства Божия на земле, как теперь. Никогда враги Церкви не ополчались на нее с таким ожесточением, как сейчас. Ратуя

против нее опаснейшим из оружий – оружием развитой мысли и соответственного ей слова, они по всем направлениям изрыли область христианской веры, не оставив нетронутой ни одной из ее истин. Теперь разом мы имеем пред собою все заблуждения, какие когда-либо существовали, и несколько таких, которые, по крайней мере, в настоящем своем развитии, никогда еще не существовали. И этот всеотрицающий, всеколеблющий, всеразрушающий дух неверия и вольномыслия, как язва, как смерть, скажем словами пророка, усиливается проникнуть не только сквозь наши двери, но и сквозь окна и щели и хочет во что бы ни стало все у нас переделать по-своему. Много труда, самоотвержения и умственного напряжения нужно поэтому тому, кто правит слово истины, – ему, поистине, нужно иметь тот ум *Христов* (1Кор.2:16), которым обладали апостолы, пред словом которых преклонялась мудрость философов и легкомыслие толпы. Все это, конечно, не может не устрашать человека мыслящего, вместе с именем епископа принимающего на себя обязанность проповедовать Евангелие, обличать и отражать ложь, защищать и охранять истину, ратоборствовать против сильных врагов и многочисленных опасностей и затруднений.

Но послушай, что говорит Господь Апостолу, а в лице его и тебе: *не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла* (Деян.18:9). Итак, ободрись и успокойся, возлюбленный собрат, ибо ты не одинок и не беспомощен: Верховный Пастыреначальник наш Христос дал тебе для этой борьбы всемогущее слово Свое во уста твои и вседетельный дух в твое сердце. Так говори же и не умолкай, как неумолкаемо говорил ты и на прежних местах своего служения. Подкрепленный сегодня силою новой архиерейской благодати, облеченный в это духовное вооружение, сильное, по выражению слова Божия, *на разрушение твердынь* (2Кор.10:4), смело становись на стражу веры и Церкви Православной. Защищай ее от внешних и внутренних врагов, ни на минуту не изменяя ей в ее нравах и пользах и не жертвуя ими никаким видам мира, чем бы ни старался он увлечь, обольстить или утратить тебя. Зорко следи за вопросами времени, касающимися веры и

Церкви и, не оставляя вне своего пастырского воздействия и те передовые наши сословия, к которым ты так близко стоишь по своему происхождению, будучи костью от костей их и плотью от плоти их. Устремившись с жаром к научному образованию и уклонившись в направлении ума и жизни от света веры и спасительного руководства Церкви, они довольно вкусили горьких плодов от древа познания добра и зла и в лучшей своей части ищут врачевания. Имея постоянное общение с этим сословием, не упускай случая указывать им на возможность совмещения здравых научных познаний с искренней верой, современных открытий и усовершенствований с вечными началами духовной жизни, удовольствий и наслаждений с добродетелью, труда и борьбы с миром и спокойствием сердца.

Конечно, в новом, высоком положении тебя ожидают не одни только розы – придется увидеть, может быть, немало и колючих шипов, наряду с радостями испытать немало скорбей и огорчений; но Господь, обещающий быть с тобою, поможет тебе перенести все это с терпением и мужеством, благоразумием и кротостью, как подобает истинному служителю Христа. *Я с тобою, говорит Он, и никто не сделает тебе зла.*

Казалось бы, что этого ободрения и достаточно для служителя Христова – но Господь не ограничивается этим, Он простирает Свое ободрение далее. *Потому что у Меня, говорит Он, много людей в этом городе.* Замечательно, что когда Он говорил это о городе Коринфе, тогда в нем было только несколько душ верующих, остальные же все были язычники. Но Тот, всевидящее око Которого способно усматривать обильную жатву и там, где обыкновенный человеческий глаз ничего не видит, кроме напрасного труда и безуспешности. Он усмотрел и в Коринфе обильную жатву – великую христианскую общину еще прежде, чем она основана была Апостолом. *У Меня много, сказал Он, людей в этом городе.* Да послужит это слово и тебе, возлюбленный собрат, ободрением и основанием для той светлой надежды, что и твой пастырский голос не будет заглушен на нашем шумном базаре столичной житейской суеты, но привлечет к себе многих слушателей и что семя божественного слова, которое будешь

ты сеять, найдет для себя восприимчивую почву, взойдет во время свое и принесет плод свой.

Итак, прими этот пастырский жезл и води с ним вручаемое тебе словесное стадо на животворные нивы словес Божиих и к источникам благодатных вод, текущих в живот вечный. *Не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла, потому что у Меня много людей в этом городе (Деян.18:9–10).*

Слово при вручении жезла Преосвященному Евдокиму (Мещерскому), епископу Волоколамскому

87

Преосвященный епископ Евдоким!⁸⁸

Сердечно приветствую тебя с принятием высокого епископского сана. Из выслушанной на днях воодушевленной речи твоей известно мне, с каким глубоким христианским настроением принимаешь ты это служение и как пламенно желаешь совершить его с возможно большей пользой и успехом. От всей души желаю этого успеха и я, ближайший твой сослужитель. Но при мысли об успехе пастырского дела естественно возникает вопрос о том, при каких условиях возможен он и чего главным образом требует Христос от пастырей Своего стада?

Ответ на этот вопрос мы можем найти у святого Иоанна в том месте, где идет речь о призвании к высшему пастырскому служению апостола Петра. Это было во время третьего явления Воскресшего Господа ученикам при море Тивериадском, о чем говорилось в нынешнем утреннем Евангелии. Когда, после чудесного лова рыбы, ученики Его возлегли на трапезу, Господь обратился к Петру с таким вопросом: *Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси агнцев Моих. Еще говорит ему в другой раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих. Говорит ему в третий раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Петр опечалился, что в третий раз спросил его: любишь ли Меня? и сказал Ему: Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих (Ин.21:15–17).*

Как видим, здесь апостол Петр призывается к пастырству не просто, а под тем необходимым условием, если его совесть, его чувство говорит ему, что он любит Христа. Вот что, следовательно, служит пробным камнем пастырской

правоспособности и главным ручательством за успех пастырской деятельности – это любовь ко Христу и Его словесному стаду.

Возлюбленный о Господе брат и сослужитель! В настоящую, единственную, как ты сам сказал, минуту в твоей жизни, когда ты во всеоружии выступаешь на поприще архиерейского служения, потщимся повнимательнее прислушаться к движению своего сердца, испытаем свою совесть и спросим себя: любим ли мы Господа? Да простит мне любовь твоя за то, что я ставлю вопрос этот после того, как ты торжественно поведал уже нам о своей любви и преданности Богу при твоём наречении. Вопрос этот такого рода, что каждый из нас, пастырей, должен не раз и не два, а много раз задавать его себе, задавать до тех пор, пока мысль о прежней неверности не исторгнет из глаз слезы и из сердца не последует ответ Петра: *так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя*. В самом деле, любим ли мы Господа, а в лице Его и наших ближних? Находит ли себе место в нашем сердце та любовь, которой требует от нас Христос? Любовь не к тем только, которые соединены с нами узами родства, дружбы и знакомства, но и к тем, которые чужды нам по плотскому происхождению, и, однако, близко связаны с нами благодатью? Любовь, которая с участием и состраданием относится к горю и нужде меньшего брата, не оставляет без попечения и отъявленного грешника, идет навстречу заблудившемуся – словом, та любовь, которая, по слову Апостола, *не превозносится, не ищет своего (1Кор.13:4–5)* и пример которой показал Сам Небесный Пастыреначальник – Христос? Он – этот поистине добрый Пастырь – не только во время Своей жизни ходил по городам и весям, *исцеляя всякую* (и телесную, и нравственную) *болезнь и всякую немощь в людях (Мф.4:23)*, но и до сих пор не перестает в своей спасающей любви ходить по грешному миру и там, где находит душу, растлевающуюся в своей нравственной жизни, милосердствует о ней, ухаживает за нею, облегчает тяжесть грехов ее обещанием прощения и до тех пор не оставляет ее, пока она не выздоровеет для вечной жизни. Есть ли у нас такая любовь? О, если бы нашлась, хотя самая незначительная доля ее, то и тогда мы не напрасно

назывались бы владыками и врачами душ человеческих. И тогда в наших руках было бы верное средство для врачевания и самых тяжких нравственных болезней. В самом деле, если и из глыбы дикого необработанного камня умелые руки высекают прекрасные, чуть не живые статуи, то почему же из человека, хотя бы жестокого и одичалого, умелыми руками любви нельзя воспитать доброго христианина, мягкого и отзывчивого на добро и правду человека? – Люди, как бы они плохи и грубы ни были, все же не камни. Душа человеческая, сказал Тертуллиан, по природе христианка, и трудно представить себе такое извращенное, окаменелое сердце, в котором не оставалось бы доли добра и благородства и которое совсем было бы недоступно для действия огня христианской любви.

Здесь невольно припоминается мне одно сравнение, которое хорошо поясняет только что высказанную мысль. На улице – сильный мороз. В градуснике, за окном, трубочка пуста. Вся ртуть от холода сжалась, ее не видать. Но стоит только подойти к шарiku, дохнуть на него или взять его в теплые руки, и наша теплота сейчас же отзовется на ртути. Ртуть выйдет из шарика и станет подниматься вверх. То же самое бывает и с людьми. Очень много холода у нас в отношениях друг к другу. Удивительно ли, если среди этой нравственной стужи иной одинокий, бесприютный бедняк совсем окоченеет, олютеет в душе, сделается зверем. Все, что есть у него благородного, доброго, истинно человеческого, спрячется глубоко внутрь и там сожмется в комок. Но подойди к нему с любовью, попробуй дохнуть сочувствием и лаской, пригреть его у своего сердца, окружить его отеческой заботой и попечением, и ты сейчас увидишь, как он начнет таять, как и в нем самом любовь, как ртуть в термометре, пойдет вверх и представит для духовного сеятеля такую восприимчивую почву, на которой он с полным успехом будет сеять всякое доброе семя.

Итак, возлюбленный собрат, чтобы наше епископское дело было благотворно, для этого нам надо найти ключ к человеческому сердцу, а таким ключом служит собственная наша любовь к человеку и к правде Божией. Огонь зажигается от огня, и, чтобы согреть сердце других, нам самим нужно иметь

в себе искру пламенной христианской любви к людям. Чтобы пробудить чистую евангельскую любовь в других, надобно самим, прежде всего, проникнуться евангельской истиной, почувствовать ее, выносить ее в себе. Тогда только можно рассчитывать на успех, надеяться, что проповедь наша не будет, по слову Апостола, металлом звенящим или кимвалом бряцающим (1Кор.3:1), но тем властнее будет действовать на слушателей, чем сильнее будем проникнуты духом Евангелия.

Итак, прими, брат, жезл сей, вручаемый тебе чрез меня Самим Господом, и твердо помни, что он дается тебе от любви и для любви. Больше, как можно больше старайся приобретать этой любви, и тогда тебе не будет нужды в указаниях, как и по какому направлению вести свою бразду на пастырском поприще. Любовь сама увидит, сама подскажет, когда, где и что нужно делать и как поступать.

Слово при вручении жезла Преосвященному Серафиму (Голубятникову), епископу Можайскому⁸⁹

Преосвященный епископ Серафим⁹⁰, возлюбленный о Господе брат и сослужитель!

От всего сердца приветствую тебя с принятием нового высокого сана. Велик и радостен должен быть для тебя нынешний день. Ныне для тебя – день Святого Духа, праздник своего рода Пятидесятницы. Хотя не слышали мы такого шума с небес, какой наполнял некогда Сионскую горницу, не видели и языка, яко огненного, снисшедшего на тебя, – потому ли не слышали и не видели, что наши чувства недостаточно чисты и тонки для созерцания высоких откровений Духа, или потому, что Дух в настоящее время не имеет уже надобности проявлять Себя в столь поразительных знамениях, какие употреблял вначале, – но, во всяком случае, мы твердо веруем, что и над тобою ныне совершилось нечто подобное тому, что было над апостолами *при наступлении дня Пятидесятницы* (Деян.2:1). Та же самая сила, которая исполнила апостолов в час сошествия на них Святого Духа, она коснулась ныне и твоего духа и заложила в нем ту каплю небесного мира, ту божественную искру, возгревать и беречь которую убеждал апостол Павел рукоположенника своего Тимофея: *напоминаю тебе, говорил он последнему, возгревать дар Божий, который в тебе через мое рукоположение* (2Тим.1:6).

Да возрадуется же душа твоя! Возмогай о Господе и возгревай живущий в тебе дар Божий!

Но, светло празднуя нынешний день, не забудь простереть мысль свою и на последующие за оным дни твоего духовного делания. Ободряя себя в сознании своих немощей и недостатков восполнением благодати, не заходи слишком далеко в своей дерзновенной надежде, но умеряй ее благоговейным страхом пред теми трудностями и тою ответственностью, с коими сопряжено епископское служение.

Некогда пророк Иезекииль, посвященный в свое служение величественным откровением, почувствовал такое необычайное

взыграние своего сердца, что в продолжение целых семи дней находился в состоянии невыразимого восторга. Но что же потом? Дав ему ощутить силу Духа, Господь вскоре смирил его указанием на то тяжелое бремя, которое он должен был понести в своем новом высоком звании. *Сын человеческий!* – сказал он ему, – *Я поставил тебя стражем, дому Израилеву (Иез.3:17), и если кто из вверенных твоему смотрению совершит на путь беззакония, то взыщу кровь его от рук твоих (Иез.3:18).*

И тебя, возлюбленный собрат, Господь поставил ныне стражем Церкви Московской, стражем хотя не главным и не единственным, но все же ответственным за свои действия в той области, которая выпала на твою долю. А потому, если вверяемые тебе души не сохранятся на пути спасения и погибнут по твоему нерадению, то кровь их тем строже взыщется от руки твоей, что они искуплены бесценною кровию Христа.

Этот грозный голос нелицеприятного Судии, обращенный к стражам дома Божия, да послужит стражем и будильником и нашей с тобою, брат, пастырской совести, в нашей пастырской деятельности. Да послужит он будильником особенно в отношении тех злополучных братий наших, которые, живя в нашем столичном миллионном городе, чувствуют себя, кажется, беспомощнее, чем на безлюдных берегах Ледовитого океана, которые, отбившись от Христова стада, бродят по стогнам⁹¹ нашим, *яко овцы, не имущие пастыря*. Я разумею несчастных насельников тех темных углов и трущобных кварталов на окраинах Москвы, которые представляют собой не что иное, как грязные человеческие клоаки, где скопились осадки человеческой порочности и нравственно-религиозного одичания. Там, в этих мрачных трущобах, где наряду с бедностью и нищетою свили себе прочное гнездо пьянство, воровство, разврат и другие пороки, рождаются, живут и нравственно разлагаются сотни и тысячи наших меньших собратий, не без основания называемых отбросами общества. Составляя из себя особый мир, отдельный от других слоев общества, они живут здесь вне веры и Церкви, без всякого доброго влияния и, потеряв страх Божий и совесть, опускаются на самое дно

порока и своим поведением наводят ужас на всякого порядочного человека. А между тем все эти отребья мира, на которых и взглянуть даже страшно, на которых едва остается человеческий образ, – все они не только наши братья, но и члены одного с нами тела; они – плоть от плоти нашей и кость от костей наших; в их жилах течет та же самая кровь, какая и в нас; в них живет та же разумная, бессмертная душа, какая и в нас; в них напечатлен тот же образ Божий, который и в нас; они возродились в той же купели крещения, в которой крещены и мы; они получили ту же благодать Святого Духа, какую и мы. Они имеют, стало быть, все права на нашу любовь, помощь и поддержку. Что если все эти души, вверенные нашему попечению, погибнут потому только, что не найдут нравственной поддержки даже и в нас, стражах Дому Израилева? Не взыщет ли Господь кровь их от руки нашей?

Возлюбленный о Господе собрат и сослужитель! Принимая на себя сегодня вместе с епископством и должность председателя юного нашего Алексиевского братства⁹², поставившего своею задачею призрение и воспитание нравственно покинутых детей, потщись направить деятельность его на оздоровление и той среды, из которой выходят эти дети, – на нравственную и материальную поддержку их родителей, прозябающих в наших трущобных притонах. Они более чем кто-либо нуждаются в пастырском воздействии и уврачевании своих нравственных язв и недугов. Собери свои силы и способности, запасись огнем христианской любви и самоотвержением и употреби присущую тебе пастырскую энергию на то, чтобы зажечь свет евангельского учения в этих темных углах нашей столицы и очистить их сколько-нибудь от накопившейся нечистоты и грязи. Трудное, конечно, это дело: много, очень много накопилось там этой грязи, со многим дурным там сроднились, свыклись, срослись, – трудное, но не невозможное.

Здесь невольно припоминается мне рассказ об одном домоуправителе, которому строжайше было приказано хозяином очистить скотный двор. Двор был очень большой. На нем помещалось более тысячи разного скота. Не чищенный в продолжение нескольких лет двор утопал в навозе. Навозу

накопилось целые горы. Казалось, что одному здесь ничего нельзя было сделать. Однако благоразумный домоуправитель нашел средство очистить двор. Недалеко от двора с горы бежал ручей воды. Домоуправитель прокопал новое русло и направил его прямо на кучи навоза. Поток воды ринулся на двор, смыл груды навоза, и в короткое время двор сделался чистым.

Пусть наши московские притоны представляют из себя тоже своего рода запущенный, заросший в навозе скотный двор. Направим сюда потоки живой воды – проповедь живого евангельского слова, а также и материальные жертвы благодетелей, и наш запущенный скотный двор, даст Бог, обновится и сделается чистым домом Божиим.

С такими мыслями и желаниями вручаю тебе этот архипастырских жезл. Прими его от руки Самого Господа чрез мою недостойную руку и начни свое архипастырство с преподания благословения жаждущему его народу.

**Слово при вручении жезла Преосвященному
Сергию (Лаврову), епископу Салмасскому,
начальнику Урмийской⁹³ миссии⁹⁴**

Преосвященный епископ Сергей⁹⁵, возлюбленный о Господе собрат!

Сердечно приветствую тебя с принятием архиерейской благодати и молитвенно желаю, да поможет тебе Всевышний с возможно большею пользою послужить Православной Церкви в этом сане. Господь указал тебе место архипастырско-миссионерского служения в такой разноречивой стране (Урмии), которая по особенностям местных условий представляет немало и особенных трудностей для архиерея. Представляя себе те трудности и те опасности, с которыми сопряжено это служение, я невольно вспоминаю те слова Спасителя, коими Он напутствовал Своих апостолов на общественную проповедь: *Вот, Я посылаю вас, сказал Он им, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби (Мф.10:16).*

Как оправдались эти слова в отношении апостолов, из коих некоторые сделались жертвою этих «волков», это хорошо знаем мы из церковной истории. Правда, давно прошли эти мрачные времена гонений на христиан, и теперь мы, благодарение Богу, живем в других условиях. Теперь уже не распинают христиан на крестах, не сожигают на кострах, не побивают камнями, не усекают мечами. Теперь человечество приняло более мягкую форму, и, пожалуй, иной найдет себя вправе спросить: да правда ли, что люди современного мира, хотя бы и неверующие, относятся к служителям Церкви и миссионерам как волки к овцам?

Однако ж приведенные слова Спасителя остаются истинными навеки. Не вдруг, правда, мир обнаруживает свою волчью натуру и не всегда в какой-нибудь острой форме. Но он перестал бы быть миром, если бы рано или поздно не проявил своей вражды и ненависти к тому, что исходит от Христа Распятого, и не сделал бы попытки каким-нибудь образом разрушить Его дело. Нужно совсем не иметь глаз, чтобы не

видеть, как он для этой цели старается подорвать доверие к служителям Церкви, пастырям и миссионерам. Делая резкое различие между религиею и нравственностью, чада этого мира говорят: «Да они, эти слуги Христовой Церкви, хотя и религиозны, но в нравственном отношении они гораздо хуже, чем те, которые ничего не хотят знать о вере». И нет у них большей радости, как если они могут доказать, что религия для жизни не имеет никакого значения, что вера есть пустое суеверие, от которого нисколько не зависит нравственность; ничего они так не желают, как подметить что-нибудь соблазнительное и предосудительное в поведении служителя Церкви, чтобы сказать: «Вот видите, как ведут себя эти проповедники веры, – где же тут сила этой веры, где благотворное действие Евангелия?» Понятно отсюда, какая требуется строгость от пастырей и миссионеров.

Вот почему Спаситель и присовокупляет: *будьте мудры, как змии, и просты, как голуби*. Что это значит? Святой апостол Павел отчасти изъясняет смысл этого сравнения в послании к Римлянам (Рим.16:19), когда говорит: *желаю, чтобы вы были мудры на добро и просты на зло*, – но да будет мне позволено остановиться на нем несколько подробнее. Древние римляне признавали четыре основных добродетели, из коих на первом месте стояла «пруденция», то есть мудрость, осторожность. Ее изображают на картинах в виде женщины, с устремленным вдаль пытливым взором, со змеею в одной руке и с голубем в другой. Это символ того духовного (а не плотского) человека, которому Апостол говорит: *поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем* (Еф.5:15–16). Редко случается, что человек по милости Божией соединяет в себе в одинаковой мере и то и другое: и змеиную мудрость, и голубиную простоту. Но там, где недостает этого сочетания, мудрость змеиная превращается в хитрость, а простота голубиная в глупость. Мудрость христианина прежде всего заключается в том, что он поступает подобно змее: последняя, когда нападают на нее враги, старается защитить только голову, а врагам оставляет хвост, ибо если спасена голова, то спасена и жизнь, а все остальное пусть погибает. Подобным образом и

истинный христианин старается главным образом сохранить то, что составляет для него *единое на потребу*, то есть свою чистоту сердечную, живую веру во Христа. «Господи, – говорит он, – даруй мне, чтобы я Тебя только не потерял, а потеря всего остального не страшна для меня». Ибо такое настроение, когда имеется в виду одна только эта цель, предохраняет его от всякого ложного шага в жизни, от всяких козней и сетей врага и переходит непосредственно в голубиную невинность и простоту чад Божиих, ибо истинная простота есть и истинная мудрость. Глаз, который смотрит прямо, а не вкось, лучше видит предметы и не легко впадает в заблуждение и в ошибку, и душа, которая преследует одну только цель нравственного совершенства и достижения Небесного Царствия, не будет колебаться всяким ветром лжеучений человеческих, а неуклонно будет идти по своему пути, поступая, таким образом, мудро, как змея, и просто – без всякой фальши – как голубь.

Вот те свойства, которыми, по словам Спасителя, должны обладать апостолы, а, следовательно, и преемники их – пастыри и миссионеры.

Потщись же, брат, усвоить эти качества, эту змеиную мудрость и голубиную простоту, и тогда нестрашны будут для тебя никакие враги. Ибо тогда с тобою будет Тот, Который до скончания века обещает пребывать с верными Своими учениками. И на каком бы тяжелом и опасном посту ни пришлось стоять тебе, Он всюду будет близ тебя со Своею помощью, со Своим ободряющим словом: «Не бойся, это Я послал тебя сюда, Я поставил тебя на этот пост! Дерзай, чадо, ибо *Я победил мир!* (Ин.16:33)». Итак, возложив надежду на такого надежного Помощника, прими, возлюбленный собрат, этот посох и иди с миром на твой трудный, но не безнадежный пост.

А что сказать теперь вам, возлюбленные братия, в таком множестве присутствующие при настоящем нашем духовном торжестве? Смотря на сего новопоставленного епископа-миссионера, чувствуете ли вы, что Урмийской миссии, на служение которой мы напутствуем его, есть дело не чуждое и вам, что оно имеет значение и для вас? Когда Спаситель пред

восшествием на небо сказал ученикам Своим: *идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари* (Мк.16:15), то исполнение этой заповеди Он возложил не на одних только апостолов и их преемников, но на всех верующих. Следовательно, все мы обязаны участвовать в деле нашей православной миссии – но как мало мы делаем и как мало до сих пор сделано нами в исполнение этой заповеди. Вот почему для нас очень дорого и важно должно быть то, что нашелся хотя один человек из нашей среды, который с полным самоотвержением, и за себя, и за всех нас, идет исполнить тот долг любви, который лежит на нас в отношении отторгнутых от нас братьев наших. Как близок должен быть он нашему сердцу. Мы не можем, конечно, последовать за ним в отдаленную Персию, чтобы защитить его от опасностей и быть его утешителями в минуты внешних и внутренних искушений, но можем и должны содействовать его делу внешними дарами любви, своими материальными пожертвованиями, в которых так нуждается наша миссия. Примите же это не к сведению только, но и к сердцу и будьте уверены, что и о том, что сделаете вы для богоугодного дела миссии, будет сказано в последний день: *Мне сотвористе* (Мф.25:40).

Не все мы, конечно, можем прийти на помощь этому делу материально, но все можем и должны споспешествовать этому делу своими молитвами. Пусть же каждый вознесет сейчас свое сердце к Богу и скажет: «Господи, Боже наш! Ты избрал этого служителя Своим орудием в деле утверждения православия в столь далекой от нас стране! О, даруй ему силу с успехом исполнить то, что Ты поручаешь ему. Ты знаешь его ревность, ты слышал те благочестивые обеты, с коими он посвящает себя на служение Твоему делу, – о, предотврати от него Твоею мощною десницею все, что может погасить в нем этот дух его ревности и самоотвержения... Ты посылаешь его в виноградник, где так много сорной травы и засыхающих деревьев, – о, даруй ему силу и крепость, дабы он мог перепахать этот сад и сделать его доброплодным. Наши же сердца исполни большею любовью и большим сочувствием к делу рук его». Аминь.

Слово при вручении жезла Преосвященному Алексию (Баженову), епископу Николаевскому⁹⁶

Преосвященный епископ Алексей⁹⁷, возлюбленный о Господе брат!

Священной хиротонией, только что нами совершенной, причисленный к сонму священноначальствующих и наставляющих в Церкви, ты, однако ж, по уставу той же Церкви, становишься сейчас пред нами как наставляемый. Что же сказать тебе в эту единственную в твоей жизни минуту, чтобы она не оказалась потерянной?

От пастырей Церкви и служителей Евангелия наше общество требует, чтобы они были мужами мира, любви и терпения. И небезосновательно. Таковыми они и должны быть, по слову Апостола, заповедующего им: *Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми* (Рим.12:18). Пастырям не должно ссориться (2Тим.2:24). Они тщательно должны избегать всего, что может нарушить этот мир. Они не должны платить злом за зло (1Фес.5:15), но побеждать зло добром (Рим.12:21) и вместе с Апостолом говорить: *гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим* (1Кор.4:12–13).

Но этого мало. Они должны водворять мир и в окружающем их обществе, всюду погашая огонь вражды и раздора. Таково призвание служителя Евангелия. Но не всегда, однако ж, и не со всеми людьми служителю Евангелия можно иметь этот мир. Ибо как слуга земного царя, на царство которого нападают разного рода неприятели, должен вести с ними борьбу, так и служитель Евангелия обязан вести борьбу с врагами Христа и Его Церкви.

Вот почему апостол Павел изображает служителя Церкви под образом воина Христова и сообразно с этим обращается к сотруднику своему Тимофею, а в лице его и ко всем пастырям со следующими словами: *переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа* (2Тим.2:3).

Каким же образом пастырь Церкви может исполнить то, чего требует здесь от нас Апостол? Прежде всего он может исполнить это тщательным приготовлением себя к той борьбе,

которую он имеет нести как слуга Иисуса Христа. Всем известно, как много приходится переносить страданий и трудностей воину, который находится на поле битвы. Тяжелые передвижения с одного места на другое, беспокойная жизнь на бивуаках, сопряженные с бессонными ночами дежурства, лишения обычных жизненных удовольствий, опасные схватки с ожесточенными врагами – вот те страдания, которые делают служение воина тяжелым жребием. Эти трудности воин предвидит прежде, чем выступает на поле брани с врагами, а потому заранее приучает себя к перенесению их. Он упражняется из года в год, изо дня в день в употреблении военного оружия. Он приучает себя к выносливости, он закаляет свое тело и воздерживается от всего, что способствует изнеженности и лишь таким образом делается добрым воином.

Посмотрите теперь на жизнь пастыря Церкви. И он также переносит много тяжести в своей жизни. Что с легкой душою делают другие, того не может делать он, что извиняет мир другим, за то строго осуждает он его. Как строго он должен наблюдать за собой, чтобы не произвести соблазна и не разрушить своим поведением того, что созидает он своей проповедью! Как много ему нужно бывает упражняться, чтобы с успехом бороться с врагами Евангелия! Каждый день должен быть для него днем приготовления. Каждый день должен он вести борьбу с врагом-искусителем. Каждый день он должен проводить в молитве и благословении, нисходящем свыше в дарах Святого Духа, прежде чем приступить к делу и пустить в ход свое оружие. Каждый день он должен путем изучения Священного Писания укреплять себя в вере и, так сказать, оттачивать меч духовный, который есть слово Божие, делая его более и более острым, более и более победоносным. Таково страдание, которому пастырь должен подвергнуть себя, чтобы выступить на войну как доброму воину Иисуса Христа.

Но от доброго воина Христа требуется еще, чтобы он с полным смирением предал себя во власть и волю своего вождя. Известно, с какой благоговейной покорностью хороший солдат предается своему командиру. Он желает быть только членом целого, только годным орудием в руках начальника и

беспрекословно исполняет все его приказания, хотя бы дело, поручаемое ему, было и не совсем благодарным трудом. Он подавляет в себе все движения суетного честолюбия и, не гонясь за личными отличиями, чувствует себя достаточно вознагражденным за свои труды той славой, которую выносит из своего победоносного похода его полководец.

Подобным образом должен поступать и служитель Христа. В чувстве смирения он должен вооружиться против того суетного тщеславия, которое иногда и на священном месте – церковной кафедре – хочет блистать светом собственной мудрости и ораторским искусством приобретает симпатии слушателей. В чувстве смирения должен он говорить: «Не стыжусь благовествования о Христе», – и со словами: *говори, Господи, ибо слышит раб Твой* (1Цар.3:10), обращаться к своему Господу, чтобы из Его уст выслушивать и из Его откровения почерпать то, что он хочет и должен говорить. С чувством смирения он должен переносить все насмешки и порицания, если он не иначе, как этим только путем, может прославлять имя Христово и содействовать делу Его Царства. Нелегко, конечно, для человека оставаться в тени и на счет своей славы создавать славу другого. Однако и от этой тяжести не должен бежать пастырь, если он хочет быть добрым воином Христа.

Наконец, доброму воину Христа подобает еще с совершенной преданностью следовать примеру своего Вождя. Кому не известно, как обаятельно действует на хорошего солдата все, что имеет в себе великого его полководец. Представить из себя хоть небольшое, слабое подобие своего начальника – это стремление каждого доброго солдата. Если полководец идет впереди и отважно, не боясь смерти, бросается в густую толпу неприятелей, то за ним следует и все его войско, не думая о том, чем это окончится, победой или смертью.

Точно так же и пастырь Церкви должен следовать примеру своего предводителя. Небесного Пастыреначальника, Который показал пример во время Своей жизни на земле. И какой пример! Он, как добрый воин дела Божия, Сам разрешил ту

великую задачу, которую ставит пастырский долг, и что поэтому пастырь может сделать лучшего, как не последовать этому примеру! Пастырь должен бороться со злом всюду, где бы оно ни обнаруживалось, не боясь ни гнева, ни насмешек, ни притеснений, – а что всего более может подкреплять его в этой борьбе, как не пример Того, Который не знал никакого лицеприятия, Который обличал и бичевал каждый вид зла, где бы оно ни проявлялось и кем бы оно ни совершалось! Пастырь, не теряя надежды на успех, должен бороться с грехом и неправдой и при самом сильном упадке общественной нравственности – но что сильнее всего может воодушевлять его к этому, как не взгляд на Того, Который победоносно вел войну со злом и пороком в такое время, которое было нравственно более испорчено, чем когда-либо, и в таком народе, который походил на стадо заблудших овец, не имеющих пастыря, и в котором исчезали, казалось, последние остатки всего истинного и доброго? Эту борьбу пастырь должен вести с такой кротостью, которая *трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит* (Мф.12:20), – но что сильнее может подкрепить его и в этой добродетели, как не взгляд на Того, Который, с необычайною ревностью вооружаясь против греха, обнимал, однако, любовью грешника, проливал слезы сострадания о гибели Иерусалима и молился на Кресте о прощении злодеев? Тяжело, правда, во всем этом подражать Христу, но это и есть то страдание, которое делает пастыря истинным героем, добрым воином Иисуса Христа.

Возлюбленный собрат! Слова Апостола, которые я положил в основание своей речи, относятся и к тебе. Потщись же и ты, приняв от меня этот пастырский жезл, исторгнуть из своего сердца все, что противно Христу, и всем существом своим отдаться на служение только Ему одному и ни к чему более не стремиться, как только открывать Ему путь к сердцам своих пасомых. По примеру Спасителя выступай и ты на архипастырское служение свое с той неустрашимостью, которая не останавливается ни пред какой вражеской силой, с той надеждой, которая не отчаивается в успехе дела и при самых

неблагоприятных условиях, и с той любовью, которая бичует грех для того только, чтобы спасти грешника.

Слово при вручении жезла Преосвященному Севастиану (Вести), епископу Кинешемскому⁹⁸

Преосвященный епископ Севастиан!⁹⁹

Сердечно приветствую тебя, возлюбленный собрат, с принятием благодати архиерейства и от всей души желаю с возможно большей пользой послужить Церкви Православной в этом высоком сане.

А что требуется, спросишь ты, для того, чтобы это служение было именно таково, какими качествами должен обладать епископ, чтобы это служение было благодатно? В ответ на этот вопрос не обинуясь можно сказать, что прежде всего от современного епископа требуется такая степень знания, которая соответствовала бы его высокому назначению. Мы живем в такое время, когда во всех областях духовной жизни наблюдается необыкновенное движение вперед. Всюду делаются новые открытия и изобретения, делаются доступными новые источники знания. Светское образование проводится в жизнь тысячами каналов. В каждой пастве находятся пасомые, которые с научными данными в руках обращаются к пастырю за разрешением своих недоумений. Худо было бы, если бы пастырь за недостатком знаний не был в состоянии дать ответ о своем уповании (1Петр.3:15). Затем, никогда еще у Церкви нашей не было столько лютых врагов, как сейчас. Надвигаясь на нее полки за полками, они ратуют против нас с опаснейшим из оружий – с оружием развитой мысли и соответствующего слова. Каким образом пастырь мог бы отразить этих врагов, если бы он не сумел выступить против них с оружием научных знаний? Он тогда только может отвечать своему назначению, если, помимо знания Священного Писания, будет обладать достаточным знанием и области науки и общечеловеческой мудрости.

Но как ни велика для пастыря Церкви нужда в возможно большей широте познаний, однако это для него не единственное и не главное. Есть нечто для него более важное, более существенное, более нужное. Это – верность своему

долгу, своему призванию, о которой говорит Спаситель в 12-й главе Евангелия от Луки, за которую Он обещает домоправителя, верного в малом, поставить над многими (Лк.12:42–44).

В чем же состоит эта верность?

Пастырь Церкви может быть назван верным домоправителем тогда только, когда он во всем испытывает волю своего Домовладыки и крепко держится слова Его, когда он все, что говорит с церковной кафедры, говорит не от себя, а почерпает из источника библейского слова, когда он, не увлекаясь мирской мудростью и блестящим красноречием, не стыдится в простых словах проповедовать слово о Кресте, что для многих еще и сейчас служит соблазном и безумием (1Кор.1:23). К требованиям верности относится еще и то, чтобы домоправитель во всем, что он делает, не искал *своих си, но яже Божия*, чтобы там, где дело касается славы и чести Домовладыки, не только отказывался от всякой славы, похвалы и благодарности мира, но и готов был перенести самую глубокую ненависть, самую черную неблагодарность и самые злостные насмешки. Какое трудное, но вместе и великое это дело!

Но верность есть великое дело не потому только, что требует великой жертвы, но и потому, что заключает в себе великое благословение. Представим себе пастыря Церкви, выдающегося по своим духовным дарованиям, по своим обширным познаниям и с блестящим даром слова, – много ли он может сделать богатством своих дарований, если у него нет того, что называется верностью в духовном призвании? Самое большое, если он заставит своих пасомых охотно слушать его слово, признавать широту его познаний и с удивлением говорить о его ораторском искусстве, – но если его словам не будет доставать теплоты веры, то они будут как *медь звенящая или кимвал звучащий* (1Кор.13:1), в них не будет той силы Божией, которая, исходя из уст проповедника, передается слушателю и овладевает его душой. При своей житейской, мирской мудрости, он, может быть, сумеет скрыть многие из своих недостатков и слабостей, но никогда не сумеет скрыть

своего наемнического настроения, которое так или иначе, но непременно выйдет на явь и возбудит в пастве недоверие. За те добрые качества, которыми он обладает, и те общепользные начинания, которые возникают по его почину, он будет находить признание паствы, но его горделивость и самолюбие, просвечивающие во всем, что он делает, никогда не дадут ему достигнуть такого авторитета, чтобы пасомые признали его образцом и стали следовать его примеру.

Совсем не то видим мы у пастырей, верных своему долгу и своему небесному Пастыреначальнику. Они даже и тогда, когда о великих делах Божиих говорят самыми простыми словами и безыскусственной речью, говорят, однако ж, так, что из их слов слышится апостольское: я верую, почему и проповедую, и эта речь, как излияние верующего и благочестивого сердца, неотразимо овладевает душой слушателя. Они хотя и сами еще не близки к цели, к которой стремятся, хотя и сами еще ведут борьбу с плотью и кровью, но и в этой борьбе своей являются примером для своего стада. Они хотя и не блещут никакими выдающимися делами, однако же все, что они делают, делают в духе такого смирения, такого бескорыстия и самоотвержения, что их скромный образ жизни является светом и достойным примером для паствы. Таким образом, успех пастырского служения зависит не от обладания богатыми дарованиями, а от верного и мудрого употребления хотя бы и не выдающихся дарований. И потому мы снова должны сказать – какое великое дело для домоправителя верность.

Наконец, верность своему призванию нельзя не назвать важным делом для пастыря и в виду той награды, какую он получает за нее. Немало доброго может получать в духовном сане и наемник. Внешний почет, в каком находятся пастыри и преимущественно архипастыри, может обеспечить и ему известную долю уважения. Тем, что он имеет доброго и похвального, он прикроет наготу, бросающуюся в глаза окружающих, а в иных отдельных членах своей паствы найдет себе, может быть, и долю сочувствия. Найдутся, может быть, и такие, которые не только снисходительно будут прощать ему грехи его мирского настроения, но и прославлять их, как нечто

похвальное, дабы его слабостями и недостатками оправдать свои собственные недостатки. Но может ли он назвать себя счастливым, если он чувствует угрызение совести за несоответствие своего поведения требованию долга, если видит, что лучшая часть его паствы против него или далеко стоит от него, если сверх этого ясно сознает, что он не имеет ни малейшего основания ожидать жатвы на поле вечности?

Но так ли обстоит дело у пастыря, верного своему призванию? Правда, недовольные могут быть и бывают и у самого верного пастыря. Но их недовольство, как происходящее из недомыслия и заблуждений, проносится бесследно, как облака, гонимые ветром, и никогда не в состоянии поколебать любви и преданности ему паствы. Скорбь обманутой надежды может тоже быть и у самого верного пастыря, если он видит, как иное посеянное им доброе семя погибает на поле мира и как иное дерево, с великой заботливостью возвращенное им, остается бесплодным. Но он всегда может успокоить себя мыслью о том, что на верности почивает незримое благословение, что она закладывает семена для будущей жатвы, что неложно слово Господа, обещавшего слугу своего, верного в малом, поставить над многим, с каковою верою он переходит и в загробную жизнь. Таким образом, награда за верность никогда не прекращается и жатва ее богаче, чем семя. И мы снова вправе сказать – какое это великое дело для домостроителя!

Пусть же, возлюбленный собрат, слово Спасителя о верности будет светом на пути твоего епископского служения. В настоящую, единственную минуту твоей жизни сердце твое волнуется разного рода желаниями, и все они сливаются, может быть, в одном молитвенном желании, чтобы Господь послал такое стечение обстоятельств в твоей жизни, при которых можно было бы без тяжелых вздыханий проходить епископское служение. Желание естественное и извинительное! Но все же мы ни на одну минуту не должны забывать, что самое главное в нашем служении есть верность своему долгу, на что и должна быть направлена сейчас наша пламенная молитва. А потому, принимая этот вручаемый тебе жезл, осени себя крестным знаменем и воззови из глубины души твоей: Господи! Я знаю,

чего Ты от меня требуешь, и желаю быть верным Тебе, но знаю также и силу искушителя и ограниченность своей собственной силы. Ниспосли же мне вместе с этим вещественным жезлом тот жезл *силы от Сиона* (Пс.109:2), опираясь на который я непреткновенно мог бы пройти предстоящий мне трудный, полный опасностей и искушений путь епископского служения, подобно тому, как не спотыкается идущий по скользкой дороге путник, если в его руках есть посох, на который он может опереться.

**Слово при вручении жезла Преосвященному
Пимену (Белоликову), епископу Салмасскому,
начальнику Урмийской миссии¹⁰⁰**

Преосвященный епископ Пимен¹⁰¹, возлюбленный о Господе брат!

Приветствую тебя с принятием архиерейской благодати. Господь судил тебе снова, уже третицею, как сказал ты при своем наречении, возвратиться на служение в любимую тобою Урмию, которой ты отдал шесть лучших лет своей жизни. Но это уже не та богатая и цветущая, особенно в христианской части, область, какою ты знал ее два или три года назад. Жестокая рука врагов сделала ее совсем неузнаваемой, и вот какую печальную картину представляет она сейчас по дошедшим до нас официальным сведениям. Селения христиан в количестве двух третей разрушены и опустели. Значительная часть насельников их убита. Храмы, коих насчитывалось до сорока, разрушены и опустошены. Церковное имущество разграблено. Иконы поломаны или сожжены. Из серебряных сосудов, похищенных из храмов, пьют на своих пирушках мусульманские ханы. Из дорогих облачений сделаны покрывала на их седла. Оставшиеся в живых христиане бродят, как овцы распутанного зверями стада. И вот все это предстоит тебе, как начальнику миссии, собрать, восстановить, привести в порядок, благонастроить и благоустроить. Задача далеко не из легких, и нужно иметь много твердости духа, чтобы не прийти при этом в смущение. Но здесь невольно приходит мне на память история восстановления Иерусалимского храма, которая может послужить для тебя некоторым ободрением. Когда Неемия, болея душою о бедственном состоянии своего народа, задумал восстановить разрушенные стены Иерусалима и храм его, то многие смеялись над ним и говорили: «Что это за дело затевает он», – указывая этим на его неосуществимость. Что же сказал на это Неемия? – *Бог Небесный*, сказал он, *Он благопошлет нам, и мы, рабы Его, станем строить* (Неем.2:20). И эта надежда его на Бога не посрамила. При всех известных нам из

истории величайших трудностях и препятствиях к сооружению храма, он все-таки построил его, хотя и не такой величественный, каков был храм Соломона.

Восстанем, хочется сказать мне вместе с Неемиёю, и мы, и будем строить.

Говорю это, разумея не столько внешние, вещественные храмы, сколько храмы духовные, к созиданию коих главным образом и призываемся мы, пастыри, и не в одной только Урмии, но и во всей нашей Церкви. Ибо подобное тому, что было во времена Неемии в Иерусалиме, видим мы во многих отношениях в нашей Церкви, в нашем христианстве. Как там враги еврейского народа, ворвавшись в город и разрушив его стены и храм, завладели тем, что им не принадлежало, так и у нас враждебное язычество устрояет свой лагерь и раскидывает свои палатки, все шире и шире раздвигая свои пределы.

И у нас явилось много лжеучителей и лжепророков, которые, будучи костью от наших же костей и плотью от нашей же плоти, отпали от нас и действуют против нас.

И как разрушительно действуют! Нужно совсем не иметь зрения, чтобы не видеть тех ран и тех аварий в нашем церковном корабле, которые являются следствием этой деятельности. Мы видим, с каким успехом прививают они к нашему обществу идеи лжеименной материалистической науки, которая Христа низводит на степень обыкновенного смертного, а человека на степень животного, так что он свое назначение и цель своей жизни полагает в удовлетворении только животных потребностей. Мы видим, как глубоко под влиянием этой науки проникают в наше общество материальные интересы и чувственные удовольствия, делаясь у одних главным и у других почти единственным предметом чаяний и вожделений. Мы видим, как вследствие этого слова Евангелия: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его* – стали предметом глумления, а следующие за ними слова: *и это все приложится вам (Мф.6:33)* – предметом насмешек и издевательства. Мы видим, какую непроходимую междоусобицу пропалать роют наши социалисты, науськивая и восстанавливая бедных против богатых, рабочих против работодателей-фабрикантов, слуг

против господ и превращая заповедь Божию *не укради*, и *не пожелай* в слова лжи – «собственность есть воровство».

Мы видим, как попирается у нас заповедь о воскресных и праздничных днях и как неохотно слушается проповедь о покаянии, об обращении к Богу и о духовном возрождении, потому что многие, коим улыбается пока счастье, надеются прожить и умереть без Церкви. Да и между теми, которые не порвали еще связи с Церковью, посещают ее богослужения и числятся ее членами, одни довольствуются только внешней церковностью, а другие, колеблемые всяким ветром учения, охотно идут вслед за лжеучителями, вроде братьев и других самозванных лжехристов и лжепророков. И только незначительная часть наших пасомых усердно воспринимает и сохраняет в своем чистом сердце слово Божие и в терпении приносит плод. Все это не служит ли для нас, служителей Церкви, достаточным побуждением усилить свою деятельность и сказать вместе с Неемиею: «Восстанем и с надеждою на Бога будем строить (разрушаемое здание)».

Но вот со всех сторон мы слышим при этом возражения, коими отрицается нужда и польза и возможность этого строительства. «Вы не должны строить, – раздается со стороны гордой науки, которая отрицает Иисуса Христа, во плоти пришедшего. – Христианство отжило свой век, вера в живого личного Бога и Его откровение погасла. Здание церковное, которое вы хотите поддерживать, настолько обветшало, что восстанавливать его – напрасный труд. Посмотрите, как глубоко дух новейшего образования проник во все слои общества».

«Вы не должны строить, – говорят другие, которые все терпят, со всем мирятся, только не с христианством и религией вообще. – Ваше строительство не что иное, как ретроградство, задержка и тормоз неудержимо идущего вперед просвещения и мракобесие. Благо народа зависит не от религии, а от развития культуры и цивилизации, и идти к народу нужно не с религией, а с книгой в руках. Устраните себя от этого строительства и не мешайте нам вести парод к просвещению и культивировать нашу страну».

«Вы не должны и не можете строить, – кричат снова другие. – Ваши Таинства не служат к обновлению жизни, у вас нет пророческого духа, как это было в Ветхом Завете, нет и чудес, какие были во времена апостолов».

Что сказать на эти, как и на многие другие нападки со стороны врагов Церкви? То же самое повторяю еще раз, что сказал Неемия врагам своим, которые противодействовали восстановлению Иерусалимского храма. – *Бог Небесный, Он благопоспешит нам, и мы, рабы Его, станем строить*. Да, мы, пастыри, должны и будем, при помощи Божией, строить церковное здание; мы должны и будем продолжать свою проповедь – проповедь не от себя самих, не от своей мудрости, но проповедь от Христа и о Христе Распятом, Который для неверующих – *соблазн и безумие*, а для верующих – *Божия сила и Божия премудрость* (1Кор.1:23–24). Мы веруем и не перестаем веровать и возвещать народу, что правда возвышает народ и грех для него – пагуба. Мы всегда умоляли и будем умолять своих слушателей: *не ожесточите сердец ваших* (Евр.3:8), *покайтесь* (Мф.4:17) и *примиритесь с Богом* (2Кор.5:20). Мы всегда говорили, говорим и будем впредь с настойчивостью повторять, что никогда не может человек войти в Царствие Божие, *если... не родится свыше* (Ин.3:3), то есть что никакими внешними реформами и преобразованиями не достигнет он своего счастья, если он внутренне, нравственно-духовно не преобразует себя по образу Христа. И это будем делать мы всюду: и в храме и вне храма, и в школе и в семье, и в тюрьмах и лазаретах – словом, всюду, где есть душа человеческая.

Да, говорит гордая наука, вы можете это делать – пожалуй, и делаете, но делаете словами и только словами, и все, что таким образом вы строите, есть не что иное, как картонный домик, который разлетится при первом дуновении ветра. Но не так ли же и вы, спросим вас, апостолы неверия, ведете свое дело? Ведь и вы не иначе строите, как только словами. Таким образом, учение стоит против учения, одно свидетельство против свидетельства, слово против слова, – но посмотрим, какое слово более основательно, более прочно и устойчиво –

«да» нашей веры или «нет» вашего неверия, слово мудрости века сего или слово Того, Который говорит: *небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут* (Мф.24:35 и др.). А если это слово вечно и непреложно, то не в праве ли мы с полным дерзновением сказать опьяненным материалистической наукой от имени Церкви словами пророка Михея: *Не радуйся ради меня, неприятельница моя! хотя я упал, но встану; хотя я во мраке, но Господь свет для меня* (Мих.7:8).

Вот что, возлюбленный собрат, нашел я уместным сказать тебе в настоящую, единственную минуту в твоей жизни, при вручении жезла сего. Я сказал это, чтобы ободрить тебя среди заявленного тобою смущения и возбудить большую ревность и большую надежду на успех предстоящего тебе, поистине великого подвига. Но так как успех каждого дела зависит от Бога, то усердной молитвою прошу присоединиться и вас, боголюбивые братья и сестры, в таком множестве присутствующие при настоящем торжестве.

Господи Боже, великий и многомилостивый! К Тебе воздеваем мы свои руки и устремляем свои взоры и сердца. Призри с небесной высоты Своей на смиренного раба сего, с такою любовью и самоотвержением идущего в далекую страну собирать злополучных овец Твоего распуганного стада. Ты Сам, Господи, избрал его орудием Твоей благодати и дал ему такое назначение. Ты знаешь, как труден этот подвиг и как мало благоприятствует успеху этого дела наше лукавое время. Но Ты знаешь, Ты видишь и огонь той ревности, с какою он идет на это дело. О, предотврати Твоею мощною десницею то, что может погасить в нем этот огонь, и даруй ему и мужество, и силу, и крепость для совершения своей миссии. А нам, с такою любовью напутствующим его, даруй и впредь не оскудевать в этой любви к нему и к его делу, но еще более возгревать ее в себе, выражая ее не словами только, но делами благотворения.

Утешения пастве в бедствиях войны

Отклик по поводу начала войны с Японией

Письмо митрополита Московского Владимира императору Николаю II¹⁰²

Ваше Императорское Величество, Благочестивый Государь.

Пятьсот лет тому назад тяжко томилась Святая Русь под игом татарским. Точно грозные тучи, от времени до времени поднимались с востока дикие орды монголов и всеразрушающей бурей проносились по градам и весям родной земли, но в эти тяжкие годы великих испытаний Милосердный Господь посылал ей великих печальников и молитвенников. И в сонме сих угодников Божиих, как светлое солнце среди звезд небесных, сияет смиренный Радонежский игумен, преподобный Сергей, сей воистину игумен всея Руси, возбранной воевода и небесный гражданин русской земли. Когда в 1380 году надвинулась на Русь орда нечестивого Мамаю и великодержавный князь Димитрий Иоаннович не мог умиловить этого гордого монгола ни дарами, ни покорностью, тогда благодатный старец благословил Московского князя идти противу полчищ Мамаевых и, отпуская в помощь двух своих витязей бояр-схимников, изрек ему чудное пророчество: «Дерзай, княже, победиши враги твоя».

И свершилось дивное слово Сергиево: впервые после покорения Руси монголами Русь стеной повалилась на монголов и сокрушила их силу на поле Куликовом.

Отошел к Богу из земной жизни великий старец. Но он остался верным сыном родной земли. Проходили столетия; великие беды и скорби обрушивались на Русь православную; дважды Москва была в руках вражьих, но нога вражья не переступала порога его обители. «Неотступно буду от места сего», – рекла ему некогда Царица Небесная, и непреложно было Ее обетование. Именно тогда-то, когда казалось все потеряно и неоткуда было ждать земной помощи, тогда-то восставал на защиту родной земли Сергей – и все беды исчезали, как дым, и враги бежали со стыдом, и снова Русь сияла во всем величии своего родного православия и

хриstopодражательного народного смирения, страшная своим врагам.

Жив он, угодник Божий, жив и ныне в сознании православного русского народа. Сотнями тысяч идут к нему со всех концов православные русские люди – идут и как живому поверяют все скорби свои, все заботы свои, повергаясь до праха земного у подножия его раки святой. Мы, недостойные иноки его святой обители, мы – постоянные свидетели этого благодатного общения нашего народа с его небесным печальником, заступником и молитвенником пред Богом.

И в наступившую тяжкую годину испытания, когда потомки древних монголов дерзнули нагло оскорбить Русь Православную и разбойнически напасть на ее верных сынов, – к нему, великий Государь, отец наш, к нему, угоднику Божию, народ твой возводит молитвенный взор, несет свой молитвенный вздох. И неусыпно, неусыпно прольется и уже льется молитва всенародная у заветной раки нетленных мощей его, и сливаемся духом с этой молитвой и мы, недостойные послушники великого печальника русской земли, иноки его обители: да приосенит его благословение Богом венчанную главу твою, как некогда благословил он великого князя Димитрия Иоанновича; да сопутствует он своей небесной помощью хриstopлюбивому воинству твоему, как сопутствовал в лице схимников-витязей воинству Димитрия; да поможет он и тебе, великодержавный царь наш, победить современных монголов, врагов родной нашей земли. И молимся, и будем всем сердцем молить великого нашего пред Богом ходатая, да испросит он тебе у Бога разумов духа премудрости и прозрения, чтобы не сокрылись от царского взора твоего все козни врагии, чтобы не воспрепятствовали сему расстояния; да не ослабевают духом наши хриstopлюбивые воины в борьбе за родную землю на ее далеких окраинах от непривычных стихийных невзгод, – да будет эта война последней, миротворящей войной и да придут скорее времена мирные, когда раскуют люди мечи свои на орала и ножи свои на серпы (Ис.2:4).

В знамение же сей пламенной молитвы и воистину чудодействующей веры смиренных сынов Руси Православной, прими, благочестивейший Государь, сию святую икону преподобного Сергия, освященную на его нетленных мощах в тот день, когда впервые близ его священной раки было возглашено с церковного амвона твое скорбное царское слово, призывающее русский народ на защиту святой веры православной, царского престола и родной земли.

Вашего Императорского Величества всепреданнейший слуга и богомолец Владимир, митрополит Московский и Коломенский и священноархимандрит Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Пастырское утешение христианину в бедствиях войны¹⁰³

Есть в человеческом обществе один суровый гость, который подходит то медленно и нерешительно, а то поражает вдруг, как громовой удар, раздающийся из ясного неба, и приводит в страх и трепет тех, кого посещает. Никто не просит его, но он вламывается иногда ко многим и без приглашения. Кто не знает этого непрошеного и нежелательного гостя! Это – нужда или бедствие, которое является к нам в тысячах различных видов. Народная пословица говорит: беда ломает железо, и этим выражает ту мысль, что для горя и несчастья нет препятствия, что оно с одинаковой легкостью разламывает и деревянные задвижки убогих лачуг, и железные замки богатых домов. Но та же пословица говорит, что беда научает и молиться и что чем больше эта беда, тем ближе и Божия помощь, как подтверждают это уста и Самой вечной Истины, которые говорят: *призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня* (Пс.49:15).

Эта скорбь, это бедствие, этот, как сказал я, суровый гость явился и к нам сейчас в одном из страшных видов – в виде войны с двумя могущественными и вероломными немецкими народами. Не должно ли и это бедствие научить и нас молиться? Не должны ли и мы в день этой скорби и испытания воззвать ко Господу, чтобы Он помиловал и спас нас? О, если бы время этого испытания сделалось временем истинного покаяния и молитвы для всего русского народа, если бы это несчастье побудило всех нас и сейчас и впредь молиться искренно, по-христиански, – тогда оно послужило бы нам во благо и принесло бы нам Божие благословение.

Постараемся найти подтверждение этой мысли и почерпнуть такое утешение в слове Божиим. Так, в послании апостола Павла к Римлянам (Рим.8:28) мы находим такое место: *знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу.*

О, Великий, Всесильный, Правосудный и Всемиловитый Боже и Господи! Посетив нас праведным судом Твоим, Ты говоришь к нам сейчас грозным голосом ниспосланного Тобою бедствия! Открой же сердца наши, дабы мы восприняли Твои уроки и, сознав вину свою, наклонили главу нашу под Твою крепкую, спасающую руку.

В приведенных словах Апостола заключается уверенность его в той истине, что любящим Бога все служит ко благу. Под словом все Церковь всегда подразумевала главным образом несчастные обстоятельства жизни. Попробуем и мы сейчас, в виду постигшего нас бедствия, почерпнуть для себя отраду и утешение в той мысли, что и такое бедственное время, как война, должно послужить к нашему благу. А для этого остановим нашу мысль на том: а) к кому относится это утешение, б) как оправдывается оно и в) чего оно требует от нас.

Говоря о том, что все, то есть и все самые тяжелые и несчастные обстоятельства, должны служить ко благу, апостол Павел относит это не ко всем без различия, а только к тем, которые любят Бога и стоят к Нему в правильном, истинно сыновнем отношении! В отношении испытаний, которым Бог подвергает нас, истинная любовь к Нему требует от нас, чтобы мы и при них не переставали любить Его больше всего, чтобы переносили их безропотно и с покорностью и во всем поступали бы по Его планам и предначертаниям. Кто удовлетворяет этому троякому требованию, тому все служит ко благу.

Ничего нет легче, проще и естественнее для человека, как любить Бога, Который так крепко Сам возлюбил его, так щедро благословляет его, каждодневно проявляя к нему все новые и новые милости и любовь. Но он должен любить Его не тогда только, когда принимает из рук Его щедрые дары и благодеяния и когда солнце божественной любви ярко освещает путь его жизни, но и тогда, когда это солнце скрывает от него лицо свое и темные тучи появляются на горизонте этой жизни. Истинная любовь в тяжелые дни испытаний еще более должна охраняться в сердцах наших в том убеждении, что Тот, Которого мы любим, продолжает любить нас и в дни скорби и желает нам

лучшего. В дни наказания любовь детей к своему отцу подвергается испытанию, и чада Божии должны знать, что и Бог, подвергая их наказанию, делает это с благою для них целью, с целью вразумления, побуждения к раскаянию и исправлению, как поступает любящий отец в отношении своих любимых детей. А если так, то не должно ли вести нас к благополучию и счастью то, что делает Бог с нами с таким благим намерением? За все, за самое тяжкое бедствие, посылаемое нам для нашего спасения, мы должны сердечно благодарить Бога и любить Его. Если, таким образом, мы научимся целовать розгу, которая бьет нас, и прославлять крест, на котором проливаем кровь свою, то всякое горе и несчастье, как бы ни было это тяжело, будет служить к лучшему. Послужит к лучшему и тяжелое бедствие настоящей войны, если мы отнесемся к ней по-христиански, с полною любовью и преданностью к Богу и примем ее как наказание Божие, вполне нами заслуженное, но направленное, однако ж, к нашему благу и спасению. Или, может быть, кто-нибудь захочет возразить против этого и скажет: о нет, Господь слишком больно бьет нас, мы не заслужили этого! – Ужасно самоослепление, если бы кто захотел оправдываться так в виду современного состояния нашей общественной и частной жизни! Не так! Наклонив свою выю под карающую руку Божию, понесем лучше ее удары со смирением и покорностью, и тогда это бедствие достигнет своей спасительной цели. Ибо тем, которые безропотно, с покорностью относятся к предопределениям Божественного Промысла, всякие обстоятельства жизни служат ко благу.

Но действительно ли мы в настоящем случае имеем дело с Божественным Промыслом? Если мы называем настоящую войну делом Промысла, то не есть ли это только наш обычный христианский образ речи? Можем ли мы приложить к этой печальной войне слова пророка Исаии (Ис.28:29): *И это происходит от Господа Саваофа: дивны судьбы Его, велика премудрость Его!* Ни для кого из нас не тайна, что война эта не только не была желательна для нашего Отечества, но была и неожиданна. Благодетельнейший Государь наш, при своем глубоко христианском настроении, ни о чем так не заботится,

как о мире, и не в своем только государстве, но и о мире всего мира. И, как мы видели из Высочайших Манифестов, он все сделал со своей стороны для того, чтобы предотвратить эту войну. Но вероломный враг наш, как оказалось давно точивший на нас меч, решил во что бы то ни стало напасть на нас, как и на дружественные нам народы. А это обстоятельство и дает нам полное право смотреть на настоящую войну как на необходимую, вынужденную оборону, попущенную Самим Богом и, следовательно, согласную с Его волею, хотя в существе своем она и есть зло. Покоримся же поэтому с христианским смирением сему Божественному определению и, чтобы ни случилось с нами, будем говорить вместе с первосвященником Илием (когда объявлен был ему суд Божий над его сыновьями): «Это – дело Бога, да будет Его святая воля!» Но, смиряясь таким образом под мощною десницею Бога, будем надеяться, что Он услышит нас в свое время, и настоящее испытание, если оно с такой любовью и преданностью будет принято нами, послужит к нашей пользе и благополучию.

Но для этого нам необходимо судить себя и судом Божиим. Война всегда есть суд Божий – суд вообще за оскудение любви между людьми, за то, что так много между ними еще вражды и ненависти, гордости и своеволия и так далеки они еще от того, чтобы перековать *мечи свои на орала, и копья свои – на серпы* (Ис.2:4). Далее, каждая война есть суд Божий и над тем грехом, над той несправедливостью и враждебным настроением, которое в каждом отдельном случае проявляется на той или другой стороне, а иногда и на обеих сторонах вместе, и делает войну печальною необходимостью. Наконец война должна быть рассматриваема и как суд Божий над грехами и пороками, над нечестием и беззакониями тех народов и отдельных лиц, которые подвергаются ей. Пусть же никто не говорит сейчас: Господи, Ты несправедливо поступаешь со мною, я не заслужил такого наказания – но, отдавая себя на суд Праведного Бога и исповедуя пред Ним свои грехи и беззакония, пусть скажет с Неемиею: Ты прав. Господи, во всем, что делаешь с нами, ибо Ты поступил по правде, а мы были нечестивы. Да, и мы должны признать себя заслуживающими обвинения пророка Исаии:

«Слушайте, дети Израиля, слово Господне, – говорил он некогда израильскому народу. – Господь имеет все причины наказывать тех, которые населяют эту землю, ибо не стало на ней ни верности, ни любви, ни слова Божия». Не раздавалось ли и в нашей стране и в нашем народе это строгое напоминание о необходимости слушать слово Божие? – Но он не слушал его, он не хотел воспринимать его в свое сердце и сообразно с ним направлять жизнь свою...

Не был ли оглашаем слух его и таким предостережением от имени Бога: «Израиль, ты сам создаешь себе несчастье. Твое спасение только у Меня». Но у Господа ли искал он свое спасение? Вместо того чтобы возлагать всю свою надежду на Господа, не полагался ли на свои собственные силы? Не искал ли он в случаях неудач опоры в предметах этого мира, забывая единственного верного Помощника – Бога? Не считали ли мы свою собственную славу выше славы Бога? Не давали ли мы слишком много простора своему разуму, свободы своей мысли, своему слову и своим действиям? Не наводняли ли в последние годы различные сферы и отрасли нашего быта, нашу литературу, печать, школу, область политической, общественной и философской мысли беззастенчивая ложь и открытая пропаганда разнузданных, противонравственных понятий? В самом преддверии настоящей войны не переживали ли мы толстовское сектантство – этот рассадник социализма и анархизма, и фарисейскую проповедь «неохристианства», представляющую собой борьбу против Церкви Христовой, прикрытую якобы стремлением интеллигенции прийти к соглашению с Церковью? Не служили ли мы плоти и не делали ли *похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую* (1Ин.2:16) началом или культом своей жизни? Не развивались ли между нами до чудовищных размеров суетность и роскошь? Не превращали ли мы воскресных и праздничных дней, дней служения Богу, в дни разгула и служения Молоху чувственных удовольствий? Развив в себе до чудовищных размеров страсть к удовольствиям, не сосредоточивали ли все свои помыслы и желания на мамоне, как на средстве к удовлетворению этой страсти, и не преклоняли ли колен своих пред кумиром золотого

тельца? Но Господь Бог наш – Бог ревнитель: Он не дает Своей славы и чести никому другому, никаким кумирам, какие бы ни давали им имена и каких бы ни воздавали им почестей. Что же удивительного в том, что при всей своей благодати и долготерпении Он подвергает нас, наконец, Своему суду и говорит к нам страшным грохотом пушек и всевозможных адских орудий и снарядов, какие только могла изобрести современная техника и ни перед чем не останавливающая хитрость и злоба наших врагов? О, падем ниц перед праведным судом Его и в чувстве глубокого раскаяния и сознания Его святых намерений воскликнем вместе с Самуилом: «Глаголи, Господи, рабы Твои слышат!» Если с такими чувствами будем мы проходить этот тяжелый путь, которым ведет нас сейчас Бог, то он, без сомнения, послужит нам во благо.

Но если справедлива эта мысль, что *любящим Бога все содействует ко благу* (Рим.8:28), то как можно оправдать и подтвердить ее? Это апостольское выражение станет для нас понятнее, если мы докажем, что и такое печальное явление, как настоящая война, может действительно послужить ко благу. Ибо это изречение очень часто высказывается и выслушивается нами без уяснения его истинности и смысла в отдельных наличных случаях. Поэтому бросим хотя беглый взгляд на современное состояние жизни нашего общества, и мы увидим, как справедливо и основательно это христианское утешение и в общественной, и семейной, и религиозной жизни.

В самом деле, что видим мы в общественной жизни нашего русского народа? Не страдают ли в последнее время многие недостатком верности и преданности своему Царю, и в их сердцах не находит ли себе место чувство вражды и ненависти к Его ближайшим помощникам в управлении страной и вообще к начальству и власти? Но теперь, когда все заняты одной мыслью о борьбе с врагом, о спасении своего Отечества, когда и Царь и войско вместе принимают кровавое крещение, не должно ли это согреть охладевшие сердца любовью к своему Царю и послужить к всеобщему примирению и объединению?

И не замечаем ли мы в последние годы у многих из наших соотечественников недостаток любви к своему Отечеству, когда

они, преследуя всюду только свои собственные мелкие интересы, обнаруживают полное равнодушие к интересам общегосударственным? Теперь наше Отечество в опасности, и настает крайняя нужда защищать его интересы. Не должно ли теперь каждое русское сердце с любовью повернуться к своему в скорбь и страдания погруженному Отечеству, сознать, насколько оно ему дорого, и в пользу его интересов поступиться своими личными интересами?! Не в праве ли мы, наконец, пожаловаться на злосчастную партийность и на взаимную вражду кружков с противоположными воззрениями и направлением, либералов и консерваторов, космополитов и националистов?! Как далеко разошлись они между собою, как недружелюбно относятся друг к другу! Теперь они стоят рядом под одним и тем же знаменем, ведут вместе борьбу с одним и тем же врагом, – не должны ли священные узы той дорогой крови, которую проливают при этом вышедшие из обоих лагерей юноши и мужи, уничтожить доселе разделявшее их средостение и снова примирить и соединить их воедино?! О, даст Господь, так это и будет! И когда зачех из семени слез и крови, пролитых на поле этой брани, вырастет обновленное русское общество с более сильным духом, соединенное более крепкими узами взаимной любви, не в праве ли мы будем сказать тогда: да, это испытание Божие действительно *содействует* нам, по слову Апостола, ко благу. Слава и благодарение Богу, так мудро все это ус троившему!

Теперь заглянем в частную, семейную жизнь, боголюбивые братья и сестры! Тяжело, очень тяжело, когда наши мужи и юноши, сыновья и братья, даже отцы семейств, оставляя свою службу, свой дом и родину, идут туда, на поле битвы, чтобы своею мужественною грудью стать против неприятеля. Вырванные из объятий своих жен, детей, родителей, братьев и сестер, своих знакомых и друзей, они обрекают себя на жизнь, полную нужды и лишений, бедствий и труда, среди опасностей смерти. Но зато как благотворно действует на них такой подвиг! Прошедши такую суровую школу, они возвращаются домой более мужественными и храбрыми, с более закаленным характером, с большим терпением и упованием на Бога

(молиться Которому их научили ужасы войны) и исполненные большей любовью к своим семейным, которые благодаря разлуке стали для них теперь милее и дороже. Не вправе ли мы в таком случае ожидать от них лучшей семейной жизни, большей верности своему призванию, большей крепости сил и здоровья, чем прежде, когда они жили в неге и покое? А если так, то нельзя не согласиться с мыслью, что и война служит ко благу как самих воинов, так и всего общества, в которое они возвращаются с такими качествами.

А те, кто остался дома, эти жены, проводившие своих мужей, юные дети – своих отцов, родители – своих сыновей, невесты – своих женихов, все эти несчастные, у которых сердце обливалось кровью при этой разлуке, ужели и для них эта война не есть истинное несчастье и горе? О, друзья мои, этого мы не скажем, этого не можем мы сказать. Тяжело, очень тяжело, горько, очень горько лишаться того, что есть у нас самого дорогого, расставаться с самыми милыми и близкими нашему сердцу и с ними, быть может, со всякой радостью в этом мире. Но, однако же, и здесь едва ли может оказаться несостоятельным слово Апостола, что *любящим Бога все содействует ко благу* (Рим.8:28). Скажите чистосердечно вы, плачущие жены, вы, дети, родители, сестры и невесты, находящиеся в разлуке со своими родными: когда с глубокой скорбью на душе устремляете вы свои взоры на опустевшие в домах ваших места, не проходят ли при этом чрез ваши души серьезные мысли и горестные, исполненные жгучей тоски воспоминания? Все ли вы можете сказать, что в вашей брачной жизни, в ваших семейных отношениях вы поступали так, как должны были поступать? Не бывало ли в ином доме, у иных супругов вместо любви, мира и согласия вражды и ненависти, ссоры и недовольства? Не вырывались ли иногда резкие слова брани из дома на улицу? Не вылетали ли иногда из уст ваших слова проклятия на самые брачные узы? Теперь этот брак на время прерван, теперь они, мужья ваши, далеко от вас, и вы не знаете, возвратятся ли они к вам. Теперь вы не в силах возвратить их никакими просьбами и слезами, никакими вздохами и тоской, и только горькое раскаяние и жестокие

самоупреки за прежнюю несправедливость будут, как острые стрелы, проходить чрез вашу душу. А раскаяние есть начало исправления... И нет сомнения, что под влиянием этого чувства, в связи с мукою, тоскою и одиночеством, вы дадите пред Богом верный обет в том, что, если возвратятся к вам мужья ваши живыми, вы будете иначе и лучше относиться к ним, более оказывать им любви и преданности, более кротости и смирения, более заботливости и сердечного участия. Если же таковы бывают последствия войны и разлуки с близкими, то не в праве ли мы сказать, что война может быть полезна и для домашней, семейной жизни человека, если только он любит Бога?

И далее. По причине войны для многих настало теперь стеснение в отношении работы и заработков. За отсутствием платной работы иным приходится сидеть впроголодь, причем многие раскаиваются в том, что они так часто упускали случаи к заработкам ранее, в более благоприятное для сего время. А сколько теперь таких, которые испытывают недостаток в средствах потому, что, гоняясь за удовольствиями, не сумели в свое время сделать сбережения на черный день! Как были бы они счастливы, если бы могли теперь хотя бы часть из прежних своих достатков, истраченных на излишние затеи и прихоти, возвратить на удовлетворение необходимых нужд! Не должно ли это послужить уроком на будущее время быть благоразумнее, прилежнее к труду, бережливее и соблюдать во всем большую умеренность? Таким образом, и здесь из зла выходит благословение.

Посмотрите теперь на религиозную жизнь. Бедствие войны может принести пользу и для этой жизни. Припомните времена прежних войн. Какой удивительный подъем религиозного духа можно было наблюдать в нашем народе каждый раз, когда наступала война! История сохранила из того времени множество рассказов о том, как тогдашние цари и князья, воины и мирные граждане, великие и малые, мужчины и женщины обращались к Богу и являли образцы новой веры, новой любви и нового благочестия. Поистине, беда научала тогда молиться. И народ, несколько забывший Бога, снова начинал искать своего Бога и находил Его. Не должна ли иметь такое же

действие на нас и настоящая война? Не нуждаемся ли сейчас и мы в этом воздействии? В течение многих лет мирного и невозмутимого спокойствия и счастья не предалось ли и наше поколение беспечности, неге и нравственному усыплению? Среди удовольствий и наслаждений земными благами, не забыло ли оно о благах высших, идеальных, духовных? Теперь при ежедневных нерадостных известиях с театра войны, при возрастающей опасности конечно не до удовольствий. Грохот военных орудий и стоны раненных и изувеченных ими борцов наших заглушают наши «тимпаны» и заставляют умолкнуть звуки беззаботной радости и веселья. Теперь, в виду смертной опасности, человек более чем когда-либо сознает непрочность, суетность и непостоянство этих земных благ, к которым тяготеет его сердце. Теперь научается он искать сокровище на небе, то сокровище, коего не уничтожит ни порох, ни пуля, ни динамит, ни пушка, научается искать тот драгоценный перл Царства Божия, который дороже всякого ослепительного блеска этой земли. А когда сильные толчки войны потрясают фундамент нашего земного существования, так что мы вдруг начинаем чувствовать под своими ногами колебание почвы, тогда научаемся искать другого, более прочного основания, для которого не существует никаких опасностей. И благо тому, кто сумеет сказать в такое время: «Я нашел такое основание, на котором вечно и непоколебимо может стоять мой якорь, нашел его в вере во Христа, Спасителя мира». И если с такой верой наши воины оставляют родных и Родину, чтобы там, вдали от нее, на кровавом поле битвы или в морской пучине положить живот свой, не тем ли живее они должны чувствовать в себе влечение к небесной родине, которая некогда соединит их с их присными. А если им суждено теперь умереть на войне, то что из того? Тот, кто верой во Христа обеспечил себе место в доме Отца своего Небесного, рад достигнуть по ту сторону гроба вечного мира, которого не может дать, но не может и взять мир. При вере во Христа не безутешна и не бесполезна такая смерть воина и для оставшихся в живых его родственников. Через это и они также научаются глубже чувствовать тоску по своей небесной родине, чаще устремлять взор свой горе, к небу, к

Богу, где Христос и где они снова увидятся со своими милыми, с которыми они теперь временно разлучились.

Наконец, бедствие войны не менее приближает к Богу и тех, которые ни лично, ни чрез родственную связь не участвовали в ней. Когда разгорается страшная кровопролитная битва и обе воюющие стороны несут огромные потери, когда тысячи людей с лихорадочным вниманием следят за ходом борьбы, не зная, на чьей стороне будет победа, когда поставлены на карту благополучие и счастье целых миллионов людей – тогда человек чувствует себя в полной зависимости от Того, в деснице Которого все судьбы человеческой жизни, тогда невольно прибегаешь к Тому, Который Один только может оказать помощь и от Которого зависит победа или поражение. Таким образом, все: и те, которые на войне, и те, которые дома, – все учатся в несчастье войны помнить о Боге, Которого так легко забывают в добрые дни благополучия и покоя. Если же следствием войны бывает такое взывание Бога, то не вправе ли мы сказать: хорошо сделал Бог, послав нам это испытание, и неложно сказал Апостол, что *любящим Бога все содействует ко благу* (Рим.8:28)?

Но, согласно намеченному плану, мы должны дать хотя бы краткий ответ на вопрос: что же требуется от нас для того, чтобы это апостольское утешение во всех этих отношениях оправдывалось на нас? – Для этого требуются от нас три главных предмета: жертва, труд и молитва.

Да, жертвы требует война, если хотим, чтобы она привела к победе, жертвы, которую мы должны приносить добровольно, от чистого сердца. Но может ли быть названо таким именем то, что мы кладем на алтарь Отечества из своих денег и имущества, можно ли назвать это жертвой в сравнении с той, которую приносят наши воины, когда они, не щадя своей крови и своей жизни и своего счастья на земле, идут умирать за Отечество? После такой великой и священной жертвы, что значат наши деньги и золото, наше добро и имущество? И если тысячи наших русских матерей приносят сейчас в жертву Отечеству своих сыновей, коих выносили они под своими сердцами, невесты – своих женихов, которые служат предметом их горячей

любви, жены – своих мужей, которые составляли половину их жизни, то кто из истинных патриотов может пожалеть что-нибудь из своих достатков и отказать в приношении дара своего Отечеству, если того потребуют военные нужды? Конечно, мы все будем готовы отдать все, чего потребуют эти нужды.

Но от нас, соотечественники, требуются и другого рода жертвы любви. Вот уже получаются печальные известия и о значительных потерях в нашем войске. Уже много наших воинов погибло на этой войне! Между ними немало, конечно, отцов, которые были кормильцами своих семейств, сыновей, бывших опорой престарелых и бедных своих родителей, братьев, на коих возлагали свои надежды сестры. Сколько горя, слез и страданий, сколько бедности, нужд и лишений причинила смерть погибших уже сейчас, а сколько еще может быть их впереди! Не наш ли долг пойти навстречу этому горю и сделать всё возможное для того, чтобы утереть слезы плачущих, утешить удрученных, предотвратить нужду и бедность беспомощных и сирых? О, не будем бессердечны и безучастны к этим нуждам, за нас переносимым, но с предупредительной любовью сделаем все от нас зависящее для врачевания тех ран, которые наносит война, и облегчения тех нужд, какие она причиняет!

Но, чтобы оправдать справедливость слов Апостола, что *любящим Бога все содействует ко благу* – даже самые тяжелые обстоятельства служат ко благу, мы должны побудить себя к более серьезному труду, к сугубой верности своему долгу, к усиленному прилежанию. Когда находится в опасности Отечество, тогда естественно ожидать, чтобы каждый сын его с особенным усердием, в интересах его делал свое дело: воины там, на поле битвы, – а мы здесь, дома, в обыкновенной своей деятельности. Теперь каждому особенно следует показывать свою верность в малом, чтобы быть способным затем исполнять и великие дела. И кто захотел бы проводить дни эти в лености, праздности и удовольствиях, когда там, на поле брани, идет такая кипучая деятельность и решаются такие трудные задачи?! И это относится не к одним только мужчинам, но и к женщинам. Да, боголюбивые сестры, в настоящую тяжелую пору войны и

для вас открывается особое поле деятельности. Ваше положение скромное. Совершать каких-нибудь славных воинских деяний и геройских подвигов, какие совершают мужчины, для вас невозможно. Для вас Господь не сковал меча. Пусть делают это дело ваши мужья, ваши дети, ваши братья. А вы взамен этого откройте сокровищницу вашего нежного, так способного к любви сердца. Приложите вашу жертву, ваш труд и вашу любовь, чтобы возможно более ослабить горечь и ужасы войны, облегчить неизбежные страдания сраженных братьев. Там, на войне, работают сейчас слуги злобы и смерчи: ружья, штыки и пушки, порох и динамит, а у вас пусть работают орудия любви – ваши пальцы, иглы и швейные машины. Присоединяйтесь, кто может, и к той священной дружине избранниц Божиих, которые под знаменем Красного Креста идут работать в качестве сестер милосердия на самое поле жестоких битв. Тяжело служить там, где все обрызгано кровью, все обожжено огнем, где стоны и вопли, где одни *«плач, и стон, и горе»* (Иез.2:10), – но в истинно христианском сердце это горе скоро открывает источник таких невыразимых утешений, каких не могут доставить никакие блага мира. Это служение поистине ангелоподобное. Не так ли именно находят себе отраду и нисходят с неба в наш страждущий мир Ангелы Божии, подражателями и, можно сказать, сотрудницами которых служат наши сестры милосердия.

Но, как всегда, так и здесь с трудом и подвигами должна быть соединяема и молитва, и притом как на поле боя, так и дома. Если всякое несчастье приучает молиться, то бедствие войны – по преимуществу. Когда сверкают сабли, летают пули и смерть бывает так близка, что каждый момент может быть последним, кто может удержаться оттого, чтобы не испустить покаянного вздоха и молитвенного вопля и не предать своей души Владыке жизни и смерти – Богу? Как трогательно молился один благочестивый воин пред самым разгаром битвы: *«Боже воинств и брани! – взывал он. – Рев пушек, и грохот огнестрельных орудий оглушают меня, облака дыма покрывают мое тело, и мрак смятения наполняет мою душу. К Тебе обращаюсь я в эту роковую минуту, Тебе отдаю я*

всего себя! Возьми и Сам води меня! Веди меня к борьбе, води меня к победе, води меня, если угодно, и к смерти! Господи, исповедаю Тебя, готов исполнить Твои веленья. Будь Твоя святая воля!»

Но если так молятся там, на поле битвы наши воины, то не должно ли это подвигнуть на молитву и остающихся дома. Вот иной отец, иная мать, иная жена или невеста с самого детства, может быть, не воздевали рук своих к Богу, не преклоняли колен своих пред Ним на молитве. Но теперь, когда им страшно становится за своих близких, которые там, на театре войны ежеминутно дрожат за жизнь свою, когда все – победа и поражение покрыты мраком неизвестности, они снова вспоминают о Боге и начинают Ему молиться. О, если бы этот дух, эта молитва охватила сейчас весь народ наш, от царских чертогов до бедной хижины, от самых великих до самых малых! Если бы мы не нынешний только день, но и все время войны сделали для себя временем молитвы и покаяния! Тогда переживаемое нами бедствие, несомненно, послужило бы к нашему благу и после темной ночи войны занялось бы новое утро веры, благочестия и страха Божия, утро мира, любви, единодушия и единомыслия. Да, молитесь, друзья, чтобы вернулась к нам прежняя сила благочестия. Молитесь о победе нашего оружия, чтобы Господь не допустил наших врагов возобладать над нами. Молитесь за благочестивейшего нашего Государя, да ниспошлет Ему Господь духа премудрости, дабы он возмог проразуметь все козни вероломного врага, все извития этого ядовитого дракона. Молитесь за наших воинов, да сохранит их Господь как во время войны, так и после нее от искушений несправедливости и жестокости, к которым так часто приводит война. Молитесь о спасении жизни наших ближних в минуты опасности или же о блаженной кончине, если им будет суждено умереть на войне. В особенности же молитесь о скорейшем наступлении такого мира, который, укротив страсти и неистовство наших внешних врагов, положил бы конец всяким замыслам и наших врагов внутренних. Тогда – да, тогда война наша поистине послужит к нашему благу.

Тревоги наших дней и надежда на Бога ¹⁰⁴

Среди тяжелых и тревожных событий, когда нашему дорогому Отечеству приходится вести войну не с внешними только врагами, но и с внутренними, когда жизнь русского народа, выбитая из обычной колеи, лишена мира, спокойствия и безопасности, в это время каждый благонамеренный человек, кто бы он ни был по своему положению, не может не поддаваться чувству уныния и страха. Эти неудачи на войне, это противоправительственное движение и разные крамолы, эти частые и дерзкие проявления насилия и убийства – все это действует на него самым подавляющим образом. И он, в сознании своего бессилия сделать что-либо, безмолвно, но с глубокой внутренней тугой смотрит на то, что вокруг него происходит...

Когда потрясаются государства и начинают колебаться все прежние вековые устои их, когда терпят крушение великие и сильные мира сего, тогда каждый чувствует под собой как бы сотрясение почвы и ему кажется, что и над ним каждую минуту могут обрушиться своды. Он чувствует себя как бы стоящим пред напором бурного горного потока, который каждый момент может хлынуть на него и увлечь за собою со всем его домом, семейством и пожитками. Бессильно и безнадежно смотрит он тогда на вершину той горы, откуда грозит ему страшное бедствие, и в чувстве невыразимой скорби и отчаяния ломает себе руки. Но если так беспомощен в борьбе с невзгодами человек, не имеющий твердой надежды на Бога, то верующий христианин взирает не на одну ту только гору, откуда грозит ему опасность... Он возводит свои взоры и к другим горам, откуда готова придти к нему помощь. И со смирением, в сердечной молитве воздевает свои руки к Богу, Который один только может спасти его от бедствия.

Так должны и мы поступать теперь – в дни тяжкого испытания, потому что никто из нас не знает, чем все это кончится, пройдет ли эта гроза мимо него, или ему суждено будет попасть под удары ее. И в этом случае прекрасный

пример подает нам псалмопевец Давид, который в 120-м псалме своем говорит: *Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю. Не даст Он поколебаться ноге твоей, не воздремлет хранящий тебя; не дремлет и не спит хранящий Израиля* (Пс.120:1–4).

Эти слова, коими Давид утешал себя в трудные минуты жизни, когда он подвергался нападениям со стороны врагов своих, могут послужить и к нашему ободрению в настоящую смутную пору. Они должны возбуждать в нас надежду на Бога, от Которого приходит помощь во всякой нужде и опасности. Возведем же и мы духовные очи – очи нашей веры и упования, к Господу – этому истинному Помощнику в бедах и скорби, и остановим мысль свою на приведенных словах Псалмопевца.

К *горам* возводит Псалмопевец свои очи, находясь в опасности и думая о помощи свыше. Как видите, это выражение образное. Оно переносит нашу мысль к тем еврейским паломникам, которые некогда вереницами тянулись в Иерусалим, чтобы провести там праздник Господний, памятуя, что во дворах Иеговы один день лучше, чем тысяча дней, проводимых в другом месте. Вот подходят путники эти к Священному городу. Утомленные от пути, изнуренные разными заботами и трудами, голодом и жаждою, с отрадою и успокоением устремляют они взор свой на горы Иерусалима, особенно на Сионскую гору, на которой стояло их дорогое святилище – храм Господень. Туда неудержимо рвалось их сердце, туда, к этому Святому граду, к храму Божию, где обитель Всевышнего, где благочестивый израильтянин находил себе покой и отдохновение от забот и жизненных треволнений. Достигнуть этого святилища для них значило то же, что для ласточки долететь до своего гнездышка, в котором она не боится ни бури, ни непогоды. Этот дом Божий красовался на горе Сионе, царившей над всеми другими горами Иерусалима. А потому в Священном Писании и все вообще горы употребляются как образ помощи и защиты Бога, которую всегда готов оказывать Он прибегающим к Нему.

И в приведенном нами месте Псалмопевец помощь Божию представляет также под образом гор, и делает это потому, что между горами и Богом есть как бы некоторое сходство или подобие. Как горы, укрывающие обитателей своих от врагов, а также от бурь и непогоды, дают им возможность жить безопасно и спокойно в своих ущельях, так и Господь оберегает и покрывает Своим милосердием уповающих на Него: Он – помощь, защита и прибежище им. Как горы твердо и непоколебимо стоят в продолжение многих веков, так и Господь существует вечно. Как горы противостоят всем бурям, которые шумят и бушуют над их гордыми вершинами, так и Господь, как Существо вечно пребывающее, постоянное и неизменяемое, твердо и непоколебимо противостоит всевозможным бурным течениям и движениям времени. Как горы, подымаясь вверх своими вершинами, как бы указывают зрителям небо, так и Бог влечет наши очи духовные к небу, к Себе, как Источнику спасения. Как по наступлении ночи, когда всюду долины покрыты бывают уже мраком, вершины гор все еще блистают светом отражающихся лучей заходящего солнца, так и Господь есть вечный свет, обильный, неиссякаемый источник помощи, в котором мы всегда можем найти мир, радость и успокоение, хотя бы все на земле было окутано мраком ночи и погружено в глубокую скорбь. И как из гор в долины текут светлые, освежающие источники воды, так и Господь изливает обильные источники благодати утешения на чад Своих, когда они, в дни испытаний, обращаются к Нему и просят у Него поддержки и помощи.

О, не будем же искать себе помощи по ту сторону гор, как это многие ныне делают, но на горах, откуда помощь приходит, – у Господа, сотворившего небо и землю. Всегда бы, кажется, нужно помнить это, но в особенности же в такое смутное и опасное время, какое переживаем мы. В такие-то времена мы с успокоением можем познать, как хорошо, действительно, полагаться на Господа и не надеяться на свои силы, на князей и сынов человеческих. Такие войны, как настоящая наша война с Японией, суть лучшие учителя смирения. Они ясно показывают, как обманчивы наши надежды на свои силы и как верна та

истина, что гордым противится Бог (Иак.4:6; 1Петр.5:5). Когда подымается буря, то сильнее всего бушует она на вершинах высоких деревьев, наклоняя их долу – к земле; то же делает и буря лютых времен в отношении гордых умов человеческих: и из них лишь только те снова озаряются светом правды, которых Господь захочет просветить Своей благодатью, если, разумеется, они удостоятся этого. И в настоящей войне, конечно, немало уже погибло великих людей, на которых много возлагалось светлых надежд, но которые пали и никогда уже не встанут. Если же и великие и сильные мира сего не могут устоять и спастись от бури невзгод своими, увы, все же слабыми силами, то что же сказать об обыкновенных смертных? Вот почему никогда не следует забывать, что единственно верный Помощник нам – один Всемогущий Бог. Он возвышает и унижает, спасает и уничтожает кого хочет; великие и малые – все в Его мощной деснице. *Он есть Тот, Который восседает над кругом земли, и живущие на ней – как саранча пред Ним; Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья. Он обращает князей в ничто, делает чем-то пустым судей земли. Едва они посажены, едва посеяны, едва укоренился в земле ствол их, и как только Он дохнул на них, они высохли, и вихрь унес их, как солому (Ис.40:22–24).* Напрасно же восстают на Него люди, напрасно гордые сыны человеческие составляют против Него свои замыслы: Господь посмеется им (Пс.2:4; 58:9), – но те, которые боятся Его, не упадут, и надеющиеся на Него не посрамятся. *Он дает утомленному силу, и изнемогшему дарует крепость. Утомляются и юноши и ослабевают, и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут – и не устанут, пойдут – и не утомятся (Ис.40:29–31).*

Благо поэтому тем из нас, которые с верою возводят ныне очи свои к горам, откуда приходит нам помощь. И между ними прежде всего мы, к величайшему нашему утешению, вправе назвать верховного вождя нашего, Богом венчанного благочестивейшего Государя. Прилагая особые старания и заботы о водворении мира между народами и еще более о

мирном преуспевании племен, подчиненных его державе, он не думал и не желал войны. И только тогда взялся он за меч, когда потребовалась оборона и защита интересов своего народа, когда вероломный враг сделал свое разбойническое нападение... И как взялся? Не с горделивой надеждой на свое могущество, но с верой и надеждой на помощь Всевышнего. Воспитанный в духе христианского благочестия, он, конечно, хорошо знает из откровения, что *не спасется царь множеством воинства; исполина не защитит великая сила*, знает, что *око Господне над боящимися Его и уповающими на милость Его* (Пс.32:16–18), а потому не иначе и не прежде приступил к войне, как по приглашению всех своих верноподданных соединиться с ним в молитве к Богу о помощи и даровании победы оружию нашему. И благо тем, которые молятся вместе с царем своим, возводя свои взоры к Господу, Сотворившему небо и землю. Им нечего бояться, как бы ни тяжела была переживаемая нами злополучная година; они не посрамятся, хотя бы и мир прешел, и горы погрузились в разбушевавшееся море. Бог – их прибежище и защита, помощь и сила.

Но в настоящее время нам нужна особенная молитва о помощи Божией по причине не одной только опасности от внешней войны, но и ввиду внутреннего неурейства, вызывающего много серьезных и неотложных преобразований... Рескриптом 18-го февраля Государю нашему было угодно выразить свою державную волю, чтобы «с Божией помощью отныне привлекаемы были достойнейшие, доверием народным облеченные и от населения избираемые люди к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений». Вот идут сейчас подготовительные работы для осуществления этой царской воли, и недалеко уже время выборов тех лучших людей, на которых Государь возлагает так много надежд, как на сотрудников в великом деле народоправления. Какое трудное и ответственное дело предстоит этим представителям народа и всему нашему Правительству! На них сосредоточены теперь надежды людей самых разнообразных желаний и партий, готовых броситься друг на друга. Какая нравственная сила и твердость нужна им, чтобы

не подпасть под влияние того или другого лагеря, не сойти с пути правды и справедливости и вместо пользы не принести вреда интересам нашего и без того разрозненного общества, устоять на почве общегосударственных нужд и целей! Если во всем, что бы мы ни делали, даже в самых обыденных домашних делах, нам нужна Божия помощь и покровительство, то тем более нужно это в делах государственных. *Без Меня не можете делать ничего*, говорит Господь (Ин.15:5), – следовательно, на все, в чем хотим мы иметь успех, необходимо Божие благословение. Вознесем же усердную молитву о том, чтобы Дух Божий сообщил нашему правительству и всем народным избирателям христианскую мудрость и единомыслие, самоотверженную любовь к народу и ревность о его благе и нуждах. Пусть каждый из них помнит свою обязанность как честного гражданина и оставит все свои своекорыстные помыслы и расчеты. Пусть имеет он в виду только общественное благо, коего требует настоящее серьезное положение нашего Отечества. Пусть каждый, оставив всякую партийность и лицеприятие, всякую ссору и раздор, сам протягивает руку помощи к примирению и других, в особенности же к устранению вражды, розни и недоразумений между народом и властями. Если когда, то в особенности сейчас нужны нам такие патриоты, которые были бы готовы и способны постоять за закон и правду, за блага народа и за восстановление так часто нарушаемого порядка. О, если бы все это делалось у нас с пламенной молитвой горящего к Господу сердца! Тогда мы смело могли бы надеяться, что настоящие дни наших бедствий породили бы новое время расцвета могучих сил, и что семя скорби и слез, коими так обильно орошается сейчас наша страна, принесет в конце концов жатву радости и благосостояния во славу Божию и во спасение наше!

Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю, – так говорит пророк Давид далее в приведенном нами псалме. Таким образом, помощь, которою Он утешает себя, есть помощь Всемогущего и Всесведущего Творца мира. Господь, сотворивший небо и землю, есть не иной Кто, как Всемогущий Бог. Если же Он – Всемогущий, то, вне всякого сомнения, Он

всегда может помочь нам. У Него нет к э тому недостатка в средствах. Не оскудевает в Нем для этого и желание. Если Небесный Помощник наш – Существо всемогущее и всеблагое, то само собою понятно, что Он и может помочь нам и желает сделать это. Но как нужно рассуждать в том случае, когда помощь, о которой молились мы, совсем не явилась, или же, если и явилась, то не тогда, когда мы ее ожидали? В этом случае следует быть уверенным, что помощь в том виде, как мы ее ожидали, не была бы полезна для нас, не послужила бы нам во благо и во спасение, а потому Бог и сделал нечто другое, и во всяком случае для нас лучшее. Здесь оправдываются слова Писания: *Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших* (Ис.55:8–9).

Скрывается здесь и другого рода поучительная мысль: продолжительное, терпеливое ожидание помощи делает нас более крепкими и сильными, усердными и неотступными в своих молитвах; не следует только забывать при этом, что большая нужда делает нас более близкими к Богу. Он не оказывает помощи в каждом случае, при каждой просьбе, зато не отказывает в ней тогда, когда бывает это для нас особенно полезно и нужно. Он не предупреждает с точностью и не определяет времени и часа Своей помощи, и многим приходится испытывать на себе то, что сказал Он Матери Своей Марии, когда Она просила Его помощи на браке в Кане Галилейской по случаю недостатка вина: *еще не пришел час Мой* (Ин.2:4). Часы Бога идут не так, как наши часы: они идут иногда медленнее, а иногда быстрее, но всегда вернее, правильнее, чем наши. Господь часто долго заставляет просить, прежде чем окажет Свою помощь, как это испытали некоторые из тех, которые просили Его об исцелении, когда Он ходил по земле. Для испытания их веры, для просветления их разума и чувства, для окончательного отречения от самонадеянности Он заставлял их иногда долго ждать и много раз взывать к Нему о помощи, делая вид, будто Он хотел идти дальше, пока, наконец, после неоднократно огласившего слух Его вопля:

Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя, остановившись, удовлетворял их просьбу. И тем дороже была в таких случаях Его помощь, и тем большую она возбуждала радость, чем продолжительнее и крепче была о ней молитва.

Итак, не смущайтесь, други, если просимая вами помощь является не так скоро, как бы вам хотелось. Она явится, непременно явится, когда в ней будет нужда. Не ослабевайте только в вашей молитве, смотрите только пристальнее на те горы, откуда наша помощь приходит, – помощь же наша, без сомнения, приходит *от Господа, сотворившего небо и землю.*

То же самое, что сказали мы о времени небесной помощи, должны сказать и об образе или способе ее обнаружения. И он часто бывает не таким, каким мы его себе представляем. Если Небесный Помощник наш есть всемогущий Творец неба и земли, то Он и всеведущ: Он одним взглядом обнимает сотворенное Им, Он один ведает начало и конец происходящего. Все наши дни написаны у Него еще прежде, чем стал существовать день, и всю нашу судьбу Он определил ранее, чем она осуществилась в действительности. Только один Господь знает, насколько то или это для нас хорошо или худо, и в таком отношении должно стоять отдельное к целому, частное к общему, временное к постоянному и вечному. Мы, люди, слишком близоруки, чтобы все это проразуметь и постигнуть, а потому и никогда не должны осуждать или порицать планы и пути нашего Господа. А скорее смиряться пред Его премудростью и благостью и всецело отдавать себя Его водительству в той уверенности, что Его планы и намерения всегда мудры и благожелательны, хотя они часто и не кажутся нам таковыми. Пусть предвечный совет Бога для нас непонятен, но знайте, что он всегда чуден и целесообразен, почему и называется *таинственным и дивным советом.* И напрасно мы думаем иногда, что Господь не услышал нас, что Он не помог нам... Нет, Он всегда слышит нас, всегда помогает нам, только не так, конечно, как мы думали и предполагали.

В таком именно положении мы и находимся в настоящее время. Господь как будто не слышит нашей молитвы, не оказывает нам помощи, о которой мы просим Его, не делает так,

как желали бы мы. Мы молились о мире, а Он послал нам войну, ужасную, кровопролитную войну с вероломным язычником. Мы молимся о скорейшем окончании этой войны, но вот уже второй год, как началось это бедствие, которое и теперь продолжается, и еще неизвестно, когда будет конец ему. Мы молимся о даровании нашему воинству победы, но оно терпит неудачи и поражения. Мы молимся о благочестии, мире, тишине, единомыслии и спокойствии в стране нашей, но Господь попускает развиваться среди нас смуте и размножаться крамольникам, которые не признают ничего святого, оставили веру, отвергли вечность, учат нечестию и безбожию. Они не хотят признавать царя и властей, поселяют недовольство в народе, вооружают рабочий класс на промышленный, бедных науськивают против богатых. Они зверски убивают тех из верных слуг царя и Отечества, которые более других мешают им в достижении их преступных целей. Словом, хотят ниспровергнуть весь существующий государственный строй и порядок, уничтожить самодержавие, водворить безначалие, произвести всеобщее восстание – революцию и, таким образом, лишить нас того мира, тишины и спокойствия, которыми мы наслаждаемся под покровом благочестивого Государя. И кто не знает, сколько беспорядков, забастовок, грабежей, кровавых столкновений и убийств происходит у нас, вследствие этой подпольной деятельности так называемых социалистов и крамольников-анархистов! Никогда, кажется, наша Русь Святая не переживала такой тяжелой и смутной години, как настоящая. – Что же? Не должны ли мы поэтому сказать, что рука Господня слишком коротка стала для того, чтобы помочь нам, и уши Господни стали слишком глухи, чтобы слышать нас? Нет, мы не в праве, не должны и не можем говорить это, но зато с полным основанием можем и должны сказать: *кому открылась мышца Господня (Ис.53:1)* и кто знает, что Он хочет сделать с нами? А что Он хочет сделать с нами нечто особенное и важное – это мы в праве предположить, если взвесим весь ход и характер событий и сообразим, каким образом наша Русь Святая пришла в такое положение. Но если бы Бог захотел подвергнуть нас какому-нибудь особенно суровому суду и испытанию, то в праве

ли мы сказать, что мы этого не заслужили? Нет, не в праве. Ибо сами мы виноваты в том, что наше Отечество лишено мира и спокойствия, сами мы довели его до такого бедственного состояния, в каком оно сейчас находится, сами приготовили благоприятную почву для тех тлетворных веяний, от которых оно сейчас так тяжело страдает. И вот как это случилось.

Мы имели веру цельную и глубокую в божественность христианства и спасительную силу Церкви. – Нам втолковали, что вера наша невежественная, непросвещенная, и мы, как легкомысленные школьники, согласились с этим, забыв при этом, что в основе нашей веры лежали две глубочайшие истины: бесконечное превосходство христианства пред человеческими учениями и превосходство православия пред всеми другими христианскими исповеданиями. И вот ворвались к нам проповедники ложных учений разума и подорвали искренность нашей веры, подорвали сначала у передовых сословий, а эти последние влекут за собою и простой народ.

Мы имели такую систему православного воспитания, которая от колыбели до гроба ведет человека к духовному совершенству одним верным путем страха Божия. Она давала нам чистых и почтительных юношей, кротких и стыдливых девиц, верных супругов, покорных властям граждан, несравненных воинов, праведных мужей подвижников. – Нас успели уверить, что мы отсталые люди, что нам нужно поучиться у западных европейских руководителей в деле воспитания. Согласившись с этим, мы допустили этих педагогов делать над детьми своими опыты приложения разных теорий воспитания. Что же видим мы в итоге такого воспитания? То, что на месте золота христианской нравственности оказалась мишура внешнего образования. Те знания, которые рекомендовались Церковью как полезные, были осмеяны и мало-помалу вытеснены, и вместо любознательности учащихся стали удовлетворять их любопытству, давать чтение легкое и приятное и тем извратили вкус читающих: развели писателей, собирающих уличную грязь и наполняющих свои произведения ложными мыслями, картинками жизни, раздражающими страсти, возбуждающими и развивающими гордость, самолюбие,

притязательность и требовательность. И вот с каждым днем редуют и редуют у нас ряды честных, благочестивых и серьезных людей, но зато увеличивается число выроdkов, космополитов, ненавистников родной земли, сынов противления, для которых ни власть правительственная. Ни власть родительская, ни страх суда Божия – ничто не сохранило своей обязательной силы. Что же удивительного в той грубой разнузданности, какая сказалаcь и небывалой еще ни в одной стране забастовке наших учебных заведений?

Мы имели и добрых доморожденных русских философов, умевших до высокой степени развивать в юношах силу мышления и приводить их умы к Христу в послушание веры, но мы не оценили этих мужей науки и потянулись в другие страны, в Европу, и там стали искать последнего слова философии. И вот явились отсюда у нас целые полчища недоверов, неверов, либералов, декадентов, прогрессистов, пессимистов, материалистов, социалистов, анархистов и нигилистов-крамольников. Их убеждения чрезвычайно различны, но все они сходятся в одном – во вражде и ненависти ко всему национальному, православно-русскому, которая и служит источником настоящего пагубного движения и происходящих отсюда страшных событий.

Ясно поэтому, что Господь не несправедливо подверг нас испытанию. Мы сами создали то ужасное положение, в каком сейчас очутились, а потому нам остается сказать то же, что сказал первосвященник Илий, когда Самуил, по поручению Господа, возвестил ему о несчастьи его семейства: «Он – Господь, да будет Его Святая воля!»

Но если бы Богу угодно было употребить в отношении нас самую крайнюю меру испытания, погрузить нас в самую глубокую бездну скорби, окутать самым непроницаемым мраком ночи, то и тогда мы не должны терять веру в Бога и говорить в отчаянии: Бог оставил нас, Он не хочет помочь нам; напрасно мы молимся, напрасно так часто поем: *С нами Бог!* Это было бы непростительным смертельным грехом отчаяния. Не это нужно нам в настоящем случае, а сугубая вера в Бога, твердая надежда на мощную спасающую руку Того, Кто есть истинный

путь и свет миру. Ведь каждый хорошо знает, что чем глубже бывает тьма, застигшая путника в поле, тем крепче обыкновенного держится он за руку вожака, который хорошо знает дорогу, и тем сильнее опирается на него, чтобы не споткнуться. Так и христианин никогда, и особенно в години бед и несчастий, не должен забывать того, что над ним всегда недремлющее око Творца и Его незримая, но мощная десница...

Хорошо также известно каждому и то, что хотя горы, окружающие город, и бывают иногда покрыты таким густым, непроницаемым туманом, что нельзя бывает их видеть, но и тогда они все-таки остаются на своем месте и не перестают служить для него защитой от ветров. Так и Бог служит защитой и убежищем для верующего при всяких условиях жизни, не исключая и самых тревожных и тяжких. Смотри только, россиянин, чаще и пристальнее на Творца, не ослабевай только в надежде на Него, и Он утешит и успокоит твое сердце. Он – твоя помощь и защита, покров и заступничество.

Это еще яснее и убедительнее будет для нас, если мы рассмотрим то утешительное обещание, которым заканчиваются положенные в основание нашей беседы слова Псалмопевца: *не даст Он, уверенно гласит Псалмопевец, поколебаться ноге твоей, не воздремлет хранящий тебя; не дремлет и не спит хранящий Израиля (Пс.120:3–4)*. От обращения своего в первом лице, от своего «я» (возвожу очи мои... Помощь моя приходит от Господа) Давид вдруг переходит ко второму лицу: не даст Он поколебаться ноге *твоей*. Это не случайно, а потому, что он хочет уверить в Божием о нас попечении не одного только себя, но и всех, кто ищет Господа и возлагает на Него упование. О, как дорого и утешительно это слово, что Господь *не даст поколебаться ноге нашей!* Между многими опасностями, от которых Он должен охранять нас, есть одна, наиболее тревожная – именно та, которая в таких неровных и гористых странах, как Палестина, была особенно страшна и предохранение от которой имело поэтому особливую важность. Здесь, в Палестине, почти на каждом шагу человеку нужен путеводитель, который поддерживает его, когда он споткнется, выпрямляет, когда пошатнется и накренится, защищает, когда

угрожает ему опасность от нападения врагов. Так же, по слову Божию, совершается и стропотный¹⁰⁵ путь нашей жизни. Опасен он, если нет у нас верного путеводителя – Господа Бога, чтобы Он, по глаголу пророка, *Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранить тя во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою* (Пс.90:11–12). Не нужно же забывать того, что как бы несчастливы ни были мы, в каких обстоятельствах ни находились бы, каких бы невзгод ни переносили, мы никогда не бываем одиноки – с нами Господь, нам сопутствует Его Ангел, помогающий ногам нашим делать твердые шаги, а не колебаться, как бывает с хромыми. Этим препобеждаются все опасности и трудности. Когда Сам Бог с нами и за нас, то кто и что против нас? В этом случае, если бы тысячи пали по одну сторону, а десятки тысяч по другую, то и тогда ни один удар не попадет в нас и никакая рана не коснется нашего тела.

При этом каждому, разумеется, должно быть понятно, что слова: *да не когда преткнеши о камень ногу твою*, относятся к предохранению не от внешнего только зла и телесных несчастий, но и от зла внутреннего, от нравственных искушений и грехопадений. Как легко и здесь может поскользнуться нога человеческая и как важно и здесь полагаться на Господа! *Едва не пошатнулись ноги мои*, говорит Асаф в 72-м псалме, *едва не поскользнулись стопы мои, – я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых ... доколе не вошел я во святилище Божие и не уразумел конца их* (Пс.72:2–3,17). Здесь говорится об опасности оставления пути Господня, о потере страха Божия и надежды на Бога при виде временного счастья нечестивых. Подобная опасность уклонения от истинного пути очень часто встречается в нашем земном странствовании, и если бы Господь не сохранял и не направлял нас на истинный путь, то мы низринулись бы в пропасть и погибли бы в ней. Но особенно велика бывает опасность преткнуться нравственно и уклониться от истинного пути в дни бедствий и тяжелых испытаний во внешней жизни. Вот и сейчас, когда проповедники неверия и враги наши, пользуясь нашею внутренней смутою и неудачами на войне, начинают посмеиваться над нашей якобы

напрасной молитвой, говоря: нет вам спасения в Боге вашем, и плохо помогают вам ваши святые угодники и чудотворные иконы, – вот и сейчас, говорим, кто поручится за то, что эти безбожные речи не окажут на иного печального воздействия и не потрясут его веры и надежды на Бога? Как необходима, значит, для нас теперь забота об усугублении веры и надежды на Бога, дабы не усомниться в Его помощи и не отпасть от Него! В тяжелых посещениях Бога всегда есть нечто искусительное, а потому в этих случаях необходимо с большей бдительностью и с большей смиренной покорностью воле Божией стоять на страже и с большим усердием и сугубой верой молиться: «Господи, не введи нас во искушение! Господи, не отходи от нас, но охраняй и поддерживай нас, чтобы не поскользнулась нога наша»! И только один Господь может сохранить нас в такое время, когда путь нашей жизни бывает особенно стропотным и скорбным. Какое богатое утешение для истинно верующего заключается в том обещании, что Господь не допустит поколебаться ноге его, что Он предохранит его от всякого неверного шага и даст силу и мужество для сопротивления всем соблазнам и искушениям тела и души! Крепче же держитесь, братия, за руку Его, и Он безопасно и безвредно проведет вас чрез все неровности вашего пути и чрез все ужасы постигших вас бедствий

Но этим Псалмопевец не ограничивается в своем ободряющем и утешительном вразумлении, – он идет еще дальше: Тот Страж, говорит он, Который охраняет тебя, не спит и не дремлет: *не дремлет и не спит хранящий Израиля* (Пс.120:4). Этими словами Бог Израиля, то есть истинный Бог, самым решительным образом противопоставляется богам языческим, которые, *имея очи видети, ничего не видели, имея уши слышати, ничего не слышали*. Между тем как очи языческих богов были всегда как бы дремлющими и спящими, Израиль радуется своему Богу как истинному Стражу, Который не спит и не дремлет, но постоянно внимает ему. Это ясно видим мы из истории пламенного и ревностного служителя Божия пророка Илии. Когда он собрал на горе Кармиле, пред лицом всего народа, хвалившихся своим богом жрецов Ваала, то предложил им положить на дрова тельца и, не подкладывая

огня, низвести его с неба именем своего бога. Жрецы согласились и начали молиться, говоря: *Ваале, услышь нас!* Долго, с утра и до полудня, зывали они к нему, но на эту молитву их не было ответа. Тогда Илия засмеялся и сказал: *кричите громким голосом, ибо он бог; может быть, он задумался, или занят чем-либо, или в дороге, а может быть, и спит, так он проснется!* (3Цар.18:26–27). Жрецы сделали и это: стали кричать, что было у них силы, но все напрасно. Тогда Илия сказал всему народу: *подойдите ко мне* (3Цар.18:30), и начал молиться своему истинному Богу именем Авраама, Исаака и Иакова. При этой молитве на приготовленную жертву сошел с неба пламень, попавший на жертву. *Увидев это, весь народ пал на лице свое и сказал: Господь есть Бог, Господь есть Бог!* (3Цар.18:39). Так на глазах всего народа над бездушными идолами восторжествовал Страж Израиля, Который никогда не спит и не дремлет. Так навсегда познал Израиль своего Бога, как вездесущего, всеведущего и всемогущего Бога, очи Которого всегда взирают на народ Свой и Который видит нужды чад Своих еще прежде, чем они начинают заявлять о них, и знает их желания еще прежде, чем они начинают молиться Ему об их исполнении. К этому, никогда не усыпающему верному Стражу своему Израиль мог зывать и днем и ночью. По крайней мере, о благочестивом Псалмопевце читаем мы, что душа его уповала на Господа от стражи утренней и до ночи (Пс.129:6).

О, как утешительно, братия, что и мы, христиане, знаем и веруем в Того Стража, хранящего Израиля, Который не спит и не дремлет, и как отрадно, что очи его еще и теперь, и для людей новозаветных, так же открыты, как они были открыты и для людей ветхозаветных! Не закрыты они и сейчас, в настоящем тревожном положении нашего дорогого Отечества! И жутко было бы нам, очень жутко, если бы мы, заменив веру в Промысел доверием к человеческой мудрости, стали бы думать, что и мы, и судьба нашей родины зависят от неизвестных условий и от чисто случайного хода событий и обстоятельств. Но мы знаем, что все будущее наше в руках Всевидящего и любящего Бога, что для Него всякая тьма нашей жизни ясна, как

солнечный свет. Он знает и великое и малое, и близкое и дальнее, и радости богачей и слезы бедняков. С неизменной любовью выполняет Он тот план, который придумала Его мудрость. Какая это надежная порука! Что может быть тверже ее? Если жизнь земных царей может прерываться наравне с жизнью последнего из подлинных, то Небесный Царь Самодержец не знает смерти. Если ум народоправителей может отдавать дань ошибкам, а сердце слабостям, то всеведущий ум Небесного Мироправителя никогда не заблуждается. Десница Божия всегда бесстрастна. Только бы каждый из нас благочестно делал свое дело и своими добрыми делами заслуживал бы милость неба, а Господь не забудет нас. *Не дремлет и не спит, хранящий Израиля!*

Итак, возведем очи наши к Богу и из глубины сердец наших воззовем к Нему: *Господи, Боже наш! Тебе вручаем мы в сию тяжкую годину судьбы наши и на Тебя возлагаем нашу надежду! Призри на нас с небесной высоты Своей! Прости нам Твою мощную, благодетельную руку и изведи нас из глубины постигшего нас бедствия, дабы мы непрестанно прославляли Твое Всесвятое Имя!*

Не будь побежден злом, но побеждай зло добром (Рим.12:21)

Господи Иисусе Христе, Царю мира, правды и любви! Как стыдно, как невыразимо стыдно становится нам, когда мы углубляемся в Твое слово или поднимаем к Тебе взор свой. Уже более девятнадцати веков прошло с тех пор, как начал Ты действовать Твоей любовью и Твоим словом между народами, но и доселе нет между ними ни мира, ни любви, и доселе сталкиваются в борьбе между собою не только язычники, но и народы, которые называются Твоим именем и которых возродил Ты к новой, божественной и братской жизни. Это – Твои ученики, Твои заблудившиеся ученики. Они употребляют свой ум и свое искусство на то, чтобы изобретать все более и более сильные средства и более острое оружие для взаимного истребления. Господи! Не отврати лица Твоего от нас ради этого тяжкого прегрешения; заставь этих людей как должно восчувствовать, куда они пришли. Укроти войну, а если по грехам нашим она не может быть прекращена окончательно, то, по крайней мере, смягчи ее силой Своего Евангелия. О Господи, сжался над Своим бедным христианством. Озари лучами Своей благодати эту мрачную ночь народной жизни и употреби постигшее нас бедствие как врачевание для грехов наших, дабы из семени крови и слез возросла для нас обильная жатва благословения. Аминь.

Возлюбленные о Господе слушатели! Евангелие заключает двоякий мир в себе: мир с Богом и мир с человеком. *Слава в вышних Богу, и на земле мир* – так воспевали Ангелы в ночь Рождества Христова (Лк.2:14). *Мир вам!* – так приветствовал Христос учеников в день Пасхи (Ин.20:19). Сам Иисус Христос и есть этот мир. Скорее в природе может сойтись вместе вода и огонь, день и ночь, чем Бог и грешник. Во всей вселенной нет ничего более враждебного, ничего столь далеко друг от друга отстоящего, как грешник и Бог. Грех есть вражда против Бога. Но Бог, по беспредельному Своему милосердию, устроил для

грешника небесную лестницу. Эта небесная лестница есть Христос, Искупитель мира. Вверху стоит Бог, а внизу грешник. А между ними – благодать; эта благодать есть Христос. К Нему поэтому и обращаемся мы с молитвой: *Боже, милостив буди мне грешнику!* Таким и только таким образом, то есть чрез посредство Иисуса Христа, могут сходиться Бог и грешник. Это тот мир, который, по выражению Священного Писания, превышает всякого ума (Флп.4:7).

Те, которые по милости Божией возрождены к новой, святой, неувядаемой жизни и сделались братьями в высшем смысле этого слова, должны всегда иметь мир между собою. Истинные чада мира не могут враждовать и ссориться – это противно их внутренней природе. Но так как и в каждом христианине остается еще корень ветхого, грешного человека, то и Господь, и Его святые апостолы настойчиво убеждают не нарушать этого мира. *Мир имейте между собою (Мк.9:50).* Со всяким смирением и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, старайтесь сохранять единство духа в союзе мира. Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас (Еф.4:2–6). Но, несмотря на это увещание, в мире иногда бывает так, что и самый кроткий и самый верный христианин не может устоять в мире. Всякая вражда или ссора предполагает две стороны. Если одна сторона непременно хочет вести борьбу и нападает на другую с нарушением ее права, другая вынуждена бывает, как делали и Сам Господь и апостолы, защищать это свое право. И апостол Павел в своем убеждении к соблюдению мира должен был оставить пробел, поставить его под условие. Он говорит: *Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми (Рим.12:18).* Отсюда вы можете видеть, что и верный христианин невольно может быть вовлечен своим противником в распрю, равно как и самый благочестивый и миролюбивый царь – в жестокую и страшную войну. О, друзья мои, если и каждый спор, и каждый судебный процесс имеет уже свою великую опасность, если и во время

частной тяжбы пробуждаются дремлющие и развязываются связанные силы тьмы, то не тем ли более это может быть в международной войне? Вот почему слово Божие и говорит: *бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мф.26:41); *не будь побежден злом, но побеждай зло добром* (Рим.12:21).

Чтобы уметь твердо стоять во время войны на христианской точке зрения, начертаем себе образ христианина во время войны.

Прежде всего нужно знать, откуда происходит война. Приведенный нами текст говорит: *Не будь побежден злом, но побеждай зло добром*. Что война и по своему существу, и по своим последствиям в большинстве случаев представляет зло, это не может подлежать никакому сомнению. Чтобы иметь правильное понятие о каком бы то ни было событии, мы обыкновенно рассматриваем его в его корне и в его происхождении. Какого же происхождения война? По своему происхождению война есть следствие греха, отпадение от живого Бога. Где начинается война, там, по крайней мере, один из соперников, ведущих эту войну, непременно отступил от Бога и сам хочет быть Богом. Но раз разбита одна скрижаль Моисеева и нарушена одна заповедь: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим* (Мф.22:37), то само собою нарушается и вторая: *возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф.22:39). Кто уже не боится, не любит и не почитает Отца, кто уже не ходит пред лицом Его, в том умирает и любовь к братьям. Когда Адам в чувстве первой гордости нарушил мир с Богом, тогда Каин нарушил мир со своим братом Авелем и убил его.

Но заглянем далее в человеческое сердце! Отцом войны всегда бывает ветхий, естественный, греховный человек, а матерей она может иметь многих, но все они принадлежат к одной семье, называемой семьей страстей. Последние носят различные имена: гордости, себялюбия, властолюбия и жадности. Когда на одной стороне эти грехи, усиливаясь, достигают крайнего предела, тогда на другой и самый миролюбивый царь невольно может быть вызванным к войне.

Ему необходимо бывает в этом случае взяться за меч в защиту законных прав своих и своих подданных. Такой царь, как и каждый искренний христианин, смотрит на войну как на неизбежное зло. Чем-нибудь лучшим она не бывает никогда. Она относится к разряду тяжёлых процессов, но из всех этих процессов она – самый страшный и жестокий процесс, так как в нем доказывается и отстаивается право не мыслями, не доводами и словами, а мечом и копьями, порохом и свинцом. Впрочем, мы знаем, что приговор этого страшного, так сказать, судебного учреждения, не всегда благоприятствует тем, коих мы считаем более правыми. Глаз Божий видит дальше, чем наш. Победителем не всегда бывает более правый. Когда согрешили два народа, Господь берет бич для наказания менее виновного и оказывает свою помощь более виновному, давая ему взять вверх над противником. Но очень скоро затем он находит другой бич, чтобы нанести удар гордому победителю, который не хочет признать себя орудием в руках Божиих, но себе самому воздает честь. Припомните Наполеона. Он со своими французами не был лучше тех князей и народов, с которыми вел войну, и, однако, последние терпели поражение за поражением. Бог наказал эти народы за их отпадение от Него, за их холодное самолюбие, за их неверность и немирлолюбие между собою. Но когда это было сделано и когда покоренные народы раскаялись и обратились к Богу, тогда в нашей России нашел Он бич для поражения и вразумления гордого тирана. Отсюда узнаем мы, как Всесильный и Всемогущий Бог относится к войне. Он есть Бог мира. Если бы народы поступали по Его слову и во всем исполняли Его волю, если бы они слушались Его и повиновались Ему, как дети повинуются своему любимому отцу, то мир ничего не знал бы о войне, тогда его история была чистою тканью Божией благодати и истины. Она состояла бы из одних белых ниток. Но грешный человек, который хочет сам быть для себя Богом, вплетает в эту белую ткань черные нитки своего себялюбия и своеволия, к которым относится и война. Бог попускает это, потому что Он создал нас свободными. Но, попуская эту войну, Он употребляет ее в Своей премудрости как средство к устройению Своего Царства.

Она служит для Него бичом для суда и наказания. Но так как и в каждом наказании бьется Его отеческое любящее сердце, то она является для Него могущественным вспомогательным средством к вразумлению и пробуждению народов. В войне мы приходим к познанию своих грехов. В войне многие учатся снова верить в Бога, молиться Ему и искать Его защиты. Как при землетрясении часто открываются скрытые источники, так и во время войны пробуждает Бог часто дремлющие благородные силы верности и самоотверждения. В войне многие выходят из того прежнего холодного самолюбия, которое думало только о себе. Отечество с его законами, с его строем, с его благами и дарами, которыми некоторые не были довольны, во время войны приобретает новую ценность. Общая нужда и разного рода бедствия открывают сердца и тех, которые прежде служили только мамоне как своему идолу. Скажем еще более: многое из прежней партийности во время войны теряет свою остроту, и между многими взаимная вражда и охлаждение совершенно исчезают в этой общей нужде и единоклюнной и дружной борьбе против нее. Но, несмотря на все это, ни один человек, ни один нарушитель мира не в праве признать войну за нечто хорошее. Как порождение греха, война все-таки остается в существе своем злом. Мы увидим это еще яснее, если мы как должно уясним себе ее опасности.

Все вы знаете давнюю поговорку: скажи мне, с кем ты знаком, тогда я скажу тебе, кто ты. Это приложимо и к войне. В последствиях ее мы всюду видим смерть, голод, болезнь. В Священном Писании война, дороговизна, голод, эпидемия (мор) и смерть постоянно идут между собою рука об руку как союзники. В шестой главе Откровения Иоанна за рыжим конем, имеющим своей задачей взять мир с земли, чтобы люди убивали друг друга, следует вороной – вестник голода и дороговизны на хлеб, и, наконец, бледный, имя которому смерть и которому дано умерщвлять и мором и зверями земными (Откр.6:4–8).

Правда, христианство в позднейшие войны заметно проявило свою благотворную силу для облегчения их тягот и бедствий. Я разумею лучший уход за ранеными и увечными как

в телесном, так и в духовном отношении. Разумею то, что теперь почти каждый народ печется не только о своих раненых, но вместе и о раненых и искалеченных вражеского лагеря. Я разумею Женевскую конвенцию. Почти все народы Европы согласились в том, чтобы все, что стоит на поле брани под красным крестом, было признаваемо нейтральным. Ни один перевязочный пункт не должен быть обстреливаем. Каждый лазарет и каждый дом, в котором помещены раненые, находится под защитой и покровительством правительства обеих воюющих стран. Железнодорожные поезда и вагоны, которые везут раненных, не должны терпеть никакого нападения со стороны врагов. Доктора, братья и сестры милосердия – суть нейтральные люди, которые и в том случае, если бы лазарет попал в руки врага, продолжают свою работу беспрепятственно. Много и других отрадных явлений встречается нам на поле настоящих войн. В книге Второзакония (Втор.20:19) мы видим запрещение срубить в осажденных городах фруктовые деревья. Только те деревья могут быть срублены и уничтожены по этому закону, которые не приносят никаких плодов. Так и в последние войны воинам дозволяется в иных местах употреблять для разного рода надобностей только бесплодные деревья, но запрещается прикасаться к фруктовым деревьям.

Но всё же, любезные слушатели, несмотря на все эти сделанные христианством успехи, опасности и бедствия войны еще слишком велики. Фруктовые деревья остаются целы, но живые деревья, над воспитанием которых чадолюбивые родители трудились двадцать, тридцать и более лет, надеясь под тенью их укрыться от зноя своей старости, падают тысячами. Впрочем, в мои планы не входит описывать вам те страдания, те стоны и рыдания, которые раздаются на поле битвы: об этом вы много уже слышали и читали. Только один момент не могу я не привести на память из жизни некогда осажденного и завоеванного города. Когда в 146 году до Рождества Христова римский полководец Мумий завоевал город Коринф и его войско работало над разрушением славного города, встретил этот полководец группу детей, которые шли из школы с исписанными тетрадками. Полководец спросил, что

записано у них в тетрадках из того, что продиктовал им учитель? Тогда один мальчик прочитал: «Как счастливы все те поколения, которые умерли прежде, чем это бедствие постигло наш злополучный город!» А сколько окажется за настоящую общеевропейскую войну таких городов, жители которых будут думать и говорить подобное!

Но довольно о внешних опасностях – взглянем на внутренние опасности, на опасности для наших душ. Всякая война, особенно же всякая жизнь в лагерях, на бивуаке и на земле врагов, ведет к некоторому одичанию и грубости. Нужно обладать слишком высокими качествами, чтобы остаться недоступным для этого нравственного вреда. Там не слышно никакого звона церковных колоколов, зовущего к богослужению – скучная обстановка полевого богослужения не может заменить храма Божия. Там нет правильно совершаемой домашней молитвы. Там негде собраться для слушания слова Божия. Там нет ни жен, ни матерей, ни сестер, которым Бог дал чудную способность предотвращать все нечистое и грубое. Так как всякая война есть великое неизбежное зло, то к нему присоединяются и разного рода меньшие, но родственные виды зла. Часто воин оказывается в таком положении, которое побуждает его для своей личной надобности присваивать и чужое имущество, – это бывает при отсутствии помощи со стороны родных. При таких обстоятельствах границы между «моим» и «твоим» теряют во многих сердцах свое значение. И из продолжительной войны, от которой да сохранит нас Господь, иной солдатик, в других случаях честный и трезвый, возвращается нравственно испорченным и пьяницей. О, даруй, Господи, чтобы никто из наших воинов не подвергся такому несчастью. К этому приносимому войной злу принадлежат еще и та гордость и превозношение себя, которое появляется у победителя, – да сохранит Господь народ наш от этого. Если Богу угодно будет даровать нам победу, то да взывает Он тогда в чувстве смирения: *Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу* (Пс.113:9). Далее, сюда же относится и то уныние и отчаяние, которое появляется иногда у побежденных. Кто не знает никакого блага, кроме честолубия и славы, кто ничего не

знает об Имени, написанном на небесах, кто не знает и не любит никакого другого Отечества, кроме отечества земного, тот после великого поражения легко может наложить руки на себя самого или же начать войну всякими непозволительными средствами, соединенными с жестокими мучениями. Но веруем, Господи, что Ты не доведешь нас до такого искушения!

Однако возвратимся с поля битвы к себе самим! И мы окружены разного рода опасностями. Все мы знаем, что настоящая великая война вызвана несправедливостью гордого и жадного врага. И в нем имеют, в конце концов, свой источник все те слезы, которые льются сейчас из тысячи и миллионов глаз. Это, естественно, может вызывать у нас чувство ненависти, злобы, негодования и проклятий. Но следует ли попираť ногами того, кого уже Сам Бог осудил? Нет, мы не должны и в этом случае забывать слова Господа: *любите врагов ваших... благотворите ненавидящим вас (Мф.5:44)*, молитесь и за тех, которые обижают и преследуют вас. Да, молитесь и за них! Какая это была бы радость, если бы Господь победил и эти холодные, в бездну самолюбия и гордости погруженные сердца, на которых так много лежит вины греха и крови, если бы и они, наконец, взыскали Его и в чувстве веры и покаяния обратились к Нему.

Наконец, укажем еще на одну опасность. Вы из собственного опыта знаете то беспокойство и нервное напряжение, какое приносят такие времена. С нетерпением ждут новых известий с поля битвы. Хватаются за каждый листок. Перечитывают одно и то же в разных газетах три, четыре и более раз. Только и разговора, что об этих известиях. Но мы знаем, как много заключается в этом возбуждении уныния и отчаяния. Все находятся между страхом и надеждой, в состоянии крайнего напряжения, беспокойства и нетерпеливого ожидания развязки. Охота к постоянной, непрерывной работе пропадает. Кто из нас в минувшие дни и недели мог взяться за серьезную работу с прежней энергией и любовью? Кому не навязывались против его воли мысли о войне и не отвлекали его от обычных занятий? Таким образом, война есть в самом широком смысле нарушитель внутреннего мира и спокойствия,

а также и правильной семейной жизни. И здесь вполне приложим призыв Апостола: *Не будь побежден злом, но побеждай зло добром* (Рим.12:21). И если мы хотим против всех этих опасностей вести правильную, христианскую борьбу, то необходимо должны вооружиться против них и надлежащими средствами.

Добром должны мы побеждать зло. *Никто не благ, как только один Бог* (Мф.19:17), и все, что есть где-либо благого, доброго, происходит от Него, – у Него только, следовательно, и можем мы искать наиболее действенные средства против войны и ее опасностей.

Тот народ, который стоит в связи с этим Богом мира, никогда не должен начинать и подавать повода к войне. Он может только принимать ее, если вынуждает его к тому враг его. Все мы поэтому радуемся тому обстоятельству, что настоящая война наша начата не нами. Миротворительный Государь наш своей уступчивостью старался, насколько возможно, избежать ее. «Дорожа кровью и достоянием наших подданных, – говорит он в своем манифесте по случаю войны, – Мы прилагаем все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров, но союзная Австрии Германия, вопреки нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению Нашему, что принятые меры (мобилизация в смысле предосторожности) отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну». Если же, таким образом, эта война навязана нашему народу, то он не должен входить в такое великое и опасное дело, как говорят, с неумытыми руками. Он должен отнестись к нему по-христиански, с надлежащим приготовлением. Дни поста и покаяния пред войной так же необходимы, как последняя исповедь и причастие пред смертной борьбой. Если в это время обыкновенно приводят в порядок и чистят всё оружие, то тем более нужно нам очистить сердца наши. Если отряды войска ставят под управлением начальников и полководцев, то они еще крепче должны поставить себя под знамя небесного Вождя и Победителя. Затем и войско, и весь народ необходимо должны

иметь позади себя такую недоступную и несокрушимую крепость, из которой не может выгнать никакой враг. Такой твердыней служит для нас Бог, Который один только может защитить и избавить нас от постигшего бедствия. В этой святой крепости и должны пребывать мы в настоящие дни испытаний. В нее должны мы ежедневно устремляться с молитвой и словом Божиим в руках. Если молитва и углубление в слово Божие, в размышление о всемогуществе и благодати Божией нужны и во всякое время, то в особенности в такие тревожные дни, как наши. Кто не знает этой крепости, тот обрекает себя на неизбежную тревогу, безграничную заботу и печаль. Итак, ищете, русский народ, успокоения в этой священной скинии!

Но если мы при всех своих укреплениях нуждаемся в этой духовной твердыне, то позади нашего войска должно стоять другое войско – разумею войско молящееся. Эта молящаяся рать должна быть несравненно больше по своему количеству, чем сражающаяся на поле брани. К ней должны принадлежать кроме наших воинов и все мы. Сюда может и должен войти каждый, и старый и малый, и юноши и дети, и мужчины и женщины, и таким образом помогать нашим братьям на войне преодолевать зло. Когда Иисус Навин вел войну против амаликитян, тогда за его войском стоял Моисей и молился. И много может молитва праведника, если она искренняя и проникнута верою. Из такого расположения сердца, из такой надежды на Бога и преданности Царю Небесному вырастает истинный дух мужества и истинная верность Царю и Отечеству земному. Правда, иной может храбро сражаться из одной только славы и почестей и из одной естественной любви к своему Отечеству. Но таковой похож бывает на дерево, стоящее на открытой и сухой вершине. Если нет дождя, если война сопровождается неудачами и идет не по его желанию, если долго длятся нужда и лишения, тогда очень скоро изменяет ему мужество. Напротив, благочестивый воин подобен дереву, посаженному при исходящей воде. Как бы ни была продолжительна засуха, как бы ни были велики недостатки и лишения и неудачи войны, он никогда не теряет терпения,

мужества, но все более и более черпает его из неисчерпаемой глубины лежащего близ него источника.

Но из этой духовной твердыни, из такой детской веры истекает не одно только мужество, но и готовая на всякую помощь любовь. Эта любовь вызывает в нас искреннюю заботу о женах и детях тех, которые на войне. Заботы о вдовах и сиротах, оставшихся от убитых на войне, не должны служить для нас бременем и по заключении мира. Они должны всегда оставаться искреннею данью за эту великую жертву, которую павшие воины принесли за всех нас на алтарь Отечества. Те же, которые возвращаются с войны ранеными и увечными калеками, должны почувствовать, что для них настало новое и сравнительно с прежним лучшее время. В молодости мне пришлось однажды слышать от ушедших на войну солдат песню такого содержания, что они теперь идут на борьбу за Отечество, а после в награду за это, может быть, будут, как калеки, просить у дверей милостыню на пропитание. Так в то время действительно и бывало. Собственными глазами я не раз видел, как эти увечные слуги Отечества с деревянными ногами стучали в окно отцовского дома, прося милостыню. А иногда можно было таковых видеть здесь и там сидящими на улице с протянутыми руками. Теперь, слава Богу, этого уже нет и, наверное, никогда не повторится.

От наших раненых и увечных перейдем теперь к пленным врагам. Это та область, где ярко выступает пред нами заповедь о любви к врагам, – область, где христианство одержало уже славную победу над «ветхим» человеком. Ранее жребий пленных был самый плачевный и бедственный. На их долю выпадало быть в постоянном угнетении и рабстве. Особенно тяжела была участь пленных германцев, с которыми мы сейчас ведем войну. Это подтверждает самое слово их «склаве» (раб). Многие пленные, которыми у немцев большей частью бывали славяне, были у них, как крепостные, предметом торга и продажи, и так как большая часть их крепостных рабов состояла из пленных славян, то это название получили у них и все крепостные рабы. Таким образом, из слова «славе» – славянин, вышло у них «склаве» – раб.

Уже в Ветхом Завете мы усматриваем зарю лучшего обращения с пленными. В дни пророка Исаии Факей. сын Ремалиин, царь Израильский, разбил царя Иудейского Ахаза (2Пар.28:6–15). Совершив эту победу, войска Факея взяли у иудеев в плен двести тысяч жен и дочерей, и отправили их в Самарию. Когда они подошли к воротам города, вышел к ним навстречу пророк Одед и сказал: *вот Господь Бог отцов ваших, во гневе на Иудеев, предал их в руку вашу, и вы избili их с такою яростью, которая достигла до небес. И теперь вы думаете поработить сынов Иуды и Иерусалима в рабы и рабыни себе. А разве на самих вас нет вины пред Господом Богом вашим? И так послушайте меня, и возвратите пленных, которых вы захватили из братьев ваших, ибо пламень гнева Господня на вас.* Когда воины услышали эти слова пророка, тогда они оставили пленных у начальников и всего собрания. А эти последние взяли их и всех нагих из них одели и обули, и накормили их, и напоили их, и помазали их елеем, и посадили на ослов всех слабых из них, и отправили их в Иерихон, город пальм, к братьям их. Да, поистине в город пальм, ибо весь этот образ действий благоухает, как прекрасная пальма победы на лугу древнего времени.

Будем поступать так же и мы со своими врагами, и это даст нам над ними такую победу, которая сильнее преодолее зло, чем победа с оружием в руках. И при всем этом наши христианские взоры и наша молитва направляются к миру, и мы горячо молимся, да не укусит Господь положить конец настоящей страшной войне. Но, как христиане, не можем отказаться от надежды и на тот великий и всеобщий мир, который наступит в то время, когда не будет воевать ни один народ, когда люди, по слову Божию, *перекуют мечи свои на орала, и копыа свои – на серпы (Ис.2:4)*. Неложно слово Божие, и тот пасхальный привет Спасителя: *Мир вам!* – не должен остаться напрасным. Он, как всякая божественная сила, постепенно будет проникать во все народы. Тот Божественный Герой, Который не чужой, но Своей собственной кровью одержал победу над грехом и всеми силами ада, не оставит

поля сражения, но более и более будет побеждать зло и в наших сердцах, и в сердцах всех народов.

Слово пред молебном о даровании победы русскому воинству¹⁰⁷

Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа!

К вам, дорогие чада Святой Церкви Христовой Православной, мое слово любви, вразумления и утешения.

Тяжкую годину грозных испытаний переживаем мы. Господь судил нам претерпеть величайшее бедствие от страшной войны, поднятой на Святую Землю Русскую странами немецкими. По зову Божьего Помазанника, Государя нашего императора Николая Александровича, все мы, как один человек, уже восстали на защиту своей Веры, своего Царя и Отечества, на защиту заветных святынь дорогой нам Русской Земли. Вся Русь превратилась в христолубивое воинство, и каждый насельник Русской Земли уже несет свою лепту на алтарь Отечества. Бог в помощь вам, сыны Русской Земли, и тебе, Святая Русь!

Но тяжко испытание: мощен, безжалостен и коварен враг. Много горя он причинил Русской Земле и ее верным сынам. Тяжкими скорбями он будет обуревать наши сердца, горячими слезами нашими будет орошать землю нашу, драгоценной кровью насельников Русской Земли будет поить ее и земли дальние. Он будет стараться породить в наших сердцах безмерную печаль и от печали уныние и отчаяние, и в них будет искать себе лучших союзников для борьбы с нами и для одоления Русской Земли. Вот почему, дорогие чада, и надлежит нам прежде и главнее всего обратить свое внимание на наши сердца.

Каковы будут наши сердца в эту тяжкую годину постигших нас испытаний, таковы будут и плоды нашей великой брани с врагами Святой Руси.

С нами Бог! – Таков был молитвенный клич Святой Руси в години страшных военных браней ее со своими врагами. Этим кличем, она преисполняла и воспламеняла сердца своих верных сынов, и, окрыленные им, русские воины творили чудеса храбрости на бранном поле. И крепостные стены, и

железная броня, и тьма-тьмою вражеских полчищ – все ниспровергалось пращою веры русского воинства и несущимся из глубины сердца его кличем: *С нами Бог!* Да иначе и быть не может, ибо, где Бог – там и сила Божия, а где сила Божия – там и победа. Воспламенем же сердца наши этим победным кличем, и сила мечей наших усемерится, и наша броня военная не сокрушится, и все наше воинство, точно на крыльях, победно пронесется над вражеским станом, и пред трубным гласом нашей веры в силу Божию падет враг, как пали некогда степы Иерихонские. *Буди, Господи, буди!*

С нами Божией Матери Покров! – Вот чем всегда была сильна Святая Русь! Вот Чьим покровом она спасала себя от грозных вражеских полчищ. Вот Чей покров всегда любовно и победно реял над русскою христолюбивою ратью! Вот Чьим покровом обвивала себя Святая Русь в страшную годину испытаний! И, точно столпы облачный и огненный, Покров Божией Матери был спасительным и путеводным светом для русских воинов, и слепил мраком очи вражеских сил и ниспровергал их твердыню и гордыню. Оттого-то во все времена тяжких браней Руси с врагами христолюбивое русское воинство и вся Святая Русь осеняли себя коленопреклоненной молитвою пред святыми чудотворными иконами Божией Матери. Оттого-то и вся Русь смиренно считала себя Домом Пресвятой Богородицы. Возопиим же и мы едиными устами: *Заступница Усердная, Мати Господа Вышняго! Под Твой святящийся омофор с верою и умилением прибегаем. Покрый нас честным Твоим Покровом и избави нас от лютого врага, даруя нам силу и одоление.*

С нами, дорогие чада, и Силы Воинств небесных, с нами и святые Православной Церкви Христовой Вселенской, с нами и угодники Божии родной нам Русской Земли, с нами и новоявленный угодник Божий, святитель Питирим Тамбовский!

Помыслим только, сколь великое множество поборников за Святую Землю Русскую мы имеем вокруг себя и над собою, – раскроем только пред ними свои сердца и сотворим с ними духовную вечерю, преклоним только пред ними свои колена в молитвенном умилении сердец наших. И не станет у нас

безмерной печали, ни уныния или отчаяния, но заблистаем мы огнем мужества и терпения и пойдем дивным путем к победе, к вящей красе и славе.

А возгрев свои сердца молитвою и облекшись в мужество и терпение, пусть одни из нас идут на бранное поле с кличем: «Мы – пшеница Божия, пусть измелют нас зубы зверей и леопардов, мы все равно останемся хлебом Божиим; пусть не оставят от нашего тела ничего, но мы не преклоним колен пред немецким Ваалом, не погубим души своей, но до последнего вздоха постоим за Дом Пресвятой Богородицы, за Святую Русь!»

А кому не суждено с оружием в руках совершать великое дело брани с врагами, те пусть совокупными силами врачуют раны русских воинов, благостынею пусть утирают слезы воинских семей. Пусть каждый сотворит дело врачевства и благостыни так, чтобы его совесть не сказала ему: раб ленивый и бессердечный, вот ты спал и в жестокосердии утучнял себя разным питием и яствами, в то время как твои братья проливали кровь свою за тебя, за твою же Родину, в то время как сиротствующие дряхлые старики и старухи, жены и дети лили реки слез от непосильной скорби за своих кормильцев, от тяжкого бремени голода, жажды и холода! Но пусть каждый из нас с дерзновением скажет: Господи, в эту тяжкую годину испытаний я делаю все, что могу к тому, чтобы не осталось на Святой Руси ни одного воина без врачевания, ни одной семьи воинской без утехи речью ласковой и благостыней.

Вот, дорогие чада, великий долг, завещанный от Бога нам грешным в эту годину тяжких испытаний. Воздержимся же от скорби своей и братскою сплоченною семьей мужественно исполним свой долг.

А в минуты особенной душевной туги с особенной силой возопиим: *Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя. На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся во веки! Аминь.*

Проблемы религиозно-нравственного воспитания детей и юношества

1. О причинах дурного воспитания в наше время

Что еще надлежало бы сделать для виноградаря Моего, чего Я не сделал ему? Почему, когда я ожидал, что он принесет добрые грозды, он принес дикие ягоды? (Ис.5:4)

В наше время отовсюду несутся жалобы на то, что большая часть нашего юношества дурно воспитана. Сами родители нередко жалуются на неблаговоспитанность своих детей. Недостаток доброго религиозно-нравственного воспитания нашего юнейшего поколения составляет одно из величайших зол нашего времени, с которым во что бы то ни стало нужно бороться, в противном случае человечество неминуемо дойдет до окончательной гибели и нравственного разложения. Но для успешного лечения какой бы то ни было болезни первее всего нужно узнать, где эта болезнь сосредоточивается, где ее начало, причина. Вот почему и для исправления недостатков в воспитании нашего юношества необходимо прежде всего узнать, где причина этого дурного воспитания, кто виноват в нем. – И в самом деле, кто виноват в дурном воспитании нашего современного юношества?

Отвечая на поставленный вопрос кратко и прямо, необходимо сказать: родители виноваты более всего в том, что их дети дурно воспитаны. Некоторые из родителей, без сомнения, будут в этом вполне согласны со мною, но многие и очень многие из них думают и говорят, что они безукоризненно исполнили свои родительские обязанности. Так кому же вы, христианские родители, говорящие таким образом, хотите приписать причину того, что ваши дети оказываются воспитанными не так, как бы следовало?

1) Может быть, вы хотели бы в данном случае свалить все на Бога и Ему приписать эту вину? Но разве не для того Бог Отец еще в раю узаконил нерасторжимость брака, чтобы дать возможность родителям лучше исполнить свою обязанность по отношению к воспитанию своих детей?

Не для того ли Сын Божий Иисус Христос возвысил брак на степень Таинства и запечатлел его благословением Своей

Церкви, дабы у вступающих в брак не было недостатка в необходимой благодати и помощи свыше при выполнении ими обязанностей брачного состояния, между которыми самая важная – именно воспитание детей? А Дух Святой не для того ли очистил и освятил души ваших детей еще во святом крещении, дабы ослабить дурные влечения их сердца и сделать его способным ко всему доброму и благому, так что вам остается только продолжать то, для чего Он Сам уже положил основание и приготовил почву, сделав ее достаточно восприимчивою?

Следовательно, вы не можете роптать на Бога, если ваши дети не таковы, какими они должны быть. Напротив, вам оказаны высочайшая помощь и всевозможное содействие, чтобы облегчить вам воспитание ваших детей. Вот почему как некогда вопрошал Он израильский народ, так может Он с таким же правом спросить и всех христианских родителей: *Что еще надлежало бы сделать для виноградника Моего*, именно – для христианского семейства, *чего Я не сделал ему? Почему, когда Я ожидал, что он принесет добрые грозды (добрых детей), он принес дикие ягоды (то есть дурных детей)?*

2) Но, может быть, в дурном воспитании ваших детей виноваты пастыри и учителя, призванные вместе с вами на это дело? Здесь я отвечу вам словами древнего нехристианского учителя (Квинтилиана¹⁰⁹): «Дети не из школы впервые выносят дурные привычки, но они приносят их с собою в школу. Они перенимают их обыкновенно у своих родителей, которые подают им дурной пример. Здесь они видят и слышат ежедневно такие вещи, с которыми они в продолжение всей своей жизни не должны бы быть знакомы. Все это обращается у них в привычку, а потом и во вторую природу, и злосчастные малютки становятся порочными прежде, чем они начинают знать, что такое порок». Так рассуждает языческий мудрец. К сожалению, эти слова его приложимы и к нашему времени. Очень многие из детей являются в школу уже совсем испорченными и приносят с собою разного рода пороки и дурные наклонности, как то: ложь, обман, самолюбие, строптивость, упорство и тому подобные привычки, нажитые

ими в домах родителей или в уличном товариществе. Пока ученик попадет в руки учителя, он уже настолько успевает огрубеть, что учителю нужно быть слишком большим мастером в деле величайшего и труднейшего из искусств – в искусстве воспитания детей, чтобы достигнуть каких-либо благих целей. В столь непродолжительное время, в течение коего дети находятся под руководством и надзором воспитателей или учителей, почти невозможно или до чрезвычайности трудно исправить то, что испорчено ранее. К этому нужно присовокупить еще то обстоятельство, что некоторые родители не хотят идти рука об руку с учителями и нередко противодействуют им и детей своих дома разубеждают в том, в чем успели убедить их школа и Церковь. Но об этом подробнее мы будем говорить после.

3) Но, может быть, вы желали бы указать причину неблаговоспитанности детей в них самих? Нет спору, что сердце человека, а, следовательно, и дитяти, испорченное наследственным первородным грехом, с самого рождения его склонно более ко злу, чем к добру. Но, однако, дитя, по учению нашей Православной Церкви, не настолько испорчено, чтобы оно совсем не было восприимчиво для добра и чтобы его нельзя было благоразумным воспитанием с самого раннего возраста направить к добродетели. Напротив, сердце дитяти, как говорит один из святых отцов, подобно мягкому воску, на котором так же легко может запечатлеваться образ Бога, как и образ сатаны. Какой именно образ получают они, это, без сомнения, зависит от тех, которые кладут свою печать, а кладут ее не кто иной, как родители, передающие своим детям свое тело и свою душу. Но есть, скажешь ты, такие дети, которые от природы настолько склонны бывают к злу, что при самом умелом и бдительном воспитании их остаются неисправимыми. Совершенно справедливо, что некоторые дети появляются на свет с весьма дурными наклонностями от природы. Но откуда, спрошу я, это зло, с которым дети появляются на свет? Многие из них, без сомнения, наследуют его от своих же отцов и матерей; они, так сказать, всасывают его в себя вместе с молоком матерей. А если так, то свободны ли и в этом случае

родители от вины и не следует ли повторить того, что уже сказано выше: ни одно дитя не появляется на свет настолько дурным и испорченным, чтобы его совсем нельзя было направить к добру, только бы были приложены к делу воспитания надлежащее старание и умение. Вместе с одним из древних мудрецов (Плутархом) я должен сказать: «Как ни груба и невосприимчива бывает от природы почва земли, однако при тщательном и заботливом уходе за нею и она со временем делается способною приносить обильные плоды». Если человек может достигать изумительных успехов в деле укрощения диких, неразумных зверей, то почему же для тебя, христианский отец, и для тебя, христианская мать, невозможно воспитать и обуздать твоего, от природы хотя также дикого и необузданного, но одаренного разумом сына?

Но ты, может быть, скажешь: мои дети были бы вполне честными, воспитанными и благонравными, но на улице и в школе они сходятся с испорченными и безнравственными детьми, под влиянием которых они грубеют, портятся и перенимают разные шалости и пороки. Не говоря уже о пристрастии, с каким естественно каждому родителю по чувству чрезмерной любви к своим детям относиться при оценке их достоинств и качеств, я спрошу тебя, христианский отец: не твоя ли священная обязанность со всей строгостью следить за тем, чтобы дети твои не имели общения с дурными товарищами, от которых они могут портиться и развращаться? Или ты не знаешь того горя, которое Господь изрекает через пророка Иезекииля ([Иез.34:1–9](#)) на тех пастырей, которые нерадят о рассеяншемся стаде и не защищают его от хищных зверей? Итак, видите, христианские родители, что и ссылкой на дурное товарищество вам нельзя извинять себя в недостатках доброго воспитания ваших детей.

Посмотрим теперь, не заключается ли причина неблагонавия и нравственной испорченности нашего юношества главным образом в испорченности духа нашего времени? Многие из родителей так действительно и думают, говоря: да времена-то наши стали далеко не таковы, как прежде. Прежде, когда мы были молодыми, все было совсем

другие, тогда и родители имели более весу и пользовались большим доверием и почтением. Нельзя не согласиться, что в этом есть значительная доля правды. К сожалению, настоящее время действительно таково и господствующий дух нашего времени есть дух какого-то противления, произвола и самочиния. Ни власть родительская, ни власть церковная, ни власть гражданская – ничто не сохранило у нас своей обязательной силы и значения. Утрачен авторитет старших, родителей и светского начальства, подорвано доверие к пастырям и учителям. Что этот недобрый дух времени производит свое растлевающее влияние преимущественно на детей и на подрастающее поколение, это – факт очевидный и не подлежащий ни малейшему сомнению. Не следует ли родителям поэтому слагать с себя всякую вину в дурном воспитании детей своих? Ужели нет никакого средства идти против этого духа времени и отстранять от детей его губительное влияние? И не в этом ли, собственно, и состоит задача домашнего воспитания? Конечно, если родители, особенно отцы, сами думают, что нельзя плыть против течения, то, понятно, они не могут предохранить от вредного его влияния и детей своих. Если отец сам увлечен новомодным просвещением и так называемым «прогрессом», если он сам нерадиво относится к своим религиозным обязанностям, сам редко посещает храм Божий, сам позволяет себе легкомысленно и с насмешкою говорить о религиозных предметах при своих детях – то может ли он ожидать от них почтения и уважения к себе? Ибо если родители не почитают Бога и Его Церковь, то каким образом дети могут питать страх и уважение к своему отцу и к своей матери? Или если родители при детях позволяют себе дурно говорить о духовной и светской власти и их распоряжениях, тогда и дети, естественно, потеряют уважение к родительской власти. Вот почему, если хотите вы, христианские родители, чтобы растлевающий дух времени не касался ваших детей, то искореняйте его сначала сами в себе, держитесь крепко той доброй нравственности, которую содержат христианство и Православная Церковь Христова.

Итак, видите, братие, что большая часть вины в неблаговоспитанности детей ваших ложится на вас самих, и вы не можете сваливать эту вину ни на Бога, ни на учителей и законоучителей, ни на самих детей, ни, наконец, на дурной дух времени.

Таким образом, мы открыли, нашли главную причину зла, его истинный источник. А узнавши причину несчастья, легче и проще бороться с ним. Благоразумные родители! Если вы искренно осознали это, если прониклись убеждением, что дети ваши недостаточно благонравны, послушны и безукоризненны по вашей, главным образом, вине, то от вас зависит и предотвратить тяжелое несчастье нашего времени. Покайтесь пред Богом в своей вине и в глубоком раскаянии примите решимость лучше исполнять вашу обязанность по воспитанию детей и, насколько возможно, восполнить то, что опускали доселе. Да поможет вам Бог в этом намерении и да благословит ваши труды в этом благом и спасительном направлении.

2. О необходимости, сущности и начале воспитания

Нагибай выю его (дитяти) в юности и сокрушай ребра его, доколе оно молодо, дабы, сделавшись упорным, оно не вышло из повинности тебе (Сир.30:12)

Лучшее наследство, которое могут родители дать своим детям, есть доброе воспитание. Оно имеет гораздо большую ценность, чем все богатства и блага земные. Эту истину хорошо сознавал еще древний мудрец Плутарх и в своей книге о воспитании высказал ее следующими словами: «Ничего нет выше доброго воспитания детей; оно должно быть началом, серединою и концом всех родительских забот. Все блага этой земли обманчивы и случайны, а доброе воспитание есть постоянное, прочное божественное благо». Каким же образом возможно доставить детям это высшее благо и достичь цели хорошего воспитания?

Мы уже знаем, что родители главным образом ответственны за воспитание своих детей и вину за дурное воспитание их никому не могут приписывать кроме себя; а теперь скажем о том: а) нужно ли воспитание, б) когда его должно начинать и в) в чем оно должно состоять.

а) В половине XVIII столетия во Франции явился ученый именем Руссо, который измыслил такое учение о воспитании детей, которое причинило очень много существенного вреда целым тысячам несчастных детей. Он учил именно, что дитя появляется на свет совершенно добрым и ничуть не испорченным. Поэтому стоит только дитя предоставить самому себе, и оно непременно останется цельным, неповрежденным, добрым. Воспитание не только не необходимо, но даже вредно. Когда дитя подвергается воздействию на него воспитателей, родителей и учителей, то оно чрез это становится хуже, портится. Только чрез воспитание, говорит Руссо, приходят все дурные наклонности и страсти в совершенно невинную и неиспорченную натуру дитяти. – Как ложно и превратно такое учение, в этом убеждает нас и опыт, и Божественное Откровение. Руссо, а с ним и многие другие вольнодумные,

неверующие педагоги говорят, что дитя от природы неиспорченно. Но ежедневный опыт решительно ниспровергает такой взгляд и учит нас совершенно противоположному. Из этого опыта мы видим, что совершенно маленькие, еще грудные дети, которые никем не могли еще быть испорчены, имеют уже свои значительные недостатки и дурные качества. И они уже бывают иногда и самолюбивы, и упорны, и капризны, и вспыльчивы, и раздражительны. Есть дети, которые от природы имеют склонности к лени, другие ко лжи и обману, одни к изнеженности и чувственности, а другие к лакомству и воровству. Но что можно усматривать, таким образом, из ежедневного опыта, это подтверждает и Божественное Откровение, именно: последнее учит нас, что дитя появляется на свет зараженным наследственным грехом и что чрез этот наследственный грех природа дитяти испорчена и склонна более ко злу, чем к добру. Следовательно, эту склонность ко греху и злу дитя имеет в себе самом, а не извне получает ее. Правда, то же христианское Откровение учит нас и тому, что душа дитяти очищается от первородного, наследственного греха и освящается во святом крещении; но ослабляемая в этом крещении склонность ко греху отнюдь, однако, не уничтожается и не искореняется совершенно.

Итак, и опыт, и Откровение учат нас, что дитя появляется на свет не с совсем доброй и неповрежденной природой, но с испорченной, предрасположенной ко злу. А отсюда следует, что дитя не должно оставаться без воспитания; напротив, чтобы из него вышло нравственное и добродетельное существо, оно непременно должно подвергаться доброму воздействию на него со стороны воспитателей. Греховную склонность дитяти необходимо подавлять и направлять к добру. Если дитя предоставить самому себе, то в нем станет развиваться не доброе, более слабое начало, но более сильное, злое, подобно тому, как и во внешней физической природе, коль скоро она предоставляется самой себе, произрастает не пшеница, а плевелы, терния и волчцы.

б) Таким образом, воспитание дитяти необходимо. А если оно необходимо, то когда, с какого времени, с какого возраста

нужно начинать воспитание дитяти? И на этот вопрос дают нам правильный ответ и опыт, и Божественное Откровение. Оба они говорят, что воспитание должно быть начинаемо с самой ранней юности. Уже взгляд на природу убеждает нас в истинности этого положения. Если кто-либо посадил деревцо и желает, чтобы оно выросло прямым, то он должен на самых первых порах привязать его к тычинке и тщательно ухаживать за ним: он должен предохранять его от зловредного действия гадов и червей, обрезать дикие побеги и, пока оно еще молодо, давать ему правильное направление. Почему и сложилась у нас пословица: гни дерево, пока оно гнется, то есть пока оно еще молодо. Если садовник хочет держать свой сад в порядке и чистоте, то он с самого начала должен очистить его от дикой сорной травы – в противном случае, то есть если запустить ее и дожидаться, когда она разрастется по всему саду, он уже не в силах будет преодолеть ее. Так именно следует поступать и в отношении к дитяти. Дитя – это молоденькое деревце, а родители – это Богом назначенные садовники этого юного человеческого растения. Они должны тщательно ухаживать за ним с самого начала, они должны очищать его от скверны греха, от злых наклонностей и страстей; они должны обсекать дикие отростки самолюбия, упорства и капризов; они, наконец, должны давать ему правильное направление и с самого раннего возраста преклонять его под иго христианского послушания и дисциплины. Сердце дитяти – это сад, а родители – садовники, поставленные от Бога, и сад сердца своих детей они должны с самого раннего возраста их очищать от плевел и сорной травы. Если они запустят зло в сердцах детей своих, то они не в состоянии будут очистить их от сора. Чему, таким образом, учит нас опыт и природа, это влагается в сердце родителей и Откровением. *Есть у тебя сыновья? учи их и с юности нагибай шею их.* И в другом месте: *Нагибай выю его в юности и сокрушай ребра его, доколе оно молодо, дабы, сделавшись упорным, оно не вышло из повиновения тебе* (Сир.7:25; 30:12). Итак, видишь ли ты, христианский родитель, откуда происходит то, что твои взрослые дети отказывают тебе в послушании и покорности? Это происходит оттого, что ты не нагибал их выи,

когда они были еще юны; это происходит оттого, что ты не приучил их к строгому послушанию в то время, когда они были еще маленькими детьми. Послушай, что говорит об этом родителям святой Иоанн Златоуст: «Не сам ли ты причиняешь себе скорбь необузданностью твоего сына? Ты должен бы тщательно обуздывать его, приучать его к порядку, к аккуратному исполнению своих обязанностей и врачевать болезни его души, когда он был еще молод, и когда это сделать было гораздо легче. Когда поле его сердца еще легко было обрабатывать, тогда еще нужно было тебе выдергивать эти плевелы, тогда, когда они не успели еще пустить глубокого корня; в таком случае и страсти детей не усилились бы настолько, что нельзя уже погасить их».

Есть немало таких родителей, которые думают, что воспитание начинается только с тех пор, как дети вступают в школу. В каком заблуждении находятся такие родители, это видно из следующих выражений мудрецов древнего и нового времени. Один глубокий мыслитель нашего времени утверждает, что воспитание оканчивается уже на десятом году, а другой великий мудрец мира говорит: «Человек обыкновенно на всю жизнь свою остается таким, каким он был в продолжение шести лет на недрах своей матери». Еще другой говорит: «Дитя, заслуживающее побор после четырехлетнего своего возраста, уже обнаруживает худое воспитание». Снова другой из современных нам знаменитейших мыслителей говорит, что с жизнью ребенка должно начинаться и его воспитание. И он, конечно, совершенно прав, ибо не может быть безразличным, будет ли мать дитяти в том периоде, когда жизнь ее так тесно связана бывает с его жизнью, жить благочестиво и богобоязненно или же легкомысленно и нечестиво, так как ее доброе или дурное душевное состояние легко может сообщаться и плоду ее тела. По крайней мере, не даром же говорят о нравственных недостатках и пороках, которые дети унаследовали от своих родителей или всосали в себя вместе с молоком своей матери.

Итак, христианские родители, неоспоримо то, что воспитание детей нужно начинать с самого раннего их возраста:

с появления дитя на свет, даже более: с жизнью его – должно начинаться и его воспитание.

в) Теперь остается нам решить еще вопрос о том, в чем должно состоять воспитание, то есть какие свойства и качества нужно развивать в дитя при его воспитании. Ответ на этот вопрос таков: в воспитываемом ребенке должно быть искореняемо все дурное и насаждаемо все доброе. В сердце дитя должно быть подавляемо все дурное. Однако немало есть родителей, которые нисколько не заботятся о подавлении некоторых недостатков и дурных качеств в своих малютках, которые иногда даже радуются и забавляются, когда ребенок капризничает, обнаруживает самолюбие, упорство, когда позволяет он себе какую-нибудь ложь, обман и т.п. Они думают, что таковы бывают и все дети, с которых ничего еще нельзя взыскивать по их глупости, но с годами, когда они подрастут и станут смышленнее, тогда-де они свободны будут от этих недостатков, тогда-де можно будет и относиться к ним с большею строгостью и требовательностью. Великая это ошибка и непоправимое заблуждение! Нет, эти шалости и недуги никогда не проходят сами собой. Напротив, они растут вместе с самим ребенком и укореняются все более и более, если им не противодействуют с самого начала подобно тому, как и сорная трава на поле, если не выпалывается на первых порах, разрастается и пускает все более и более глубокие корни. Эта истина ясно сознавалась и у язычников. Так, например, говорит мудрый Сенека: «Легко исправлять те сердца, которые еще очень нежны и мягки, но очень трудно искоренять пороки, которые выросли вместе с нами». Точно так же говорил и Плутарх: «Проступки юноши бывают уже слишком велики и нередко мало исправимы». Таким образом, необходимо искоренять все дурное в детях на самых первых порах их жизни. В противном случае плевелы греха настолько разрастутся и усилятся в сердцах их, что впоследствии невозможно будет с ними справиться.

Но воспитание должно состоять не в том только, чтобы искоренять в сердце ребенка все дурное, – нет, внимание воспитателей должно быть направляемо и на то, чтобы

приучать и упражнять их в доброе. В каких добродетелях нужно главным образом упражнять детей, об этом обстоятельнее мы будем говорить в следующих беседах. Основание, почему мы так рано должны приучать детей к упражнению в добродетели, указывает нам само Священное Писание. Если юноша избрал путь свой, то он не уклонится от него, говорит Сирах, и во дни старости, то есть если человек еще во дни своей юности вступил на путь добродетели, то он твердо будет стоять на нем и в старости (Притч.22:6). Подобную истину выражает и народная пословица: к чему в юности привык, то в старости сделал.

Не забывайте же, христианские родители, как необходимо вам насколько можно раньше начинать дело воспитания ваших детей, и пусть те из вас, у которых есть еще и сейчас малышки, постараются осуществить это на деле. Да, не пропускайте вашим вниманием ничего дурного в ваших детях, как бы малы они ни были, – ни своеволия, самомнительности и упрямства, ни лжи и обмана, ни проявлений склонности к лени, изнеженности и лакомству. Не считайте ничтожными даже малейших проступков детей ваших, но помните, что эти проступки растут вместе с ростом самих детей. Насаждайте и возвращайте все доброе в сердцах их. Приучайте их с самого раннего возраста к благоволению пред Богом и молитве, к послушанию и аккуратности, к справедливости и откровенности, к терпению и самоотвержению. И будьте уверены, что ваши дети, совершая добро сначала бессознательно, впоследствии, в зрелом возрасте, будут сознательно продолжать то, в чем упражнялись они в детстве только по привычке.

3. О воспитании благочестия, или набожности

Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу (Пс.8:3)

Возлюбленные слушатели! Мы уже знаем, что дети с самого раннего возраста нуждаются в воспитании, и главная задача его состоит в искоренении всего дурного и насаждения всего хорошего. Посмотрим теперь с христианской точки зрения и подробнее уясним, с какими именно пороками и недостатками детей мы должны особенно бороться и к каким добродетелям приучить их. По выражению Сираха, *начало премудрости – бояться Бога* (Сир.1:15), поэтому первая добродетель, которую родителям нужно насаждать в сердцах детей своих, есть страх Божий, благочестие, набожность. Но почему родители, особенно матери, должны воспитывать детей своих в благочестии и страхе Божиим? Потому, отвечу я, что только тогда от взрослого человека можно ожидать благочестия и набожности, когда фундамент, основание этого благочестия заложено в его сердце еще в детстве, когда он с самого раннего возраста приучен был к молитвенным и благочестивым упражнениям. Религиозные наставления и впечатления, которые дитя получает от своей матери в самом нежном возрасте, которые он, так сказать, всасывает в себя вместе с молоком матери, остаются обыкновенно на целую жизнь. Если же такое дитя впоследствии, обуреваемое страстями и соблазняемое дурными примерами, и сбивается иногда с истинного пути, то в большинстве случаев оно гораздо легче снова возвращается на него, чем то, которое осталось без первоначального религиозного воспитания. В детях, воспитанных в христианском благочестии и набожности, но впоследствии развратившихся нравственно, очень часто с необыкновенною силою вдруг пробуждается воспоминание о невинной поре их детства. Они снова припоминают себе те детски простые молитвы, которым они научились из уст их, быть может, давно уже покоящейся в могиле матери, те простые уроки, увещания и наставления, которые они слышали еще на недрах¹¹⁰ своей матери. И воспоминание об этих счастливых

дней детства нередко снова отвращает от греха и порока и обращает к недрам Небесного Отца. Отсюда ясно видно, какое величайшее для детей счастье, если они имеют благочестивую мать, с самого раннего возраста знакомящую их с верою и благочестием. От матери, а не от законоучителей и учителей дитя впервые должно получить религиозное наставление; у матери, а не в школе впервые оно должно научиться ежедневно молитвам православного христианина. Так, по крайней мере, было во все времена в истинно благочестивых семействах. Как только дети начинали обнаруживать смысл и понимание, говорит святой Иоанн Златоуст, родители спешили наставлять их в апостольском исповедании веры, в молитвах, песнопениях и некоторых богослужебных обрядах. Тот же самый святой Иоанн Златоуст дает такое наставление матерям: «Учите вы, матери, ваших малюток изображать рукою крестное знамение прежде, чем они сами в состоянии будут это делать; напечатлевайте это знамение на челе их вашими собственными руками». А святой Иероним пишет к одной вдове (Лидии): «Радость матери-христианки должна состоять в том, чтобы научить свое дитя произносить сладчайшее имя Иисуса в то время, когда голос его слаб и язык еще нем». Святой Августин говорит, наконец, что он, будучи еще малюткою, много наслушался о вечной жизни от своей благочестивой матери Моники.

Но если на основании всего сказанного родители, особенно же матери, ближе всегда стоящие к воспитанию детей в первые годы их жизни, должны воспитывать своих детей и в благочестии и набожности, то каким образом, вы спросите, нужно делать это, как достигнуть того, чтобы дети с детского возраста делались благочестивыми, или, как теперь говорят, верующими? Этого можно достигать двояким способом: во-первых, тем, чтобы родители, особенно матери, знакомили своих детей с самого раннего возраста с основными истинами нашей веры. А этого всякая мать может достигать посредством простых, сердечных бесед со своими детьми о религиозных предметах. Пусть она чаще говорит им об Отце Небесном, Который так любит детей Своих и так много делает им добра.

Пусть мать рассказывает своим малюткам о первых людях в раю, о том, как хорошо им жилось там, пока они во всем слушались Бога и были чисты, невинны и благочестивы, и о том, что на небе у Отца Небесного нам будет еще лучше, если только мы во всем будем слушаться Бога и родителей. Пусть она, дальше, рассказывает им о том, как Адам и Ева согрешили и чрез это сделали несчастными как самих себя, так и всех людей; как любвеобильный Отец Небесный послал Своего Сына Иисуса Христа снова указать и открыть людям путь к небу, который Бог закрыл от них после греха прародителей. Пусть она рассказывает им о Рождестве Христове, о благочестивых пастырях Вифлеемских, о трех волхвах, о злом царе Ироде и о невинных младенцах, которых избил он; о двенадцатилетнем Иисусе во храме, о Его скромной жизни в Назарете, равно как о Его страданиях и смерти на Кресте. Пусть рассказывает благочестивая мать своим малюткам о жизни Пресвятой Девы Марии, об Ангеле Хранителе, который так любит добрых детей. Равным образом пусть разумная христианская мать пользуется различными праздниками, чтобы наставлять своих малюток в важнейших истинах нашей святой религии. В большинстве христианских домов имеются некоторые священные картины. Хорошо делать употребление из этих картин для христианского наставления малюток, рассказывая им, Кто Такой этот Распятый на Кресте, и объясняя им содержание картин. Хорошо также нечто рассказывать им о святых лицах, изображенных на этих картинах. Таковым и подобным образом благочестивая мать должна наставлять своих детей в основных истинах христианства, прежде чем они поступят в школу. Все это – во-первых; а во-вторых, детей нужно не обучать только истинам религии, но и упражнять с самых ранних пор в делах благочестия и молитв. Этой цели родители достигают тогда, когда они детей, наученных обыкновенным молитвам и благочестивым обрядам православного христианина, заставляют и ежедневно молиться вместе с собою, и принимать участие в доступных для детей обрядах. Как на такие молитвы и обряды я должен указать на крестное знамение, на посещение храма Божия и общественных служб, на усвоение кратких

главнейших молитв, как например «Отче наш», «Царю Небесный», «Пресвятая Троице», молитва утренняя, молитва вечерняя, молитва Ангелу Хранителю, «Богородице Дево, радуйся». Эти молитвы дети не только должны знать наизусть до вступления их в школу, но и читать ежедневно за утреннюю и вечернюю молитвами. Особенно важно для детей, чтобы они с самых ранних пор приобретали навыки к совершению ежедневных молитв утром и вечером. Если, таким образом, дети еще до вступления в школу бывают приучены к молитве и к благочестивым упражнениям, то всегда можно надеяться, что они останутся набожными и охотно будут молиться и впоследствии, когда придут в возраст, и никогда не будут стыдиться и при других исполнять свои религиозные обязанности.

Но, может быть, многие из вас, братие, возразят мне, указав на то, что дитя не может еще понимать всех этих молитв. Вполне, конечно, оно не будет понимать содержания каждой из этих молитв – но это и не необходимо. Столько, сколько нужно бывает понимать для того, чтобы благочестиво молиться, может уже и малое дитя. Если оно не может еще составить себе ясного понятия о Боге, то по крайней мере у него есть чувство о Нем. Оно чувствует, что есть Высочайшее Существо, Которое нас любит и Которое мы должны также любить, и когда оно произносит слова молитвы, то оно думает, как и всякий взрослый, о Боге и к Нему возвышает свою душу. И такая молитва из детски благочестивых сердец, без сомнения, гораздо приятнее Богу, чем молитва ученого, который весьма ясно понимает каждое слово молитвы, произносимой его устами, но при этом холоден и рассеян. Как приятна Богу детская молитва, это Он Сам высказал чрез псалмопевца, когда сказал: *Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу* (Пс.8:3).

Но чтобы мать в состоянии была хорошо исполнить свою обязанность в отношении нравственно-религиозного воспитания своих малюток, для этого она сама должна быть истинной христианкой, набожной и благочестивой особой. Если мать сама не имеет духа благочестия, если она сама мало находит радости и удовольствия в молитве и религиозных упражнениях,

тогда она, конечно, не может воспитать в благочестии и детей своих. Дитя только тогда может приобрести благочестивое настроение и научиться благоговейной молитве, когда оно видит такое настроение и в своей матери, когда и ее самое видит благоговейно молящейся. Наконец, дети, как известно, очень любознательны и всегда спрашивают о том, что им неясно или непонятно. Любящая мать никогда не затруднится тут и найдет, что и как объяснить детям. Тем более при усвоении молитв благочестивое искреннее чувство не изменит ей и подскажет, что детям можно из усвояемых молитв объяснить, рассказать, так или иначе удовлетворить их любознательность.

Итак, вы слышали теперь, братие, почему так важно, чтобы дети с самых ранних пор были воспитаны в благочестии, слышали далее, почему родители, особенно матери, должны наставлять своих детей в вере и приучать их к молитве, прежде чем они поступят в школу. Поэтому к вам теперь, матери-христианки, мое пастырское слово. Напечатлейте поглубже это слово в сердцах ваших. Не стесняйтесь малым возрастом детей ваших. Начинайте как можно раньше учить их молитвам и основным истинам нашей веры. Приучайте их и словом и примером благоговейно молиться. Верьте, что Церковь и школа, законоучители и учителя впоследствии напрасно будут употреблять усилие сделать ваших детей благочестивыми и богобоязненными христианами, если вы сами не положите к тому основания прежде, чем сами дети вступят в школу. Да, воспитывайте ваших детей в вере, благочестии и страхе Божием – и вы вправе тогда надеяться увидеть в них радость. Ибо, если ваши дети будут благочестивы и богобоязненны, тогда они будут кротки, послушны и благодарны вам; если научите их исполнять честно обязанности в отношении к Богу, они будут исполнять их и по отношению к вам.

Подготовив детей для Бога и Неба, вы найдете в них радость и утешение и здесь, на земле. Аминь.

4. О необходимости совместного воспитания семьи, школы и Церкви

Вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем (Еф.6:4)

Некоторые родители, искренно сознавая обязанность воспитывать детей в благочестии и страхе Божием и усердно занимаясь этим в ранние годы своих детей, полагают, что с поступлением в школу эта обязанность их прекращается или, вернее, переходит на школьных учителей и законоучителей. Когда дети отданы в школу, всякие религиозные наставления и упражнения должны быть предоставлены воспитателям школы, родители уже свободны от этого, им не остается ничего более, как только требовать, чтобы школьные законоучители вели это дело как следует и, в конце концов, сделали их детей благочестивыми и благоговейными. Нет, благочестивые слушатели, напротив! Родители с законоучителями должны идти рука об руку и в религиозном обучении, и в руководстве к благочестивой жизни, даже более; они должны вести это дело – законоучители же и учителя только помогают им. Кроме того, родители должны делать это не только тогда, когда дети посещают школу, но и тогда, когда они ее уже оставили. Объясним, почему так и каким образом родители должны и могут делать это.

1. Первое основание, почему родители обязаны учить детей своих религии и воспитывать их в благочестии и во все времена их школьного обучения и даже по выходе из школы, заключается в том, что дети, по словам блаженного Августина, дарованы Господом родителям и что поэтому они первее всего и строже всех должны будут дать ответ за их души. Ничего, конечно, не может быть покойнее, как сложить всякую заботу о религиозно-нравственном воспитании обучающихся в школе детей исключительно на законоучителя и учителей и на них возложить всякую ответственность за это воспитание. Но Бог смотрит на дело иначе. Родителям даровал Он детей, и от них первее всего Он потребует их обратно. Поэтому они – первые и

главные воспитатели своих детей; священники же и учителя – только их помощники в деле этого воспитания. Обязанность родителей воспитывать своих детей в самом важном и главном предмете, именно в благочестии и страхе Божиим, не должна прекращаться до тех пор, пока дети находятся под властью родителей. Увещание апостола Павла: *вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем*, приложимо к детям каждого возраста. Равным образом и блаженный Августин не делает никакого различия между малютками и более взрослыми детьми, когда говорит: «Как мы, епископы и пресвитеры, должны проповедовать вам в церкви, так и вы, родители, обязаны проповедовать вашим детям в домах ваших». Строго благочестивые родители никогда нравственно-религиозное воспитание детей своих не предоставляли исключительно законоучителям и священникам, но всегда с особенною заботливостью содействовали им в этом. Так, например, церковный историк Евсевий рассказывает, что ритор Леонид ежедневно учил своего сына Оригена чему-нибудь из Священного Писания, хотя последний учился в знаменитой тогда школе Климента Александрийского. Из житий святых нам известно также множество примеров, когда благочестивые матери весьма часто и много говорили своим детям о Боге и божественных предметах, хотя эти дети не имели недостатка ни в учителях, ни в законоучителях.

2. Второе основание, почему родители не должны прекращать своего занятия делом нравственно-религиозного воспитания детей своих и тогда, когда они уже учатся в школе, состоит в том, что религиозное воздействие и наставление в духе христианского благочестия тогда только может увенчаться желаемым успехом, когда родители идут рука об руку с Церковью и школою, когда они поддерживают пастырей, законоучителей и учителей. Содействие семьи школе и Церкви в деле религиозного наставления детей в высшей степени желательно и даже во многих случаях необходимо. При скоплении большого количества детей в наших школах пастырю-законоучителю и учителям в немногие часы,

назначенные для преподавания Закона Божия, и при самом искреннем желании невозможно уделять достаточно времени и внимания для каждого отдельного, особенно малоспособного дитяти. Вот почему весьма желательно, чтобы родители помогали своим детям при изучении Библейской истории и Катехизиса, располагая и побуждая их к этому занятию и требуя отчета в том, что они заучили. Еще более, чем при изучении детьми Закона Божия и предметов религии, необходимо содействие родителей Церкви и школе в деле религиозного воспитания детей, в деле упражнения их в благочестии. Чтобы дитя было религиозно и благочестиво, для этого требуется, чтобы оно находило удовольствие в религии и религиозных предметах, для этого нужно, чтобы в нем с колыбели насаждаемо и постепенно развиваемо было чувство религиозности и набожности, а это – дело семьи, или родительского дома. Если дитя не получит религиозного воспитания дома и не будет побуждаемо к выполнению своих религиозных обязанностей, как например к молитве и к посещению церковного богослужения, родителями, тогда напрасно будут усиливаться законоучители и учителя возбудить в нем религиозное чувство – чувство удовольствия от религиозных упражнений. Чтобы дети заучивали наизусть Библейскую историю и Катехизис, этого законоучители и учителя могут достигнуть принудительными средствами, побуждая их к тому мерами строгости и наказания; но чтобы дети испытывали радость и удовлетворение от религиозных упражнений, как например от молитвы и посещения церковного богослужения, принятия Святых Тайн, то этого чувства ни один законоучитель и ни один учитель не вызовет никакими принудительными мерами: оно является только тогда, когда дети постоянно упражняются в этих вещах и когда им, что еще важнее и необходимее, показывают в этом пример сами родители.

Значит, религиозное воспитание и руководство детей не должно прекращаться дома и по время обучения их и школе, и вполне успешным оно может быть не иначе, как только тогда, когда продолжается в родительском доме. Теперь посмотрим, каким образом родители могут продолжать религиозное

воспитание своих детей в то время, когда они находятся в школе, или как родители могут содействовать школе и Церкви в этом деле.

Религиозное наставление школы родители должны поддерживать в особенности тем, чтобы не позволять своим детям пропускать уроки Закона Божия в школе, давать им время для приготовления этих уроков, прослушивать заученное ими, что особенно нужно в отношении к детям малоспособным, и наконец тем, чтобы расспрашивать и говорить с ними о том, что происходило в школе на уроках по Закону Божию. Ваши дети, братие, тогда только будут находить удовольствие и интерес к религии и изучению предметов ее, когда они увидят, что и вы заинтересованы этим предметом. Если же вы никогда не говорите с ними о религии, нисколько не заботясь о том, знают ли они что-либо о предметах веры, изучают ли Катехизис, то откуда же ваши дети приобретут интерес и расположение к этим предметам и поверят ли они в этом случае священнику, если он им скажет, что религия, вера есть самое важное на свете, что Катехизис есть незаменимая книга и изучение предметов веры есть самое необходимое знание? Религиозное воспитание школы родители могут и должны поддерживать еще тем, если они детей своих будут побуждать и приучать к прилежному посещению церковно-общественной молитвы хотя в воскресные и праздничные дни и давать им время на то. К этому обязывает нас, христианские родители, уже четвертая заповедь, которая повелевает, чтобы не только вы сами проводили свято, то есть посвящали на служение Богу и на богоугодные дела, воскресные и праздничные дни, но приучали к этому и детей ваших. Что пользы от того, если священник или учитель будут увещевать ваших детей не опускать праздничных и воскресных богослужений, а вы не будете обращать внимания на то, пойдут ли они в церковь или же все время богослужения пробегают по улицам или вокруг своей школы? На вашей же обязанности лежит не только побуждать детей к хождению в церковь, но заботиться и о том, чтобы они не шалили в церкви, стояли не рассеянно, но со вниманием и благоговением слушали все, что читается и поется там. А для этого вы сами,

особенно в воскресные и праздничные дни, когда учителя не наблюдают за своими учениками, должны наблюдать за вашими детьми и в случае их неприличного и неблагонравного поведения подвергать их взысканию. Ваши дети должны знать, что вы наблюдаете за ними во время богослужения и что никакая шалость не останется без наказания. Чтобы приучить детей ко внимательному слушанию того, что читается и поется в церкви, для этого родителям хорошо бы заставлять детей после богослужения рассказывать, что они усвоили из прочитанного, например Евангелия, Апостола, проповеди и прочего. И это нужно в отношении не одних только малолетних детей, но и взрослых. А чтобы ваши убеждения не были бесплодны, но имели бы вес и силу, для этого необходимо, конечно, чтобы вы сами подавали им пример. Ибо как можете вы требовать от взрослых детей ваших, чтобы они неопустительно посещали богослужение, если они видят, что сам отец или сама мать редко посещают его?

Для воспитания и развития религиозного чувства и набожности, наконец, необходимо, чтобы родители ежедневно совершали вместе с детьми и домочадцами домашнюю молитву. Самое малое, чего в этом отношении должно желать от каждого семейства, если оно хочет иметь право на название христианского, состоит в том, чтобы все члены его совершали утреннюю и вечернюю молитву, равно как перед обедом и после обеда. В добрые древние времена все ежедневные молитвы, а особенно перед отходом ко сну, совершались в христианских семействах сообща. В определенный час все члены семьи – отец и мать, сыновья и дочери, слуги и служанки – собирались в одну комнату и преклоняли свои колена пред иконами. Один читал по книге вслух всех, а прочие молились. Затем по окончании этой молитвы или, как она называлась «правила», все отправлялись на покой, и никто уже после этого часа не смел оставлять дома. Как желательно было бы восстановление этого доброго древнего обычая в наши дни! Каким прекрасным средством он послужил бы против столь распространившегося обычая проводить вечернее и даже ночное время в гостиницах,

против ночных гуляний и кутежей, против современной безнравственности, пороков и разврата!

Если, говоря о первых шагах религиозного воспитания, я обращался преимущественно к матерям, то теперь к вам, отцы, мое слово, ибо на ваших преимущественно руках лежит воспитание детей, когда они оканчивают школьное обучение. Да, христианские отцы, к вам именно обращаюсь я вместе с апостолом языков, апостолом Павлом. Не найти мне слов на своем языке для достаточно действенного убеждения вас; тысячами языков желал бы я воззвать к вам, неизгладимыми буквами желал бы я начертать в сердцах ваших слова эти: отцы, воспитывайте чад ваших в наказании и учении Господнем. Идите рука об руку со школою! Поддерживайте, насколько можно, законоучителей и учителей в религиозном образовании и воспитании ваших детей! Наставляйте детей ваших в истинах нашей православной веры, приучайте их к благочестию, к прилежной молитве и к ревностному и неопустительному посещению церковных богослужений! Подавайте им сами добрый пример во всем. Словами премудрого Соломона закончу я свою беседу с вами: *Утром сей семя твое, именно – семя научения и убеждения, и вечером не давай отдыха руке твоей, потому что ты не знаешь, то или другое будет удачнее, или то и другое равно хорошо будет* (Еккл.11:6). Аминь.

5. О воспитании послушания

Розга и обличение дают мудрость; но отрок, оставленный в небрежении, делает стыд своей матери (Притч.29:15)

Вера без дел мертва, говорит Апостол (Иак.2:26). Как ни верно, ни существенно чисто религиозное воспитание, но ваши дети, родители-христиане, должны быть не набожны только и благочестивы, но и нравственны и добродетельны. А чтобы они могли сделаться таковыми, для этого необходимо, чтобы вы с самого младенчества приучили их ко всему доброму и удерживали от всего дурного, чтобы вы насаждали в сердцах их различные христианские добродетели и искореняли в них всякие недостатки и пороки. К каким же добродетелям вы должны главным образом приучать ваших детей и от каких пороков в особенности предохранять их? А также, каковы те пути и средства, при помощи которых можно прививать одно и искоренять другое? Если мы начнем с добродетелей и спросим, какая из них должна занять первое место, то должны ответить, что главною и основною добродетелью каждого благовоспитанного дитяти, без сомнения, должно быть послушание. Каким же образом родители должны насаждать в сердца детей своих это послушание?

Нет сомнения, что все родители желали бы иметь послушных и почтительных детей, и, однако, в наше время от многих и очень многих слышатся жалобы на непослушание и непочтительность детей. Откуда происходит это зло? Где причина этого печального явления? В большинстве случаев – в неумелом, неправильном воспитании, в дурном примере, который многие из родителей подают своим детям.

Если родители желают иметь поистине послушных детей, которые не выходили бы из послушания и тогда, когда они бывают вне непосредственного родительского надзора, когда они не ожидают никакой награды за свое послушание и не боятся никакого наказания за непослушание, то они с самых ранних пор должны приучать детей своих повиноваться родителям ради Бога. Они должны с самого младенчества

внушать детям, что родители у них заступают место Бога, что Бог Сам заповедует почитать родителей и повиноваться им, что они, не повинаясь родителям, грешат против Самого Бога и навлекают на себя Его наказание, и наоборот: оказывая родителям почтение, они привлекают этим к себе Его благоволение, временное и вечное. Необходимо также внушать детям, что через послушание своим родителям они уподобляются отроку Иисусу, о Котором евангелист Лука говорит, что Он послушен был Своим родителям (Лк.2:51). На этого Божественного отрока Иисуса нужно всегда указывать детям как на светлый образец, которому они должны подражать. Все это родители должны как можно чаще внушать своим детям с самого раннего их возраста.

Далее, если родители хотят иметь послушных детей, то с самого младенчества они должны подавлять их самолюбие. Так учит уже Сирах, как это слышали мы раньше: *Не давай ему (дитяти) воли в юности и не потворствуй неразумию его. Нагибай выю его в юности и сокрушай ребра его, доколе оно молодо, дабы, сделавшись упорным, оно не вышло из повиновения тебе* (Сир.30:11–12). Точно то же говорит Дух Святый и устами царя Соломона: *отрок, оставленный в небрежении, то есть который предоставляется своей собственной воле, делает стыд своей матери* (Притч.29:15). Таким образом, еще с младенчества ты не должен, христианский родитель, давать воли своим детям, но должен подавлять их своеволие. Уже в колыбели дитя заявляет о своей воле криком. Если ребенок кричит по уважительной причине, например потому, что он голоден или пить хочет, или боль чувствует, потому что ему душно или он нечист, то было бы жестокостью оставлять его надолго в таком положении. В таком случае следует поспешить на крик его и удовлетворить его требование. Если же крик его проистекает из каприза или самолюбия, то потачка и уступчивость при этом были бы очень вредны. В таком случае пусть кричит маленький крикун – не беспокойся о нем. Накричавшись, он сам перестанет, когда увидит, что он ничего не достигает своим криком. Напротив, если ребенок заметит, что ты с поспешностью всегда являешься

на его крик, то он чаще будет повторять его, чтобы настаивать на своем.

Далее. Не все исполняй, о чем просят тебя дети. Напротив, приучай их кое в чем себе отказывать. На просьбу или требование со стороны дитяти иногда необходимо тебе отвечать словом «нет», и если раз сказано это слово, то непременно нужно при нем и остаться, и пусть при этом не колеблют тебя ни ласковые просьбы, ни капризы и упорство дитяти. Особенно не следует терпеть в дитяти упорства. И нет сомнения, что детям полезно отказывать не тогда только, когда они просят чего-нибудь вредного, невозможного, но и тогда, когда они просят чего-либо позволительного. Дитя должно учиться побеждать свою собственную волю и привыкать к воздержанности, лишениям и самоотвержению.

Приучай, наконец, детей твоих, христианский родитель, к скорому и неотложному послушанию. Доброе дитя повинуется быстро. Это золотое изречение должно быть постоянным правилом для детей. Не отменяй снова того, что ты раз приказал, но со всею строгостью настаивай на том, чтобы это с возможною скоростью приведено было в исполнение. Но для сего все твои приказания и распоряжения должны быть хорошо обдуманы и благоразумны. Ты не должен требовать от детей своих ничего невозможного, несправедливого или слишком трудного, непосильного. Не должны также приказания твои произтекать из каприза и грубого произвола, так как этим ты можешь вызвать в своих детях скорее отпор и озлобление, чем послушание и покорность. Не должен ты, христианский родитель, или ты, христианская мать, сегодня дозволять детям то, что вчера тобою было строго воспрещено потому только, что сегодня ты лучше и более благодушно настроен, чем вчера. Не давайте слишком многих и слишком частых приказаний. Чрез постоянное и вечное командование дети делаются мало внимательными, а иногда и совсем равнодушными к вашим распоряжениям. Будьте, наконец, кратки, ясны и точны в своих приказаниях и не употребляйте для этого слишком много слов. При этом вам совсем нет надобности, особенно по отношению к маленьким детям, много говорить и выяснять основание,

почему они то или это должны делать или не делать. Дитяти достаточно знать: родители хотят, чтобы я сделал это или то, следовательно, я должен послушаться. Но чтобы подавить в ребенке своеволие и приучить к беспрекословному послушанию, для этого отец и мать должны быть в своих приказаниях и запрещениях совершенно согласны. Мать не должна позволять того, что запрещено отцом, и наоборот: отец, не должен, хотя бы только в шутку, бранить мать за то, что она отказала в чем-нибудь малютке. В противном случае на них исполнятся слова Писания: *Когда один строит, а другой разрушает, то что они получают для себя кроме утомления?* (Сир.34:23).

Если вы, христианские родители, хотите, чтобы ваши дети оказывали вам послушание, то вы должны им внушать уважение и должное почтение к себе. А для этого вам нужно во всех словах и делах своих так держать себя пред детьми своими, чтобы они могли в лице вас почитать заместителей Бога и питать к вам глубокое уважение и благоговение. Но этого вы, конечно, не достигнете путем вспышек и резкого проявления гнева, путем шума, брани и проклятий. Этим вы можете поселить в детях только страх, а не уважение, вынудить только моментальное, а не постоянное послушание. Сын или дочь – они знают уже, что когда пройдет гнев отца, минует раздражение матери, тогда они уже не будут строго настаивать на исполнении своих приказаний. Но так же мало, как и чрез вспышки гнева, родители могут внушать детям надлежащее уважение к себе, если они слишком много с ними шутят и не показывают им серьезного вида, если отец, например, позволяет малютке трепать себя за бороду, бранить или бить себя, говорить в шутку дерзкие и непристойные слова и т.п. Не напрасно мудрый Сирах делает в своей книге такое предостережение: *Есть у тебя дочери? имей попечение о теле их, и не показывай им веселого лица твоего* (Сир.7:26); и в другом месте: *Лелей дитя, и оно устроит тебя; играй с ним, и оно опечалит тебя. Не смейся с ним, чтобы не горевать с ним* (Сир.30:9–10). Этим я отнюдь не хочу сказать того, что родителям не нужно быть ласковыми и любезными к детям, что

нельзя от времени до времени позволять и невинных даже с ними шуток, – нет, этим я хочу только предостеречь от чрезмерной фамильярности, панибратства и излишних шуток. Строгость и серьезное обращение с детьми, которые при всей нежности не допускают чрезмерной доверчивости, безусловно необходимы для доброго воспитания. Почитания и уважения вы тогда только, родители, можете ожидать от детей ваших, когда вы достойны будете этого уважения. Избегайте поэтому всего, что может лишить вас этого уважения. Между недостатками, вследствие которых родители теряют уважение детей своих, я отмечу главным образом следующее:

а) Грубое обращение со своими собственными родителями. Где дедушка и бабушка сидят, как говорят, за печкою и не смеют пошевелинуться, чтобы не вызвать брани и оскорблений, где в присутствии детей говорят о них самые непристойные, насмешливые слова, там наверное и дети потеряют уважение к своим родителям, и таким родителям обыкновенно приходится терпеть от детей своих то же, чем они прежде погрелись против своих родителей.

б) Далее: дети теряют уважение к своим родителям, когда эти последние живут между собою не в мире и согласии и, враждебно настроенные, открывают в присутствии детей своих недостатки друг друга, ссорятся, поносят друг друга и даже дерутся. Если такие сцены часто повторяются пред глазами детей, если мать при своих детях бранит отца, или наоборот, если мать и отец по отношению к детям употребляют такие, например, выражения: «ты такой же негодяй, как твой отец», или «ты такая же беспутная, как твоя мать», то, естественно, у родителей не может быть и речи об уважении и покорности своих детей.

в) То же самое бывает и тогда, когда родители слишком словоохотливы и болтливы в присутствии детей своих и позволяют себе рассказывать при них о шалостях и глупостях своей собственной молодости.

г) Наконец, само собою понятно, что нельзя ожидать почтения от детей тем родителям, которые преданы каким-нибудь явным, публичным порокам, например пьянству,

воровству, кощунству, богохульству, разврату и т.п. Вот почему родители, если они хотят воспитать детей своих в послушании, должны внушать им уважение и страх к себе. Впрочем, этот страх должен быть не рабский, но должен соединиться с христианскою любовью, когда дети привыкают не к принужденному только послушанию, но к совершенно добровольному. Не из страха пред наказанием должны они оказывать родителям полное послушание, но из любви к ним; они должны избегать своеволия единственно по тому только, чтобы не оскорбить этим своих родителей. Любовь порождает взаимную любовь. Ваши дети тогда только будут любить вас, когда они почувствуют и увидят, что вы их искренне любите.

Во всем показывай в себе образец (Тит.2:7); в этих словах апостол Павел намечает вам четвертое и, быть может, самое важное средство к воспитанию ваших детей в послушании. Коли хотите, родители, иметь послушных детей, то вы должны во всем предшествовать им вашим добрым примером, должны во всех мыслях и действиях показывать себя самих и послушными чадами Православной Церкви, и истинными сынами Отечества, исполнять ваши обязанности по отношению к духовной и светской власти. Если сам отец дома осуждает порядки и строй государства, издевается над действиями и распоряжениями светского начальства, если он нападает на уставы и постановления Церкви, если сам не исполняет ни предписаний начальства, ни заповедей церковных – то каким образом он может ожидать послушания от своих детей? Если он сам ничего не хочет знать о наместниках Бога, каковыми служат духовные и светские власти, то каким образом может надеяться, что его дети будут почитать в нем наместника Бога? Если отец сам присягнул, так сказать, ложному прогрессу и губительному духу времени, то это, несомненно, будет уделом и детей его.

Итак, христианские родители, повторим кратко сказанное. Прежде всего, приучайте ваших детей повиноваться вам ради Бога. Подавляйте с самых ранних пор их своеволие. Не давайте им всего того, чего они от вас требуют, – напротив, приучайте их к самоограничению и воздержанности. Требуйте от них самого скорого и точного послушания, приучайте их исполнять вашу

волю по первому же вашему слову. Строго настаивайте всегда на исполнении того, что вы раз приказали или запретили. А чтобы можно было вам так действовать, не приказывайте ничего невозможного, ничего чрезмерно трудного, не будьте в ваших требованиях капризны, несправедливы и грубо самопроизвольны, не позволяйте сегодня того, что вчера запретили. Будьте, наконец, согласны в ваших требованиях и запрещениях. Умейте приобретать у детей своих необходимое уважение. Вселяй те в них истинную любовь к вам. Но особенно показывайте в вас самих образец для них. Трудно все это, требует особого внимания и усердия, но с помощью Божиею блюдите сии правила и условия – и получите таких послушных детей, которые составят радость и честь вам и о которых можно будет сказать то же, что сказано у евангелиста Луки о младенце Иисусе: Он преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков (Лк.2:52). Аминь.

6. Воспитание правдивости

Злой порок в человеке – ложь (Сир.20:24)

Поведение лживого человека – бесчестно, и позор его всегда с ним (Сир.20:26)

Среди добродетелей, которые насаждать в сердцах детей следует с особенной настойчивостью, важное и коренное значение имеет правдивость, или чувство любви к истине и отвращения ко лжи.

После послушания этой добродетели нужно предоставить второе место. Если ложь – корень всякого порока, то правда – начало и основание почти всех добродетелей, а посему на воспитание и насаждение правдивости в детях должно быть устремлено по преимуществу внимание родителей. Каким же способом родители должны и могут воспитывать в душах детей своих эту добродетель?

Чувство истины и стремление к ней прирождено всякому человеку, а следовательно, и дитяти. Правда, наследственным грехом оно ослаблено и помрачено, но отнюдь не погашено и не подавлено совершенно. Это стремление к истине обнаруживается в его любознательности. Дитя спрашивает о всем, и все, что говорят ему взрослые, оно принимает за сущую правду, пока оно еще не было обмануто. Невинное, неиспорченное дитя ничего не знает о лжи и лицемерии – напротив, оно краснеет за себя не только когда из-за поспешности сказало неправду, но и тогда, когда слышит ее из уст других. Чувство истины вложено в сердце дитяти Самим Богом. Человеку остается только соблюсти этот естественный залог, более развить его и укрепить. А это лежит главным образом на обязанности родителей. Как же могут они это сделать? – Двояким образом, а именно: 1) тем, если с колыбели будут насаждать в своих детях глубокое благоговение и любовь к истине, и 2) тем, если с этого же времени будут развивать в них глубокую ненависть ко лжи.

В смысле ответа на вопрос о том, как воспитать в детях любовь или благоговение к истине, можно указать три главных

правила, которыми следует руководствоваться в этом случае.

а) Первое из них гласит: учите детей ваших любить истину на религиозном основании, из любви к Богу и повиновения Ему. Дитя должно потому любить истину, правду, что Бог, Который есть вечная и неизменная истина, хочет, чтобы и мы говорили истину, и потому, что Он ненавидит всякую ложь. Только та любовь к истине выдерживает всякую пробу, которая основывается на вере в Бога, на глубоком благоговении к Нему.

б) Второе правило говорит: относитесь к вашим детям с полнейшею откровенностью и искренностью и показывайте, что вы имеете к ним полное доверие. Верьте им на слово до тех пор, пока вы не заметили в них никакой лжи. Не требуйте от них для подтверждения сказанного ими клятвы или божбы, довольствуйтесь в обращении с ними евангельскими «да, да», «нет, нет». Если же вы имеете достаточное основание сомневаться в словах их, то не давайте на первый раз им заметить, что вы им не верите, но постарайтесь с точностью убедиться, действительно ли они солгали. И если это случилось, то позови ты, отец, или ты, мать, к себе дитя, серьезно и строго, но вместе с любовью посмотри ему в глаза и скажи ему приблизительно так: «Бог запретил лгать; Он всеведущ и знает не только дела, но и все тайные наши мысли; лживые уста – мерзость пред Богом». И краснота, которая выступит на лице дитяти, вынудит его сознаться во лжи и послужит уроком и на будущее время.

в) Третье правило гласит: показывайте сами пред детьми вашими любовь к истине и благоговение пред нею и будьте во всех ваших словах и делах правдивы и нелицемерны. Прежде всего показывайте себя друзьями божественной истины, религии и веры. Остерегайтесь прежде всего равнодушия в вере и особенно бойтесь высказываться, например, таким образом, что частная жизнь несколько не зависит от веры. В таких речах, которые в настоящее время приходится, к несчастью, слышать очень нередко, высказывается дух лжи в самом «святом святых», и если вы позволяете себе высказывать такие мысли в присутствии детей ваших, то вы не только исторгаете из сердец их любовь и благоговение пред

религиозною истиною, но и убиваете вообще всякое чувство истины. Если бы для Бога на самом деле было безразлично, имеем ли мы о Нем и Его существе истинное понятие или ложное, исповедуем ли мы истинную религию или ложную, то почему тогда не быть человеку равнодушным к истине и в обыкновенных вещах? И если тот, кто по собственной вине увлекся ложной религией и совсем отвергает откровение непогрешимого Бога, был бы пред Богом так же угоден, как и исповедующий истинную веру, то почему бы истина имела такую великую цену в мирских делах? Если, наконец, правы те, которые говорят, что нет никакой богооткровенной религии, и если, таким образом, Бог истинный нашел не стоящим труда открыть нам истину в отношении к важнейшим вопросам жизни, то каким образом можно было бы тогда требовать от человека, а, следовательно, и от дитяти, чтобы они говорили правду в маловажных делах? Вот почему если хотите, христианские родители, чтобы ваши дети любили правду, то внушайте им прежде всего любовь и благоговение к божественной истине. Замыкайте ваши сердца и детей ваших от равнодушия в религиозных предметах. Если дети замечают, что вы легко относитесь к религиозным истинам, что вы не веруете слову Божию, то можете ли вы надеяться, чтобы они сами не стали точно так же относиться к истине? Проявляйте же поэтому любовь к религиозной истине сами, развивайте ее в сердцах и детей ваших. Но будьте и в других отношениях в своей жизни искренни и справедливы, избегайте всякой неправды, притворства и лицемерия в обращении с другими. Если ваши дети видят, что вы допускаете притворство в обращении с другими, употребляя при этом всякую хитрость и уловки, лицемерие и коварство, если они замечают, что вы в отношении известных лиц прикидываетесь друзьями, но в душе презираете их и заочно насмехаетесь над ними, то скоро и дети ваши сделаются не лучше вас. Если же, наоборот, – во всем образе своей жизни будете показывать отвращение ко лжи и лицемерию, к лести и коварству, тогда и дети ваши будут носить истину в сердцах, не имея лжи и коварства на языках.

Но, воспитывая, с одной стороны, любовь, и благоговение к истине, с другой стороны, вы неумолимо должны бороться против лжи и неправды. Для достижения этой цели могут быть полезны следующие четыре правила:

а) Приучайте детей ненавидеть ложь из религиозных оснований, с обращением их внимания на Бога. Ваши дети должны избегать лжи не из боязни подвергнуться наказанию в случае улики в ней, но из основания того, что Бог запретил лгать, что каждая ложь пред Богом – грех. Как отвратительна ложь пред всеправедным Богом, доказывайте это детям словами Священного Писания вроде, например, следующих: *Мерзость пред Господом – уста лживые, а говорящие истину благоугодны Ему* (Притч.12:22). Внушайте им, что ложь изобретена диаволом, когда он впервые обманул Адама и Еву в раю, почему Сам Спаситель сказал о нем: *он лжец и отец лжи* (Ин.8:44), и что, следовательно, те дети, которые лгут, подражают сатане и уподобляются ему.

б) Второе правило говорит: не допускайте в ваших детях ни малейшей лжи. Если дитя сделало ошибку и сейчас же добровольно и чистосердечно созналось в ней, то прости ему на первый раз, или если ошибка значительная, то смягчи ему наказание, но при этом скажи ему, что ему сделано снисхождение за то, что скоро созналось. Впрочем, не следует при этом снисхождении заходить далеко, чтобы не дать дитяти возможности при склонности ко лжи пользоваться этой снисходительностью. Напротив, если дитя сделало что-либо дурное и отвергает это, то за такой поступок следует удвоить наказание, сказавши при этом, что это-де за проступок, а это еще за ложь. Если дитя из мести или злости скажет дурное о другом, следовательно, оклеветает его, то за это оно должно быть не только подвергнуто соответствующему наказанию, но его необходимо заставить сознаться в этой лжи при всех, которые слышали ее. Этого требует и нравственный христианский закон.

в) Третье правило гласит: никогда не лгите, не обманывайте сами, не терпите, чтобы малютки были обманываемы старшими братьями, сестрами, прислугою и т.п. Как часто случается, что

для того, чтобы заставить замолчать плачущего ребенка или успокоить его, прибегают к обману: или запугивают его, или дают разные обещания, которые никогда не исполняются! Какой великий вред получается отсюда! Малютка скоро замечает, что его обманывают, и его вера в слова родителей, его чувство истины чрез это сильно страдает и колеблется.

г) Четвертое правило говорит: не вынуждайте ваших детей намеренно или ненамеренно ко лжи сами. Намеренно может делаться это тогда, когда отец или мать в известных случаях строго и сердито, а то и с розгой в руках, подступают к ребенку, говоря: скажи, кто это сделал! Или: я изобью тебя, если ты это сделал! и т.п. Удивительно ли, если оробевшее дитя солжет? Но что сказать о том, если родители еще хохочут над ложью своих детей, если они даже похваляют их за то, что они остроумно и хитро умеют лгать? Или что подумать о тех родителях, которые подучивают даже детей лгать, помогая им в обмане, например, начальствующих или учителей, чтобы выпутаться из затруднительного положения и избежать взыскания? Такие родители, если они еще заслуживают этого названия, суть соблазнительники своих собственных детей. Что удивительного, если такие дети впоследствии будут и клеветать, и обманывать, и воровать? Ибо опыт показывает, что кто ни во что ставит ложь, тот не задумывается украсть и обмануть.

Вот, слушатели-христиане, правила, которые могут быть полезными при воспитании в детях, с одной стороны, чувства любви и благоговения к истине, а с другой – глубокого отвращения и ненависти ко лжи! Учите ваших детей любить правду из любви к Богу по преимуществу. Относитесь к ним всегда с откровенностью и доверием. Показывайте пример вашей собственной любви к истине во всех делах и словах ваших. Внушайте им, как мерзка и отвратительна всякая ложь в глазах Бога. Не терпите самой малейшей неправды из уст ваших детей, но и не обманывайте их сами и не допускайте, чтобы обманывали их другие. Остерегайтесь, наконец, намеренно или ненамеренно склонять их ко лжи.

7. Воспитание самоограничения

Говорю это не потому, что нуждаюсь, ибо я научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке (Флп.4:11–12)

Главный недуг, которым страдает наше время, это – неудержимая, с каждым годом и днем распространяющаяся страсть к наслаждению. Все хотят хорошо жить и только наслаждаться. Многие из современников наших слова нечестивца в книге Премудрости сделали для себя правилом жизни: *Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью; преисполнимся дорогим вином и благовониями, и да не пройдет мимо нас весенний цвет жизни; увенчаемся цветами роз прежде, нежели они увяли; никто из нас не лишай себя участия в нашем наслаждении; везде оставим следы веселья, ибо это наша доля и наш жребий* (Прем.2:6–9). Но так как у многих из людей недостает средств, чтобы удовлетворить свои страсти к наслаждению, то вот почему в наше время так много недовольных и несчастных. Если вы, христианские родители, хотите, чтобы ваши дети были счастливы, то старайтесь подавлять в них эту неудержимую страсть к наслаждению, приучать их к непритязательности и к довольству своим положением. Вы тогда только сделаете их счастливыми, когда разовьете в них тот дух, которым исполнен был апостол Павел, сказавший о себе: *я научился быть довольным тем, что у меня есть* и проч. Но довольными они могут быть только тогда, когда с малолетства научатся умеренности, воздержанности и самоотвержению. Вот почему родителям как можно ранее нужно приучать детей к самоограничению, или самоотвержению.

Чтобы сделать детей способными к такой добродетели, вы, родители, должны побеждать и подавлять в них чрезмерное развитие чувственности. А в достижении этой цели вам может помочь соблюдение следующих правил:

1) Не изнеживайте детей, но всеми мерами укрепляйте их телесный организм. Дети нежного воспитания имеют большую частью слабое, болезненное телосложение, а в болезненном, изнеженном теле живет по большей части и больная душа. Организм, изнеженный неправильным питанием, служит не только плодоносною почвою для нецеломудрия, но и для многих других грехов и пороков. Дети же, телесно укрепленные благоразумным воспитанием, пользуются большею частью хорошим телесным здоровьем, а в здоровом теле, еще по выражению древних, живет и здоровая душа. Чело, закаленное при благоприятном воспитании в трудах и лишениях, представляет хорошее орудие для совершения различных подвигов и добродетелей. Но чтобы сделать крепким и выносливым телесный организм детей, не закутывай их в слишком теплую одежду, хотя бы в зимнюю пору, не постилай им слишком мягких пуховиков, не позволяй слишком долго спать – от восьми до девяти часов для маленьких, от семи до восьми часов для подрастающих вполне достаточно. Приучай детей, чтобы они сейчас же, как только проснутся, оставляли постель. Строго наблюдай затем, чтобы они каждое утро умывали руки, лицо и шею холодною водою. Приучай их переносить всякую перемену погоды, как-то: дождь, снег, холод и жар. А когда дети подвергаются болезни, учи их переносить страдания и скорби без жалоб и ропота из любви к Богу и распятому Спасителю. Бедные родители должны располагать детей своих добровольно принимать и безропотно переносить бедность и нужду, руководясь примером бедного Иисуса. Вместе с благочестивым Товитом пусть они говорят своим детям: *Не бойся, сын мой, что мы обнищали: у тебя много, если ты будешь бояться Господа и, удаляясь от всякого греха, делать угодно пред Ним (Тов.4:21)*. Таковые родители не должны в присутствии своих детей роптать и жаловаться на свою бедность, не должны с завистью или ненавистью смотреть на тех, которые лучше или богаче их живут, потому что через это они могут только возбудить в них недовольство своею судьбою и сделать их несчастными. В этом отношении бедным родителям не следует забывать того, что сказал мудрый

Соломон: *Не заботься о том, чтобы нажить богатство; оставь такие мысли твои. Устремишь глаза твои на него, и – его уже нет; потому что оно сделает себе крылья и, как орел, улетит к небу (Притч.23:4–5).*

2) Второе правило гласит: приучай детей твоих к трудолюбию и правильной деятельности. Труд укрепляет телесные силы и сохраняет здоровье души; напротив же, праздность ослабляет тело и портит душу. По крайней мере, еще мудрый Сирах заметил: *праздность научила многому худому (Сир.33:28)*, а по известной пословице, она есть мать всех пороков. Но ведь человек, а следовательно, и дитя, в силу общей порчи, которая распространена на всех нас наследственным грехом, от природы склонен к лени и покою. А потому родители не должны потворствовать этой естественной склонности в своих детях, а напротив, преодолевать ее, приучая их с самого раннего возраста к труду и прилежанию. А этого они могут достигать не иначе, как чрез привлечение их к домашним нетрудным занятиям и ремеслам. Если дети уже ходят в школу, то родители строго должны следить, чтобы они всегда исправно и аккуратно готовили свои уроки. А коль скоро они обнаруживают достаточную крепость физических сил, то можно употреблять их и в более трудных домашних занятиях, равно как для работ в поле и в лесу. Впрочем, при этом нужно обратить внимание на следующие два обстоятельства. Во-первых, не следует детей настолько заваливать работою, чтобы им не оставалось времени для учения и отдыха. А во-вторых, не нужно назначать им такие работы, которые превышают их силы, так как это препятствовало бы правильному телесному развитию и вредило бы их здоровью, и также чрезмерное обременение отбило бы у них всякую охоту к работе и породило бы в них отвращение к ней. Но, приучая детей своих к трудолюбию, родители должны вместе с тем приучать их к аккуратности и порядку. Не следует представлять собственной воле и желанию детей, когда им вставать от сна и когда ложиться спать, когда учиться и отдыхать, когда работать и играть. Всеу должно быть свое определенное время, определенный час: определенный час для

вставания от сна, определенный час для отхода ко сну, определенное время для еды и отдыха, определенное время для учения и для работы. Равным образом все, что принадлежит дитяти, должно иметь свое определенное место. Все, что нужно для него, как-то: школьные книги и тетради, одежда, а равно и игрушки – все это должно всегда лежать на своем определенном месте.

3) Третье правило гласит: приучай детей с самого младенчества к умеренности в пище и питье. При этом следует на многое обратить внимание. Прежде всего не допускай, чтобы дети слишком много ели. Не следует детям давать всегда есть столько, сколько они хотят. Еще хуже принуждать их есть еще и после того, как они сами кончили еду. Далее, наблюдай, чтобы дети не нападали на пищу с жадностью, чтобы не ели слишком скоро и чтобы не пили в жару и в испарине. Ибо, не говоря уже о том вреде, который может произойти отсюда для здоровья дитяти, это обнаруживает низкое, неблагородное чувство, если они так мало умеют обуздывать в себе приятный вкус. Далее, для принятия пищи должно быть свое определенное время. Не позволяй детям есть безвременно, ибо чрез это чрезмерно развивается в них чувственность и страстность к объедению. Если дети, кроме обеда и ужина, получают еще скромный завтрак и полдник, то этого вполне достаточно. Тщательно предостерегай детей от лакомства. Равным образом не допускай, чтобы они были слишком разборчивы в пище. Дети должны кушать всякую здоровую и простую пищу. Обильная мясная пища детям вредна: чем менее дети, тем менее нужно давать им мяса. Слишком пряные, острые кушанья и крепкие напитки, как-то: черный кофе, крепкий чай, а тем более вино – для детей совсем непригодны. Родителям следует остерегаться слишком много говорить при детях об изысканных яствах и питиях, потому что через это дети очень легко приходят к мысли, что еда и питье – главное дело, и таким образом развивают в себе страсть к чревоугодию. Далее. Приучай детей иногда кое в чем себе отказывать и выходить из-за стола прежде, чем вполне насытятся, особенно когда на столе подаются самые излюбленные их кушанья. Наконец, приучай

детей любить умеренность и питать отвращение к неумеренности и пресыщению из религиозных побуждений, внушай им постоянно, что умеренность и воздержание есть угодная Богу добродетель, а неумеренность и невоздержание – неприятный Ему порок и один из семи главных грехов, порождающих много других грехов и пороков.

Так мы советуем воспитывать в детях способность к самоограничению и воздержанию и побеждать в них чрезмерное развитие чувственности. С помощью Божией предохраняйте ваших детей от изнеженности и укрепляйте их организмы благоразумным воспитанием и упражнением их телесных сил, приучайте их сызмала к трудолюбию и аккуратности, к умеренности в пище и питии и к выносливости. Этим вы убьете в них яд чрезмерного самолюбия и чувственности, сделаете их способными к совершению всяких нравственных подвигов и добродетелей, сильными в борьбе против страстей и порока. Каково бы впоследствии ни было их призвание и общественное положение, они везде будут нравственными и добродетельными, довольными, жизнерадостными и счастливыми людьми, любезными вам и Богу.

8. Воспитание чувства стыдливости

В ряду добродетелей, которые должны быть присущи всякому благовоспитанному дитяти, не последнее, а одно из первых мест занимает чувство стыда, или стыдливость. Она требует особых забот и особенного внимания со стороны родителей, обязанных ее воспитывать в своих детях.

Чувство стыда, так же как и чувство истины, прирождено каждому ребенку. Задача родителей и воспитателей в данном случае состоит в том, чтобы не дать погаснуть этому чувству, но воспитать его, развить и укрепить. При этом, христианские родители, заметьте и соблюдайте следующие правила:

1) Предохраняйте ваших малюток от всего, что растлевают святое чувство стыдливости. Как часто и тяжело погрешают в этом отношении многие родители или по неблагоразумию, или по недостатку бдительности! Как часто можно наблюдать, что матери позволяют своим малюткам на глазах подрастающих сестер и братьев оставаться в полунагом или совершенно обнаженном состоянии, не воспрещают им бегать не только дома, но и на улице в одной сорочке, позволяют безнаказанно отправлять свои естественные потребности на улице, на глазах других, раздеваться друг при друге во время купанья, при отходе ко сну, лежать в обнаженном виде на постели и т.п. Христианские родители! Допуская подобные поступки, вы тяжело согрешаете против детей ваших и вместо стыдливости развиваете в них чувство бесстыдства. Не смотрите на подобные поступки как на невинные, но подвергайте ваших малюток строгим взысканиям, когда замечаете в их действиях что-либо бесстыдное. При этом нет, конечно, нужды входить в какие-либо многословные объяснения и наставления: это было бы совершенно излишне и могло бы принести скорее вред, чем пользу. В таких случаях довольно одного серьезного замечания, одного краткого предостережения. Если, например, малютка по глупости обнажит себя, то сейчас же прикрой его, не говоря ни слова. Если же более или менее взрослое дитя примет неприличное, противное чувству стыда положение, то скажи ему

серьезно: «Ах, как это дурно! Кто так делает? Вперед чтобы этого не было. Подумай, хорошо ли это? Ведь на тебя в таком виде смотрит Бог и святой Ангел Хранитель», – или что-либо подобное. Если после неоднократных таковых замечаний не последует исправления, тогда необходимо построже наказать его. Когда родители будут поступать таким образом, тогда у детей очень рано созреет убеждение, что всякое нарушение стыдливости есть тяжкий грех, хотя бы это происходило без всякой дурной мысли. Напротив, если родители оправдывают своих детей в тех случаях, когда они, хотя и бессознательно, нарушают и оскорбляют чувство стыдливости, говоря, что дитя этого еще не понимает, то у него скоро притупляется нежное нравственное чувство, а впоследствии это легко подвергнет его искушению впасть в грех, совершить преступление, так как оно давно уже привыкло и к нечистым взглядам, и к обнажениям и прикосновениям.

2) Второе правило гласит: остерегайся, чтобы тебе самому не быть причиной растления невинности твоих детей. Но каким образом родители могут быть таковою причиной? Различным образом.

Очень многие родители уже при рождении передают своим детям страсть к чувственности, склонность к беззастенчивости как печальное и роковое наследство на целую жизнь. Именно: если родители с юности предавались чувственным удовольствиям, добрачное время провели в невоздержании и нецеломудрии, если они и в брачном состоянии переступают законную меру, не умея обуздывать свои плотские влечения, то подобная похотливость наследственно переходит и на детей. Чувственные родители рожают и детей с склонностью к чувственности. Пусть это крепко помнят как родители, так в особенности и юноши и девицы, имеющие вступить в супружество. Грехи юности родителей часто самым горьким образом отражаются и на детях. Далее, родители часто бывают виновны в растлении, порче детей и тем, что они слишком нежат их. Дети, которые спят на слишком мягких и теплых пуховиках, долго по пробуждении остаются в постели, дети, которым дают слишком питательную и приправленную пряными

веществами пищу или которых слишком рано приучают к употреблению спиртных, горячительных напитков, наконец, дети, которые остаются в праздности без всяких занятий, – находятся в большой опасности потерять свою невинность и подпасть тайному греху юности. Праздность есть мать как всех вообще пороков, так в особенности нецеломудрия. Вот почему, если хотите вы, христианские родители, иметь детей стыдливых, целомудренных, здоровых телом и душой, то старайтесь закалять их с самого раннего возраста, приучать их переносить жар и холод, и нужды и скорби, упражняйте их в труде и работе и предохраняйте их от изнеженности, ибо изнеженное и отучневшее тело представляет из себя плодоносную почву для порока и нецеломудрия. Наконец, очень многие родители бессознательно или сознательно бывают соблазнителями своих собственных детей своим неосторожным, а иногда даже беззастенчивым поведением. Сюда принадлежат те, например, родители, которые на глазах своих детей совершенно свободно одеваются и раздеваются, матери, которые недостаточно скромно и аккуратно кормят грудью своих малюток, которые оставляют четырех и пятилетних и более детей спать в одной с собою спальне, а иногда даже кладут на одну с собою постель; далее, родители, которые между собою или с другими в присутствии детей ведут нескромные двусмысленные разговоры, рассказывают соблазнительные происшествия, допускают нескромные, безнравственные шутки и остроты, в слишком грубых выражениях говорят о половых отношениях, слишком свободно держат себя в своем взаимном обращении и т.п. Ко всем родителям, которые таким образом ведут себя на глазах детей своих, вдвойне, даже втройне приложимы страшные слова Спасителя: *кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской* (Мф.18:6). Бойтесь же, христианские родители, навлечь на себя этот страшный приговор, избегайте в ваших разговорах, в вашем взаимном обращении, во всем вашем поведении всего того, что для ваших детей может служить камнем соблазна и преткновения, что может обращать их

внимание на такие вещи, которых им лучше не знать. Держите ваших детей, до тех пор, пока это возможно, в совершенном неведении касательно половых отношений. Если же ваши дети сами спрашивают о такого рода предметах, то отвечайте осторожно, уклончиво, не открывая им всей истины и не прибегая к обману и сказочным выдумкам. Но при этом никогда не нужно внушать им, что очень грешно говорить о таких предметах с другими. Неблагоразумно наталкивать детей на такого рода вопросы, так как чрез это еще более разжигается их любопытство и они могут искать удовлетворения ему у других и скорее всего у своих товарищей; но само собою понятно, что гораздо лучше, если взрослое дитя узнает об этих вещах из уст благочестивых родителей, чем от легкомысленных или порочных товарищей.

3) Третье правило гласит: наблюдайте за малыми детьми, чтобы они не имели никакого повода соблазняться на нарушение целомудрия. И в этом случае на первом плане должен быть самый бдительный глаз за спальнями малюток. Некоторые из детей портились и теряли свою невинность вследствие того, что имели одну постель со своими братьями и сестрами. Устраивайте поэтому, родители, каждому из детей особую постель, если есть у вас для этого какая-нибудь возможность. Но ни при каких обстоятельствах и ни под каким видом не позволяйте детям различного пола спать на одной постели. Это ужасное, но, к сожалению, нередко у нас встречающееся зло строго осуждаемо было и святыми отцами Церкви и лучшими педагогами всех времен. «Ни бедность, ни теснота помещения, – говорит один из них, – не может служить здесь извинением, ибо гораздо лучше было бы, если бы они спали на полу или даже под открытым небом». Что же сказать в этом случае о тех родителях, которые только по скупости и жадности не хотят устраивать особую постель для каждого из подрастающих детей своих? Если есть в доме прислуга, то родители тщательно должны следить за тем, чтобы она сознательно или несознательно не причинила детям никакого нравственного вреда. В особенности не следует допускать, чтобы дети подвержены были со стороны неразумных нянек или

бонн щекотанию, что делается с целью заставить дитя поскорее заснуть. Не держите, христианские родители, хотя бы ради ваших детей, ни слуг, ни служанок, которые ведут сомнительный или явно нецеломудренный образ жизни. Далее. Строже следите, чтобы в вашем доме не было ни книг, ни картин, которые по своему содержанию вредны и могут, если попадутся детям на глаза, подвергать опасности их невинность, осквернять чистоту их чувств и воображения. Само собой разумеется, что на вас же, родители, лежит обязанность следить за детьми и тогда, когда они бывают на уличных играх, и не позволять им иметь общение с детьми испорченными, грубыми и неблаговоспитанными.

4) Четвертое, наконец, правило говорит: насаждай в сердцах детей твоих любовь к стыдливости и целомудренной честности из религиозных оснований, а не из приличий только света. Если вы хотите воспитать в детях ваших стыдливость только потому, что вольное поведение может вредить им в глазах людей, то вы таким образом не воспитали бы и не насадили бы в сердцах их той истинной чистоты, которая одна только угодна Богу. В этом случае ваши дети казались бы чистыми и невинными только пред лицом мира, но сердце их могло быть гнездом нечистых страстей. Чтобы они были поистине чисты и невинны, для этого вы должны научить их любить чистоту и невинность ради Бога и ради же Бога питать отвращение к нечистоте и нецеломудрию, так как насколько приятна Богу добродетель целомудрия, настолько мерзок и отвратителен для Него порок нецеломудрия. Необходимо для этого постоянно указывать детям на глаз Бога, который видит все и сокровенное, проникает и в самые глубокие тайники сердца, пред Которым, следовательно, ничто не может сокрыться и Который на каждый нецеломудренный помысл, на каждое нечистое пожелание смотрит как на тяжкий грех. При этом полезно напомнить им о святом Ангеле Хранителе, который и днем и ночью, всегда присутствует при них и бдительно следит за ними, и если он заметит в их мыслях нечто нечистое, то он будет обвинителем их пред Богом. Страх пред всеприсутствием и всеведением Бога и постоянное

памятование об Ангеле Хранителе будут лучшими стражами невинности и целомудрия детей.

Вот каким образом надлежит воспитывать в детях святое чувство стыдливости.

9. Зависть

Завистью диавола вошла в мир смерть, и испытывают ее принадлежащие к уделу его (Прем.2:24)

Очень распространенный между детьми и не менее гордости и скупости опасный порок – это зависть, или недоброжелательство к ближним. Завистливый человек, возлюбленные слушатели, досадует и терзается, когда ближнему его улыбается счастье, и радуется, когда этот терпит неудачи и несчастья. Омерзительно и возмутительно такое настроение вообще у людей, но в особенности у детей. Посмотрим же, каким образом родители должны подавлять в сердцах детей своих зависть и недоброжелательство.

Мы укажем следующие главные правила или родительские обязанности по отношению к этой страсти у детей. Прежде всего старайтесь подавлять зависть в сердцах детей своих при самом первоначальном ее проявлении. Зависть у детей может обнаруживаться в различных формах. Если дети при употреблении пищи торопливо и спешно берутся за свои тарелки, чтобы не отстать от других, если они, осматриваясь кругом, быстро начинают есть, чтобы, окончив раньше других, получить еще, если они с печальным выражением лица смотрят на тарелки своих братьев и сестер, думая, что эти последние получили больше их, если они данные им порции сравнивают одну с другою, чтобы видеть, не получил ли один более другого, если они, наконец, сравнивают между собою купленные им игрушки, одежды или школьные принадлежности, чтобы видеть, не получил ли кто-либо что-нибудь более ценное и красивое, – то это верные признаки завистливого сердца у детей. Таких проявлений недоброжелательства не должны терпеть христианские родители, но должны тотчас же принимать против него меры и подавлять его всюду, где оно обнаруживается.

А для сего детей тщательно нужно приучать к тому, чтобы они были довольны тем, что им дают. Если дитя с недовольством отталкивает от себя предлагаемые ему вещи потому только, что и другое получает то же самое, то зависть

пустила уже глубокие корни в его сердце, и такой поступок требует всегда строгого и чувствительного наказания. Обратная сторона зависти есть злорадство, которое очень замечается у детей. Оно может точно так же обнаруживаться в различных формах. Если дитя смеется при наказании другого, желая тем причинить ему еще более скорби, то справедливость требует подвергнуть такому же наказанию и его. Если одно дитя несправедливо жалуется на другое, заведомо ложно обвиняет его с недоброжелательною целью, то его нужно подвергнуть строгому взысканию. Даже когда дети раскрывают и действительные проступки и шалости других, то и тогда не следует поощрять их к тому, если они это делают с той только целью, чтобы повредить другим и подвергнуть их наказанию. Да и вообще не следует потворствовать наущничеству и позволять, как говорят, выносить сор из избы, так как это имеет источник свой большею частию в ненавистном и недоброжелательном сердце и приучает малюток к клевете. Вообще, передача о шалостях и проступках других тогда только должна быть допускаема со стороны детей, когда их спрашивают об этом отец или мать, воспитатель или учитель. Но при этом всегда нужно внушать им, чтобы они, по примеру египетского Иосифа, о проступках своих братьев, сестер или товарищей говорили не из желания им вреда, но чтобы положить пределы греху.

Второе правило гласит: не вызывай сам зависти у твоих детей. А это случается тогда, когда родители неодинаково относятся к детям, предпочитая одного другому. Родителям не следует иметь между своими детьми никаких так называемых любимцев; они должны всех любить одинаковою любовью, всех измерять одною меркою – в противном случае они могут возбудить недоброжелательство и зависть в сердцах тех детей, к которым менее будут проявлять любви. Они должны одинаково со всеми поступать в отношении пищи: мать не должна что-нибудь особенное готовить для того дитяти, которое несколько моложе других. Одинаково должны они поступать и в отношении одежды и игрушек детских: не следует одному делать костюм красивее, покупать игрушки лучше, чем другому. Равным образом одинаковою для всех меркою должны быть

измеряемы похвала и порицание, награда и наказание. Не следует младших оставлять без наказания за те проступки, за которые подвергаются взысканию старшие. Вдвойне велико искушение делать разницу между детьми для отчима и мачехи. Они в особенности должны заботиться о том, чтобы не обнаруживать пристрастия в своих отношениях к детям. Со сводными детьми ни отчим, ни мачеха не должны поступать строже, чем со своими кровными, никогда не должны потворствовать последним в том, за что наказываются пасынки и падчерицы. Какие дурные последствия могут проистекать от неодинакового отношения к детям, когда они предпочитают другим, это видим мы из истории о братьях египетского Иосифа, которые настолько озлоблены были на последнего за то, что отец любил его более, чем их, что сначала хотели убить его, а потом продали в рабство.

Третье правило говорит: не учи детей твоих отвратительному пороку зависти своим собственным примером. Если дети часто слышат, как отец или мать их недоброжелательно и с завистью высказываются о своих соседях, соторговцах или сослуживцах, вообще, если бедные родители позволяют себе в присутствии детей с завистью говорить обо всех богатых, высказывать свое недовольство на то, что они не так состоятельны, не так счастливы в своих делах и предприятиях, как тот или этот, – короче, если дети дома ежедневно и ежечасно ничего более не слышат, как только исполненные зависти недоброжелательные речи родителей о своих ближних, то что удивительного, если зависть и недоброжелательство пускают свои корни и в их нежные детские сердца, которые всегда бывают более восприимчивы к злу, чем к добру?

Далее: очень часто неблагоприятные родители сами вливают в душу дитяти яд зависти при употреблении, например, ими пищи. Когда ребенок не хочет есть потому ли, что он сыт, или потому, что предлагаемая пища ему не нравится, то ему обыкновенно говорят: «Если ты сейчас не съешь, то я съем это», или: «Я отдам братишке, или прислуге, или кошке» и т.п. И вот из боязни, как бы не воспользовался пищею кто-либо

другой, ребенок с поспешностью начинает есть, и, когда окончит, ему говорят: «Вот умник, теперь ты скоро вырастешь большой». Не значит ли это силою вызывать у детей зависть и недоброжелательство? Не должна ли при этом явиться у детей мысль, что есть для того, чтобы эта пища не досталась кому-либо другому, есть дело достойное похвалы и одобрения?

Четвертое правило говорит: учи детей ненавидеть порок зависти прежде из религиозных побуждений. Зависть есть отвратительный порок; однако не это должно быть главным побуждением избегать ее. Зависть есть глупый порок, потому что она не приносит завидующему никакой пользы, напротив, один только вред, так как он отравляет ею только свою собственную жизнь, – но и не это одно должно побуждать вас предостерегать своих детей от зависти. Они скорее должны избегать ее, потому что она запрещена Богом, потому что она есть отвратительнейший грех пред Богом. Насколько греховна пред Богом зависть, это вы можете доказывать вашим детям, указывая на то, что она происходит от диавола. Он принес ее в мир, когда позавидовал блаженству Адама и Евы, которым они наслаждались в раю. Далее, тяжесть греха зависти вы можете выяснять детям, указывая на то зло, которое произошло от зависти. Из зависти сатана ввел в грех наших прародителей. Зависть сделала Каина братоубийцею. Из зависти братья Иосифа продали его в египетское рабство. Из зависти фарисеи ложно обвинили Спасителя и довели Его до крестной смерти. Как ненавистна пред Богом зависть, это, наконец, можно выяснять детям из того, что завидующий подражает диаволу и делается ему подобным, а потому пойдет некогда туда же, где и диавол, то есть в ад. Но самое сильное возражение против зависти высказал Сам Дух Святый устами мудрого мужа, когда он сказал: чрез зависть диавола смерть вошла в мир, и те, которые допускают ее в сердца свои, подражают ему.

Последнее правило, наконец, говорит: насаждай в сердцах детей своих противоположную этому пороку добродетель. Добродетель, противоположная пороку зависти, есть искренняя сердечная любовь к ближним, та любовь, которая всегда поступает по словам Спасителя: все, чего хотите вы от людей,

должны делать и для людей (Мф.7:12). Согласно с сим родители обязаны приучать своих детей к искренней, деятельной любви к ближним, учить их быть сострадательными к ближним и выражать свое участие в судьбе их не словами только, но и делом, быть по отношению к братьям и сестрам и другим детям услужливыми, предупредительными и ласковыми. Малютки должны быть приучаемы к тому, чтобы они радовались вместе с радующимися (Рим.12:15). Они должны быть приучаемы переносить слабости и недостатки друг друга, не говорить о недостатках и проступках братьев, сестер и товарищей по школе, если об этом их не спрашивают. С самых ранних пор нужно запечатлевать в сердцах их высокое значение заповеди о любви к ближнему, исполняющих которую Спаситель причисляет к ученикам Своим: *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин.13:35). Вот, братие, все главные средства к предохранению детей ваших от развития в них зависти и недоброжелательности. Вы слышали, какой глупый, вредный, богопротивный и поистине сатанинский этот порок, – так усильте, Христа ради, нашу энергию в борьбе с этим смертным грехом, воспользуйтесь всеми средствами и со всем усердием приложите указанные правила. Словом, воспитывайте ваших детей так, чтобы каждое из них было сыном Того Небесного Отца, Который все Свои творения любит одинаковою любовью и Который солнце Свое сияет на благие и злые, на праведные и неправедные.

10. Родительская бдительность

Внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями (Деян.20:28)

Такое увещание делает апостол Павел епископам Ефесской Церкви; приложимо оно и ко всем христианским родителям. И они суть такие же Богом поставленные епископы-наблюдатели за своими детьми, и они так же бдительно должны следить за порученным им стадом; *Я есмь пастырь добрый*, говорит Спаситель о Себе (Ин.10:11). И вы, христианские родители, являетесь пастырями, а овечки, пасти которых поручено вам, это – ваши дети. Думаю, что все вы желали бы быть добрыми пастырями, хорошо знать и добросовестно выполнять ваши пастырские обязанности, а первый долг и главное условие пастырской деятельности – бдительность. О ней, применительно к пастырско-родительским обязанностям, мы и побеседуем с вами. Чтобы ясней и доказательней представить вам это важное и существенное средство успешного воспитания детей, начертим образ доброго пастыря, каким он должен быть по отношению ко всем сторонам и условиям родительской жизни и деятельности.

Добрый пастырь прежде всего сознает, что стадо, которое он обязан пасти, принадлежит не ему, но что он должен дать за него ответ своему Господину; он сознает также и то, какое драгоценное благо в лице этого стада вручил ему Господин. Так и вам, христианские родители, особенно часто нужно приводить себе на память, что вы обязаны за наших детей дать отчет Господу Богу. Бог вверил вам их не как собственность, которою вы свободно можете распоряжаться по своей воле и произволу, но только как приставникам, как ответственным стражам. И какое высокое и драгоценное сокровище вверено вам в лице детей ваших! Вам вверено попечение не о бессловесных и неразумных животных, но о бессмертных человеческих душах, которые суть образы и подобия Бога: о душах, которые Спаситель купил бесконечно дорогою ценою Своей крови и которые освящены Духом Святым во святом крещении и

призваны к вечному блаженству. Какое драгоценное сокровище ваши дети, это вы можете видеть из того, что Бог к каждому из них, с самого появления их на свет, приставил Ангела Хранителя, который защищает и охраняет его от всякого зла как телесного, так и душевного. Господь поставил нас пастырями детей, которых в особенности любил и отличал Спаситель во время Своей земной жизни, которых Он выставлял пред Своими учениками как образец смирения, – пастырями детей, о которых Он сказал: *кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской* (Мф.18:5–6). Итак, видите, родители, какое драгоценное сокровище вручил нам Бог в лице ваших детей! Но и не забывайте никогда, что вы должны будете некогда дать строгий отчет за этот врученный вам талант. Да, вы ответите за каждого из детей наших, если допустите его до вечной гибели. Господь поставил вас надзирателями за душами детей наших – из наших же рук Он некогда потребует их и обратно. И горе, горе вам, если по вашей вине подвергнется вечной гибели хотя одна из таких душ! Но благо вам, если, представ некогда, в тот великий день Страшного Суда, пред лице Небесного Судии окруженные вашими детьми, вы вправе будете сказать Ему: се аз, Господи, и дети мои, которых Ты даровал мне, и не едино из них не погибло.

В сознании того, какое драгоценное сокровище вручил ему Бог, и в чувстве своей ответственности за целость его, добрый пастырь водит свое стадо только на добрые, злачные пажити. Он прилагает все свое старание и заботу к тому, чтобы ни одна из его овец не паслась вредной или даже ядовитой травы. Так и вы, христианские родители, должны заботиться о том, чтобы бессмертные души детей ваших кормить здоровою, питательною пищею. А таковою пищею для детских душ служит христианское учение и божественная благодать, изливающаяся на них в молитве и Таинствах православно-христианской Церкви. А путь и средства к тому – христианское обучение и наставление. Если хотите вести души детей ваших на добрые и

здоровые пажити, питать их хорошою пищею, то позаботьтесь обучить их с самого раннего возраста спасительным истинам христианства и приучать к ежедневной, в определенное время совершаемой молитве. Старайтесь доставлять им не один только телесный, материальный хлеб, но и духовный. Как нужно поступать в этом отношении с детьми и дошкольного возраста, и во время обучения их в школе, и по выходе из нее – об этом сказано было в прежних беседах.

Добрый пастырь, как мы уже сказали, заботится и о том, чтобы ни одной из его овец не попал вредный и ядовитый корм. Равным образом вы, христианские родители, если только хотите быть добрыми пастырями, должны предохранять ваших детей от вредоносной, ядовитой, смертоносной духовной пищи. Вы не должны допускать в ваших домах никаких сочинений, брошюр, книг и журналов, из которых ваши дети могут извлекать яд неверия или которые могут причинить вред их нравственной чистоте и невинности. Вы должны бдительно наблюдать, чтобы в руки подрастающих детей не попадали никакие книги, журналы и газеты, где открыто проповедуется неверие, осмеиваются обряды и обычаи Православной Церкви, представляются в карикатурном виде ее богослужение, ее служители и т.п. Равным образом не должны вы допускать и того, чтобы ваши дети, особенно подрастающие девочки, искали для себя развлечение в книгах, где рассказываются какие-нибудь любовные интриги и похождения, соединенные с нарушением целомудрия, брачного союза и т.п., и представляются как извинительные человеческие слабости. К такому сорту сочинений принадлежит большая часть романов и очень многие повести, помещаемые и современных беллетристических изданиях или издаваемые отдельными книгами. Когда вы берете из аптеки яд для истребления вредных домашних животных или насекомых, например мышей, крыс, тараканов и т.п., то вы стараетесь прятать его как можно подальше и запираете его в каком-нибудь безопасном месте, дабы никто из ваших детей не съел его и не причинил вреда своему телесному здоровью и жизни. – Еще крепче запирайте, еще дальше прячьте, прошу вас во имя блага ваших детей,

такие книги и сочинения, если уже так необходимо держать их в доме, в которых содержится яд неверия и безнравственности, или же, еще лучше, подражайте примеру первенствующих христиан, которые бросали в огонь таковые книги (Деян.19:19), дабы они не попали в руки детей ваших и не отравили их бессмертные души.

Добрый пастырь, наконец, с неусыпаемой бдительностью смотрит за своим стадом, чтобы не потерять ни одной из овец его и чтобы не порвался в его овчарню какой-нибудь хищный волк. Если заблудилась часть его стада, он бежит за нею и ищет ее до тех пор, пока не найдет. Каким же образом и вы, христианские родители, должны смотреть за вашими детьми, как за самыми малыми, так и за более взрослыми. Вы должны бдительно наблюдать за их поведением в церкви, на улице, в местах их занятий, игр и развлечений; следить за их общением с другими и за их товариществом, дабы они не развращались от других и не приобрели склонности к какому-нибудь пороку; следить за их уходом из дому и за возвращением домой. Особенно нужно бывает во время зимы иметь строгий глаз за детьми, когда при долгих вечерах могут возрасть для них разного рода опасности при недостатке бдительного за ними надзора. Христианские родители не должны терпеть никаких ночных отлучек и походов, никаких маскарадов и других опасных сборищ лиц обоего пола, а тем более каких-либо отношений и знакомств с людьми сомнительной нравственности. Но, к сожалению, как часто и много в этом отношении погрешают некоторые из родителей, как беспечно нарушают многие из них свои пастырские обязанности, когда они нисколько не заботятся о поведении своих детей и в доме и вне его! Когда у доброго хозяина сбежит со двора гусак и не возвратится к вечеру домой, то он обыкновенно старается отыскать его и до тех пор не затворяет ворот, пока не возвратится сбежавшее животное. Но как много таких родителей, которые преспокойно запирают двери дома и ложатся спать, хотя сына или дочери их нет дома, хотя бы они были в каком-нибудь маскараде, на танцах, в трактире или

проводили ночное время в других каких-нибудь не совсем нравственных и безопасных сборищах!

Если одно из детей твоих сбилось с пути, оставило путь добродетели и пошло по пути порока и греха, то твоя обязанность, христианский отец, христианская мать, догнать твое заблудшее дитя, упросить, умолить, запретить, предостеречь, наказать и до тех пор, так сказать, преследовать его твоими слезами и мольбами, пока оно снова не возвратится на истинный путь.

Таков образ доброго пастыря! Подражайте ему, христианские родители, и исполняйте верно и добросовестно пастырские обязанности в отношении детей ваших. Помните всегда, какое драгоценное сокровище даровал вам Бог в лице детей ваших, но и не забывайте того строгого отчета, какой вы должны будете некогда отдать за них пред престолом Вечного Судии. Водите всегда вверенных вам овец на добрые пажити, питайте их небесным хлебом христианского учения и божественной благодати, сообщаемой им в Таинствах Православной Церкви. Наблюдайте бдительнее за поведением ваших детей и дома и вне его, следите за их товариществом, за их уходом из дома и возвращением в дом.

А вы, христианские дети, будьте послушными овцами пастырей, которых приставил к вам Сам Бог. Слушайте советы и наставления ваших родителей, строго соблюдайте пятую заповедь, дабы наследовать вам и благословение ее. Если родители, таким образом, будут вести себя как верные пастыри, а дети – как послушные им овцы, тогда Господь Иисус, этот добрый Пастырь, приведет некогда и пастырей и овец к небесной пажити и к вечному блаженству. Аминь.

11. Борьба с главным пороком ребенка

Филистимляне, увидев, что силач их умер, побежали (1Цар.17:51)

Вы знаете, возлюбленные слушатели, что родители в целях доброго христианского воспитания должны не насаждать только доброе в сердцах детей своих, но и преодолевать, искоренять в них все дурное. У детей, рожденных в первородном грехе и окруженных грехами, много всего дурного; какая же дурная склонность или страсть прежде всего должна быть искореняема у детей, на борьбу с какою из страстей и пороков по преимуществу должно устремляться внимание родителей? Замечено, что каждый человек, а следовательно, и каждый ребенок, имеет один какой-нибудь главный недостаток, одну главную страсть, и хотя бы у тебя, христианский родитель, было десять детей, однако легко может случиться, что у каждого из них будет своя особая главная страсть. Одно дитя от природы особенно склонно к гордости, самолюбию, упорству, другое – к скупости и жадности, третье – к чувственности, четвертое – к зависти и злорадству, пятое – к лени и праздности и т.п. Главная страсть обыкновенно бывает одним из семи главных, так называемых смертных грехов. С этим замеченным и главным в ребенке грехом и нужно родителям первее всего бороться и всячески искоренять его, так сказать, в зародыше. Посмотрим теперь, почему над ним по преимуществу следует одержать победу и как легче распознать этот недуг детей своих.

Все вы знаете историю об исполине филистимском – Голиафе. Когда однажды войско филистимское и израильское расположились одно против другого, выступил надменный Голиаф, начал смеяться над израильтянами и с самонадеянною гордостью вызывал кого-либо из них на поединок. Никто не осмеливался противостоять необычайному исполину, сразиться с ним, пока юный пастух Давид, в надежде на помощь Божию, не выступил против него с одною пращою и не сразил его до смерти одним ловким и с силою нанесенным ударом. И вот, увидев, что сильный великан умер, филистимляне тотчас

разбежались. Выслушайте же приложение этой истории к предмету нашей беседы. Между различными греховными наклонностями, присущими твоим, отец, детям, есть своего рода Голиаф, то есть одна самая большая и самая сильная наклонность, или главная страсть. Против этой-то последней и следует тебе прежде всего бороться, ее-то и нужно скорее всего побеждать. Ибо если будет поражен Голиаф страстей, обуревающих душу детей твоих, то остальное полчище их рассеется само собою. Если ты хочешь очистить свое поле от сорной травы, то ты сперва должен умертвить ее корни: тогда сами собой засохнут и опадут ее листья и ветки. А главная страсть твоего дитяти есть корень, из которого выросли все другие грехи и недостатки. Если ты исторгнешь из сердца твоего ребенка этот коренной грех, то и другие грехи, так с казать, засохнут и отпадут. Если ты хочешь, чтобы высох ручей, то тебе необходимо вычерпать источник. А ведь главный и любимый грех твоего дитяти – это источник, из которого истекают все другие грехи и пороки. Исчерпай этот источник, удали главный недостаток, тогда исчезнут и все другие недостатки. Из сказанного следует, что весь успех воспитания зависит главным образом от того, чтобы убить в сердцах детей главную страсть. Мы уже неоднократно говорили и доказывали, что воспитание необходимо начинать с самого раннего их возраста, с младенчества. Если это можно сказать обо всем вообще деле воспитания, то тем более о борьбе против главной страсти. Отсюда и вытекает такое, очень важное правило: преодолевай как можно раньше главную страсть твоих детей. Чем дольше ты будешь ждать, тем сильнее и могущественнее будет страсть и тем труднее будет с нею справиться. Один отец привел однажды, рассказывает нам евангелист Марк в своем Евангелии (Мк.9:17–29), сына, одержимого злым духом, ко Спасителю, так как ученики Его не могли изгнать этого духа из больного. Почему же, спрашивается, не могли изгнать этого злого духа ученики Иисуса? Причину этого можно видеть из вопроса, поставленного Иисусом Христом отцу бесноватого: как долго одержим этим духом сын твой? – и из ответа отца на этот вопрос: с детства. Та необычайная сила, с которою злой дух мог то ударять больного

о землю, то бросать в огонь и воду, объясняется, как видите, тем, что он овладел им еще с детства и до сих пор никем еще не был изгнан. То же самое – заметьте, христианские родители, – может быть и с духом гордости, с духом тщеславия, сребролюбия и скупости и со всяким другим, обитающим в сердцах ваших детей. Если он не будет изгнан из них в самом раннем возрасте, то он засядет так крепко и такую возымеет силу, что впоследствии или с величайшим только трудом можно будет победить его, или же совсем нельзя будет преодолеть своими силами, и потребуются уже чудесная благодатная помощь для того, чтобы освободить, от него детей. Ужели вы настолько высокомерны, что можете требовать и надеяться на такое чудо? А если нет, то употребляйте все меры к тому, чтобы изгонять этот дух главной страсти из сердец детских, пока еще можно, своими силами.

Но, чтобы иметь надлежащий успех в излечении этого главного нравственного недуга детей ваших, для этого наперед нужно узнать его. Отсюда и возникает дальнейший, очень важный вопрос о том, каким образом родители могут распознавать главную страсть у каждого из детей своих?

По этому предмету или для этой цели предложим мы такие правила:

Старайся прежде всего узнать твой собственный главный недуг, твою собственную господствующую страсть. Кто хорошо знает самого себя, тому нетрудно будет узнать и других. Если это положение справедливо уже вообще, то тем более в отношении родителей. Отец, мать, хорошо знающие свое собственное сердце, которым известна их слабая сторона, их любимый главный порок, легко могут узнать его и у своих детей, так как дети очень часто наследуют дурные наклонности своих родителей: сын или дочь в большинстве случаев имеют главные недостатки, которыми страдают отец и мать. Но это самопознание – очень большое и трудное искусство, достигаемое с величайшим усилием и особенным старанием при помощи божественной благодати. Если хотите вы, христианские родители, достигнуть самопознания, то вы должны тщательно наблюдать за собою, за наклонностями и

влечениями своего сердца, усердно просить Бога о просвещении, чаще испытывать свою совесть, от времени до времени исповедовать свои грехи и вообще стремиться к истинному благочестию. Ибо только истинно благочестивый человек может хорошо знать самого себя.

Но если ты, по причине недостатка в тебе истинного благочестия, не узнал как должно себя самого и главного своего недостатка, то ты, может быть, хорошо знаешь твою половину, твою супругу или твоего мужа, знаешь очень хорошо его слабую сторону. И это может навести тебя на истинный путь при распознавании главных недостатков детей твоих. Наблюдай только попристальнее за всеми проявлениями воли детей своих – и ты, отец, откроешь, может быть, в твоей дочери тот самый недостаток, который ты так часто замечаешь в твоей жене; а ты, жена, присматривайся к поступкам твоего сына – и ты, быть может, заметишь в нем те же самые дурные наклонности, которые так часто проявляются в твоём муже и причиняют тебе так много скорби и неприятности.

Затем прислушивайся, что говорят о твоих детях другие. Чужие часто обыкновенно лучше видят недостатки в твоих детях, чем ты сам, так как не бывают ослеплены ложною любовью. Поэтому если кто-либо, например священник или учитель, с благим намерением обращает твоё внимание на тот или этот недостаток твоего дитяти, не сердись на него в неразумном чувстве оскорбленной родительской гордости, напротив, будь ему за это благодарен и пользуйся теми предостережениями, какие он тебе делает. Это может послужить, конечно, только ко благу твоему и детей твоих.

Люби ещё твоих детей благоразумною христианскою любовью. Неразумная, ложная любовь, какою она, к сожалению, большею частью бывает у родителей к своим детям, бывает обыкновенно одною из главных причин, почему они не замечают многих недостатков своих детей, почему они видят в них только хорошее и даже проявление их неблагонравия иногда считают за добрые качества. Не закрывай своих глаз на дурные поступки детей, не ослепляй себя ложною гордостью, лучше смирись и понеси небольшое уязвление

своего самолюбия, чем потом увидеть своих детей порочными и испорченными.

Наконец, тщательно следи за твоими детьми, особенно в тот момент, когда они не знают, что за ними наблюдают, именно: следи за ними во время игр, когда они находятся между равными и подобными им, когда большею частью открывается их истинная натура и скорее всего обнаруживаются добрые и дурные наклонности.

Главная страсть человека – вы знаете, возлюбленные слушатели, – имеет роковое, решающее значение во всем деле искоренения всего злого; поэтому стремитесь всеми силами, не пропускайте никаких средств, чтобы только открыть и выяснить ее. Пока вы не достигнете этого, до тех пор вы не можете надеяться на успех доброго воспитания. Открытая же и ясная в ваших глазах главная страсть дитяти – это, можно сказать, залог и основание для полного успеха. С упованием на помощь Божию начинайте потребную борьбу и не переставайте бороться до конца, до полного истребления известного порока. Если вам удастся таким образом вырвать корень греха, то мало-помалу исчезнет и вся сорная трава грехов в саду сердец детей ваших, и глаза Бога и святых Его Ангелов всегда будут взирать на них с любовью и благоволением.

12. О наказании как воспитательном средстве

В последней половине XVIII столетия в Германии появилось много педагогов – учителей воспитания, которые называли себя высоким именем филантропистов, то есть друзей человечества. Они хотели воспитывать детей, как они говорили, не христианами того или другого вероисповедания, но чистыми, натуральными людьми, и при этом они мечтали доставлять детям знания, воспитывать в них добрые качества самым приятным способом, без всякого принуждения и без слез, так сказать, играя. Само собою понятно, что при таком просвещенном искусстве телесные наказания и вообще наказания детей не могли быть признаны за воспитательные средства. К счастью, это направление в деле воспитания детей скоро было изменено, и здравый разум снова вступил в свои права. Скоро заметили, что при воспитании детей, как всегда учила христианская педагогика, не всегда можно ограничиваться только ласкою и добротою, но вместе с любовью необходимо употреблять при этом, как полезное средство, и строгость, вместе с наградою – и наказание.

Вот и побеседуем об этом предмете и постараемся дать ответы на следующие вопросы: за что нужно наказывать детей? Как нужно наказывать? И почему следует наказывать?

За что нужно наказывать?

Может быть, кто-либо из вас, слушатели, подумает сейчас: какой странный вопрос? За что же другое можно наказывать, как не за дурное? Прекрасно. Наказанию должно быть подвергаемо все дурное; но что же такое это дурное? Не все, что вы, может быть, разумеете под этим словом. Дурно только то, что греховно перед Богом, а отсюда вытекает следующий ответ на поставленный вопрос: наказывать следует только за то, что составляет грех пред Богом. Вдумайтесь, слушатели, в это основание и поглубже напечатлейте его в вашей памяти, чтобы сообразить с ним ваши действия. Дитя тогда только заслуживает наказания, когда оно сознательно и самовольно нарушило закон Божий, когда оно с сознанием и по своей

собственной воле сделало что-либо запрещенное заповедью Божиею или Церковью.

Следовательно, дети никогда не должны быть наказываемы за совершение чего-нибудь доброго. Но кто же это сделает, спросите вы? Конечно, естественно желать, чтобы этого никогда не было, естественно и сомневаться в возможности такового наказания, однако на деле, к сожалению, это бывает нередко. Здесь, например, дитя строго наказывается и даже подвергается побоям за то, что оно оказало услугу соседке, принесло ей что-либо по ее просьбе из лавки, или же за то, что посетило больного дитя соседа, с которым отец и мать живут во вражде. Там дитя навлекает на себя наказание тем, что не сумело солгать и сказало правду, чем поставило родителей в неловкое или затруднительное положение. В другом месте девочку наказывают за то, что она из любви к порядку и чистоте не хочет надеть худую, изорванную одежду или есть нечистой ложкой из немытой, запачканной тарелки. Далее, не случается ли детям подвергаться брани со стороны неблагоразумных и жестокосердных родителей за то, что они поделились чем-нибудь с бедными, оказали какую-нибудь услугу другому, не отомстили за понесенное оскорбление, или за то, что обнаружили особенную скромность или застенчивость? Точно так же дети не должны быть наказываемы за несовершенства и недостатки, которые они имеют от природы, за проступки, в которые они были вовлечены каким-нибудь несчастным случаем. Равным образом не должны они быть строго наказываемы за такие шалости и проступки, которые зависят более от юношеского легкомыслия и природной ветрености, чем обнаруживают в них злую волю. Поистине несправедливо и жестоко, например, наказывать ученика, мало способного от природы, но трудолюбивого и прилежного за то, что он не так скоро и не так хорошо prepares уроки и исполняет свои работы, как другие, более даровитые дети. Еще более было бы грубым варварством, до дикости странным, обходиться сурово и наносить побои детям слабым, больным и увечным по причине этих только природных недостатков, в которых они нисколько не виноваты. На дурные привычки детей при вкушении пищи,

сидении, походе и т.п., а также на отступление от правил приличия и нарушении так называемого хорошего тона хотя и должно обращать внимание и исправлять их, но наказывать за них так же строго, как за явные грехи и пороки, например за ложь, обман, клевету и кражу и т.п., было бы совершенно несправедливо и неблагоразумно. И, однако, как часто случается это в наших так называемых образованных классах! Равным образом в великое заблуждение впадают родители, когда строгость наказания измеряют тем вредом или убытком, который нанесло дитя своим проступком. Если, например, дитя по неосторожности или по детской рассеянности разобьет окно, стакан, тарелку и т.п., то многие родители из скупости за этот поступок наказывают гораздо строже, чем за совершение какого-нибудь тяжкого греха, например за кражу, за ложную божбу и т.п. Как это ни странно, а между тем бывает сказанное очень и очень нередко.

Показавши, за что следует и за что не следует наказывать детей, посмотрим теперь, как должно наказывать. Под этим «как» мы разумеем двоякое: во-первых, различные виды наказаний или средства, которые могут быть применяемы к детям, а во-вторых, род и способ, когда и как тот или другой из видов наказания может и должен быть применяем к делу.

Из видов и средств наказания прежде всего укажем на наказания телесные, которые издревле считаются и самыми распространенными, и наиболее действительными, и особенно чувствительными. Об этом средстве и его благотворном влиянии, когда употребляется оно надлежащим образом и в добрых намерениях, говорится в самом Священном Писании устами мудрого Соломона: *Розга и обличение дают мудрость; но отрок, оставленный в небрежении, делает стыд своей матери* (Притч.29:15). Об этом же говорит он и в другом месте: *кто любит, тот с детства наказывает* (Притч.13:25). А у Иисуса Сираха читаем мы: *Кто любит своего сына, тот пусть чаще наказывает его, чтобы впоследствии утешаться им. Кто наставляет своего сына, тот будет иметь помощь от него и среди знакомых будет хвалиться им* (Сир.30:1–2).

Но телесные наказания – отнюдь не единственное средство наказания, как думают иногда некоторые родители и воспитатели, которые за все проступки детей наказывают одними побоями. Например, есть еще много средств к наказанию. Между таковыми укажем еще и временное лишение обеда или завтрака, заключение в отдельную комнату (карцер), лишение удовольствия и игр, стояние на коленях, внушение или выговор и угроза.

Но когда и как те или другие из поименованных видов наказания должны быть применяемы к делу? Телесное наказание есть как первое, так и последнее, то есть самое строгое и чувствительное средство наказания, и потому должно быть употребляемо как можно реже и только при самых серьезных и важных проступках дитяти, и притом тогда только, когда все другие средства оказались бесплодными. Но раз если оно употреблено, то оно должно быть таково, чтобы дитя почувствовало его и надолго запомнило. Главнейшее и необходимое условие для допущения этого средства это – его редкое и, так сказать, вынужденное употребление, ибо от частых телесных наказаний дети делаются, как справедливо замечено, жестокосердными.

В каких же теперь случаях должны быть употреблены телесные наказания? На этот вопрос дает нам правильный ответ Священное Писание, когда оно говорит: *Глупость привязалась к сердцу юноши, но исправительная розга удалит ее от него (Притч.22:15)*. Отсюда следует, что телесные наказания должно употреблять в тех случаях, когда проступки дитяти проистекают из упорства и злой воли, когда оно от греха и страсти теряет рассудок. Поэтому такого наказания заслуживает только то дитя, которое, допустив ложь, не хочет сознаться в своей проступке и упорно отвергает его, которое и после неоднократных и строгих внушений не оставляет предосудительного поведения, обманывает, крадет, не слушается своих родителей и употребляет по отношению к ним бранные слова или поднимает на них руку, дерзко восстает против их распоряжений и наказаний, топает ногами, сердито отталкивает предлагаемые ему вещи, жестоко поступает с

более слабыми детьми или бедными животными и т.п. В таких и только таких случаях допускайте телесное наказание. Тяжелое и нежелательное это средство. Но если до него дошло дело, то обдумайте, и долго, всесторонне обдумайте поступок, вызывающий его, ибо оно – средство крайнее, последнее и даже опасное; да и кроме него есть немало иных, более мягких и не менее действительных наказаний. Например, весьма чувствительное средство есть временное лишение пищи. Лишение обеда, завтрака, отход ко сну с тощим желудком – особенно полезны против упрямства и лени. В отношении к неуживчивым, наклонным к ссорам и мстительным детям приносило всегда добрые плоды отлучение от товарищей и заключение в отдельную комнату. Наказания, действующие на чувство стыда, следует употреблять с большою осторожностью и только в редких случаях, чтобы не притупить или совсем не убить в детях чувства чести и достоинства. Для благовоспитанных детей достаточно чувствительным наказанием бывает уже то одно, если родители по совершении ими поступка долгое время обходятся с ними холодно, не говорят с ними, показывают им серьезное выражение лица и т.п. Выговоры и внушения должны быть прежде всего кратки, точны и чужды многословия. Длинные рацеи и внушения делают детей глухими и малочувствительными.

Об употреблении угроз, наконец, следует заметить, что они в известных случаях должны быть и действительно приводимы в исполнение. Поэтому нерезонно и неблагоприятно грозить таким наказанием, которое не может быть приведено в исполнение, потому что чрез это родители теряют доверие в глазах детей своих.

Наконец, ответим, почему и для чего следует наказывать детей. Главным основанием наказания должна быть любовь, а единственною целью его – исправление дитяти. Отсюда следует, что наказание должно быть отеческим и никогда не должно переходить в жестокость; особенно оно не должно совершаться во гневе, ибо *гнев человека, по выражению слова Божия, не творит правды Божией* (Иак.1:20). Всегда нужно давать детям замечать, что вы неохотно прибегаете к

наказанию, что вам больно братья за тело ребенка и, если беретесь, то потому, что вас вынуждает к тому родительская любовь, желающая их исправления. Раздраженный наказывает, чтобы отомстить, но христианские родители должны наказывать не из мести за причиненное им оскорбление, а потому, что дитя совершило грех, оскорбило Бога и подвергло бы себя временной и вечной гибели, если бы не принимать никаких мер к его исправлению. Если ребенок рассердит тебя каким-нибудь проступком, то отложи наказание, пока остынет первый гнев, но при этом ты не должен забывать пословицу, что отложенное не есть отмененное. Я сказал, что наказание должно быть отеческим, а потому не должно переходить в жестокость и тиранство, а это нередко случается, когда приступают к наказанию в пылу гнева. Вот почему ты не должен братья за первую попавшуюся тебе палку и наносить ею удары, ибо это легко может иметь дурные последствия и есть варварская жестокость.

Так как наказание всегда должно происходить из любви и иметь целью исправление наказываемого, то не следует другим позволять осмеивать наказываемого, ибо это увеличивает скорбь его и вредит цели наказания. Равным образом неправильно и неблагоприятно поступают родители, когда, наказав дитя, тотчас же начинают ласкать его, дают ему понять, что они жалеют и как бы раскаиваются в том, что подвергли его наказанию. Напротив, наказанному ребенку тогда только следует оказать ласку, когда он обнаружит раскаяние в своем проступке и искреннее желание исправиться.

Я дал вам, таким образом, ответ на вопросы: за что следует наказывать, как наказывать и почему? Делайте же, христианские родители, употребление из вашего нрава наказывать детей ваших по тем основаниям, которые вы сейчас слышали. Не наказывайте ваших детей ни за что, кроме того, что заслуживает наказания в очах Бога, что есть грех пред Ним. И наоборот, никогда не оставляйте дитяти без наказания, когда оно сознательно и непринужденно нарушает заповедь Божию. Но руководитесь при наказании ваших детей всегда только любовью, никогда не забывайте, что единственной целью

наказания должно быть их исправление. Не бойтесь, что вы в случае строгого воспитания детей ваших, соединенного с нередкими наказаниями, охладите их и потеряете будто бы их любовь к вам. Нет, опыт учит совершенно противоположному. Ваши дети впоследствии будут вам благодарны за то, что вы строго их держали и добрым воспитанием положили прочное основание к их временному и вечному благу и спасению.

Евангелие детства

Пастырские беседы с детьми 111

1. Благочестие

Ты же, человек Божий... преуспевай в благочестии... Великое приобретение – быть благочестивым (1Тим.6:11,6)

Милые дети! Образец для детства, в котором находитесь и вы, образец самый высокий, есть Господь наш Иисус Христос. Он для того и сошел с неба, для того и жил на земле сначала как дитя и отрок, а потом как юноша и муж, чтобы всем возрастам, всем званиям и состояниям преподать пример добродетельной жизни и показать истинный путь к небу. Следовательно, Он есть образец и для детского и отроческого возраста. Историю детства Иисуса мы находим у евангелиста Луки, именно в том месте, где он говорит о путешествии двенадцатилетнего Иисуса со Своими родителями в Иерусалим (Лк.2:40–52).

Евангелие детства Иисуса по справедливости можно назвать вашим, дети, Евангелием. Оно кратко, и это, вероятно, для того, чтобы вы детским умом своим удобнее и скорее смогли воспринять его и запечатлеть в своем сердце. Оно кратко, и между тем в нем заключается все, чему хотел научить Иисус детей, что нужно им делать, чего желать и чему подражать. В этом Евангелии к вам приложимо в особенности следующее изречение Спасителя: *Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам* (Ин.13:15). Как хотелось бы, дети, этот урок, преподанный вам Иисусом, поглубже запечатлеть в сердцах ваших! Для сей цели я хочу изложить вам это Евангелие в нескольких поучениях, ибо в нем так много содержится хорошего и полезного, что высказать все это за один раз невозможно. Сегодня из всего богатого содержания этого Евангелия хочу выделить только одну добродетель, самую главную, которой прежде всего должны быть научены дети, – это благочестие и набожность Иисуса, Его любовь к храму, или дому Божию, к молитве и ко всему, что относится к почитанию Отца Его.

У евреев был закон, по которому все мужчины обязаны были ежегодно три раза являться пред лицо Иеговы в

Иерусалимском храме. Когда мальчик достигал двенадцатилетнего возраста, его признавали уже стоящим под законом, и с этого времени он должен был принимать участие в путешествиях на праздники в Иерусалим. Вот почему и Иисус по достижении этого возраста идет, как видим мы из Евангелия, вместе с родителями в Иерусалим.

Вот и из вас, дети, многие достигли уже двенадцатилетнего возраста, почему и вам нельзя уже теперь отговариваться тем, что вы не можете понимать и исполнять закона Божия. Вам уже сообщено немало знаний из области этого предмета, вы уже знаете вашего Отца Небесного. Вы слышали об Его Единородном Сыне, нашем Спасителе и Господе, вы знаете уже, в чем состоит задача и назначение человека, сначала здесь, на земле, а потом на небе, знаете и тот путь, который ведет к счастью и благополучию земному и блаженству небесному. Поистине, вы уже не неразумные дети, на вас смотрят, вас судят – и вправе судить и Бог, и люди.

Значит, вам необходимо теперь уже серьезно смотреть на себя, необходимо поступать так, как хочет и требует Бог, с полной заботливостью украшать свое сердце добродетелями и делать жизнь приятной Богу и полезной для людей. Но для сего нужна прежде всего та истинная, нелицемерная, чистосердечная набожность, которой больше всего и учит двенадцатилетний отрок Иисус.

Когда исполнилось Ему 12 лет, говорит евангелист, Он пошел со Своими родителями в Иерусалим. Обратите внимание на этих трех паломников, совершающих свое далекое и нелегкое путешествие. Взгляните на эту небесную радость Иосифа и Марии, отражающуюся на их лицах, когда их возлюбленное Детище в первый раз совершает с ними это путешествие. Как благочестивы и богоугодны были уже те разговоры, которые вел Иисус с ними на этом пути! Какою любовью к Богу воспламенялось сердце Его, когда Он говорил о Своем Небесном Отце и о Своем счастье в первый раз переступить порог Его дома! Чем ближе подходили они к святому городу, тем сильнее билось Его сердце, исполненное этой священной радостью.

А как Он должен был почувствовать себя, когда воочию увидел пред собою этот чудный город с его высоким, величественным храмом и тысячи тысяч паломников, со всех сторон тянувшихся к нему. Особенно же когда вступил Он в тот храм, где впоследствии должен был торжественно явиться как Мессия на то место, где Ему предстояло встретить упорство и сопротивление, испытать крайнюю ненависть и озлобление, оплакать жалкое ослепление и даже положить Свою жизнь. Вот уже Елеонская гора, вот Голгофа пред Его глазами... Что должен был Он теперь почувствовать? Чувствования, которыми переполнено было в эти минуты Его Божественное сердце, были поистине невыразимые чувства.

Теперь загляните в самый храм и посмотрите на этого Отрока-богомольца! Вот стоит Он рядом с Иосифом и, воздев к небу Свои руки, молится. О, с каким благоговением и умилением молился Он теперь, при первом посещении дома Отца Своего, и с каким благоволением и любовью взирал Небесный Отец на эту молитву Своего возлюбленного Сына! Вот где высшая школа самой истовой, самой благоговейной молитвы! Она здесь, в этом Иерусалимском храме, у Иисуса, Иосифа и Марии. Все силы души их сосредоточены были на одном – на молитве, на прославлении Бога. Семь дней продолжался праздник, и во все это время отрок Иисус ежедневно и по несколько часов находился в храме, не чувствуя утомления. Этого мало. Даже и тогда, когда окончился уже праздник, когда Иосиф и Мария оставили уже священный город, отрок Иисус все еще остается в храме. Он не может разлучиться с домом Отца Своего; Он еще три дня проводит здесь и этим учит нас, как должны и мы любить дом Божий и как спасительно еще с детства посвящать себя служению Господу.

По Божественному определению Иисус, отстав от родителей, остается в Иерусалиме, несмотря на то, что Он, по-видимому, делает проступок против Иосифа и Марии и является как бы непослушным родительской воле. Он знал более важную для Него волю Небесного Отца Своего и потому, кажется, и не обратил внимания на Свою Мать и праведного Иосифа, чтобы тем и нам дать понять, что и для нас воля Божия должна быть

во всем, что касается славы Бога и спасения души, выше и дороже всего. Да, возлюбленные дети, великий и поучительный урок дает нам этот поступок Иисуса. Если бы и ваши родители или кто-либо другой из житейских побуждений захотели отвлечь вас от дома Божия, от посещений богослужения, от исповеди и причащения Святых Таин и вообще от исполнения нравственно-религиозных обязанностей и благочестивых упражнений – о, не забывайте тогда этого примера вашего Спасителя! Старайтесь и вы в таких обстоятельствах точно и свято исполнять волю Божию и вместе с Божественным Отроком говорить: *или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?* (Лк.2:49).

Так отвечал Иисус Своим родителям, которые в продолжение трех дней с великой душевной тревогой искали Его. Тем более должны мы так отвечать тем, кто старается отдалять нас от Бога, от веры, от Церкви, от молитвы и благочестивых упражнений, от исполнения заповедей Божиих и восстанавливает против пастырей и учителей, кои пекутся о душах наших и ведут к исправлению. «Если вы хотите отвратить меня от Отца моего Небесного, – так пусть каждый говорит в подобных случаях, – если хотите разлучить меня с Иисусом, то я должен голос Бога слушать более, чем вас, и неуклонно исполнять то, что возложил на меня Отец Небесный как самую первую и самую главную обязанность».

Но эта самая первая и самая главная обязанность нашей жизни есть истинное, чистосердечное благочестие. Оно имеет основание в единственном желании чтить Всесвятого Бога и благоугодить Ему. Благочестие есть не что иное, как исполнение великой заповеди: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим* (Мф.22:37). Оно есть любовь к Богу, любовь к Его дому, любовь к прославлению Его в богослужении.

Благочестие – это далеко не то, чем хочет сделать его безбожный мир. Это не ханжество, не лицемерие, не пустосвятство, в которое он желал бы превратить его. Понимая его таким именно образом, нечестивый мир осыпает его своими насмешками и преследует своей ненавистью. Отсюда большей

частью и происходит то, что молодые люди стыдятся благочестия и набожности, боясь прослыть чрез это темными и отсталыми людьми. Однако какое это заблуждение! Истинная набожность (есть, конечно, и ложная набожность, которая не имеет цены) есть черта высокая, достойная всякого уважения.

Она должна быть делом каждого христианина.

Она достойна и человека высокообразованного. Что вышло бы из благополучия и набожности, если бы они пошли против истинного образования? Конечно, если образованием считать то, что под ним разумеют многие молодые люди, то есть чтобы всегда по последней моде одеваться, наблюдать изящество в манерах и учтивость в выражениях и больше ничего, то с таким образованием благочестие ничего не может иметь общего. Но оно очень хорошо уживается с настоящим, истинным образованием. Более того, набожность сообщает юноше и девице особенную прелесть, служит самым лучшим украшением их. Благочестивая юность подобна Ангелам, приносящим на алтарь благовонную жертву. Невинное, чистое сердце поднимается к Богу, чистые мысли наполняют душу, и пламя благоговения пылает на ее лице. Смиренная поступь, открытый и ясный взор – все говорит о такой красоте, о таком благородстве души, которые невольно привлекают к себе сочувствие окружающих.

О, если бы наше юношество сознавало, сколько прекрасного, великого и достойного уважения заключается в благочестии! Оно перестало бы смеяться над ним и само постаралось бы усвоить его и упражняться в нем. Если дорого это качество во всех, то вдвойне достолюбезно и дорого благочестие в юности, и Богу особенно приятно видеть его в юношестве. Юноша своим чистым, невинным сердцем, своею первой любовью может доставить Богу нечто такое, чего Он не находит уже у людей пожилых. И в самом деле, кто хоть раз видел истинно благочестивого юношу, невинную девицу в храме во время молитвы тот при виде этой умирительной картины, наверное, чувствовал, почему с особым благоговением останавливается взор Отца Небесного на такой юной душе. Ничего не может быть более приятного, как молодость,

проведенная в благочестии и страхе Божиим. Благочестие облагораживает все существо человека, освящает все его мысли, все стремления и поступки, делает богоугодной всю его жизнь и привлекает на нее Божие благословение.

Полюбите же, дети, это благочестие как основную добродетель вашего возраста и не забывайте о его красоте и достоинстве. Не позволяйте духу мира вводить вас в заблуждение, когда он старается представить вам благочестивую жизнь в самом непривлекательном виде, как жизнь крайне тяжелую, неприятную, неразумную. Живите всегда по примеру Иисуса, вашего Спасителя и Искупителя, радостью и потребностью сердца Которого была всегда молитва, пребывание в храме Божиим и занятие тем, что составляло волю Отца Его Небесного. То только и может быть истинно, свято, богоугодно, спасительно и полезно, что Он любит, что Он делает, чему Он учит. Аминь.

2. Польза благочестия

Благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей (1Тим.4:8)

Когда израильтяне подошли к границам обетованной земли, то тайно послали соглядатаев узнать, какова эта земля. Посланные скоро возвратились назад и принесли плоды необыкновенной величины и прекрасные на вкус. «Земля, хотя хороша и плодоносна, – сказали многие из них, – но она сплошь населена исполинами и окружена крепкими городами. Если мы осмелимся войти в нее, то непременно погибнем». Такими и подобными речами они возбудили против этой земли предубеждение в народе и произвели в нем величайшее волнение. Иисус и Халев, которые были в числе разведчиков, делали все возможное для того, чтобы успокоить народ и вдохнуть в него мужество. Они напоминали ему об обетованиях Господа и о чудесном сокровище, которое Он им даровал. Но неверующий народ негодовал против Моисея, говоря, что он для того и вывел его из Египта, чтобы уморить его в пустыне. Нашлись только двое, которые не роптали против Моисея, и они только одни достигли потом обетованной земли – все же остальные за их ропот и недовольство после сорокалетнего странствия умерли, не увидев обетованной земли.

К чему, спросите вы, эта история? Напомнив эту историю, я вот что хочу сказать вам. Не правда ли, что нечто подобное ей совершается и сейчас пред нашими глазами? Как путник в пустыне этой земли, человек хочет отдаться всецело служению Богу, благочестию и достигнуть этим путем Царства Небесного, которое есть, так сказать, обетованная земля, текущая молоком и медом, то есть благодеяниями Бога. Но вот доходит до его слуха лукавый голос мира, и к нему присоединяются и его собственные страсти и начинают такого человека запугивать тысячами опасностей и ужасов. «Какая тебе польза от служения Богу, от благочестия? – нашептывают они. – Ужели не видать, как трудно это служение? Это страна ссылки, каторга, которая ничего не даст своим обитателям, кроме мучения; как

невольники, живут они в ней среди постоянных трудов и лишений, без радостей и удовольствий».

И подобно тем неверующим израильтянам, очень многие поддаются этим лукавым внушениям и в чувстве крайнего недовольства ропщут на тех, которые, освободив их от рабства греха, ведут на путь добродетели; подобно израильтянам, вздыхавшим о котлах и мясе египетских, и они вздыхают об удовольствиях и наслаждениях мира и снова возвращаются ко греху.

Чтобы предостеречь вас, дети, в будущем от такого вероломства и недовольства, чтобы разоблачить всю ложь мира и страстей, я выступаю сегодня перед вами, чтобы с полной уверенностью сказать: только в служении Богу, только в истинном благочестии можно найти истинное счастье – счастье в жизни, в смерти и в вечности.

Ничего нет полезнее благочестия. О нем Апостол говорит: *благочестие на все полезно. На все* – говорит он. Много содержит в себе это слово, и, однако же, нельзя сказать, чтобы в нем было слишком много сказано. Оно заключает в себе чистую истину.

Благочестие улаживает жизнь. В общении с Богом есть утешение для всего: оно отнимает от несчастий их горечь, облегчает скорбь; оно успокаивает взволнованное сердце, исцеляет печаль и тугу. Как огонь в зимнюю пору ослабляет силу мороза или роса летом уменьшает палящий жар солнца, так благочестие утоляет жгучую скорбь души. Да, только в скорби и страданиях, только здесь научаешься ценить достоинство благочестивого сердца. Когда посмотрим священническими глазами на отношение людей к этим страданиям, какая громадная разница между человеком неверующим и человеком благочестивым! Неверующий, безбожный человек, который не знает никакого высшего значения и смысла страданий, – как терзается и мятется он, когда постигает его какое-нибудь бедствие! Какое обнаруживает малодушие, какое уныние и отчаяние, какое нетерпение и ожесточение и затем какая следует ужасная смерть! Напротив, как спокойно встречает это бедствие человек благочестивый, во всем признающий

действие промысла Божия и во всем предающий себя воле Божией! Какую обнаруживает он твердость и мужество, какой исполнен он непоколебимой надежды и всецелой преданности! Из уст такого человека нередко можно слышать такие поучительные слова: «Велик и тяжел мой крест! Что было бы со мною при несении такого креста, если бы я не имел веры в Бога и чужд был всякой надежды на Него?» – Видите, как полезно благочестие!

Далее, оно придает всей жизни и разнообразным занятиям человека свою цену и свое значение. Уважение и презрение, радость и скорбь, богатство и бедность, покой и труд – все это благочестивый человек приписывает воле Бога и Его премудрым целям. Все, что он ни делает, делает для Бога, и потому всякое его дело, всякое общественное положение, как бы оно ни было мало и ничтожно, является великим, ценным, достойным вечной награды.

Истинное *благочестие*, продолжает апостол Павел, *на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей*. Оно приносит нетленные сокровища, неземное богатство, благодать, благословение, Божие благоволение, вечную жизнь. *Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф.11:29–30). Но ведь так говорит, скажут нам, только Христос Спаситель. Не совершенно ли противное говорит мир? Кому же верить? – Слышали ли вы, дети, когда-нибудь, чтобы человек, предающийся радостям и удовольствиям, сказал: «Никогда и нигде не найти мне, о мире, такого господина, который был бы лучше тебя. Легко и сладко твое бремя, счастливы и жизнерадостны твои слуги. Продолжай поить меня твоей сладостью; моему сердцу никогда не исчерпать чаши твоих наслаждений». Да и сами вы могли ли когда-нибудь сказать это после того или другого удовольствия? Не видите, не слышите ли, спрошу я, как сами поклонники мира жалуются на мир с его удовольствиями? Не подтверждают ли тысячи опытов, что чем глубже чада мира погружаются в земные удовольствия, тем мучительнее наступает затем для них скука, пустота и томление духа, так что они сами чувствуют

себя несчастными и жизнь становится им в тягость? О, нам, пастырям, у коих более случаев и возможности видеть бедствие человеческого сердца во всех его видах и исследовать его источники, как часто приходится нам с горечью в душе восклицать: как велика сила греха и каким несчастным делает он человека! Напротив, укажите хоть одного благочестивого христианина, который пожаловался бы на тяжесть учения своего Божественного Учителя и с чувством ропота сказал бы: жалею, что последовал Христу. Истинные последователи Христа, в каких бы обстоятельствах они ни находились, всегда чувствовали себя счастливыми и вполне были довольны своей судьбой. Какие прекрасные слова сказаны были Поликарпом, епископом Смирнским, который умер мученической смертью за имя Христово! «Отрекись от Христа, – сказал ему правитель, – и я отпущу тебя на свободу». Но святой Поликарп ответил: «Уже восемьдесят шесть лет служу я Ему, и Он не сделал мне ничего дурного. Как же я отрекусь от Него?» И все истинные христиане, и ваше собственное сердце, наверное, скажут вам, что это правда.

Таким образом, и опыт, и прямое слово Спасителя, и ваше собственное сознание – все подтверждает эту истину, которую мне хотелось бы поглубже запечатлеть в сердцах ваших: только в служении Богу, в вере и благочестии человек может найти свое истинное счастье. Есть в жизни человеческой, по крайней мере, одна минута, когда, по-видимому, невозможно никакое счастье, немислимо никакое спокойствие, такая минута, когда мир – он сам подтверждает это – не может дать никакого мира и утешения, когда он совершенно оставляет своих последователей. Это – минута смерти, которая неизбежно наступит для всех нас, хотя мы и не знаем, когда, где и как скоро.

Но и в эту страшную минуту оправдывается истинность слов Спасителя, что у Него и только с Ним можно находить мир и успокоение. Да, этот мир и спокойствие благочестивый христианин может находить даже и на смертном одре. Как нежная мать, стоит у этого одра надежда – кроткая посланница неба, которая одной рукою поднимает упавший дух

умирающего, а другой показывает за темным покрывалом, отделяющим время от вечности, первые лучи небесной славы. Для благочестивых поэтому смерть есть не что иное, как отдых после труда, возвращение изгнанника на родину, переход плавающего из бурного моря в тихую пристань, конец ночи и начало дня. Вот почему благочестивый человек не только не боится смерти, но с нетерпением ждет ее и радуется ее приближению. Когда одному святому юноше сказали, что смерть его уже близка, то он не только не смутился, как другие умирающие, но пришел в неописуемый восторг, вне себя от радости повторил несколько раз: «Готов, иду, с радостью иду к моему Господу!» Так умирают и все благочестивые люди. Кто живет в Господе, тот в Господе и умирает. Какова жизнь, такова и смерть.

И мы, друзья мои, если будем жить в Господе, в искреннем благочестии и набожности, то и умирать будем в Господе. И тогда мы опытно узнаем, как верно слово Апостола, что *благочестие на все полезно*, – полезно не для настоящей только жизни, но и будущей, загробной.

Если же благочестие полезно и спасительно для всех людей вообще, то вдвойне, втройне полезно оно для юношеского возраста. Для юношей благочестие – это ледник, охлаждающий неумеренный пыл его страстей; оно есть его защита и оборона против нападений мира и дьявола; благочестием подавляются в нем зародыши всех пороков и, наоборот, насаждаются и взращиваются семена всякой добродетели. Еще Соломон справедливо сказал о нем: «Все доброе пришло ко мне вместе с благочестием». Да, благочестивый юноша всегда бывает и самый трудолюбивый, самый верный своему долгу юноша. Благочестивый юноша есть, конечно, и самый чистый и нравственно безукоризненный юноша. Какой это полезный член для человеческого общества! Благочестивый юноша, к какому бы классу людей он ни принадлежал, самый скромный и покорный, самый любвеобильный и предупредительный юноша. Посмотрите на Иисуса – первообраз юношеского возраста, как Он набожен и благочестив, с какой точностью и усердием исполняет все

обязанности как к Богу – Отцу Своему Небесному, так и к земным Своим родителям! Он молится, будучи еще отроком, молится и юношей, охотно посещает храм Божий и, подолгу оставаясь в нем, возрастает в премудрости и благодати, в любви у Бога и людей.

Смотрите, христианские юноши, на этот ваш первообраз и делайте так же! Больше, как можно больше старайтесь развивать в себе дух благочестия во дни вашей юности, и вы собственным опытом узнаете, как дороги его плоды и как велико и незаменимо счастье, приобретаемое им. Благочестивая юность – какое это украшение, какое благо для земли!

О Господи! Пошли от Духа Твоего дух страха Божия и благочестия! Даруй нам благочестивое юношество и тем обнови лице земли! Аминь.

3. Жажда знания или любовь к учению

Занимайся чтением, наставлением, учением (1Тим.4:13)

Сердце разумного приобретает знание, и ухо мудрых ищет знания (Притч.18:16)

Нехорошо душе без знания (Притч.19:2)

В храме Иерусалимском в последний раз, дети, оставили мы Иисуса. В этот же храм и возвратимся к Нему снова! Отрок Иисус не идет с родителями домой и продолжает оставаться в храме, потому что не удовлетворена еще Его благочестивая любознательность. Надеюсь, что и вы еще не удовлетворились тем, что сказано вам доселе, и еще желаете побыть у Иисуса в храме, еще посмотреть на Него, еще послушать и поучиться у Него! А потому я продолжу сегодня свою беседу об Иисусе как образце для вас и обращу к вам слова, которые некогда Господь сказал Моисею: смотри и поступай по сему примеру. Да, смотрите, дети, на этот образец вашего возраста и подражайте Ему в Его любви к учению, прилежании, внимательности и любознательности.

Праздник Пасхи, на который Иосиф и Мария с отроком Иисусом пришли в Иерусалим, продолжался семь дней. В течение этого времени евреи, приходившие в Иерусалим, обыкновенно или осматривали достопримечательности города, или собирались в притворах храма, где законоведы и мудрецы разрешали различные вопросы и недоумения богомольцев и вообще занимались толкованием Священного Писания. Туда пришел со Своими родителями и отрок Иисус. И здесь-то Он почувствовал себя как в своей родной среде, здесь нашел Он то, к чему более всего тяготело Его сердце. Глубочайшею потребностью Его сердца было познавать истину откровения Своего Отца Небесного, закон Божий, высокое призвание Своего народа и соответствующие сему обетования. Это было для Него выше всего. Это было для Него важнее, дороже и милее, чем все достопримечательности великого города, чем вся Его родина, чем самые даже Его родители.

Когда прошел уже праздник и паломники стали расходиться по домам, Он желал еще побеседовать с законоучителями, еще послушать их, еще некоторые вопросы предложить им на разрешение. К тому же наплыв народа, собравшегося слушать учителей, до сего времени был слишком велик, чтобы отроку беспрепятственно можно было слушать их и предлагать на разрешение Свои недоуменные вопросы. Теперь народ разошелся, в притворе храма стало просторнее, и Иисусу можно было ближе подойти к ученым мужам, беспрепятственнее говорить и спрашивать их о том или другом интересовавшем Его предмете. Вот почему, отстав от Своих родителей, Он и решился еще некоторое время пробыть в Иерусалиме. Он отправился в храм и там вступил в собеседование с законоучителями. Когда Он вел это собеседование, давая ответы и предлагая вопросы, тогда, говорится в Евангелии, все удивлялись мудрости Его вопросов и ответов. И не без основания. Это была мудрость Отца Его Небесного, говорившего Его устами. С самого начала Своего воплощения Он носил в себе эту Божественную мудрость. Он, собственно говоря, не имел и надобности в разрешении Своих вопросов и в наставлении учителей. Он Сам мог явиться среди них как Учитель Божественной мудрости. Только из смирения сидит Он у ног их, как ученик, только из смирения предлагает Он им и вопросы, которые Сам же и разрешает, только из смирения приходит Он учиться вместо того, чтобы Самому учить всех, – из смирения, говорю я, и для примера детям и юношеству.

Да, для примера вам, дорогие дети. Чему же можете и должны вы научиться из этого примера? Посмотрите на отрока Иисуса среди учителей! Лицо Его сияет, подобно лицу Ангела, в блеске невинности. Уста Его изрекают святые слова Божественной мудрости! Взор очей Его и слова уст Его выражают очаровательную прелесть. В Его вопросах и ответах открывается необычайная глубина мыслей и в то же время величайшая кротость и смирение. Во внешнем выражении лица Его отпечатлевается сосредоточенность и углубление в то

учение, которое пред Ним было изложено. Усматриваете ли вы во всем этом образец для себя?

Ах, если бы ты, любезный юноша, вместе с отроком Иисусом разделил это непреодолимое стремление к знанию, к истине! Ведь и ты получил от Бога ум, пищей и насущным хлебом которого служит и должна служить истина. И ты можешь видеть то, что выше тебя и что вокруг тебя на земле, – и о каждом из множественного числа предметов, которые ты видишь, спрашивать и познавать, что такое эти предметы и для чего они. И ты можешь, обозревая небо и землю, спрашивать и постигать своим умом, Кто царствует на небе и Кто сотворил все эти вещи, Кто привел их в порядок и управляет ими. И ты знаешь, что и ты сотворен невидимым Богом и от Него получил и жизнь и дыхание и все, что Он – Отец твой, Который для твоего спасения послал Своего Единородного Сына. И ты можешь понять свое Божественное происхождение и устремлять взор свой к бессмертной жизни и к твоему вечному небесному наследию. Но этого мало. У тебя есть еще сердце, способное любить все бесконечно доброе и совершенное. У тебя есть чувство, способное радоваться и находить удовольствие в красоте предметов этого мира, есть прирожденное стремление поднимать взор свой из этой юдоли земной к высшему, духовному, Божественному и небесному. Почему же и тебе, подобно отроку Иисусу, не стремиться к познанию Божественных предметов, почему бы и тебе не иметь интереса к занятию тем, что касается Бога, души и вечности? Ведь туда влечет тебя глубочайшее чувство твоей природы, высшая, благороднейшая, родственна Богу сторона твоего существа.

Но так ли поступаешь ты, как поступал Иисус? Ты вот видишь, как велико у Него желание учиться и как неудержимо стремится Он в храм, к ногам учителей, а на тебя, может быть, наводит скуку всякое духовное назидание; тебе, быть может, тяжело и неприятно всякое общение с благочестивым, добродетельным человеком, всякая близость к священнику-законоучителю? Иисус не мог досыта наслушаться мудрых речей истолкователей Божественного закона и пророков.

Углубляясь в премудрость и благость Божию, Он весь превращался в слух, стараясь не проронить ни одного слова. А тобою, быть может, овладевают леность и рассеянность при слушании того, что преподают тебе законоучителя? Иисус радуется и восторгается при каждом повествовании о чудесах любви и благодати Отца Небесного. А ты, быть может, остаешься холодным и равнодушным и тогда, когда преподаются самые высокие истины христианства и самые великие дела любви Божией?! Если это действительно так, то недобрый это знак: это значит, что, несмотря на свою молодость, ты успел уже погрузиться в чувственность и себялюбие. Для тебя уже не существует никакого интереса, кроме заботы о том, что тебе есть, что пить, во что бы понаряднее одеться, где провести повеселее время и чем бы отличиться и обратить на себя внимание людей. Увы, в таком случае ты поистине жалок и злополучен, беден и слеп. Если нет у тебя никакой жажды духовного просвещения и познания Божественных предметов, то ты слеп и беден духовно, хотя бы ты и воображал себя многознающим и просвещенным.

Всем людям необходимо более и более учиться и приобретать познания в делах веры и добродетели. Изучение предметов веры и нравственности не есть дело только школы, нечто вроде детской игрушки, которая нужна только до тех пор, пока дитя мало. Нет. Возрастая телесно, нужно расти и духовно, усовершенствоваться и в познании закона Божия: необходимо глубже и глубже проникать в вечную истину. Стремиться к истине, к более глубокому познанию ее, никогда и ни для кого не бесчестно. Это самое высокое и достославное, что может делать человек. К тому же, чтобы жить, человеку необходимо поддерживать себя пищей. Что же составляет хлеб, пищу нашей души? Это – Божественная истина, слово Божие. *Не хлебом одним будет жить человек*, говорит Спаситель, *но всяким словом, исходящим из уст Божиих (Мф.4:4)*. А потому никогда не отказывайте, дети, себе в ежедневном хлебе истины – им живет душа ваша! Телесное здоровье человека узнают по тому, употребляет ли он с надлежащим аппетитом ежедневную пищу, находит ли он вкус в ней. Если же этого не бывает, то это

считается верным признаком его болезни. Не то же самое нужно сказать и о душе? Не необходимо ли и для нее, если она здорова, вкушение ежедневной пищи и не должна ли она делать это с той же радостью и удовольствием, какое испытывает человек при удовлетворении телесного голода? Отсюда вы лучше всего можете видеть, все ли в порядке в вашей душе или в ней чего-нибудь недостает, здорова ли она или больна.

Станьте рядом с отроком Иисусом и сравните себя с Ним. Вот пред Ним Его милая родина, интересные достопримечательности Иерусалима, приятное возвращение домой в обществе знакомых, добрые и нежно любящие родители – все это очень близко и дорого сердцу мальчика. Однако для Него несравнимо дороже и милее было слушать в храме преподавание Закона Божия и быть там, где говорят о Небесном Отце Его. Что же следует отсюда для вас? Следует то, что и вам надо многим жертвовать из того, что сейчас дорого и мило для вас, дабы взамен этого отдаться изучению слова Божия и применению его к жизни. Стань, дитя, пред лицом своей совести и взвесь себя: можешь ли ты пожертвовать посещением какого-нибудь веселого общества или зрелища, чтобы вместо этого пойти в храм Божий или на духовную беседу? Можешь ли отбросить в сторону дурную, легкого, безнравственного содержания книгу, чтобы вместо нее прочитать книгу серьезного, нравственного, поучительного характера? Можешь ли утром несколько ранее обыкновенного встать с постели, чтобы пойти в церковь к богослужению? Благо тебе, если ты окажешься в состоянии все это сделать. Если же нет, если каждая и самая малейшая трудность отдаляет тебя от Бога и служения Ему, от храма Божия и от благочестивых упражнений, если тебе это противно и служит только в тягость – о, тогда это верный признак, что душа твоя болеет и дурные навыки пустили в ней глубокий корень, и к тебе приложимы слова Господа: *Вы потому не слушаете, что вы не от Бога (Ин.8:47)*. И так грустно, невыразимо грустно было бы, если бы это пришлось сказать и о вас, дети!

Наконец, отрок Иисус является для нас примером и в отношении того способа, коим приобретается познание истины. В Евангелии говорится о Нем: Он сидел посреди учителей, слушал и вопрошал их (Лк.2:46). Среди учителей сидел Он. Добрый знак, если ученик желает быть ближе к учителю, к учительнице, к священнику, если он не имеет причины и побуждения сторониться и избегать их. Иначе это было бы знаком, что он не имеет ни интереса, ни ревности к занятию теми предметами, которые они преподают ему. Прилежный и любящий ученик всегда садится ближе к учителю. Быстро и живо воспринимает он каждое слово учителя, с любовью смотрит ему в глаза, следя за каждым его движением. Иисус сидел среди учителей, внимательно слушал и вопрошал их. Вот два пути, по каким и мы должны идти в приобретении знаний, – это слушать и вопрошать. Слушание есть знак потребности знания, любви и расположения к нему, а спрашивание есть доказательство самостоятельного размышления и разумного усвоения слышанного. Необходимо и то и другое вместе. Иисус и слушал и предлагал вопросы, и когда к Нему учителя обращались с вопросами, Он отвечал на них со смирением, скромностью и разумной основательностью.

Итак, Иосиф и Мария нашли Его в храме. Когда Мария со скорбью спросила Его: *Чадó! что Ты сделал с нами?* (Лк.2:48), то Он с невозмутимым спокойствием дал Ей такой ответ: *или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?* (Лк.2:49). Да, они могли и должны были знать, где находится Дитя их, куда влекла Его природная склонность и где они могли искать Его наверное. Родители должны знать господствующую наклонность своих детей. Благо и вам, дети, если и ваши родители имеют основание искать вас в доме Божием, если они находят вас за благочестивым чтением, за тихой молитвою, за полезными занятиями. Если и вы всегда можете с таким же спокойствием отвечать: я должен быть в том, что Господа моего есть, то есть я считаю своей главной обязанностью заниматься тем, что относится к познанию Бога и Его закона, что благоугодно Ему и согласно с Его святой волей.

Пусть же этот пример Иисуса в храме, Его склонность к изучению закона Божия, Его необычайная при этом внимательность, Его скромность и благопристойность в вопросах и ответах – пусть все это послужит для вас новым побуждением с большею охотою и рвением относиться к преподаваемому вам учению, какой бы науки это ни касалось, – в особенности же к учению о вере и нравственности, дабы научиться лучше исполнять обязанности к Богу и ближним и, по примеру Иисуса, *возрастать в премудрости... и в любви у Бога и человеков* (Лк.2:52). Аминь.

4. Послушание

Плением всякое помышление в послушание Христу (2Кор.10:5)

Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу (Кол.3:20)

Когда Иосиф и Мария нашли отрока Иисуса в храме, говорится далее в Евангелии, Он возвратился вместе с ними в Назарет и был у них и послушании (Лк.2:51).

Таким образом, и там, в Назарете, Иисус продолжал показывать пример для детей и юношей. Там, в простой бедной хижине, где Он жил с родителями до тридцатилетнего возраста незаметно для мира. Он совершал такие великие добродетели, которые достойны подражания. А потому мы вправе назвать эту тихую и скромную Назаретскую хижину образцовой школой юношеских добродетелей. Туда, в эту прекраснейшую школу, пойдем и мы вслед за Спасителем, чтобы поучиться у Него, нашего Божественного Учителя, как должны мы проводить нашу молодость, наше детство. Первое и самое важное, чему Он научает нас там своим примером, – это послушание. Он был в повиновении Своим родителям, говорится в Евангелии.

Итак, рассмотрим сегодня несколько ближе этот пример и размыслим, что значат слова, сказанные о Марии: *Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем* (Лк.2:19). То, чему научимся от Иисуса, запечатлеем поглубже в своем сердце и будем применять к своей жизни.

Иисус был послушен Своим родителям. Кто это оказывает послушание бедным жителям Назарета, Иосифу и Марии? – Иисус, Сын Божий, Тот, Который хорошо знал, что Он – Сын Небесного Отца, Которому повинуются и Ангелы небесные, и солнце в своем движении и Которого слушают и ветры, и море. Он подчиняется Иосифу и Марии, которые, хотя и были невинны и святы, но все же были люди, далеко уступавшие Ему как в мудрости, так и в святости.

Он послушен во всем, что Ему поручается, даже в самых ничтожных вещах обыденной жизни. Он всецело и во всем

подчиняет Свою волю и Свой разум воле родителей, не спрашивая, зачем и почему. И в таком подчинении Он проводит целых тридцать лет! Следовательно, не только время своего детства, когда послушание бывает, так сказать, делом необходимости, но и время более зрелого возраста, когда другие становятся уже на свои ноги, руководятся своими собственными соображениями и действуют независимо. Какой поучительный пример для нашего подрастающего юношества!

Иисус, Сын Бога, был послушен Своим родителям. Если же Он, премудрый и святой, подчинялся такому порядку, то, без сомнения, послушание, оказываемое детьми своим родителям и начальникам, есть дело доброе и угодное Богу.

Послушание детей есть ограничение их собственной воли, той воли, которая хочет следовать только самой себе и противится всякой другой воле, есть подавление того упорства и самомнения, которое, будучи прирождено некоторым из людей, увлекает их часто к очень дурным поступкам.

Послушание, далее, есть смиренномудрие, по которому человек, сознавая свою слабость, неосведомленность и неопытность, подчиняет себя руководству других, которые старше, опытнее и дальновиднее его.

Послушание детей есть также и признательность за ту любовь и попечение, которым они пользуются со стороны родителей и воспитателей. Это обоюдная любовь, выражающаяся в заботливости с одной стороны и в послушании с другой, – какое это чудное, святое и угодное Богу чувство!

Но что должны сказать мы о тех детях, которым чуждо это чувство, которые неблагодарны к своим родителям, – детях, которым все равно, причиняют ли они им скорбь или радость, которые иногда даже умышленно делают то, что приносит им скорбь и огорчение? О, это непослушные дети, а непослушание есть в то же время и неблагодарность, проявление холодного, бесчувственного, злого сердца.

Наконец, послушание родителям есть подготовительная школа послушания и всем Божественным, церковным и гражданским законам. Кто не научен в родительском доме послушанию родителям и старшим, тот будет ли впоследствии

послушен Богу, Церкви и гражданской власти? Конечно, нет, – разве только по принуждению или из-за страха, но никак не по совести и любви.

Итак, послушание родителям само по себе есть нечто доброе, святое и богоугодное. Авраам был послушен и за то удостоился благоволения Божия и величайшего обетования. Послушание было первой и единственной добродетелью, которую Бог потребовал от наших прародителей в раю и которой они, к несчастью, не оказали. Но чтобы снова научить людей этой добродетели, Сам Сын Божий сошел с неба, сделался человеком и был послушен не только Своему Небесному Отцу, но и Своим родителям, духовному и светскому начальству. Как достолюбезно, следовательно, должно быть послушание в очах Божиих! Да, оно есть правило, закон Божий, и чем более ты стараешься исполнять это правило, оказывать полное послушание своим родителям и начальникам, тем более представляешь собой, так сказать, благозвучный тон в гармонии Божественного творения. Напротив, какая дисгармония, какое нестроение и хаос происходят в семьях, школах, в товариществе, в больших и малых союзах, в государстве и в Церкви, когда забывается эта добродетель!

Послушание есть таинственное слово, которого очень многие не понимают, а потому и не осуществляют в своей жизни. Слово это для многих – ненавистное слово и означает то же, что слабость, неустойчивость, бесхарактерность.

То правда, что наше самолюбие не склонно подчинять себя воле других, и ничего нет для него тяжелее, как это подчинение. Наша гордость возмущается, когда мы видим других выше себя, когда мы находимся в зависимости от других и должны служить им. Но не таков ли порядок, не такова ли воля Бога во всем творении, чтобы низшее подчинялось высшему? А кто же такой ты, неопытный юноша, что ничего не хочешь знать о послушании? При своей слабости и неопытности, не опираешься ли ты на других, которые учат, руководят и направляют на истинный путь нетвердые шаги твои? Что было бы с тобою, если бы ты предоставлен был самому себе? И прилично ли юности так высоко поднимать голову и никого не

признавать выше и умнее себя, той юности, которая только что вступила в жизнь и так мало еще знает ее, которая ничего еще не сделала, ничем себя не заявила? Никто не может с достоинством повелевать, не научившись прежде повиноваться и исполнять.

Итак, несомненно, что послушание, если оно происходит не из честолюбия, а из желания исполнять волю Божию, имеет великое значение и цену. Христос был послушен даже до смерти, а я не захотел бы преклонить своей главы пред законным начальником, не захотел бы исполнять его распоряжений, к моему же благу направленных? – Нет, нет, Иисусе! Не буду пренебрегать Твоим примером! Пойду по стопам Твоим и буду, как и Ты, послушен даже до смерти!

Однако не всегда послушание может быть истинной христианской добродетелью. Таково оно бывает только тогда, когда проникнуто духом веры. Вера же видит в родителях и в законных начальниках служителей Бога. Родители, учителя, духовные и гражданские власти – все они поставлены от Бога и действуют во имя Бога – *ибо нет власти не от Бога* (Рим.13:1). О, насколько легче было бы нам в своей жизни и деятельности совершать добродетель послушания, если бы мы в лице наших начальников видели всегда служителей Бога, а не людей только! Богу так угодно, Бог хочет этого – должны бы мы говорить при исполнении всякого начальственного распоряжения, и при этой мысли и самое трудное дело являлось бы для нас легким, оно воодушевляло бы нас и подвигало бы безропотно, с радостью и благодушием исполнять и самые неприятные приказания.

«Бог хочет этого!» – так воскликнули некогда воины перед стенами Иерусалима, и эта мысль настолько воодушевила их и придала им такое мужество, что они с единодушным криком бросились на город, разломали стены и разрушили весь Иерусалим.

Бог хочет этого! Кто не воодушевится этими словами и не захочет исполнять того, что заповедует Владыка неба и земли и что составляет желание любвеобильного Отца Небесного?!

Послушание ради Бога – вот истинное христианское послушание. Где исполняется воля других без этого религиозного побуждения, там послушание теряет свою цену в очах Божиих, лишается воздаяния на небе. *Они уже получают награду свою* (Мф.6:2 и др.) – это будет некогда сказано и тем, кто исполняет волю начальства из одних только житейских расчетов, по суетному человекоугодничеству, чтобы добиться только его любви и расположения в своих целях. И то, чего они ищут, нередко получают в виде какой-нибудь награды и повышения по службе, между тем как послушание в духе веры, не лишая человека и земной награды, приводит его к награде вечной, небесной.

Теперь спросите, други, себя, насколько образ ваших действий согласен в этом отношении с примером Христа. Оказываете ли и вы послушание вашим родителям, учителям и начальникам, как Он? Было ли это послушание всегда истинно христианским, добровольным, по внушению сердца, а не по принуждению? Не забывали ли вы той истины, что всякий, противящийся власти, противится Божиему повелению? А если вы никогда не обнаруживали сопротивления, но всегда оказывали послушание, то для того ли, чтобы исполнить чрез это заповедь Бога и заслужить Его милость и благоволение?

О, как было бы хорошо, если бы наши дети, юноши и девицы дорожили этой добродетелью послушания! Сколько доброго полезного и великого достигалось бы во многих семействах, во многих союзах, обществах и государствах, если бы каждый в своем положении держал себя в границах послушания и покорности! Сколько скорби и печали сбросили бы со скрижалей сердец своих многие из родителей и начальников! Скольких несчастий, позора и смертей избежали бы многие из наших юношей! Какое было бы счастье для семейств, какая радость для родителей и начальников, какое благо для детей, для Церкви, для государства и какая была бы радость на небе, если бы все люди, а в особенности наше юношество, всегда и во всем были послушны и покорны!

Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам (Ин.13:15), – взывает к нам снова наш Спаситель, указывая

на Свой пример. А Апостол подтверждает это изречение увещанием: *Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу (Кол.3:20). Почитай отца твоего и мать твою*, говорит Он в пятой заповеди Своего закона, *чтобы тебе было хорошо и чтобы продолжились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе (Исх.20:12)*. О, идите же, дети, по стопам Иисуса, Который был послушен Своим родителям. Послушание для вас есть сумма всех других добродетелей. Тогда только будете вы преуспевать в любви пред Богом и человеками, когда будете послушны.

В заключение же пусть каждый из вас из глубины сердца воззовет сейчас: помоги мне, о Иисусе, отныне следовать Твоему примеру и быть во всем послушным родителям и от Бога поставленным начальникам. И хотя бы мне было и очень трудно, хотя бы при исполнении начальственной воли мне пришлось бы испытать много горького и неприятного, но я буду молиться вместе с Тобою: «Отче, не якоже аз хочу, но якоже Ты, да будет Твоя святая воля!» (Лк.22:42). Аминь.

5. Кротость и смирение

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю (Мф.5:5)

Бог гордым противится, а смиренным дает благодать (Иак.4:6)

Любезные дети! Войдем еще раз в тихую, уединенную хижину Назаретскую. Школою назвал я ее в последний раз, образцовою школою высоких юношеских добродетелей. Но в каждой школе бывает и учитель. Есть Учитель и в Назаретской школе. Это Сам Христос Иисус, Который говорит: *Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то* (Ин.13:13). Да, Он поистине есть Учитель, и притом такой мудрый, такой добрый и терпеливый, такой кроткий и любвеобильный, каких не было и нет на земле; Учитель, Который затем собственно и пришел с неба, чтобы нам сообщить истину, самую высшую и непреложную истину; Учитель, у Которого нет ограничения в количестве учеником: напротив, Он весь мир зовет к Себе учиться у Него. *Придите ко Мне*, говорит он, *и научитесь от Меня* (Мф.11:28–29). И какая чудная, содержательная книга принята учебником в Его школе! Она доступна всем и каждому, ее умеют читать все. Каким бы кто языком ни говорил, все без исключения могут читать эту книгу в одно и то же время. Знаете ли, какая это книга? Эта та великая, всеобъемлющая книга, из которой всякий может черпать и узнать все, что нужно нам для счастья земного и для блаженства небесного, вечного. Не слышите ли вы, как сей Божественный Учитель взывает к вам: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф.11:29)? – Так откликнемся же на этот призыв, придем к Нему и прочитаем в этом Божественном сердце Иисуса то смирение и ту кротость, которые Он проявлял в Своей юности, проводя скромную, замкнутую жизнь в Назарете. Пусть этот Божественный Учитель, к Которому мы собрались здесь для наставления, просветит сердца наши Своим светом и Своею благодатию, дабы мы все, что услышим, усвоили не памятью только, но и сердцем.

До тридцатилетнего возраста тихо и уединенно живет Иисус в Назарете, оказывает полное послушание Иосифу и Марии, занимается скромным плотницким ремеслом и этим помогает Своим родителям получать необходимое пропитание. Из дитяти Иисус делается отроком, из отрока – юношею, а из юноши – мужем, и мир ничего не знает, даже и не подозревает, что уже тридцать лет живет среди него Тот, Которого он ожидал более пяти тысяч лет. Таким образом, уже теперь Спаситель оправдывает то, что Он впоследствии сказал вслух всему миру: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем.*

Да, скромную, очень скромную жизнь проводит Иисус в Назарете. Он знает, что Бог Израиля есть Его Отец, что храм Иерусалимский есть дом Отца Его, что народ Израильский есть Его избранный народ. Он хорошо знает все это. И, однако, Он идет в Назарет и подчиняет Себя воле Своих родителей. Не оскорбляет Его и та убогая обстановка, в которой суждено было жить Ему. Для Него не был унизителен презренный город Назарет, не была тесна и душна хижина Его родителей, не было низко и позорно и скромное плотницкое ремесло.

Бедную и простую жизнь проводил Иисус в Назарете. Наружный вид Его отличался чрезвычайной скромностью и простотой. В Нем ничего не было такого, что бросалось бы в глаза: ни в поступки, ни в манеры, ни в обороте речи не было ничего такого, что обращает на себя внимание света. Какая поучительная картина! Это было продолжением того смирения, которое начал Он в Вифлеемских яслях и которое пред Своею смертью показал в омовении ног ученикам Своим и закончил перенесением крестной смерти.

Да, смирение есть великий и дорогой пример, преподанный Им и для нас, в особенности же для юношества, это великая добродетель, чрез которую мы входим в Его дух и следуем стопам Его. Что же такое смирение? Быть смиренным – значит ничего не знать о своих дарованиях и каких бы то ни было преимуществах, а считать их всегда милостью и дарами Бога, не ставить себя выше ближних своих, безропотно переносить обиды и оскорбления. Подчинять свою волю воле других, стоящих выше нас, молчать при замечаниях и вразумлениях, не

выставляться, не стремиться к тому, чтобы отличиться и блеснуть чем-нибудь, но заботиться только о благоволении Божиим. Вот в чем состоит истинное христианское смирение. Это – подражание Христу.

И в этой добродетели содержатся некоторым образом все другие добродетели. Иисус был смирен сердцем и имел и все остальное – имел любовь, кротость, милосердие, послушание и трудолюбие. То же может быть и у нас. Если научимся у Него одной добродетели, то приобретем и все другие. Если приобретем смирение, то будем обладать и всеми добрыми качествами, ибо оно есть, по словам блаженного Августина, основание, фундамент для всего здания добродетелей. Без смирения всякая добродетель затмевается и теряет цену, даже более: без него всякая добродетель может быть опасною. Если человек, обладая действительными добрыми качествами и преимуществами пред другими, не имеет смирения, то каждое доброе дело, совершенное им, является для него поводом к самомнению и гордости и потому теряет свою цену и достоинство. Напротив, где есть смирение, там созревают любовь, послушание, миролюбие и услужливость.

Смирение делает человека особенно приятным и достолюбезным. Ничего не может быть противнее, как смотреть на тщеславного самохвала, старающегося кстати и некстати блеснуть своими знаниями и своею ловкостью в движениях, манерах и речах, чтобы произвести эффект. И наоборот, ничего не может быть приятнее, как видеть человека, который при действительных своих достоинствах и преимуществах держит себя в границах кротости и смирения. И эта скромность и отсутствие гордости дают его преимуществам еще большую цену, еще большую прелесть и красоту.

Смирение обеспечивает спокойствие и мир душевный, ибо смиренный не знает ни зависти, ни ненависти и недоброжелательства: он далек от раздражительности и ссор, даже радуется, когда подвергается незаслуженному унижению и оскорблениям.

Смиренный всегда счастлив и благодарен. Для него ничего нет несправедливого. Хотя бы его коснулось и самое тяжкое

испытание от Бога или от людей, он всегда считает себя достойным этого и готов бывает на большую жертву.

Смиренный всегда ставит себя в самые правильные отношения к Богу. Он рассуждает таким образом: я все получил от Бога. Имею ли я поэтому право жаловаться на то, если бы я ничего не получил или если бы у меня было отнято все, что дано мне? – Не мне, Господи, говорит он, не мне, но имени Твоему да будет слава! (Пс.113:9).

Смиренный никогда не забывает прав и преимуществ своего ближнего. – Разве я, говорит он себе, лучше других или разве ближний хуже меня? Он знает самого себя и не ценит себя сверх меры, не вдается в самомнительность и гордость. Он говорит: *благодатию Божиею есмь то, что есмь* (1Кор.15:10). Он не закрывает глаз на свои грехи, слабости и недостатки. Он не останавливается на том, что он сделал, но всегда думает и о том, чего еще не сделал. Он, по слову Апостола, забывает заднее и простирается вперед (Флп.3:13). Не довольствуясь прежними подвигами и добродетелями, он стремится к совершению новых. Как хороша, следовательно, добродетель смирения по своему существу, как богата по своим плодам и действиям!

Но вот выступает мир, наш гордый мир, и осыпает смирение насмешками. Что такое смирение? – спрашивает он. Это свойство одних только жалких и слабых умов. Только гордость, сознание своих достоинств украшает и возвышает человека, смирение же унижает его.

Как? Смирение унижает человека?! – Безумное это слово, это отзвук того дерзкого восклицания, которое некогда раздавалось на небе из уст денницы: «Богу хотим мы быть равными, выше звезд поставим мы свои престолы» (Ис.14:13).

Как? Смирение – малодушие и слабость?! Но что больше включает в себе силы, мужества и великодушия: гордая ли месть за обиду или кроткое, спокойное перенесение ее? Однако таков уж сей лукавый мир. Ни одной вещи, ни одному поступку не дает он правильного названия и надлежащей оценки. Гордая заносчивость, раздражительность и мстительность в случаях оскорблений – это действия, по его мнению, достойные чести, а

мужественное перенесение их в духе христианской любви и терпения он называет слабостью и малодушием.

Как? Смирение унизительно для человека?! Не есть ли это проявление той гордости, которая низвергла с неба Люцифера? Стало быть, неправда то, что воспела Мария: *низложи сильныя со престол и вознесе смиренныя* (Лк.1:52)? Стало быть, слова Писания: *всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится* (Лк.14:11), не имеют уже никакого значения и смысла?!

Нет. Слова эти – несомненная истина. Смиренный надеется не на свои собственные силы, а возлагает все упование свое на Бога, Который делает его великим, мужественным и сильным. *Все могу*, говорит он, *в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Флп.4:13).

Если кто действительно унижает себя, так это именно гордец. Посмотри, как он пресмыкается и ползает, как червяк, пред нужным для него сильным человеком, чтобы приобрести его благоволение, добыть себе хоть один кусочек чести, похвалы и отличия. Полный самомнительности, иногда ни на чем не основанной, как надменен и самодоволен он в своих словах и поступках, в своих движениях и манерах, в своей походке и в своем одеянии! И как несчастен он, когда не исполняется его желание, когда не видит он ожидаемого внимания, особенно же когда должен потерпеть какую-нибудь обиду, оскорбление, неуважение!

О, жалкая суетность! И это называется величием?! Нет, обо всем этом не знает смиренный человек и с сожалением смотрит на этих рабов фальшивой чести.

Итак, дорогие мои, если хотите действительно возвысить себя и стяжать себе честь и уважение, то старайтесь смирять себя больше пред Богом, Ему только воздавая честь и славу за все доброе, что совершаете вы. Смиряйтесь и пред людьми, никогда не превозносите пред другими. Оказывайте покорность и послушание старшим, родителям, начальникам и правителям, относясь доброжелательно и к равным себе. В болезнях, несчастиях и страданиях будьте покойны, выносливы и терпеливы. В состоянии раздражения молчите всегда до тех

пор, пока уляжется внутреннее возбуждение и остынет пыл гнева, и это будет вашей жертвою Богу. Избегайте самообольстительных мыслей, неосуществимых намерений и желаний и поставьте навсегда правилом для себя – ничего не говорить о себе, о своих подвигах, достоинствах и преимуществах. Будьте скромны, просты и естественны в ваших речах, приемах и манерах, во всех ваших действиях и поступках.

Смирение и кротость особенно приличны детскому и юношескому возрасту. Смирение есть по преимуществу добродетель юности, которая так мало имеет еще жизненной опытности и так много нуждается в советах, наставлении и руководстве других. К сожалению, наше современное юношество ничего не хочет знать о скромности и смирении. Неудержимо порывается оно занять видное место в общественной жизни. Оно не хочет понять, что ему еще рано выступать на сцену, показывая себя миру, обращать на себя внимание общества. Оно хочет играть в нем видную роль, удивлять собою мир. Это одно из самых горячих желаний современного юношества. Ах, как оно далеко от примера, который преподан ему Иисусом, в продолжение тридцати лет жившим в тишине и безвестности, в бедной уединенной Назаретской хижине! *Научитесь от Меня!* – взывает Он ко всем, *научитесь не чудеса творить, не общественные перевороты производить: научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем (Мф.11:29).* Научитесь же, друзья, этому смирению от Того, Который, будучи равен Богу, до того смирил Себя, что оставил Свою родину, Свою небесную родину, где Он жил в блеске величия и славы, и спустился до яслей Вифлеемских, до бедной хижины Назаретской, до крестной смерти на Голгофе. Да, вся Его жизнь была непрерывным упражнением в смирении. Словом и примером проповедует Он нам смирение и только смирение, хорошо зная, что гордость и суетное тщеславие есть корень зла в человеческой душе и начало всех пороков. Если бы было что-нибудь для нас более великое и важное, более необходимое и полезное, Он,

наверное, научил бы нас этому. Но Он хочет только одного: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем!*

О, кротчайший и Божественный Учитель! Удели нам хотя малую долю этой добродетели из Твоего смиреннейшего сердца! Даруй нам дух кротости и смирения, дабы мы, подобно Тебе, уничижили самих себя и удостоились некогда быть возвышенными и прославленными с Тобою! Аминь.

6. Трудолюбие

Трудящийся достоин награды за труды свои (Лк.10:7)

Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь (2Фес.3:10)

Молись и трудись – так говорит старинная пословица. Молись! Это слово включает в себе все религиозные наши обязанности, все, что должны мы делать в отношении к Богу, все, что ведет нас к будущей, вечной жизни на небе. Иисус учит нас этому примером Своего благочестия и набожности. Трудись! Это значит: исполняй также верно и добросовестно обязанности и земного твоего призвания, делай все, чего требует долг твоего служения, что нужно и полезно для тебя и твоих собратий.

В продолжение своей жизни и Назарете, Иисус показал нам прекрасный пример и в этом отношении. Он помогал здесь Своим родителям во всех их хозяйственных делах и вместе с Иосифом занимался нелегким ремеслом плотничества. Какой это опять поучительный урок для нашего юношества, для того юношества, которое так любит предаваться праздности, так часто избегает труда, всюду требуя себе неги и покоя и самое дорогое время жизни, время сеяния, проводит в лени и ничегонеделании! Пусть же этот пример Иисуса научит нас, что труд и работа для каждого человека, старого и молодого, богатого и бедного, царя и простолюдина, есть непрременный долг. Что работать никогда и никому не стыдно (стыдно, напротив, жить праздно), что труд особенно необходим для молодого человека, если он хочет быть полезным членом общества.

Пример Иисуса да вдохнет в наше сердце любовь и усердие к труду и работе.

Заглянем прежде всего в Назарет, в хижину снятого Иосифа Обручника. Там видим мы, как Иисус до тридцатилетнего возраста неутомимо работает, добывая трудом необходимые средства к жизни. Тяжела и многотрудна была эта Назаретская жизнь Его. Несмотря на Свое Божественное происхождение, Он не знает покоя; Он не покладая рук работает; пот льется с чела Его; мозоли покрывают Его руки, и на жесткой постели Он

должен совершать Свой непродолжительный ночной отдых. Да, Он вправе был о Себе сказать: «Нищ есмь Аз, и в труде от юности Моея». Кто узнает здесь Единородного от Отца, потомка Давида, великого Царя в Израиле, воспетого ангельскими ликами? Что заставило Его из множества различных занятий избрать именно это грубое и низкое ремесло? Для чего нужно было Ему притом переносить так много сурового и тягостного труда? Для того, очевидно, чтобы нас научить преодолевать в себе леность и изнеженность, чтобы нам показать, что мы можем достигнуть нашего назначения единственно путем смирения, самоуничижения и труда. Или, говоря короче, потому что этого хотел Небесный Отец, исполнение воли Отца Своего было главным Его делом, задачей Его жизни: *не ищу Моей воли*, говорит Он, *но воли пославшего Меня Отца* (Ин.5:30).

Но этот Отец Небесный разве желает, чтобы и мы работали? О, без сомнения. Труд и работа обязательны для всех. Каждый человек создан для работы, как птица для летания, говорится в книге Иова.

Это подтверждают многие из неразумных животных. Подтверждает даже сама бесчувственная природа. К ней, как бы в школу, отправляет ленивца Сам Бог, когда Он говорит в Книге Притчей: *Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою... Доколе ты, ленивец, будешь спать? когда ты встанешь от сна твоего?* (Притч.6:6–9). И как муравьи и другие животные, так и вся природа призывает нас к труду, как бы так говоря: работай и трудись, о человек, как работаю я. Земля не имеет покоя и отдыха даже и осенью: она засыпает только на время зимы. Дерево растет постоянно и приносит дрова и плоды. Ручей никогда не стоит на одном месте, даже само море приходит в ежедневное движение. Солнце, луна, звезды и земля – все и всегда находится в движении и в деятельности. Ужели один человек может ничего не делать и празднично стоять среди повседневной и кипучей деятельности природы? В таком случае он был бы презреннейшим из всех существ ее.

Итак, мы должны работать. Такова решительная воля Господня. Человек подобен дереву, которое десница Божия насадила, чтобы оно принесло плоды. Если же он не исполняет этой Божественной воли, то его постигнет судьба бесплодной смоковницы, которая будет срублена и брошена в огонь. Мы – те рабы, коим Господь вверил, как таланты, силы и способности души и тела. На что они даны нам, как не для употребления в дело? Если мы не пользуемся ими, не пускаем, так сказать, в оборот эти таланты, то дадим за это некогда строгий ответ и, как непотребные рабы, выброшены будем во тьму кромешную.

Один из самых драгоценных талантов есть время, доброе и правильное употребление которого приносит великую прибыль и пользу, а неправильное – великий вред и убыток, в котором мы также должны будем дать строгий отчет своему Господину.

Далее, мы те работники, которых Господь приглашает в Свой виноградник: *идите и вы в виноградник мой* (Мф.20:4). Слова эти приложимы и к каждому из нас, и тот виноградник, работать в котором зовет нас Господь, есть то призвание, то служение, та должность, которые каждому назначены Богом. Если мы не исполним долга нашей службы, то и к нам приложимы слова Господа: *что вы стоите здесь целый день праздно?* (Мф.20:6).

Труд и работа составляют неременную обязанность каждого человека, и если бы он не согрешил, тогда работа для него, конечно, не была бы в тягость, не служила бы бременем. Но с тех пор, как человек восстал против Бога и нарушил Его заповедь, с тех пор земля сделалась враждебной человеку. Терния и волчцы взращивает она; слезами и потом человек увлажняет и размягчает сухую и грубую почву; ни одного плода не получается им без труда и работы, ни одного наслаждения без предыдущего напряжения сил.

В поте лица твоего будешь есть хлеб (Быт.3:19) – так гласит приговор, произнесенный Богом Адаму, а в лице его и всем нам, и с того времени человек рождается для работы, как птица для летания, то есть работа, так сказать, прирождена человеку. Он не может, он не вправе уклоняться от нее.

Иисус Христос, этот небесный Учитель и Законодатель, точно так же и Сам научил нас закону труда и подтвердил это чрез Своих апостолов. Он есть тот хозяин, который неоднократно выходил искать работников для своего виноградника и строго упрекал стоящих праздно. Подобно Ему и апостол Павел увещевает и убеждает христиан, *чтобы они, работая в безмолвии, ели свой хлеб (2Фес.3:12)*. И то, чему учил Иисус и Его апостолы словами, то подтверждали они и делами. Не видим ли мы, по крайней мере, как Христос, Сын Божий, унижал Себя и трудился до пота лица Своего, как работал Он в мастерской, а после неусыпно трудился на общественном поприще, проповедуя всюду Евангелие Царствия и совершая знамения и чудеса? Кто же вправе уклоняться от труда и считать его за нечто унижительное и бесчестное после того, как Сам Сын Божий показал нам пример труда и неутомимой работы, после того, как такой же пример показали нам Его апостолы и все святые? Можете ли и вы, дорогие дети, стать вне закона, из которого нет ни для кого исключения? – Конечно, нет. Напротив, если когда человек обязан трудиться по преимуществу, так это в вашем возрасте. Не есть ли юность самое лучшее время для того, чтобы разминать и укреплять свои телесные и духовные силы? – Без сомнения; но этого можно достигать только чрез постоянное упражнение своих сил, следовательно, чрез труд и работу. В юности необходимо усвоить науки, искусства. В юности же необходимо упражняться и в добродетелях, а, следовательно, и в трудолюбии. Если потеряешь это золотое время, то оно никогда уже не возвратится. Ужасная это потеря! Какое раскаяние должно впоследствии мучить сердце, если в молодости мы не разовьем своих сил и способностей, не приобретем необходимых в жизни знаний, не подготовим себя ни к какому делу и вступим в самостоятельную жизнь без охоты к труду, без опытности и способности к делу, среди бедности и недостатков! Как жаль бывает видеть без определенных занятий человека, который при своих способностях мог быть полезным и для себя, и для общества, если бы с большею заботой, прилежанием и трудолюбием провел свои юношеские годы! Но он

злоупотреблял этим временем; он ничего не может теперь сделать ни для себя, ни для близких своих, а потому служит в тягость и себе и другим. Какая тяжелая ответственность!

Какой суд должен совершиться над юным ленивцем, когда он предстанет пред лицом праведного Судии и ему показаны будут все его юношеские увлечения и заблуждения, все грехи и пороки, в кои он впал по причине праздности и лени! Праздность есть мать всех пороков, говорит древняя и верная пословица. Как из стоячей воды поднимаются гнилые пары, так из сердца праздного человека исходят разного рода дурные помыслы и намерения, нечистые вождения, которые приводят его ко грехам и порокам.

И мы убеждены, что многие души томятся в муках именно потому, что не воспользовались прекрасным юношеским возрастом и провели его в лени и праздности. О, если бы они могли теперь, хотя бы на одну минуту, вернуться к этому дорогому времени! С какою ревностью они воспользовались бы им и как глубоко раскаялись бы в злоупотреблении и юношеским временем, и юношескими способностями. По как никогда не взойдет солнце с запада, так никогда не вернется к ним золотая молодость. Чувство глубокого страдания вечно будет снедать их. Мысль об этих несчастных да побудит нас к труду и деятельности, дабы и нам чрез свою лень и праздность не подвергнуться временному и вечному осуждению.

Правда, человек не может работать постоянно и безостановочно: есть время работы, есть время покоя и отдыха. Но отдыхать лучше и приятнее всего после исполненной работы. *Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью* (Пс.125:5).

Работайте же, юноши, с радостью в дни юности вашей и сейте семена добра неленостно, хотя бы в поте лица и слезах. Настанет, несомненно, настанет день, который принесет вам обильную жатву и прекрасные плоды вашей работы. *Идите и вы в виноградник мой* (Мф.20:4) – призывает к вам Господь. Не отвращайте вашего слуха от этого призыва трудолюбивого Иисуса, следуйте ему и исполняйте добросовестно обязанности

своего звания, запасайтесь знаниями для жизненного поприща. Когда закончится дневной труд, Господь призовет рабов Своих и даст каждому вознаграждение, сообразно работе каждого. Тогда наступит день покоя, день без вечера, вечное воскресение, день никогда не престающей жатвы. Несравненно лучше работать здесь, на земле, и там отдыхать, чем здесь отдыхать, а там никогда не видеть покоя.

Христе Иисусе! Научи меня исполнять волю Отца моего, как исполнял ее Ты. В особенности же научи меня добре проводить время юности, быть трудолюбивым и деятельным, как Ты, дабы и я мог приготовить себя к счастливой жизни на земле и к вечному блаженству на небе. Аминь.

Поучение детям пред причащением Святых Таин ¹¹²

Закхей! сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме (Лк.19:5)

Милые дети! Итак, наступил тот счастливый час, к которому вы так старательно приготавливались и которому так сердечно радовались, – тот час, в который Иисус, наш любвеобильный Спаситель, хочет войти в ваше сердце и исполнить его миром и благословением. И вы, без сомнения, ныне утром уже сказали вместе с Давидом: *Возрадовался я, когда сказали мне: «пойдем в дом Господень»* (Пс.121:1); *Сей день сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный!* (Пс.117:24). Да, вы имеете все причины радоваться сегодня, ибо Спаситель, Сын Божий, приходит сегодня к вам, как Он некогда приходил к Закхею; Он приходит не только в ваш дом, но в ваше сердце. Господь, Который дал вам жизнь, Который возлюбил и отечески заботился о вас с первой минуты вашей жизни, хочет войти в ваше детское сердце и устроить там Свое жилище. Он уже очистил вас от скверны греха в Таинстве Покаяния, а теперь хочет преподать вам еще большую благодать – Он хочет соединиться с вами в святейшем Таинстве Причащения и чрез то напитать и укрепить ваши души для вечной жизни. Как же должны вы принять Его? И что Он принесет вам? Думаю, что этому вы можете поучиться у Закхея, о котором вы знаете, вероятно, из библейской истории. Рассмотрим это поближе. А ты, о Господи, Всеблагий и Всемиловитый, даруй мне такую благодать, чтобы мои слова пали на плодоносную и восприимчивую почву.

О Закхее и Священное Писание рассказывает, что он искал видеть Иисуса. Он был начальник мытарей и человек богатый, но все его богатство, как оно ни было велико, не могло утолить жажды его сердца. Он не имел душевного мира, его мучило сознание грехов своих. Вот слышит он, что близко Иисус и употребляет все усилия, чтобы увидеть Его, надеясь, что Он успокоит его сердце и даст мир душе его. Эта жажда, это желание увидеть Иисуса должны наполнять сегодня и ваши

сердца, ибо Он хочет не только пройти близ вас, но войти в самое ваше сердце, чтобы устроить в нем для себя постоянное жилище. Правда, мы не можем уже видеть Его, как Закхей, телесными глазами, ибо Он уже вошел в Свою славу; но мы созерцаем присутствие Его очами веры под образом хлеба и вина, вместе с Его Божеством и человечеством, с телом и душою. Под видом хлеба и вина хочет Он сегодня прийти к вам. О, как велико должно быть сейчас ваше желание видеть и принять в свое сердце Того, Кто некогда по бесконечной любви Своей пришел взыскать грешников и сделал их блаженными. Кто пролил на кресте кровь Свою за грехи мира и в святейшем Таинстве Причащения поставил незыблемый и вечный памятник Своей любви. Кто хочет и вас сделать счастливыми, и вам преподать Свой мир и Свое спасение! При виде того великого счастья, которое предстоит вам, вы имеете все причины присоединиться к голосу Давида и сказать: *Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!* (Пс.41:2).

Как велико ваше желание, так же велико должно быть и ваше смирение. Вы должны в чувстве самоуничижения признавать себя недостойными той великой милости, которую Господь хочет оказать вам. Вы должны помнить о своих грехах и о святости Того, Который хочет войти в ваше греховное сердце; вы должны вместе с сотником евангельским сказать: «Господи, я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, ибо я грешное дитя!» И в самом деле, милые дети, не оскорбляли ли вы иногда Господа и не загрязняли ли чистой одежды невинности, которая дана вам в Таинстве Крещения? Вы оскорбляли Его непослушанием своим родителям и учителям, ложью и обманом, ненавистью и завистью, недоброжелательством и грубым обращением с вашими товарищами, с вашими братьями и сестрами и другими грехами. А если вы это делали, то вы имеете все причины в смирении исповедать, что вы недостойны принять в свои сердца Всесвятого Господа. Правда, вы очистили свое сердце от грехов в Таинстве Покаяния – но если Господь даже в Своих Ангелах находит нечто строптивое, некоторые недостатки, то каким образом будет тогда ваше сердце настолько чистым, чтобы достойно принять столь

высокого Гостя? Но не огорчайтесь: Тот, Который идет к вам, есть Друг грешников и Милосердный Бог; Он очистит вас от всех, даже смертных грехов, если только вы со смиренным и сокрушенным сердцем исповедуете пред Ним ваше недостойнство и ваши грехи и помолитесь: *омый мя от беззакония моего и от греха моего очисти мя... Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей* (Пс.50:4,12). И Закхей был грешник, однако Господь вошел в дом его, потому что увидел его смирение и его раскаяние.

Когда Спаситель сказал: *Закхей! сойди скорее, ибо сегодня подобно Мне быть у тебя в доме*, – как принял Его тогда Закхей? Он принял Его с радостью. Чтобы Господь, Которого он хотел только видеть, зашел в дом его, он этого не ожидал. Вот почему необычайная радость овладела им, его сердцем, когда он услышал слова Господа: *сегодня надобно Мне быть у тебя в доме*.

Милые дети! Я не сомневаюсь, что сегодня и ваше сердце исполнено святой радости, так как Иисус, Сын Божий, хочет войти в него; не сомневаюсь, что и вы примете Его с радостью. И как не принять? На вашу долю выпадает самое большое счастье, какого только может достигать бедный человек, – счастье внутренне, таинственно соединиться со Христом, Сыном Божиим. Если бы царь или какой-нибудь высокопоставленный человек вошел в дом ваш, то вы, конечно, приняли бы его с великой радостью. Не более ли того должны вы радоваться, когда Царь царствующих и Господь господствующих удостоивает вас не только посещения вашего дома, но и хочет устроить в ваших сердцах постоянное жилище? Да, *радуйтесь*, скажу я с Апостолом, *и еще говорю: радуйтесь* (Флп.4:4). Но ваша радость будет еще большей, если вы представите себе, какое благословение, какую великую милость приносит с собою Этот Гость, Которого вы сегодня примете.

Когда Спаситель вошел в дом Закхея, тогда принес Он ему отпущение грехов и усыновление Богу. Посему и сказал Он: *ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама, ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее* (Лк.19:9–10).

Что же принесет Спаситель нам, дети? Он уже очистил вас от грехов в Таинстве Покаяния, но Он хочет дать вам еще большего: Он хочет сообщить вам благодать Свою, предохранить вас от зла, дать вам силу в борьбе с искушением, помочь вам исполнять Его заповеди и идти вперед по пути добродетели; Он хочет утешить вас в скорби, сообщить вам Свой мир и указать путь к вечной жизни. О, вы уже из собственного опыта знаете, что сердце человека с юности склонно к злу и охотнее делает злое, чем доброе. Вы знаете, что живете среди многих опасностей и искушений, в которые очень легко можете впасть по своей слабости и беспечности, а потому нуждаетесь в высшей помощи, чтобы преодолеть все опасности и препятствия на пути к спасению. Вот эту-то помощь и хочет нам подать ныне любвеобильный Спаситель. Он хочет Сам соединиться с вами и чрез это даровать вам Свою силу, так чтобы вы в состоянии были сохранять ваше сердце от соблазна и совершать добродетель. Вот почему Он говорит: *Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего* (Ин.15:5). Да, соединившись с Ним, вы будете побеждать все искушения и восходить от добродетели к добродетели, ибо, говорит Апостол, *если Бог за нас, кто против нас?* (Рим.8:31). *Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Флп.4:13).

Теперь видите вы, милые дети, с какою жаждою, верою, смирением и покаянием должны вы встретить Спасителя, Который сегодня хочет войти в наше сердце, с какою радостью должны вы принять Его и какой дар Он хочет принести вам. О, так приготовьте же ваши сердца, чтобы так принять Его, и просите Его, чтобы Он даровал вам Свою благодать, Свой мир и Свое спасение! Войди же в эти души, Ты, вечный Пастырь и Спаситель наш, и останься там, куда войдешь Ты! Останься у них, когда наступит он, час искушений, и сотвори победу! Пребудь с ними, когда придут дни креста и испытаний, и открой Себя в Своей славе! Пребудь с ними, не отступи от них и тогда, когда настанет ночь смерти и пробьет последний час, и дай им тогда блаженную кончину! Прииде, о Иисусе, прииде! Сжался над всеми, сжался над нами! Аминь.

Поучение детям после причащения Святых Таин 113

Милые дети! Когда Господь повелел Закхею: *Закхей! сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме*, – тогда Закхей слез поспешно, с великою радостью принял Господа в дом свой и сказал: *Господи! половину имения моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо* (Лк.19:5,8). Таким образом, Закхей не нашел лучшего средства для выражении своей благодарности за ту честь и милость, какую оказал ему Господь, как изъяснить готовность загладить грехи свои соответствующими добродетелями.

Что же теперь должны сделать вы, дорогие дети, удостоившиеся большего счастья и несравненно большей милости от Господа, чем Закхей? Последний принял Господа только в дом свой, а вы, причастившись Тела и Крови Христа, приняли Его не только в дом, но и в свою душу, в свое сердце, и Он теперь теснейшим образом внутренне соединился с вами. Чем же вы должны отплатить теперь Ему и выразить за это свою благодарность? О, если благодарность ваша должна быть равна благодеянию, то вам необходимо при этом придется с грустью сказать: чем же я воздам Господу за все то, что Он сделал для меня? Денег, драгоценностей, богатства у меня нет – что же я могу дать Господу? Но успокойтесь: Господь не желает от вас ни богатства, ни денег; Он желает и требует от вас только одного – чтобы вы любили, боялись и слушались Его, чтобы Вы отдали Ему ваше сердце. *Сын мой!* говорит Он в Священном Писании, *отдай сердце твое Мне* (Притч.23:26). Да, вашего сердца требует Он; в чистом, невинном детском сердце находит Он особенное для Себя удовольствие: оно драгоценное для Него и дороже всего, что вы помимо сего могли бы предложить Ему; в чистом, не запятнанном никаким тяжким грехом сердце Он желал бы всегда иметь Свое жилище. *И придем*, говорит Он в Святом Евангелии, *и обитель у него сотворим*. И в другом месте говорит: *Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф.5:8). Отдайте же Ему то, что для Него особенно дорого, – отдайте ваше сердце, обещайте отселе

любить Его и исполнять заповеди Его во все дни вашей жизни. Скажите сейчас Ему: «О, Иисусе Господи, да будет во всем Твоя святая воля! Тебе отдаю я себя, точно так же как и Ты отдал мне Себя в Таинстве святого Причастия. Прими благосклонно эту приносимую мною Тебе жертву. Все, что у меня есть, всего себя я отдаю Тебе: мое тело, которое теперь, с принятием Святых Таин, сделалось Твоим храмом; мой язык, данный мне для прославления Твоего имени; мои глаза, мои уши, все мои чувства – все это я буду теперь употреблять для Твоей славы и чести. Отдаю я тебе и мой ум, и мою память, и мою волю, чтобы Тебя более и более познавать, искренне и глубже любить и ревностнее служить Тебе. Отселе я буду любить тебя и исполнять Твои заповеди; я буду сохранять мою невинность и чистоту моего сердца и возрастать по Твоему примеру как в летах, так и в мудрости и благоволении у Бога и людей!» Благо вам, если вы дадите и соблюдете такое обещание. Тогда ваше говение и причастие действительно было бы истинным счастьем, несравненно большим, чем посещение Господом Закхейя.

Многие из детей, подобных вам, давали такое обещание во дни говения и причащения Тела и Крови Христовых: они обещали также быть верными Богу и послушными Его заповедям. Увы, они не сдержали своего обещания и давно уже нарушили свою верность, оставив пути заповедей Господних. Их сердце уже не представляет теперь чистого храма Божия; их уже не украшает теперь белая одежда невинности; они давно потеряли ее, и теперь в их сердцах господствуют нечистые страсти и греховные вожеления. Они уже не имеют единения с Иисусом, источником мира и всякого счастья; грех отдалил их от Него – и вот они блуждают теперь с чадами мира по широкому пути погибели. И так как они отлучили себя от Иисуса, так как Его учение не служит для них руководством в их действиях и поступках, так как они уже не следуют Его примеру – то из сердца их исчез всякий мир и спокойствие, и они напрасно ищут покоя в радостях и удовольствиях этого мира, который, не имея его сам, не может дать его и другим. О, как печально было бы, как жалко, если бы подобное несчастье постигло и вас! О, не

лишайте себя, дети, это мира! Блюдайте свою детскую чистоту, дабы никто не похитил у вас ваших радостей и ваших венцов. Не забывайте дома Господня и молитесь в нем о том, чтобы Господь помог вам исполнить ваше доброе намерение ходить по путям заповедей Господних во все дни вашей жизни. Просите его, чтобы Он сохранил одежду невинности, молитесь Ему, чтобы Он Своею отеческой рукою водил вас во всех положениях и судьбах вашей жизни. Молитесь за ваших родителей, учителей и учительниц, дабы Бог укреплял их силы в нелегком их служении. Молитесь за веру, за царя и Отечество, дабы милосердный Бог излил на них всю полноту Своего благословения. Аминь.

Речь при освящении нового здания третьей Санкт-Петербургской гимназии¹¹⁴

Приидите, возрадуемся Господеви, воскликнем Богу Спасителю нашему (Пс.94:1)

Благослови, душе моя, Господа, и не забывай всех воздаяний Его (Пс.102:2)

Боголюбивые отцы, братие и сестры! Мы молимся сейчас по случаю открытия и освящения этого нового здания. Радостно это событие. Уже один взгляд на это величественное и столь целесообразно устроенное здание исполняет наше сердце чувством радости и благодарности к тем, кому обязано оно своим возникновением и оборудованием.

Но эта радость и эта благодарность наша будет еще выше, если мы бросим взор свой на его особое назначение. Это не простое человеческое жилье. Нет. Это – храм науки, святое место обучения и воспитания, в котором наши дети находят то, что необходимо для образования их духа и сердца. Кто не пожелал бы тому дитяти, которое он любит всей полнотой любви своей, дать все самое лучшее, что только может он дать, для его жизненного пути? И вот мы воочию видим, как это самое лучшее дается нашим детям в этой гимназии. Здесь в лице своих начальников и учителей они находят отческую о себе заботу и руководство. Здесь развиваются и образуются те различные способности и дарования их, коими одарил их Бог. Здесь юные души их обогащаются необходимыми познаниями и искусствами, и возбуждается чувство ко всему истинному и прекрасному. Здесь в восприимчивых сердцах их воспитывается и укрепляется любовь ко всему доброму и полезному. Словом, здесь получают они то образование, которое служит источником благосостояния не только для отдельных личностей, но и для семьи, для общества и Отечества. Будет ли поэтому несправедливостью сказать, что это образование юношества достойно не только благодарной признательности, но и глубокого почтения и благоговения?

Возрадуйтесь же, любезные родители, что вы имеете столь целесообразно устроенное учебное заведение, в котором ваши дети получают столь драгоценные сокровища для духа и сердца, в котором они собирают капитал, имеющий принести в последующей их жизни богатый процент.

Но, это учебное заведение, оно и от вас требует серьезного содействия в деле воспитания ваших детей. Ведь родина дитяти – собственно в родительском доме. Там – корни его жизни, его силы. Там при помощи дисциплины и добрых обычаев, при помощи родительского слова и примера закладывается прочное основание для выработки его личности и характера. Что видит и слышит дитя дома, что воспринимает оно там от родителей, это глубоко западет ему в душу и оставляет неизгладимый след во всей его жизни, на всем его поведении, от коего зависит счастье и горе дитяти. Вот почему необычайно важно, чтобы в семье господствовал здоровый и правый дух, который поощряет ко всему доброму и воспрещает все дурное. Не забывайте же это, чадолюбивые родители, и воспитывайте детей ваших в наказании и учении Господнем. Не верьте тем из родителей, которые полагают, что дело воспитания лежит на родителях только до отдачи детей в школу и что по поступлении их в оную эта обязанность прекращается и переходит на учителей и законоучителей, так что родителям ничего более не остается делать, как только следить за тем, как идет дело в школе. Нет, возлюбленные, обязанность родителей по воспитанию детей не прекращается и тогда, когда они учатся в школе. Напротив, родители должны идти рука об руку с законоучителями и учителями, даже более: они – первые и главные воспитатели своих детей, так как им дарованы они Господом и от них прежде всего Он потребует ответа за их души. Так не слагайте же с себя этой серьезнейшей обязанности. Старайтесь поддерживать и восполнять и проводить в жизнь ваших детей все то доброе, чему учит их школа.

Но как семья, так и школа тогда только могут достигнуть желаемого и полного успеха, когда будут строить свое дело на единственно прочном основании, краеугольном камнем которого

служит Иисус Христос, когда они всецело отдают себя Его руководству. Ибо где, в самом деле, такой нравственно-религиозный воспитатель человеческого рода, каким является Христос – Этот Спаситель мира, истинный друг человечества, носитель мира и любви, победитель смерти и Царь вечной жизни? *Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись* (Деян.4:12). К Нему, Этому истинному Другу и воспитателю человеков, должны быть приводимы и наши дети, чтобы Он благословил их, как Он Сам заповедал, сказав: *пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие* (Мк.10:14). Ибо тогда только вы, родители-христиане, будете иметь в детях ваших истинную радость и утешение, когда они воспитаны будут в духе Евангелия Христова – того Евангелия, которое учит всем сердцем, всей душой и всем помышлением любить Бога, которое в деле обучения на первое место, как начало всякой премудрости, ставит страх Божий и заповедует любить ближнего, не исключая даже и врагов, которое повелевает отдавать *кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мф.22:21), Который освящает и упорядочивает все условия земной жизни, чтобы они служили к пользе и благочестию людей.

Равным образом и православно-христианская школа тогда только безукоризненно исполнит свою задачу, когда из своего питомца сделает не умного только гражданина, но и благочестивого христианина.

О, еще выше поднимается наша радость, еще полнее становится чувство благодарности, если мы вспомним, что 3-я гимназия оказалась неуязвимою и ни один из ее воспитанников не был замечен в политической неблагонадежности.

Все это побуждает нас поднять свой взор горе, к небу, к Богу, Подателю всякого даяния благого и всякого дара совершенного, и с чувством высокой благодарности воззвать вместе с псалмопевцем: *Приидите и со славословием Господу, воскликнем: Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя, имя святое Его: благослови, душе моя, Господа и не забывай всех воздаяний Его* (Пс.94:1; 102:1–2).

Он принял и нас и наших детей в благодатный союз Свой. Он щит и твердыня нашей жизни. Он благословляет и защищает нас на пути спасения, дабы наши души могли оставаться целыми и неповрежденными ко славе Его имени.

Он – главный виновник и дела устройства этого нового здания, которое мы только что освятили. В надежде на Него начинали вы это здание, и эта надежда, как видите, вас не посрамила. Он помог благополучно совершить и окончить его, будет помогать и впредь в удовлетворении нужд его и недостатков. А потому молитвою об этой помощи я и заканчиваю свое слово.

О всемилостивый и всеблагий Боже! Ты оказал Свою помощь и содействие в устройстве этого нового дома. Прими же и впредь его под Твое мощное покровительство, предотвращая от него всякую опасность и предохраняя от всяких разрушительных стихийных сил природы. Но ниспосли Твое небесное благословение и на все, что будет совершаться здесь как человеческое дело. Благослови पहले всего учителей, которые теперь и в последующее время будут действовать в этом доме. Даруй, чтобы они пасли своих агнцев как добрые пастыри, чтоб все, что воспринимают от них дети, было плодом их учительской верности и благочестивого настроения. Благослови и родителей обучающегося здесь юношества. Даруй, чтобы они вели дело воспитания их в согласии с учителями, и чтобы родительская любовь их продолжала строить на том основании, которое полагает учительская верность. Излей благодать Святого Твоего Духа и на учащихся здесь, дабы они с охотой воспринимали и верно сохранили те сокровища, которыми обогащает их эта гимназия. Даруй, чтобы доброе семя, посеваемое здесь, падало не на каменистую, а на плодоносную почву, возрастало, созревало и приносило обильный, сторичный плод. Аминь.

8 июня владыка Владимир вторично посетил Московскую Духовную семинарию и присутствовал на экзамене по гомилетике в VI классе. Внимательно выслушав ответы воспитанников, поинтересовавшись, какие именно из проповеднических образцов были прочитаны воспитанниками в течение года, что вообще из духовной литературы читали воспитанники, с какими журналами они знакомы, владыка Владимир предложил некоторым студентам темы для составления импровизации. По окончании испытания святитель обратился к воспитанникам приблизительно со следующей назидательной речью:

«Без сомнения, в последний раз я вас вижу в стенах этого учебного заведения, которое на днях же вы должны оставить, а потому и хочу сказать вам на прощание несколько слов. Большинству из вас придется быть пастырями Церкви и учителями народа. Помните прежде всего об обязанностях того великого служения, к которому уготовила вас эта духовная школа. Первая из обязанностей пастыря – это учительство. Учительство может выражаться двояким способом: собственно учительством в церковно-приходской школе и проповедничеством. Народ наш жаждет такого учительства, охотно слушает церковную проповедь. Было время (и еще так недавно), когда наш православный русский народ дремал и даже сладко почивал на лоне матери своей – Православной Церкви: он исполнял различные религиозные обряды просто по привычке, не отдавая себе ясного отчета в них. Теперь он уже пробуждается от этого сна, но его будят часто такие люди, которые совсем не призваны к тому, которые вторгаются в дело учительства народного, по-видимому, с добрыми намерениями, но на самом деле это – хищные волки, которые похищают у народа все то, во что он привык веровать и что привык свято чтить. Это знамение времени и заставляет наше духовенство особенно ревностно соблюдать обеты своего звания, непоколебимо стоять на страже своего служения, не упускать

народ из-под своего благотворного влияния. Иначе пройдет каких-нибудь пятьдесят лет, и мы не узнаем нашего верующего народа, и Царство Божие от нас отнимется. Горе нам, если мы окажемся негодными деятелями винограда Христова, ибо, по слову Господа, Он злодеев (злых виноградарей) *предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям* (Мф.21:41).

Помните же, юноши, о том, чего ждет от вас наш русский народ!.. *Жатвы много, а делателей мало. Будем молить Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою* (Мф.9:37–38).

Усерднее трудитесь над делом народного учительства в церковноприходской школе в духе православной Христовой веры и Церкви... *Проповедуй слово, настой во время и не во время* (2Тим.4:2)... Если здесь, в школе, вы недостаточно приобыкли к делу церковной проповеди, восполняйте это вашим самостоятельным трудом... Вот какое наставление я хотел дать вам на прощание и вот в чем моя усердная к вам просьба».

Речь при освящении новой церковно-приходской школы при Спасской, что на Сретенке, церкви¹¹⁶

Приветствую вас с торжеством открытия в вашем приходе церковной школы. По милости Божией, сегодня мне приходится в первый раз за время пребывания в первопрестольном граде лично присутствовать и совершать освящение церковно-приходской школы. До сих пор я знакомился с церковно-приходскими школами лишь по бумагам; теперь же на деле вижу вновь устроенное и благоуукрашенное здание для школы. Отрадно это. Да и вообще отрадно появление всякой вновь открываемой школы, потому что школа несет свет в темную массу народа.

Особенно же надлежит радоваться, когда вновь открывается церковно-приходская школа. Быть может, думают, что нет никакого различия между церковной и гражданской школой. Но если мы обратим внимание на положение школьного дела, как оно представляется по отношению к школе гражданской в прошлом и как рисуется для нас относительно церковной в будущем, то найдем здесь существенную разницу.

Чему учила школа гражданская? Едва только детей научат читать по-гражданскому, им давались в руки книги особого характера. Часослов и Псалтирь, которые прежде почитались полезнейшими для чтения еще так недавно, были изгнаны, осмеяны, чтение их признано рутиной. Дети гражданских школ читали сказки, прибаутки, рассказы из народного быта, пели песни – все в чисто гражданском духе. Даже Евангелие читали по гражданской печати. А между тем есть ли и может ли что быть лучше и полезнее чтения святой книги Псалтири пророка Давида? Эта книга поистине есть лучшее, ничем не заменимое чтение. Она вполне отвечает всем потребностям души нашей. Она способна питать дух во всех случаях – в печали и радости.

Что дает гражданское чтение, о котором мы говорили, о распространении которого так ревностно заботятся сторонники гражданской школы? Такое чтение занимает только в детстве. В зрелом возрасте, после тяжелого будничного труда, человек

ищет успокоения и отдыха в храме Божиим. Здесь для него является многое и многое непонятным, если в школе он не учился читать по церковным книгам, не ознакомился с церковным богослужением. Задача же церковной школы и состоит в том, чтобы церковность возможно более приблизить к пониманию человека, чтобы он сознательно и разумно мог молиться в храме.

Слава первопрестольному граду Москве, который с честью держит знамя Православия и многопопечно утверждает церковные школы! Хвала и честь тем, которые деятельно заботятся об устройении церковных школ не трудами только, но и материальным попечением! Хвала и тем, которые так благоустроили настоящую школу!

Мы уверены, что наступит то время, когда церковные школы рассеются по всей России и будут так же многочисленны, как многочисленны на Руси храмы Божии.

Боже сил!.. призри с неба, и воззри, и посети виноград сей; охрани то, что насадила десница Твоя (Пс.79:15–16). Аминь.

Собеседование с народом в храме Троицкого подворья, что в Троицком¹¹⁷

В воскресенье, 24 октября, митрополит Московский Владимир в своей домовой церкви после молебна и акафиста Божией Матери «Всех скорбящих Радость» произнес собеседование, содержание которого было приблизительно следующее.

В предшествовавших беседах о воспитании было говорено, между прочим, о том, что в душе дитяти нужно воспитывать прежде всего страх Божий и живую веру в Бога. И в этом великом деле родители должны идти впереди школы, предваряя ее воздействие, а потом они должны действовать одновременно и согласно с Церковью и школой, в единомыслии с законоучителями и учителями.

Но дети должны быть не только набожными и верующими – они должны быть еще и нравственными. Отсюда естественно возникает новый вопрос обсуждения, новый предмет, который мы должны раскрыть в беседах наших о воспитании. – Каким добродетелям мы должны научить дитя и какими мерами, каким путем скорее и разумнее можно достигнуть цели?

Первая добродетель, основание и корень других добродетелей, какую нужно насадить в сердце дитяти, есть послушание. Иисус сын Сирахов говорит: *Есть у тебя сыновья? учи их и с юности нагибай шею их* (Сир.7:25). Все вы, конечно, желаете, чтобы дети ваши были покорны и послушны вам; вы с отрадою смотрите на таковых детей, вы успокаиваетесь душою, глядя на них. Но всегда ли дети ваши таковы? К сожалению, нет. В наше время более чем когда-либо дух непочтительности таится в сердцах детей – дух кичливости и превозношения. Где причина этого?

Причины сего кроются и в воспитании и в вас самих, родители, в тех примерах, какие вы подаете им.

Каким же путем разумное воспитание может укоренить в душе дитяти благотворное послушание? Для сего нужно искоренять в сердце дитяти все злое и недоброе и насаждать

все благое. И прежде всего нужно ослаблять в нем силу самолюбия, которая очень рано сказывается в характер ребенка. Дитя часто плачет. Правда, бывают и действительные и уважительные причины такового плача. Но нередко плачет дитя по простому капризу – зародышу самолюбия.

Внимательная мать должна строго замечать и различать мотивы, по которым плачет ребенок, и причины действительные, серьезные устранять и успокаивать дитя, простой же каприз нужно пресекать, не позволяя ему укорениться. Пусть дитя плачет, если только он плачет по одному капризу. Скоро маленький крикун успокоится, видя, что на его крик не обратят внимания. Даже не все и основательные желания ребенка нужно удовлетворять и исполнять, исключая, конечно, безусловно необходимые. Пусть дитя поймет, что его желаниям есть пределы, за которые переступать не должна его воля. Этим путем дитя должно приучаться к самоограничению, воздержанию, самопожертвованию и смирению.

Нужно, далее, приучать дитя исполнять волю родителей скоро, точно и послушно. Такой образ поведения дитяти должен быть золотым правилом, держаться которого следует всегда и неуклонно и стремиться к исполнению которого есть долг и родителей и детей. Воля родителей должна быть законом для дитяти, законом, в безусловный авторитет которого они верят без колебаний и всецело.

Но дабы все это могло осуществиться, требования и приказания, предъявляемые родителями к своим детям, должны быть строго разумны и целесообразны, они должны быть безусловно справедливы и дышать святою правдою и искренностью; они не должны быть противоречивы друг другу и тем ослаблять друг друга: сегодня не нужно позволять того, что запрещалось вчера, в минуту более благодушного настроения не нужно отменять сделанного в ином настроении.

Пусть дитя укрепится и мысли, что слово родителей свято и непоколебимо. Во власти родителей есть много средств укрепить в ребенке это благодетельное сознание. Для сего пусть они заставят ребенка уважать себя. Всего скорее и незыблемее уважение это может развиваться и окрепнуть на религиозной

почве. Пусть родители внушат детям убеждение, что родительская власть есть установление божественное, что родители даются Самим Богом и что они в некотором смысле делают для детей дело Божие, творят волю Его для них. Пусть родители укажут ребенку на заповедь Божию, предписывающую почитать отца своего и мать свою, и объяснят смысл тех великих обетований, которые высказывает заповедь относительно исполняющих ее. Самое благотворное влияние на сердце дитяти в э том отношении может иметь указание на отрока Иисуса Христа, чистейшего и святейшего, Который во всем повиновался Своим родителям. Этот живой и благодетельный пример неизгладимыми чертами укрепитя в душе ребенка и будет предноситься уму его во всех случаях его жизни. Не все родители в одинаковой мере и с одинаковым успехом могут возбудить в чистом детском сердце уважение к себе. Для сего нужно много и много благоприятных условий. Нужно прежде всего, чтобы сами родители искренно уважали своих родителей. Несчастлива та семья, где дед и бабушка в загоне пренебрежения влачат дни свои где-нибудь в углу. Никогда родители, дозволяющие себе это, не заслужат искреннего уважения своих детей. Весьма нехорошо и то, когда нет мира, любви и единомыслия между родителями. Крайне растлевающее влияние оказывает на ребенка та семья, где мать может говорить своему сыну: ты такой же негодный, как твой отец; или где отец осмеливается говорить своей дочери: ты такая же беспутная, как твоя мать. Такие родители не могут льститься надеждою заслужить уважение детей. Нехорошо также и то, когда родители слишком невоздержны в словах и, не обуздывая языка своего, дозволяют себе в присутствии детей излишние рассказы о своей жизни в молодости, в пору незрелости мысли и шаткости убеждений. Весьма нехорошо и то, когда родители предаются явному и открытому пороку – пьянству, объедению, невоздержанию и т.п.

Итак, христианин, избегай всего этого, всех этих нравственных недостатков и удаляйся, если желаешь иметь детей своих послушными себе.

Но все это было бы лишь одной стороной дела и потому было бы недостаточным. Нужно еще, и это главнейшее, чтобы родители в себе самих являли живые примеры послушания, чтобы шли они в этом отношении впереди детей своих. Благо для дитяти, если родители его свято исполняют долг своего звания, безропотно покоряются уставам Церкви и предписаниям закона.

Читайте больше всего Библию (архипастырское поучение детям о святой Библии)¹¹⁸

Приветствую вас, любезные питомцы, с благополучным окончанием экзаменов. Недалеко теперь время вашего выхода из стен этого заведения. Вы похожи теперь на человека, собирающегося в далекий неведомый путь – путь, полный разного рода случайностей и приключений. В подобных случаях всякий благоразумный человек запасается каким-нибудь благонадежным путеводителем, чтобы по неизвестности пути не сбиться в сторону и не заблудиться. Естественно и вам теперь при выходе на путь жизни подумать о подобном путеводителе. Но думаете ли вы об этом сами, я не знаю, но зато хорошо знаю и воочию вижу, что об этом помнит и заботится ваш благопопечительный отец законоучитель. Не желая оставить вас без руководства и за пределами этой школы, он приготовил для вас эту Библию, которую и просит меня вручить вам с преподанием архипастырского благословения. А это такой для вас подарок, лучше которого едва ли можно было что-нибудь и придумать, и я очень рад, что, вручая вам эту книгу, имею удобный случай побеседовать о ее достоинстве и значении.

Не скрою от вас, что, выслушивая сейчас ваши, в общем, прекрасные ответы по Закону Божию, я не мог не заметить одного пробела в них – это недостатка знакомства с содержанием Библии. А между тем книга эта стоит того, чтобы изучить ее поосновательнее. Знаете ли, друзья, какое сокровище для каждого из вас заключается в этой книге? Она содержит в себе неисчерпаемый источник знания и жизни. Чем шире ваш умственный кругозор, чем острее ваш разум, чем открытее и восприимчивее для веры ваше сердце, тем обильнее для вас этот источник. Как бы ни была велика ваша жажда, как бы много ни черпали вы из этого колодца Божия, он всегда будет полон воды. Для каждой новой потребности Библия находит новое удовлетворение. Чтобы сделать нагляднее и понятнее мысль эту, я приведу вам рассказ о книге Библии одного глубокого старца. Вот сидит этот согбенный

дедушка, с надломленными силами, с дрожащими руками и трясущейся головой, но с ярко светящимися глазами, в своем кресле и держит такую речь окружающим его внучатам: «Милые дети! Когда я сам был вот таким же маленьким мальчиком, как вы, я часто видел на рабочем столе моей матери одну книгу, которая выдавалась из ряда других своим внушительным объемом и изящным переплетом. Это была Библия. Потому ли, что она была более и красивее других, или по предчувствию, что это не простая книга, а божественная, не земного, а небесного происхождения, только на нее я обращал наибольшее внимание и питал к ней чувство особенного уважения. Но как велика была моя радость, когда мать моя подозвала меня однажды к себе и стала читать, а потом и рассказывать кое-что из этой книги! С каким напряженным вниманием слушал я, когда она передавала мне историю о рае, об Аврааме, Исааке, Иакове, об Иосифе и Самуиле, а потом историю о пастухах Вифлеемских, о двенадцатилетнем Иисусе, о дочке Иaira, о смерти Иисуса и Его воскресении. Я весь тогда превращался в слух, я не мог досыта наслушаться при этих рассказах и однажды спросил свою мать: «Не правда ли, что Библия вся написана для одних только детей?» – «Это ты впоследствии узнаешь своим собственным опытом», – сказала она, улыбаясь, и, когда мне было уже 15 лет, она подарила мне в день моего Ангела Библию, на заглавном листе которой было написано: «Испытайте Писания». Я взялся за это с большой ревностью. Когда я, раскрыв эту книгу, начал читать ее, то состояние моего духа похоже было на состояние человека, который с благоговейным страхом вступает в темные галереи обширного святого храма. При этом чтении на меня особенно сильно действовали те места, где говорилось о подвигах героев, коих так много находится в Книгах Судей, Самуила и в Книгах Маккавейских. Вся земля казалась мне тогда сплошным полем битвы, а Библия – книгой, повествующей о героях на этой битве. И где изображалась храбрость, неутомимая энергия и самоотвержение, там всем существом своим присутствовал и я. Я пламенно сочувствовал апостолам и соприисутствовал им в их борьбе. Я страстно желал вместе с ними вести борьбу против

иудеев и язычников. Я был полон мужества, гордости и самоправедности; но это продолжалось, конечно, недолго. Скоро подпал я под влияние дурного товарищества, подвергся искушению и очутился в позорных узах греха. Я забыл теперь свою Библию, а если иногда и вспоминал о ней, то слова ее казались сатирою против меня. Но когда после многих лет я снова взял ее в руки и стал читать – о! каким ярким светом озарила она теперь меня! Теперь она стала совсем другой книгою для меня. Я нашел в ней самое сильное и самое верное обличение для себя и самое тяжкое обвинение во всех моих грехах. Она явилась для меня словом грозного Судии. Я смутился духом, ужас и трепет овладели мною, и вот среди этого смущения и страха я услышал вдруг столь сладкие слова, столь нежные, доброжелательные и утешительные речи, что мне казалось, будто ко мне снова говорит моя родная, нежно любящая меня мать. Я увидел тогда, что в этой книге заключается радостная весть для удрученных, разбитых и изнывающих от скорби сердец. Это было именно тогда, когда я впервые прочитал слова: *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас (Мф.11:28)*. Я поверил этому нежному призыву, я весь отдался ему, и с этого момента Библия сделалась для меня истинным благовестием и самой любимой, настольной книгой. И вот, когда начали постигать меня несчастье за несчастьем, удар за ударом раздаваться над моей головой, когда смерть начала похищать у меня родных и самых дорогих и близких моему сердцу и разлука с ними погрузила меня в глубокую ночь печали, – о, каким обильным источником утешения явилась тогда для меня Библия – эта книга священных, богооткровенных писаний! Каким целительным бальзамом на раны моего сердца послужило это изречение: «Я хочу утешить вас, как мать утешает детей своих!» И в то время Библия действительно утешала, предостерегала и берегла меня, как мать бережет дитя свое. На каждой странице ее я находил какое-нибудь утешительное для себя слово или изречение, и как хотелось мне снова, подобно дитяти, спросить: «Не правда ли, что Библия написана исключительно для тех, которые нуждаются в утешении?» А теперь вот, закончил он,

когда я одной ногой вступил уже в мрачную долину смерти, о! как много светлых лучей надежды сверкает для меня из дорогой мне Библии, озаряя небесным светом эту сумрачную юдоль земли. Библия есть как бы небо: когда наступит ночь, тогда только она начнет как должно испускать светлые лучи свои».

Такова Библия по свидетельству человека, на себе самом испытавшего благодетельное ее влияние. Но в наш злополучный век она, к сожалению, далеко не у всех пользуется надлежащим уважением как книга божественного Откровения. Люди неверия, в прельщении ума своего проповедующие о возможности бесконечного усовершенствования человечества своими только силами, без помощи Бога, не только не признают за Библией божественного авторитета, но относятся к ней с пренебрежением и с насмешками. Она, говорят они, не отвечает и не может отвечать требованиям нашего просвещенного времени. Как произведение младенческого ума человечества, она давно отжила свой век и в настоящее время может удовлетворять разве только простой народ, детей да дряхлых стариков и старух. Было бы, продолжают они, очень странно требовать, чтобы люди, стоящие на почтенной высоте образования и науки, преклонились пред авторитетом какой-нибудь детски наивной и полной легенд и сказок книги. – Но не верьте, друзья, этим непризванным учителям, если они, попирая веру отцов ваших как суеверие давно минувших веков, стараются измыслить новую веру на началах лжеименного разума, если они, делая расчет с божественным Откровением – Библией, указывают как на источник истинного счастья и истинной мудрости на успехи ума человеческого, на книги своих мудрецов. Извлекайте из этих книг и произведений все высокое, благое и полезное, не чуждайтесь ничего, что есть хорошего в делах человеческих, – но не ждите от человека и человеческой мудрости того, чего они не имеют сейчас, не могут достигнуть и в будущем. Человек никогда не поднимется выше самого себя. Оп, по слову Спасителя, не может сам себе прибавить роста ни на один локоть (Лк.12:25), и те мечты и помыслы о перерождении человека здесь, на земле, в существо высшего разряда (сверхчеловека), которым предаются некоторые из

современных философов, они навсегда останутся несбыточными мечтами. Все, что составляет для нас истинное счастье и спасение, мир уязвленной совести, исцеление измученного сердца, удовлетворение его глубочайших, вечных потребностей, восстановление грехом нарушенного общения с Богом, избавление от смерти, ада и суда, – все это никогда не придет к нам из области того, что совершают и могут совершить люди на земле. Не придет это ни из научных открытий и изобретений, ни из гениальных произведений великих писателей и мудрецов, ни из Ясной Поляны (Лев Толстой), ни из растленного Запада (Ницше) – но только с Голгофы, от креста Агнца Божия, взявшего на Себя грехи мира, от Вечного Первосвященника, принесшего Себя в жертву и примирившего нас с Богом, о чем повествует нам книга божественного Откровения – Библия.

Любезные питомцы! Всей полнотою пастырской любви своей к вам прошу вас: не увлекайтесь ложной философией и не пренебрегайте этой книгой. Она – дорогая, незаменимая книга. Она – книга Бога и Бог книг. Она только одна может служить надежным руководством в вашей жизни и давать ей верное направление во всех превратностях судьбы вашей.

Примите же без предубеждения из моих рук, как напутственный подарок, эту Святую Библию вместе с искренним моим благословением и, подобно царственному пророку Давиду, день и ночь поучавшемуся в законе Господнем, читайте ее, сколько можно чаще и внимательнее. В ней вы найдете для себя такое удовлетворение всех запросов вашей души и вашего сердца, такое утешение, с которым ничто в мире не может сравниться. *Коль сладка гортани моему словеса Твоя, Господи, в духовном восторге взывал пророк, паче меда устом моим (Пс.118:103).*

Слово в день Рождества Христова при раздаче детям рождественских подарков¹¹⁹

Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь (Флп.4:4)

Такими словами, милые дети, я нахожу приличным начать с вами беседу в настоящий радостный день Рождества Христова. Давно уже, без сомнения, вы начали эту радость, высчитывая время приближения праздника сначала неделями, потом днями, а, наконец, и часами. Сочувствуем и мы этой радости и радуемся вместе с вами. Вспоминаем в эти дни время нашей юности, когда и мы были такими же, как и вы, детьми и радовались, как и вы, наступлению этого праздника. Даже и теперь вот, когда видим вас радующимися при получении этих подарков, радуемся и мы с вами и за вас и чувствуем то, что говорит слово Божие: *блаженнее давать, нежели принимать* (Деян.20:35), – приятнее доставлять счастье другим, чем самим быть счастливыми.

Итак, радуйтесь всегда, дети, этому празднику Рождества Христова – только радуйтесь в Господе, только пусть ваша радость будет истинно христианская радость.

Какая же это истинно христианская радость? Об этом я и хочу с вами побеседовать. Истинно христианская радость есть та, когда радуются с обращением взора к Господу, с сердечной благодарностью к Нему и благими намерениями.

Истинная христианская радость требует, чтобы мы радовались, имея прежде всего в виду Господа. *Радуйтесь всегда в Господе*, – говорит Апостол, то есть помните при вашей радости о Господе, устремляйте ваш взор на всеблаготворного Отца Небесного и на вашего Спасителя, Кому посвящен этот праздник.

Он называется Рождеством Христа, Следовательно, мы главным образом и должны вспоминать о Христе, о нашем Спасителе, Который по любви Своей сошел к нам на землю для того, чтобы нас возвести на небо, должны радоваться любви

Бога Отца, Который не пощадил и Единородного Сына Своего, но послал Его для нашего спасения.

Думаете ли вы, милые дети, об этом, когда радуетесь наступлению этого праздника? Вот маленькое, совсем не имеющее еще смысла дитя, конечно, ничего не знает об этом празднике и его значении; оно радуется только тому, что ожидает какого-нибудь в этот день гостинца, подарка, какого-нибудь лакомства. Но вы, дети, настолько опередили его в возрасте и в познаниях, что можете уже понять то, что там, на полях Вифлеемских, Ангелы сказали пастухам: «Сегодня родился Христос» (Лк.2:11). Вот тот чудный подарок, который сделал всему человеческому роду Отец Небесный, – Спаситель, Которого послал Он. Это такой неоценимый дар, которому все могут радоваться – от самого богатого до самого бедного.

Между земными благами и праздничными подарками есть громадная разница. В доме богатых родителей, может быть, приготовлен для детей роскошный стол, уставленный дорогими изысканными яствами, гостинцами и лакомствами, а в убогой хижине бедняка ничего нет, кроме хлеба и воды. Но Спаситель и то Царство Божие, которое Он принес на землю, так же доступны и самому бедному, как и самому богатому. К тому же это такой дар, которому можно радоваться всегда. То, что получаете вы в этот день из земных подарков, может радовать только на время, на одну зиму, на один год, а потом ветшает, портится и перестает служить утешением. А когда человек придет в возраст, возмужает и постареет, то совсем перестает интересоваться и забавляться игрушками: он делается слишком серьезным и устаревшим для этого, и если бы ему купили целый магазин, наполненный такими вещами, то и тогда они не доставляли ему никакого удовольствия. Совсем не то бывает с духовными радостями праздника Рождества Христова: они никогда не стареют для нас, а мы не делаемся слишком старыми для них. Нет, чем дольше мы живем, тем более приобретаем способность радоваться, понимать и ценить это ангельское благовестие – *ныне родился вам Спаситель*, и даже стоящий на краю гроба старец, подобно старцу Симеону,

приходит в восторг, когда вспоминает о своем Спасителе, Которого Бог ниспослал для избавления и утешения мира.

Итак, радуйтесь, дети, но радуйтесь в Господе, проводите ваш праздник с памятованием об Отце вашем Небесном и Спасителе вашем, рождество Которого мы теперь празднуем. При получении подарков земных не забывайте и о духовных – иначе ваша радость будет пуста и бессодержательна, как позлащенный и посеребренный орех, который часто не имеет никакого ядра.

В один из сказочных вечеров стояла однажды группа детей пред елкой, на ветвях которой красовались золотые и серебряные орехи. Эти орехи особенно прельстили самого маленького мальчика, и он захотел непременно иметь их. Мать сказала, что эти орехи висят только для украшения дерева, а для еды они не годятся. Но мальчик с плачем возразил: «Я не хочу желтых орехов, я хочу золотые – о, как сладко, должно быть, ядро их». Тогда мать сказала: «Ну, пусть будет по-твоему», – и разделила натуральные желтые орехи между другими детьми, а ему дала золотые. Но когда он разгрыз их, оказалось, что они все были пустые, и его братья и сестры начали над ним смеяться. Мать сказала тогда: «Я ведь говорила тебе, что эти орехи не для еды, а только для вида, но ты не захотел меня послушать, и вот теперь за свое своеволие и глупость и наказываешься».

Кто в праздник Рождества Христова думает только о земных подарках, а не о Спасителе, только о внешнем блеске, а не о внутреннем содержании и значении праздника, тот получает только ореховую, так сказать, скорлупу, в которой недостает самого лучшего. Но мы не будем, дети, забывать это лучшее: будем радоваться при земных дарах и утехах, но во сто крат больше – о даре небесном, о нашем Спасителе, о том Богомладенце, от Которого зависит наше счастье и без Которого мы погибли бы. Мы не имели бы никакой части в небесном блаженстве, если бы для нашего спасения не родилось это Божественное Дитя.

А такая радость сама собою вызывает смиренную благодарность к Богу. Если бы вы ничего не видели, кроме

внешних, телесных благ и даров, которые вы получаете сейчас, то и это дело уже должно пробуждать в вас благодарность к Богу и людям. Вспомните тех многочисленных детей, которые не имеют сейчас никакого праздника, для которых нынешние дни проходят, как и другие дни, в скорби и нужде. Чем заслужили вы, что Бог и люди так любовно отнеслись к вам, доставив вам и пищу, и одежду, и кров, и науку, а также и это праздничное удовольствие? Предстаньте многих других детей, которые лежат сейчас больные в постели и не могут воспользоваться этой праздничной радостью. Чем заслужили вы, что Бог сохранил ваше здоровье и не лишил вас нынешней радости? Вспомните и тех из ваших товарищей, которые не дожили до наступающего праздника и из мрачной могилы не видят этого света, этой радости. Чем заслужили вы, что Бог сохранил вашу жизнь и не лишил вас этого удовольствия? Вспомните о тех грехах и разного рода шалостях и проступках ваших, которыми вы оскорбляли не только людей, но и Отца вашего Небесного. Чем заслужили вы, что, несмотря на это, и Бог и люди с таким расположением относятся к вам и оказывают вам так много любви? Было бы великой неблагодарностью с вашей стороны, если бы вы подумали, что все это так и должно быть, что все это вы получили по праву и по заслугам, а не по милости Божией. А потому при взгляде на все эти земные блага и подарки, не должны ли вы все соединиться в одном чувстве искренней благодарности к Богу и воззвать к Нему: «Господи, согрей мое сердце любовью к Тебе, дабы я день и ночь мог воспевать Твою безграничную благодать и милость ко мне и воссылать Тебе мою детскую искреннюю благодарность!»

Но искренняя благодарность состоит не в словах только, а и в делах. Поэтому к истинной христианской радости относится и то, чтобы она соединялась с добрыми намерениями и обещаниями пред Богом.

Благочестивое дитя, когда оно от родителей или благодетелей получает какой-нибудь приятный подарок, то дает им обещание в свою очередь отдарить их, доставив им радость своим послушанием. А что подарим мы Небесному Отцу

нашему, Который так щедро одарил нас в нынешний светлый праздник? – Сделаем Ему небольшой подарок, и, однако, же, самый лучший из всего, что есть у нас, подарок небогатый, и, однако, самый любезный Ему – отдадим Ему наше сердце. Так как Спаситель наш из любви к нам сделался Сыном Человеческим, то и мы, по любви к Нему, должны сделаться сынами Божиими и жить в мире, честно, добродетельно и богобоязненно.

Любезные дети! Это было бы великой, лучшей благодарностью, самой истинной рождественской радостью, если бы каждый из вас дал сейчас такое обещание: «Так как Спаситель мой из любви ко мне пришел на землю, то и я пойду к Нему, и я буду крепко любить Его, и я буду исполнять Его заповеди, любить своих ближних, слушаться своих родителей, начальников и учителей». Аминь.

Беседа с маленькими детьми на Рождество Христово ¹²⁰

Милые дети! Вы слышали сегодня за богослужением много церковных песнопений, между которыми чаще всего повторялась песнь: *Христос рождается, славите!* Теперь вы еще не понимаете, что значит это песнопение, какой заключается в нем смысл. Когда вы подрастаете и сделаетесь такими большими, как ваши родители, тогда вы, конечно, лучше будете понимать это, чем сейчас. Однако ж кое-что вы можете, я думаю, понять и сейчас из чудной истории Рождества Христова, которое мы вспоминаем. И чтобы вы действительно могли сделать это и не могли так скоро забыть ее, я хочу сейчас рассказать вам еще одну историю.

Был некогда в одном месте большой прекрасный город, стены которого состояли из чистого золота, ворота из драгоценных камней, а улицы все из серебра. В этом городе были прекрасный сад и широкая река, чистая и прозрачная, как стекло. В саду не переставали цвести цветы, и деревья его в продолжение всего года приносили плоды.

В этом городе жил великий царь, имевший одного единственного сына, коего он очень любил. Однажды царь сказал сыну: «Все, чем я обладаю, будет принадлежать тебе: и этот прекрасный сад, и весь этот город будут твои». Сын царя был теперь очень счастлив: всякий день он ходил с великим удовольствием по своему саду. Он радовался с Ангелами, которые жили в городе, ибо людей там не было, а были только одни Ангелы, которые пели чудные песни, верно служили ему и во всем повиновались. Это была чудная жизнь, полная радостей и блаженства. Там не было ни нужд, ни лишений, ни голода, ни болезни, не было там ни ссор, ни распрей, но все любили друг друга; там никогда никто не умирал, но всегда все были молоды, свежи и здоровы.

Город этот стоял на горе, с которой можно было видеть другой город, расположенный внизу, под горою. Но, ах, как не похож был этот город на первый! Стены, коими обнесен был он,

были разрушены, так что дикие звери, ютившиеся вблизи его, могли забегать в город и наводили страх на его обитателей. И в самом городе жили бедные, несчастные люди, которые часто болели и подолгу ничего не ели и не пили и нередко замерзали, если наступала стужа. И к тому же эти люди не имели мира и любви между собою, но часто ссорились, враждовали и дрались, даже и убивал и друг друга.

Царевич нередко подолгу стоял за воротами своего города и смотрел вниз на бедных людей. И когда он своими глазами увидел весь ужас, все бедствие этих людей, то ему стало очень жаль их. Он заплакал, побежал к отцу и сказал: «Отец, нельзя ли помочь этим бедным людям?» Но отец сказал: «Милый сын! Как часто я приглашал этих людей, чтобы они шли к нам в наш город, но они не пожелали!» Тогда сказал сын: «Позволь мне пойти к этим жалким людям: я скажу им, как ты добр и как хорошо здесь, у нас, и в последний раз приглашу их придти к нам, – может быть, они послушают меня». При этих словах отцу стало очень грустно, и он ответил: «Дорогой сын, они далеко не все послушают тебя. Большая часть из них сочтут тебя за обманщика, нападут на тебя и убьют». Сын же возразил: «Отец, все-таки дозволю мне пойти это сделать! И если я не в состоянии буду спасти всех, то спасу, по крайней мере, некоторых, но и за это я охотно отдам жизнь свою». – «Ну, хорошо, сын мой, иди». И царь еще раз обнял его и поцеловал и затем повелел ему спуститься в несчастный город.

Милые дети, не знаете ли вы этой истории и не знаете ли, как она продолжается? Да, я думаю, что вы все знаете ее. Тот прекрасный город, о котором я здесь рассказал вам, это – небо, царь его – это Сам любящий нас Бог, а Сын Его – это Господь наш Иисус Христос. Бедный же город, в котором так много горя, бед и скорбей, – это земля, на которой мы живем. Сюда сошел богатый и счастливый сын царя и сделался бедным младенцем в Вифлееме, более бедным, чем каждый из вас. И знаете ли, зачем Он снисшел сюда, на землю? Он захотел поведать нам, как хорошо на небе, как добр, как бесконечно благ Бог, небесный Отец наш, и в конце концов призвать нас к Себе на небо, говоря: *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и*

Я успокою вас (Мф.11:28). Конечно, это было уже давно, когда Христос был здесь, на земле. И с Ним случилось здесь все то, что предсказал Ему Отец. Люди выдали Его за лжеца и обманщика и убили Его, распяв на кресте. Но Отец не оставил Его во гробе, Он воскресил Его из мертвых и снова призвал к Себе на небо. К сожалению, еще и доселе есть много и очень много людей, которые не хотят верить тому, что говорил нам Христос, Сын Небесного Царя. Вот почему Он и доселе все еще посылает слуг Своих, которых Он находит и избирает между людьми и заповедует им приглашать всех идти к Нему в Его Небесное Царство. Заповедал Он таким образом и нам, вашим пастырям, учителям и учительницам благовествовать о Нем и Его чудном городе, что вот мы и делаем по праздникам в храмах Божиих и общих детских собраниях, а по будням в ваших школах.

Итак, прошу вас, любезные дети, не забывайте этой чудной истории, но вспоминайте о ней каждый день, имея в уме своем такие мысли: «Того всеблагого Царева Сына, Который так возлюбил всех нас, буду в свою очередь и я любить, буду верить всем Его словам и поступать по всем Его заповедям, которые Он преподает мне чрез моих родителей и учителей, – тогда Он, наверное, и меня некогда пригласит в Свой великий и чудный город, тогда и я у Него буду веселиться в Его обширных и прекрасных садах и радоваться с Ним без конца». Аминь.

Юношам (новогодние пожелания) ¹²¹

Господи, утверди сердца нашего юношества в вере и любви к Тебе!

Иосиф же отведен был в Египет, и купил его из рук Измаильтян, приведших его туда, Египтянин Потифар, царедворец фараонов, начальник телохранителей. И был Господь с Иосифом: он был успешен в делах и жил в доме господина своего, Египтянина. И увидел господин его, что Господь с ним и что всему, что он делает, Господь в руках его дает успех. И снискал Иосиф благоволение в очах его и служил ему. И он поставил его над домом своим, и все, что имел, отдал на руки его. И с того времени, как он поставил его над домом своим и над всем, что имел, Господь благословил дом Египтянина ради Иосифа, и было благословение Господне на всем, что имел он в доме и в поле. И оставил он все, что имел, в руках Иосифа и не знал при нем ничего, кроме хлеба, который он ел. Иосиф же был красив станом и красив лицом (Быт.39:1–6).

Ах, Господи, приятна весенняя природа, когда она расцветает пред Тобою, когда трава и цветы и деревья славят Тебя своим безмолвным языком, когда ликует и радуется и мир животных. Но еще приятнее, если юношество в полном цвете сил познает Тебя, любит и прославляет духовными воодушевленными песнями и благочестивой жизнью. Господи, Ты Сам хочешь, чтобы они радовались, но хочешь и Сам быть в радости и довольстве. Не допусти их находить радость в таких удовольствиях, последствием коих бывает убитая совесть, растленное тело и распутная жизнь. О Господи, сжался над нашим юношеством, даруй, чтобы оно зеленело и росло в пустыне этого мира. Даруй им новый дух и обрати к Себе заблудших. Коснись огнем Твоей благодати оледеневших сердец их и зажги в них любовь к Тебе. Даруй, чтобы наше юношество с пользою проводило время своей юности, чтобы затем стать истинными, честными людьми, людьми Божиими.

Дорогие слушатели. Недалеко от Вифании, где Господь неоднократно после дневного труда находил отдых и приют в доме Лазаря, открывается страшная пустыня, полная громадных и голых скал и глубоких ложбин и юдолей¹²², которые тянутся до Иерихона. Эта пустыня была притоном разбойников и убийц. В этой пустыне был ограблен и изранен разбойниками и тот иудей, о коем рассказывает нам Господь в Своей притче о милосердном самарянине. Оставленный едва живым, он умер бы здесь, если бы не сжалился над ним милосердный самарянин и на своем осле не привез его в гостиницу. А сколько, может быть, ограблено и изранено было здесь других людей, для которых не нашлось такого самарянина!

Я говорю сейчас к тем из вас, братие, кои из детства перешли в школьный возраст, в возраст обучения и приготовления себя к самостоятельной жизни. Мы хорошо знаем, что и в этом возрасте также очень часто недостает христианской дисциплины и содействия религиозному воспитанию. Многим начальникам, хозяевам и учителям не будет прощения пред Богом за то хищение или грабеж, который они совершают в юных душах. Бывают между их учениками и слугами такие, которые по полугоду не бывают в церкви и которые не знают света воскресного и праздничного дня. Только осадки воскресного дня, пустые, зловредные удовольствия, которыми оскорбляется Имя Господа и Его дня, занимают их в эти дни.

И, однако, годы обучения часто имеют и свою выгодную сторону. Дети этого возраста еще не пользуются полной свободой. Они находятся еще под действием школьных правил. Приданое, так сказать, школьного воспитания, те капли росы, которые падают утром на юные растения, у них еще не совсем иссохли. Если они не проявляют надлежащей любви Христовой, то, по крайней мере, их связывает страх Божий. К тому же они еще тесно связаны с родительским домом. Они имеют еще нужду в нем, они живут в нем или от времени до времени возвращаются в него. В душе отрока остается, таким образом, еще нечто от духа Вифании. Но за этой последней

сдерживающей рукой дисциплины, за этим последним лугом Вифании следует для многих пустыня, которая гораздо страшнее, чем пустыня Иерихонская. Я понимаю возраст от 17-ти до 20 лет, понимаю подмастерий в ремесленных заведениях или служащих в трактирах, магазинах у купцов и людей других сословий, понимаю и всю учащуюся молодежь. Кто знает теперешнюю жизнь, тот знает и эту великую, ужасную пустыню. Он знает, что не Господь создал ее, как пустыню между Вифанией и Иерихоном, но похоть плоти и забвение слова Божия опустошили эту прекрасную землю. Да, здесь мы видим большее количество искалеченных, чем в пустыне Иерихонской. Здесь видим мы и трупы и кости мертвецов. Здесь древний убийца и душегуб имеет для себя и своих клевретов притон. И хотя милосердный Самарянин простирает свою заботу и на них, хотя Он является ко всем раненым, чтобы перевязать их раны и козлить на них масло и вино, хотя Он и их всегда готов посадить на осла своего и перевезти в гостиницу, однако тысячи таковых настолько уже избиты, что не в состоянии воспользоваться Его услугами. Как мало из тех, которые вышли из Вифании, достигают Иерихона, этого города прекрасных пальм! Только самой напряженной заботой и усилиями в настоящее время более благонамеренные родители вводят детей своих в эту свободную сферу. О, если бы Господь даровал всем юношам нашего злополучного времени такое сердце, какое дал Он египетскому юноше Иосифу, которого мы сегодня имеем выставить нашей молодежи как образец!

Посмотрим, на что употребил Иосиф свои юношеские годы! Семнадцать лет было этому юноше, когда он продан был своими братьями в Египет. В таком же приблизительно возрасте выходите и вы из школы; но ни один из вас не вступает во внешкольную жизнь таким жалким и бедным, как Иосиф. Вы будете подмастерьями, приказчиками, чиновниками и т.п. по своей воле, а он был невольником, рабом, у коего не было совсем никаких прав. Он вошел в дом египтянина-язычника, у коего благочестия не было и следа. Никакой отец не мог оказать ему поддержки своим советом, никакого письма не мог получить он, которое могло бы направлять его на истинный путь. Ни одна

молитва о нем и о его земном счастье не возносилась к престолу Всевышнего. Его мать была уже в могиле, а отец его хотя и плакал о нем, но не молился за него, ибо был уверен, что сын его растерзан зверями. Трудно представить себе человека, который был бы так одинок и покинут всеми, как этот юноша в Египте. Однако он занял свое место, как назначенное ему Самим Богом. Он воспользовался им для честного, серьезного образования и прежде всего для приготовления в той именно области, которая всего нужнее для человека. Здесь работал он против гордости и тщеславия, которые с неудержимой силой возникали в его душе. Здесь он крепко привязался к своему Господину и Богу. Будучи рабом у людей, он хотел быть и рабом Бога. И на чужбине он хотел твердо соблюдать закон своей родины, веру в своего Бога. Как победоносно выдержал он искушение со стороны жены Пентефрия, склонявшей его к нарушению целомудрия, это хорошо известно каждому. Но он пользовался временем и для земных выгод и успехов. Иосиф сделался счастливейшим человеком, то есть человеком, которому Бог послал счастье и удачу во всех делах его. А Бог посылает счастье только тем, которые крепко держатся за Него. Да, хотя Иосиф сам по себе не задавался никакой определенной целью – ибо какую может иметь цель невольник на чужой стороне – однако же он работал, жил и действовал так, как будто дело шло о его собственности. На что налагал он свою руку, там был полный успех. Египтянин скоро заметил это и, выделив его из ряда других работников, сделал его своим слугой и, в конце концов поставил его управлять всем своим имуществом, и сам не знал при нем ничего кроме того, что ел и пил. Иосиф был распорядителем и управляющим богатым имением и был верен как Богу, так и земному своему господину. Он сам не имел никакого плана для своей жизни, да и не мог иметь его, но зато Бог имел его. Юноша, сам того не зная, готовился к великой в будущем должности. Он должен был сперва управлять имением богатого человека, чтобы чрез это поучиться управлять целой Египетской страной.

А ты, юноша, кто бы ты ни был – рабочий, мастеровой, приказчик, чиновник или студент, художник или ученый, – ты свободен, ты – не раб, не проданный господину и не купленный последним в собственность. Ты можешь сам располагать собой и предначертать план для своей жизни. И на вершине плана, как конечная цель, должно стоять: я хочу быть человеком во славу Бога, моего Спасителя. Ты, конечно, хорошо знаешь, что ты еще не таков. Да и может ли кто назвать себя таковым в собственном смысле этого слова? Ты и по телу своему не достиг еще полного развития, ты не имеешь этого развития и в отношении твоего служебного призвания, еще менее имеешь ты это в отношении твоего христианского призвания. Цель твоей жизни разделяется на три области: прежде всего – я хочу быть истинным христианином, чистым, верным чадом Божиим. Затем: я хочу в своем призвании быть настоящим мастером, не хочу остаться недоучкой и каким-нибудь кропельщиком¹²³, и наконец: я хочу быть полезным и благоразумным гражданином моего Отечества. Вот та цель, к которой должен стремиться каждый благонамеренный юноша. Он должен готовить себя для всех этих областей, – и все эти цели близко подходят друг к другу, они в связи между собой. Одна имеет основание в другой. Верный христианин необходимо должен быть верным в своем призвании работником и верным сыном своего Отечества. А верный член государства или Отечества земного необходимо должен быть «верным членом» Отечества Небесного. Честный ремесленник, или купец, или чиновник, или служащий в другой какой-нибудь должности всегда будет серьезно думать и о своем высшем призвании, как гражданин Царства благодати. И замечательно, как тесно соединил Господь земное призвание с небесным и какую чрез это придал честь ремесленничеству и искусству. В храмах Божиих возрастали искусства и ремесла. В ковчеге Ноя, где Бог захотел сохранить Своих верных от потопа, получает свое начало строительное искусство. При постройке скинии свидения мы видим и мастеров и подмастерий, коих Бог исполнил мудрости, разума и значения в различных делах. Они искусно умели производить работы из золота, серебра, железа, искусно разбивать, тесать и складывать камни, искусно

производить плотничные работы из дерева и другого рода произведения. Равным образом видим мы и таких мастеров, коим Бог даровал способность производить такие, например, работы: кроить, шить, ткать, вышивать шелками, красить. И все эти различные мастерства имели место вокруг святилища. Когда, наконец, стал строить храм Соломон, тогда явились здесь еще каменотесы, золотари и серебреники и многие другие мастера. Музыка с древних времен стояла в служении славе Божией. Едва ли есть на свете какое-нибудь мастерство или искусство, которое не упоминалось бы в Священном Писании. Красильщик встречается при Преображении Господнем. Одежды Моисея и Илии были так белы, как их не может окрасить никакой красильщик. У кожевника в Иоппии апостол Петр имел свой приют. О купце Господь Сам упоминает в притче о драгоценной жемчужине. Одним словом, Он все частные занятия и призвания хочет поставить в близкую, тесную связь с Собой. О, постарайтесь и вы, юноши, поставить себя в такую же тесную связь с Богом! Вы переживаете время обучения. Ваши годы суть годы приготовления к самостоятельной жизни. В это время человек переходит из детского возраста к мужескому. *Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое,* – говорит апостол Павел (1Кор.13:11). И вы также должны оставить это. Свободно и самостоятельно должны вы приготовиться к более глубокому и безупречному христианскому образу жизни. С неослабленной твердостью и благоразумием должны вы готовиться и к земному своему призванию. И то и другое идет рука об руку. Кто не может подавать пример благочестия дома, тот не может быть учителем и в Церкви Христовой (1Тим.3:5). Недостаточно для цехового или другого какого-нибудь сословия, если член его умеет кроить, шить, кузнечить, плотничать, строить здания или торговать. Он должен быть – это главное – истинным христианином.

Но готовится ли, спросим мы, наше юношество к этой цели? Начнем с того, сколько найдется между нашими подмастерьями, приказчиками, половыми в гостиницах таких, у которых есть

Библия или, по крайней мере, хоть Новый Завет? Из сотни едва ли найдется и один. Большая часть из них совсем и не заглядывает в Библию. Катехизис, если он и изучался когда-нибудь ими, забыт. Церковь для них по большей части не существует. По целым годам они сюда и не заглядывают. Если заглянуть в наши исповедные книги и поискать здесь этого рода исповедников, то едва ли можно насчитать из десятков тысяч и одну сотню. Что же они делают? День отдают работе, первую половину воскресенья или праздника тоже, а вечер удовольствиям. – Не таким, где не забывается страх и закон Божий, а таким, последствием которых бывает растрата сил физических и духовных. Но и во время работы в будничные дни, что служит предметом для их разговоров? – Предметы нечестия, неверия и безнравственности. Если вступает в среду их новичок, у которого цело еще религиозное чувство, то он чувствует себя здесь как Даниил в пещере львов. Скажи он только одно слово о грехе, покаянии и искушении, как его тотчас же осыпят, как градом, насмешками. Могут ли из такой среды выйти впоследствии серьезные отцы для семейства и верные, твердые граждане для государства? В песке и тине не растут дубы – они требуют более твердой почвы.

Что же выходит из-под такого влияния? – Юноши, которые забыли своего Бога и Спасителя и своих родителей. Мать-вдова, которая некогда последнюю копейку употребляла на обучение сына, которая затем питала надежду, что сын будет ее кормильцем и опорой во дни ее немощей, сидит дома, бедствует и плачет. А сын гуляет с товарищами и проматывает тот заработок, на который она возлагала свою надежду. На ее упрек и жалобу он отвечает: «Не могу же я отставать от своих товарищей; чтобы не быть отщепенцем в глазах их, я должен поддерживать с ними компанию». О, эта несносная трусость, этот отвратительный недостаток мужества, доводящий из-за мнения толпы до такой вопиющей неблагодарности! Здесь скрывается грабитель, разбойник. Здесь находите вы ограбленных до полусмерти и израненных. И что же далее? – Кто неверен своему Небесному Господу, тот неверен и господину земному. Господь Иисус рассказал одну притчу о

неверном домоправителе (Лк.16:1–9), который писал подложные письма, вел фальшивые книги и с хозяйской кассой поступал, как хотел. Если теперь Сам Господь, Который ведет за каждым Свою высшую запись, раскроет эту Свою книгу, то как много откроется там мошенников, которые вели фальшивые книги и расхищали чужую кассу! Если бы все конторщики и делопроизводители с чистой совестью прочитали эту притчу о неверном домоправителе, то сколько из них сказали бы: это я, это я, здесь обо мне говорит Спаситель.

А если мы бросим взгляд свой на современное революционное и социал-демократическое движение в нашем государстве, то кто к нему примыкает по большей части, как не эти молодые люди из рабочих, учащихся, подмастерий, конторщиков, подобно тому, как некогда в Ефесе возмутителями общественного порядка были подмастерья золотых дел мастера Димитрия. «Кто из нас не видит сейчас, – говорил не так давно один из членов Думы, – как расшаталось наше юношество по городам, учащееся и неучащееся, как оно не только в праздники, но и в будни несет свой досуг на панели, во всякие синематографы и кинематографы; как подмастерья и юные приказчики наполняют по вечерам и ночам бульвары; как в селах и станицах разрослось то же безделье и погоня за деньгами без работы, отчего плодятся воровство и разбои; как через это все помещики, земледельцы, фабриканты и заводчики вместо улучшения и развития своих хозяйств опустили руки и ведут дело через пень-колоду, что, в свою очередь, ведет в кабалу чужестранцам; как каждодневно газеты приносят известия, что там ограбили церковь, а здесь имущество помещика, там вырезали семейство, а здесь открыли склад бомб или оружия, там арестовали тайную типографию с пудами прокламаций и так бесконечно. И все эти преступления совершаются, как я сказал, по преимуществу молодыми людьми, коими буквально переполнены наши тюрьмы. Откуда же наше поколение возьмет твердых, патристических и религиозно настроенных отцов семейств и граждан, если наше юношество так проводит годы своего приготовления к самостоятельной жизни? Не грозит ли это разложением всей

нашей жизни, развалом всего нашего Отечества? Но вместо того чтобы продолжать эту мрачную картину, не лучше ли нам спросить себя: что же делать, чтобы было у нас лучше?

Много об этой великой беде у нас написано, но немного против нее сделано. Для приобретения научных знаний и внешнего просвещения нашего юношества забот полагается много, а для внутреннего, духовного просвещения – очень мало. Одни сваливают эту заботу на другого, и никто почти ничего не делает. Кто же должен это делать? – Все должны дружно взяться за это дело. И правительство, и Церковь, и граждане, и господа фабриканты, и родители, и учителя. В 558 году пред Рождеством Христовым царь Навуходоносор разрушил город Иерусалим с его храмом и крепкими стенами, а народ иудейский отвел в Вавилонский плен. По прошествии семидесяти лет царь Кир, а впоследствии царь Артаксеркс, дозволил ему возвратиться на родину. Последний разрешил этому обессиленному врагами народу восстановить и стены города. Тогда, рассказывает Неемия, все принялись за работу. В одном месте работали священники, в другом – аптекари, в одном – золотари и серебреники, а в другом – женщины и подростки. Словом, все взялись за дорогое дело. Так должно быть и у нас. Все должно соединиться для восполнения пробелов в воспитании нашего юношества. Служители Слова Божия должны более работать в области нравственного воздействия на подрастающих детей. Родители строго вести их по пути заповедей Божиих с самого раннего их возраста. Они не должны освобождать их от родительского дома и тогда, когда дети уже вышли из состава семьи. Ваши молитвы, боголюбивые родители, ваше увещание, ваше взыскание должны идти за вашими детьми в чужой дом. Те учреждения, в которые поступают ваши дети на службу и которые заменяют для них ваше место, также имеют великую обязанность для своих членов. Почему бы, в самом деле, тому христианскому учреждению, куда юноша поступает на службу, не подвергнуть испытанию и не спросить бы его, знает ли он путь спасения, имеет ли хоть самые начальные сведения о вероучении, нравоучении? О, какое могучее впечатление производило бы

такое испытание на юношу! Насколько серьезней и заботливее стал бы он относиться к изучению Закона Божия, сидя еще на школьной скамье! Или: почему бы ему (учреждению) не указывать тем молодым людям, которые хотят быть учителями, мастерами и у которых в этом возрасте живее бьется сердце, что истинным мастером-учителем можно быть только у ног Мастера-Учителя во Израиле. А вы хозяева, мастера и учителя! Вы уже из собственного опыта знаете, что заправка, которая дается подмастерьям, остается у них в большинстве случаев на целую жизнь, особенно если они долго остаются в этом звании, – что они продолжают вести себя в своем собственном доме так же, как привыкли жить у хозяина. Следовательно, если вы живете в забвении Бога, то так же будут жить и воспитавшиеся у вас ученики ваши, а некоторые из них, без сомнения, пойдут еще дальше. На вас будет лежать значительная доля ответственности за это в день Страшного Суда. Если у вас были в ходу и фальшь, и обман, то не лучше будет и у них. Если у вас замолкала молитва и забывалось о славе имени Божия, то так же будет и у них. Если вы насмешники и сквернословы, то, конечно, этому научатся от вас и они. Помните, что за всех, кто воспитывается под сенью вашего дома, вы должны будете дать строгий отчет пред Богом. А вы, юноши, крепче помните и храните в душе своей образ прекрасного Иосифа! О, если бы этот образ сделался вашим образом! Перед его глазами твердо стоял Господь и честная будущность, хотя он и не знал, к чему он готовится.

Мы жалуемся, что у нас нет сейчас людей сильных духом и волею, жалуемся, что ныне нет людей, на верность коих можно было бы положиться, что слова и обещания у всех как трость, колеблемая ветром; жалуемся, что наше поколение колеблется от всякого ветра общественного мнения, что нет у нас людей, которые готовы были бы на всякое самоотвержение или подвиг ради своих ближних. – Затихнут эти жалобы, если слово Божие воздействует в сердцах нашего подрастающего юношества при большем усердии к их нравственному воспитанию со стороны тех, под руководством коих они находятся. Тогда сердце их

будет крепко и вера сильна. Тогда явятся и мужи силы, ибо только Господь делает мужа.

О, Господи Иисусе! Пройди через нашу пустыню, подыми израненных разбойниками и исцели их!.. Даруй, чтобы наши юноши сделались мужами по сердцу Твоему!

Негодных же и бабьих басен отвращайся, а упражняй себя в благочестии, ибо телесное упражнение мало полезно, а благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей (1Тим.4:7–8)

Вот слова Священного Писания, на которых я, по долгу своего архипастырского служения, желал бы при настоящем первом свидании с вами, боголюбивые юноши, остановить ваше внимание. Прошу выслушать меня.

Что детскому возрасту особенно нравятся сказки и басни, это известно каждому, и кто из детей не увлекается ими, по крайней мере, большее или меньшее время? Но по мере того, как дети начинают выходить из детского возраста, по мере умственного развития их, меняются их взгляды и интересы. Детские занятия исчезают и уступают место более серьезным упражнениям. Как у детей бывает своя мода при играх, смотря по времени года, так и возрасты жизни имеют свои любимые занятия. Когда греческие мальчики выходили из гимназии, то они переходили на палестру, на турнир в места гимнастических упражнений. Детская игра и забава превращалась тогда в серьезную и телесную работу, в физический труд и подвиг.

Смотря на это зрелище, на это напряжение телесных сил греческих юношей, апостол Павел пользуется этим для наставления Коринфских христиан и говорит: *Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить* (1Кор.9:24), чтобы достигнуть высшей драгоценной награды, упражняйтесь в благочестии с такою же энергией, как греческие юноши упражняются на палестре.

Пример действительно увлекательный. В тенистых рощах, в цветущих лесах, часто в великолепных зданиях собиралась эта веселая юношеская толпа, чтобы посредством тяжелых гимнастических упражнений с копьем, диском и луком, в прыжках и скачках приготовить свое тело для знаменитых игр и состязаний, происходящих в Спарте, или Афинах, или Олимпии.

Какое требовалось здесь напряжение, какая выносливость и терпение, какая ревность и воодушевление! И все это для какого-нибудь приза, для славы, для мирской почести.

Конечно, молодому человеку в высшей степени лестно отличиться в публичном зрелище, пред многочисленной публикой одержать победу и заслужить громкие аплодисменты несметной толпы зрителей как награду за свой труд, и еще более лестно было сделаться героем, которого прославляли тогда в дифирамбах и народных песнях, далеко распространявшихся по стране.

Вот почему у греческих юношей так велика была любовь и стремление к этим играм, делавшимся для многих предметом мечты и вожделений. Но что получали они от этих подвигов, кроме суетной славы? Может быть, одну только скорую хилость и болезненность и даже преждевременную смерть, как последствие чрезмерного, сверхчеловеческого напряжения.

А каково было положение калек, расслабленных и больных, которые не были способны на эти подвиги? Им оставалось только проникаться завистью к своим здоровым сверстникам.

И вот апостол выступает со своим словом о достоинстве и превосходстве христианского благочестия. Упражняйте себя, говорит он, в благочестии, которое полезно на все и для всех и во всех отношениях. Оно для каждого, не исключая и калек и расслабленных, ставит одинаковую задачу. Оно поднимает взор человека горе, к небу, к вечной победе. Оно приводит к вечному венцу.

Но и оно достигается также не иначе, как путем упорной борьбы, путем продолжительных трудов и усилий (*Царствие Божие благовестуется, по слову Божию, и всякий усилием входит в него (Лк.16:16)*), ибо цель его выше, чем цель Олимпийский игр. Здесь идет дело о чести не у человека, а у Бога, о славе пред Ангелами и избранниками, о вечном блаженстве. Кто решается вступить на этот путь духовной, так сказать, гимнастики, тот делает благоразумный выбор, ибо уже самое приготовление, как бы оно ни было трудно, доставляет такое удовольствие и удовлетворение, такую радость, которую

никто не отымет, такую награду, которая заключается в самом труде, в благочестии.

Сделаться христианином и быть христианином в полном смысле этого слова – это значит далеко не то, чтобы здесь, на земле, вздыхать и только вздыхать в ожидании награды на небе, но осуществление христианского идеала есть уже счастье и блаженство и здесь на земле.

Для этого нужно только упражнение воли и покорность воле Божией.

Благо тому из вас, любезные питомцы, кто уже в доме родителей положил основание такому воспитанию и благочестию, кто научился ежедневно молиться и по праздникам ходить в церковь. Благо тому, кто привык обходиться в одежде и в содержании своего тела без прихоти, без роскоши и без излишних украшений. Благо тому, кто приучил себя соблюдать умеренность и простоту в пище и в питье. Благо тому, кто благородные удовольствия чела и души предпочитает грубым и низким чувственным наслаждениям, которыми столь многие юноши причиняют себе расстройство здоровья и преждевременную смерть. Кто все это приносит с собою из родительского дома, тот сделал большой успех в благочестии.

А кто не принес этого, ужели он лишен участия в борьбе и победе? Нет. Я знаю некоторых юношей, которые очень скорбят о нехристианском настроении, о нравственной распущенности родительского дома. Я помню сыновей, у которых отцы – пьяницы, а матери – безнравственные женщины, которые (сыновья) со слезами на глазах спрашивали меня, могут ли они уйти от жестокой власти нечестной семьи. Они тяжело страдают, но ведут борьбу с двойною силой. С полным смирением в сознании своей слабости и бессилия, они, однако, становятся на этот путь благочестия в надежде на помощь Спасителя и, несмотря на все препятствия, неуклонно, бесповоротно стремятся к достижению Царствия Божия. Так вырабатываются характеры по сердцу Божию, которые неизмеримо выше и величавее, чем победители и герои Олимпийских ристалищ.

И кто из тех, которые хотят жить по-христиански, не встречают ныне, в наше разнузданное, безнравственное время, препон и препятствий? Не встречает ли благочестивый питомец какой-нибудь школы разного рода насмешки со стороны своих товарищей? Не приходится ли юноше, идущему в церковь или на молитву, проходить иногда сквозь строй ядовитых издевательств и остракизмов? Еще так недавно один набожный мальчик, в родительском доме которого и доселе еще сохранился отрадный обычай совершать общую семейную молитву, жаловался на своих товарищей, которые грозили ему отлучением от товарищеской среды, если он не оставит своего, как выражались они, ханжества.

Но тем выше, тем величавее тот христианский юноша, который путем такой усиленной борьбы и непоколебимого терпения восходит на высоту благочестия.

И, однако, это еще не самые трудные препятствия.

То, что труднее всего переносить и препобеждать, это собственная наша нечистая страсть и греховные пожелания плоти и крови, особенно в юношеском возрасте.

Кто исчислит слезы раскаяния, скорбные вопли совести, не осуществившиеся благие намерения и постыдные падения побежденных, которым этот враг-искуситель подставил ногу, чтобы они преткнулись? Кто совершает грех, тот *есть раб греха* (Ин.8:34). Но нет постыднее рабства, как это рабство плоти, так как человек попадает в него по своей собственной вине.

Любезные юноши! Обращаться в бегство при нападении врага у нас обыкновенно считается отсутствием мужества, унижительной трусостью – но здесь не то. Всей полнотой пастырской любви своей умоляю вас: не стыдитесь бежать от греховной юношеской страсти, убегайте от нее подобно тому, как и самый храбрый человек убегает, пока можно, от змеи, ибо она, приблизившись, может ужалить насмерть. А если она так близко, что бежать уже поздно, то не отдавайтесь ей без борьбы, вооружайтесь всей силой своего характера и твердой воли и до тех пор не слагайте оружия, пока убитая не будет лежать у ног ваших, и тогда благодарите Бога, давшего вам победу и сохранившего на пути благочестия.

Это благочестие, повторяю с Апостолом, на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей, – то есть оно полезно не только для духовной жизни, для приобретения счастья на небе, но и для жизни земной, для успеха и благополучия в этом мире. Кто, в самом деле, скорее может рассчитывать на успех и благополучное устройство себя на служебном поприще – благочестивый или нечестивый безбожник? Конечно первый. Нечестивый неблагонадежен, и потому и нежелателен нигде – ни на какой должности, ни в каком положении, а благочестивый всюду благонадежен, а потому всюду желателен и пригоден.

Итак, вступайте, любезные юноши, в эту так сказать гимнастическую школу Святого Духа и делайтесь героями во Христе, дабы наследовать вам *обетование жизни настоящей и будущей.*

Я хочу побеседовать с вами о детских радостях и именно: а) о детских радостях вообще и б) о важнейших видах этих радостей в частности.

Здоровое телесно и неиспорченное нравственно дитя естественно должно весело и благодушно смотреть на мир Божий. Если же у дитяти недостает веселого настроения и жизнерадостности, то это указывает на его ненормальное состояние: такое дитя или нездорово телесно, или же испорчено нравственно. Вот почему я с особенным удовольствием смотрю всегда на тех детей, которые и веселы, и благодушны, и резвы. Я вполне согласен с древним мудрецом Демокритом, когда он говорит: «Если бы сердце малюток имело, подобно городу Фивам, сто ворот, то пусть входит туда радость во все эти ворота, дабы они из сада юности как можно более добра вынесли на поле будущей деятельности». Я не люблю этих неподвижно сидящих или ходящих с понурою головой тихонь, этих нелюдимых дикарей, из коих большей частью выходят хитрые лицемеры и ханжи. Кто захотел бы воспретить детям радости и удовольствия, тот не только погрешил бы против детской натуры, но и впал бы в противоречие со словом Божиим. Если Священное Писание и апостол Павел говорят: *Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь* (Флп.4:4), то это, конечно, в известной степени относится и к детям. А в Ветхом Завете Дух Святой устами мудрого мужа обращается собственно к юношеству и убеждает его радоваться, говоря: *Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд* (Еккл.11:9).

Следовательно, дети должны быть веселыми и радостными: это вполне согласно с их природою, этого требует даже само божественное Откровение. Но радость детей, как и всякого вообще христианина, должна быть, по Апостолу, радостью о Господе, и юноши при своих удовольствиях никогда не должны

забывать, что Господь некогда приведет их и за это на суд, что они должны будут дать ответ Богу и за свои утехы. А отсюда нельзя не усмотреть, что и вы, родители, столько же, сколько и ваши дети, должны наблюдать, чтобы их радость действительно была радостью о Господе, дабы и вы, так же как и они, могли непостыдно стать пред судом Божиим. Ибо и вы будете давать строгий ответ на этом суде за те удовольствия, которые вы разрешаете и доставляете вашим детям. Дальше поэтому устраняйте от этих удовольствий все, что составляет грех пред Богом или, по крайней мере, может вести ко греху. Такого рода радость была бы радостью не о Боге и не во имя Бога, а в угоду сатане. Из этого основания наблюдайте, чтобы мальчики всегда играли и проводили свободное время с мальчиками, а девочки с девочками. Из этого же соображения строго следите за купанием ваших детей: не допускайте, чтобы они купались на таком месте, где они могут быть доступны взорам мимопроходящих; наблюдайте и за тем, чтобы мальчики во время купания надевали кальсоны, а девочки – купальные сорочки. Не позволяйте во время детских игр никакого крика и шума, ничего грубого, непристойного, безнравственного. Исключайте из их развлечений и забав все, что может быть вредным и опасным для их здоровья и жизни. Не позволяйте лазить по заборам и кровлям высоких домов, взбираться на высокие деревья, слишком быстро ездить или бегать, долго плавать в глубокой реке, заходить в опасные места – словом, ничего, что сопряжено с большим или меньшим риском. Воспрещайте, наконец, чрезмерно увлекаться этими играми, устанавливая для них надлежащую меру и ограничивая определенным временем. Сперва труд и занятие, а потом уже развлечение – вот что должно быть для них неизменным правилом.

В чем же должны состоять детские радости и удовольствия? Ответ на этот вопрос близко подводит меня к наименованию важнейших видов детских радостей. Но прежде чем поименовать отдельные виды удовольствий, которые должны быть позволительны для детей, я должен сказать, какие развлечения не должны быть позволительны для них. И здесь

на первом месте должно быть поставлено следующее правило: дети не должны иметь участия в тех увеселениях, которые приличны только взрослым. Поэтому старайтесь, други, как можно дальше держать детей от ярмарочных и базарных зрелищ, от свадебных пиршеств и т.п. событий. Никогда не берите их с собою в гостиницы и трактиры. Не добрый это обычай, если матери на руках носят своих малюток в гостиницы, если отцы своих трех- и четырехлетних мальчиков и девочек сажают с собою на гостиный стол и заставляют иногда при этом еще пить вино. Не значит ли это искусственно и преждевременно развивать в них страсть к чревоугодию и чувственным удовольствиям? Как на второе правило надлежит указать здесь на то, что детям не следует давать в руки для самоличного употребления деньги. Если эти деньги нужны бывают им на приобретение школьных вещей или на покупку, например, фруктов и других съестных предметов и лакомств, что, однако, не следует дозволять им слишком часто, то они всегда должны просить их у родителей, с объяснением, на что нужны им деньги. Если же деньги получают дети как гостинец или подарок, то хорошо в этом случае устроить им копилки, чтобы с раннего детства научить их знать цену деньгам и быть бережливыми. Как часто приходится наблюдать такого рода печальные явления, что у одного отца сын сделался пьяницей и мотом, а у других родителей дочь сделалась легкомысленным существом и сбилась с пути истинного! А отчего? – Оттого, что неблагоразумный отец и недалёковидная мать очень рано стали давать им в руки деньги, дозволяя употреблять их по своему усмотрению.

Сказав, от каких удовольствий следует предохранять детей, я назову теперь те главные виды радостей и удовольствий, которые могут быть им полезными и позволительными.

Самые благородные удовольствия, какие можете вы доставлять вашим малюткам, суть удовольствия религиозные. Под этими удовольствиями я разумею такие, которые имеют связь и соотношения с церковными праздниками и обрядами, например подарок пасхальных яиц, пасхального агнца, вербы и т.п. Но чтобы дети из этих символических предметов и обрядов

могли извлекать для себя пользу и чтобы эти предметы облагораживающим образом действовали на их религиозное чувство, им необходимо для этого предварительно объяснять высший смысл и значение оных. А чтобы развить в них вкус к этого рода удовольствиям, заставляйте их ходить за вербами к празднику Ваий, за березками в Троицын день, за цветами для украшения креста в день Воздвижения, для украшения могил своего дедушки или своей бабушки; берите их с собою в религиозные процессии, в паломнические путешествия по святым местам и т.п. Религиозные удовольствия очень близко стоят к радостям и удовольствиям, которые доставляет детям природа. Если ты замечаешь, что дитя твое испытывает удовольствие от цветов, от пения птиц, если оно с особенным любопытством наблюдает за жизнью птиц, зверьков и насекомых и вообще обнаруживает склонность находиться ближе к природе, то не мешай ему в этом, ибо такое чувство красоты природы есть признак детского неиспорченного сердца.

Как на третий вид детских радостей следует указать на удовольствия домашние, на радости семейного очага. Старайся с самого раннего возраста возбуждать в детях чувство любви к родительскому дому, к семейным удовольствиям. Крещение дитяти, именины родителей или кого-нибудь из членов семьи, продолжительные осенние и зимние вечера и т.п. суть благоприятные случаи делать для детей приятным проведение времени в семейном кругу и привязывать их к семье и дому. Если, к сожалению, многие из наших юношей и наших девиц, если многие из мужей и жен нашего времени, вместо того чтобы искать себе удовольствий в недрах семьи, ищут их вне оной – на зрелищах, в клубах, театрах и других местах общественных собраний, то причина этого чаще всего заключается в том, что в них мало развиваемо было чувство любви и привязанности к семье и к дому в их детстве.

Из сказанного вы видите, что ваши дети должны быть веселы и жизнерадостны. Этому требует их детская природа, это согласно и со словом Божиим. Не лишайте поэтому детей ваших необходимого отдыха и развлечений, предохраняйте их возраст от мрачного настроения и неподвижного образа жизни.

Доставляйте им, когда в продолжение года предоставляются к тому случаи, религиозные радости и утешения, эти самые чистые, светлые радости. Не омрачайте им и тех удовольствий, которые получают они от внешней природы. Делайте их восприимчивыми и к радостям домашним. Самый естественный и детскому возрасту соответствующий способ отдыха – это игра, а потому было бы жестоко лишать детей этого удовольствия. Выделяйте им известное определенное время для отдыха и игр – но при этом заботьтесь, чтобы эти развлечения и радости не заключали в себе ничего греховного, опасного и вредного для их тела и души, дабы как вам, так и вашим детям не постыдиться пред судом Божиим. Следите, насколько возможно, за играми детей своих и глубже старайтесь запечатлеть в душах их убеждение, что если они иногда и могут ускользать от глаз родителей, то никогда не укроются от глаз Бога Всеведущего и что святой Ангел Хранитель их наблюдает за ними и во время игр их. Поступайте так – и ваши дети будут расти здоровыми телом и душою на радость свою и на утешение вам.

Корень всех зол есть сребролюбие (1Тим.6:10)

Едва ли есть такой порок, который был бы так повсюду распространен и греховность которого так мало сознавалась бы, как любостяжание, или скупость, состоящая в чрезмерной привязанности к деньгам и богатству и в отсутствии сострадания к ближним; а между тем с этим пороком особенно нужно бороться при воспитании детей. Дух Святой устами Сираха о чрезмерной любви к деньгам говорит так: *Любящий золото не будет прав, и кто гоняется за тлением, наполнится им. Многие ради золота подверглись падению, и погибель их была пред лицом их* (Сир.31:5–6). А святой апостол Павел называет сребролюбие корнем всякого зла, и о тех, которые хотят быть богатыми, говорит, что *желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу* (1Тим.6:9). В других местах он причисляет лихоимство (любостяжание) к таким грехам, которые виновных в оных лишают Царствия Небесного. *Знайте*, говорит он, что *никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога* (Еф.5:5). А если так, то помните и не упускайте из вида того, как необходимо вам всячески предостерегать от этого порока как себя самих, так и детей ваших. Каким же образом родители должны предохранять детей своих от любостяжания и скупости?

Очень многие родители, сознательно или несознательно, но сами развивают в своих детях любостяжательность и скупость. В большинстве, можно сказать без преувеличения, наших простых семейств детям почти ничего не приходится более слышать, как одни только толки о деньгах и земных благах. Работать и честным трудом приобретать деньги представляется им главной задачей жизни; богатство восхваляется там как высшее счастье, а бедность понимается как величайшее несчастье. К такого рода речам присоединяется еще пример,

который они ежедневно видят своими глазами. С самых малых лет они ничего другого не знают, как только одни заботы о наживе, прибытках и барышах. Нередко с самых ранних пор они употребляются для тяжелых непосильных работ, отчего немало страдает здоровье и телесное развитие их. Нередко им не оставляют необходимого времени для игры и отдыха, а иногда даже для ученья. Случается, что из-за домашних работ их берут из школы и оставляют неграмотными. Отсюда у дитяти, естественно, мало-помалу слагается убеждение, что человек существует в мире для того только, чтобы работать и зарабатывать деньги, что деньги и земные блага – самое главное в жизни. Что же после этого удивляться тому, если алчность, любостяжание и скупость глубоко пускают свои корни уже в самые юные и нежные детские сердца?

Вы должны, конечно, побуждать и приучать ваших детей к труду и прилежанию. Но при этом всегда нужно иметь в виду, чтобы научить их трудиться не из-за денег и наживы, а потому, что трудолюбие угодно Богу, что человек рождается для труда и работы точно так же, как птица для полета (Иов.5:7). Нужно приучить их избегать праздности потому, что она – грех пред Богом, потому, что праздноживущий есть тать, который крадет день у нашего Господа Бога, потому, что праздность научает многому дурному (Сир.33:28) и есть даже начало, мать всех пороков. Равным образом нужно приучать детей к благоразумной бережливости, ибо *ни во что ставящий малое мало-помалу придет в упадок* (Сир.19:1). И Сам Спаситель преподавал нам урок бережливости, когда приказал собрать в корзину те кусочки, которые остались по насыщении Им пяти тысяч человек (Ин.6:12). Только бережливость не должна переходить в скупость и жадность. С бережливостью должна соединяться и щедрость, к которой необходимо приучать и детей.

Скупость и жадность у детей могут обнаруживаться в различных видах. Большею частью жадность у детей обнаруживается в том, что они одни хотят завладеть всем, что им дают, не хотят из этого ничего уделить своим братьям и сестрам. Чтобы дети не впадали в эту страсть, необходимо

упражнять, их в противоположной сему пороку добродетели, именно в щедрости. Этого легко достигнуть тогда, когда приучают их делиться с другими всем, что только им дастся, подавать время от времени своими руками милостыню, носить больным и неимущим пищу и т.п. Но недостаточно учить детей быть щедрыми из одного только естественного чувства сострадания, при этом необходимо указывать на религиозные побуждения, внушая им, что Спаситель на все, что подается бедным, смотрит так, как бы это давали Ему Самому (Мф.25:40).

Далее, алчность обнаруживается у детей нередко в форме недовольства. Если хотите предохранить их от любостяжания и жадности, то приучайте их довольствоваться тем, что у них есть. Они должны быть довольны пищей, довольны одеждой, довольны своими играми и развлечениями, довольны всем своим существованием. Соблюдайте всегда по отношению к ним следующие правила: кто не доволен тем, что ему дали, тот впредь не получит ничего. Если дитя недовольно хлебом, который ему дали, кушаньем, которое ему предложили, одеждой или игрушками, которые ему купили, если все это для него недостаточно хорошо, недовольно красиво – то пусть все это отнято будет у него. Это поможет на следующий раз.

Нередко случается, что дети из любостяжания решаются на воровство. В этом отношении родителям нужно всего более иметь строгость и наблюдения за такими детьми, ибо если где, то здесь именно приложима пословица: с малого начинают, а большим кончают. Когда усматриваете вы у ваших детей какие-нибудь предметы, как например что-либо съестное, игрушки, школьные принадлежности и т.п., которых вы им не давали, то спрашивайте всегда, откуда они их взяли, и если откроется, что они эти вещи взяли тайком и без спросу, то настойчиво требуйте, чтобы они их снова возвратили. Осматривайте по временам их школьные вещи, нет ли между ними чужих перьев, карандашей, тетрадей и книг. Если приносят они домой какую-нибудь найденную вещь, то требуйте от них, чтобы они объявили это в школе или спрашивали всегда, не потерял ли кто этой вещи. Не позволяйте им рвать плоды с чужих

деревьев. Не допускайте лакомства, потому что дети, привыкшие к лакомствам, скоро наживают склонность к воровству. Из подобного же основания не следует допускать и того, чтобы они между собою торговали и барышничали, потому что при этом они слишком легко выучиваются лгать и обманывать. Внушайте им как можно чаще, что прочно и полезно только то, что приобретено честным и праведным путем. Учите их презирать воровство и всякую недоброжелательность из религиозных оснований, обращая их внимание на Бога. Наконец, заботьтесь о том, чтобы ваши дети с самого раннего возраста знали разницу между «моим» и «твоим». Поэтому, имея по несколько сыновей и дочерей, вы не можете позволять им, чтобы один брал одежду или иные какие-нибудь вещи, принадлежащие другому, потому что чрез это ослабевает сознание права и уважение к чужой собственности. Напротив, нужно приучать детей, чтобы они помогали друг другу, чтобы одно ссужало своими вещами другого, когда это необходимо и нужно.

Если вы, христианские родители, хотите предохранить ваших детей от всех указанных видов алчности и любостяжания, если не хотите сделать их рабами мамоны, то учите их и словом и примером узнавать истинную цену земных благ. Учите вашим словом, внушая им, что деньги и имущество – не самое главное на земле, что есть еще высшие блага, именно – добродетель и честность, которые одни только имеют цену в глазах Бога. И что человеку никакой нет пользы в том, *если он приобретет весь мир, а душе своей повредит* (Мф.10:26), и т.п. Учите вашим примером, направляя всю свою деятельность на приобретение Царства Божия и правды его, не пропуская из любостяжания своих религиозных обязанностей, как например молитвы, богослужения, причастия Святых Таин, словом – показывая всем своим образом жизни, что самое главное, единое на потребу для человека вовсе не деньги и имение, а вечное блаженство души.

Итак, братия, боритесь всеми силами и средствами с ненавистной и опасной страстью алчности и скупости; приучайте детей к щедрости и благотворительности, воспитывайте в них

глубокое отвращение ко всем видам бесчестности, учите их словом и делом познавать истинную цену временных благ. Иначе сказать, воспитывайте их не для земли, а для Бога и неба, не для краткого, преходящего времени, а для бесконечной вечности. Аминь.

Научитесь от Меня, ибо я кроток и смирен сердцем (Мф.11:29)

Много всяких пороков и страстей обуревают сердца людские и, следовательно, детские; во всевозможных видах и формах они обнаруживаются, проходят разные ступени и стадии, разные они носят имена и названия, но правила успешной борьбы с ними одни и те же. Начинать борьбу с пороком как можно ранее, устраняя всякие поводы к его появлению, учи особенно своим примером, учи ненавидеть порок по преимуществу на основании религиозном и, наконец, всячески развивай и укрепляй качество или добродетель, противоположную пороку. Сим правилам подчиняйся и им следуй при искоренении всякого порока, если желаешь успеха. Мы не раз о них говорили, но для примера рассмотрим еще чувство гнева и приложим здесь все приведенные правила.

Гнев не всегда греховен, он бывает иногда позволителен; есть даже гнев священный. Таким гневом часто проникались ветхозаветные пророки при виде безнравственности и пороков в народе; таким же святым гневом воспламенился однажды и Сам Спаситель, когда Он увидел в храме недостойную торговлю, продавцов и покупателей. Греховен и предосудителен бывает гнев, когда ему предаются без уважительных причин, из чувства гордости к оскорбленного самолюбия и когда он увлекает к мести, к ругательству. Этого греховного чувства отнюдь не должны вы, христианские родители, терпеть у ваших детей, но тотчас же принимайте меры к подавлению его, как только будете замечать его проявление. Прежде всего – первое правило – подавляй всякое проявление у детей твоих чувства гнева на самых первых порах. Чувство это может обнаруживаться различным образом. Есть дети, которые тотчас начинают кричать, бьются и руками и ногами, изменяются в лице, делаясь то синими, то красными, если не сразу исполняют то, чего они хотят. Самое худшее, что могут делать родители при подобных неистовствах детей, это – поспешное исполнение

их капризной воли. Ибо и этом случае, они могут быть уверены, что дитя и на будущее время будет повторять такие же приемы, чтобы настоять на своем. А чрез это, с одной стороны, не в меру может развиваться самолюбие, а с другой – более и более может развиваться в сердцах детей чувство гнева и раздражительности. В таких случаях уместнее всего чувствительное наказание. Для некоторых из детей не оставалось без доброго действия, когда во время гнева и неистовой запальчивости подносили к лицу их зеркало, чтобы показать им, как искажает и обезображивает человека гнев и какой отвратительный вид он придает его физиономии. При этом никогда не следует упускать случая обращать внимание детей на то, что душа во время гнева и злобы делается еще безобразнее, чем внешний вид лица. Если дитя в негодовании и злобе крепко хлопнет дверью или бешено вырвет что-нибудь из рук другого, бросит книгу, игрушку, опрокинет стул и т. п., то следует призвать его и строго, но спокойно, приказывать ему, чтобы все это он сделал еще раз, но тихо, спокойно, без гнева.

Другие дети при малейших обидах, им нанесенных, прибегают к мести, брани, злословию и проклятиям. Никогда не следует терпеть, чтобы дитя, при обиде и побоях со стороны другого, считало себя в праве по-своему мстить своему противнику и за причиненное ему зло платить тем же злом. Напротив, малюткам следует внушать, чтобы они на причиненные им обиды и оскорбления жаловались дома родителям, а в школе учителям. Если жалоба касается мелочей, то поссорившихся достаточно уговорить помириться. Если же жалоба касается более важных предметов, серьезных оскорблений, то дело следует беспристрастно разобрать и виновного подвергнуть соответствующему наказанию. Более приличное и подходящее наказание для детей, особенно беспокойных и неуживчивых, это – отлучение на известное время от своих братьев, сестер или товарищей. Ни под каким видом не следует допускать и строго следует наказывать склонность к ругательствам и проклятиям. Если дитя и после неоднократных серьезных внушений дозволит себе изрыгать

бренные слона, то не грешно подвергнуть его и какому-нибудь телесному наказанию.

Второе уместное здесь правило говорит: не вызывай сам гнева в сердцах детей твоих. Это может происходить особенно тогда, когда родители не одинаково, не беспристрастно относятся к детям, когда допускают неразумную, чрезмерную строгость, употребляют такие суровые телесные наказания, которых уже нельзя назвать отеческими наказаниями, но скорее жестокостью, и когда, наконец, предъявлять к ним такие несправедливые требования, которые превышают их силы и т.п. Вследствие таких неправильностей, особенно если они часто повторяются, любовь в детских сердцах мало-помалу исчезает и на ее место заступает явная ненависть и глубокое отвращение к родителям, переходящее иногда в чувство мести, особенно когда дети повзрослели. Есть, далее, такие неблагоразумные родители, которые намеренно, из-за потехи, вызывают гнев в своих детях и весело посмеиваются, тогда малютка в порывах гнева начинает бить отца или мать. Насколько не безвредна и не невинна такая забава, это весьма понятно каждому благомыслящему человеку. Так забавляться и дразнить можно только разве щенка, но допускать такую игру по отношению к юной детской душе – это в высшей степени неразумно и вредно. Само собою понятно, что таких задираний не следует допускать и между самими детьми, когда они делаются со стороны старших по отношению к младшим. В этом отношении все родители, особенно же отцы, должны глубже запечатлеть в сердцах своих то, что сказал апостол Павел: *отцы, не раздражайте детей ваших* (Еф.6:4).

Но родители еще другим способом могут развивать дух гнева в сердцах детей своих, и именно тем, что они слишком избаловывают их, исполняя во всем их волю, нисколько не приучая к лишениям, терпению и самоограничению. «Ничем, – говорит мудрый Сенека, – нельзя так развить в человеке чувство гнева, как нежным воспитанием; тот не простит никакой обиды, кому с детства ни в чем не было отказа, кому заботливая мать всегда отирала слезы каприза и чью волю воспитатель исполнял беспрекословно и во всякое время».

Ежедневный опыт свидетельствует, что чувствительные, изнеженные дети большей частью бывают и очень вспыльчивы.

Третье правило говорит: не учи детей гневу своим собственным примером. Есть очень немало детей, которые уже от природы унаследовали вспыльчивый, горячий, несдержанный и мстительный темперамент отца и матери. Если такие дети вдобавок имеют перед своими глазами ежедневно дурной пример своих родителей, то что удивительного, если гнев в таких душах пускает более и более глубокие корни? Если отец сам горячий, раздражительный человек, не умеющий обуздать своего темперамента, которому он дает всегда полный простор, который тотчас же воспламеняется, как порох, если не все идет так, как бы ему хотелось, и который в порывах своего гнева часто бывает неистов и зол, как дикий зверь, то от кого же научится обуздывать свой гнев сын его, унаследовавший от отца такой же горячий темперамент? И если мать – злая и мстительная женщина, не переносящая никакого оскорбления, постоянно враждующая с соседями, знакомыми и родственниками, то что должно выйти из ее дочки, унаследовавшей такую же злую натуру от матери? Если малютка слышит ежедневно, как отец его при самых ничтожных поводах изрыгает срамные ругательские слова, осыпает площадной бранью всякого, кто попадает на глаза, то что удивительного, если и он также скоро начинает предаваться срамословию и брани? Если отец и мать сами не обнаруживают ни малейшей сдержанности и самообладания, если они на глазах детей своих часто ссорятся между собою, то откуда дети научатся самообладанию, сдержанности и миролюбию? А что сказать о тех родителях, которые требуют от своих детей, чтобы они мстили за оскорбления, нанесенные им, и ничего не переносили от других с терпением? Или о тех, которые вовлекают детей своих в ту вражду, какую они сами имеют с другими, когда, например, под страхом наказания запрещают говорить и играть с детьми соседа потому только, что отец или мать питают ненависть к соседу или соседке? Не значит ли это намеренно сеять ненависть и мстительность в нежных сердцах детских и не естественно ли в этом случае малютке прийти к

мысли, что прощать обиды и примиряться с врагами есть проступок, достойный наказания?

Как четвертое правило заметьте: учи твоих детей питать ненависть и отвращение к пороку гнева из *религиозных оснований*. Гнев есть отвратительнейший и вредоноснейший порок, особенно губительно действующий на здоровье. Уже по этому одному следует всячески противодействовать развитию этого чувства и подавлять его. Но главная причина, почему вы, родители, должны внушать вашим детям отвращение к гневу, заключается в том, что гнев запрещен Богом и потому составляет великий грех пред Ним. Насколько греховен пред Богом гнев, это всего лучше вы можете выяснить детям, указав на те губительные последствия, к каким приводит гнев. Мы уже говорили, как легко гнев приводит человека к мести, к ссорам, дракам, к хуле на Бога, к оскорблению имени Божия. Он даже нередко оканчивается кровавыми сценами и убийством, низвергая виновных в бездну временной и вечной гибели. В гневе Исав хотел убить своего брата Иакова; в гневе Аман хотел истребить всех иудеев; в гневе император Феодосий приказал зарезать семь тысяч человек – жителей Фессалоник. Насколько горек и ядовит корень, из которого произрастают такие горькие плоды, понятно само собою. Таковыми и подобными вразумлениями родители должны противодействовать развитию гнева в сердцах детей своих.

Пятое и последнее правило говорит: приучай детей своих с самого их младенчества к противоположной этому пороку добродетели. Эта добродетель есть незлобие, кротость, смирение и миролюбие. Она состоит в том, что человек остается спокойным и невозмутимым, если что-либо происходит и не по его воле и желанию. Он терпеливо переносит оскорбления, брань и нарекания: он не раздражается, не отвечает обидою на обиду, не мстит ему, а прощает, и даже, где это возможно, платит ему за зло добром. Этой чудной добродетели и словом, и примером учит нас Иисус Христос. Самого Себя представил Он как образец ее, сказав: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем (Мф.11:29)*. Этой поистине христианской добродетели учите и вы, родители,

детей своих, учите и словом – но прежде всего своим примером: если ваши дети видят, что вы остаетесь спокойными и равнодушными при самых возмутительных поступках со стороны других, если они из уст ваших не слышат ни бранных слов, ни слов хулы и проклятий, если они видят, что вы никогда не прибегаете к мести, что вы великодушно прощаете вашим врагам и обидчикам, – тогда и ваши убеждения к добродетели смирения и незлобия получают действенность и дадут в ваших детях плод сторицею. О сем-то и заботьтесь во все дни жизни своей здесь, на земле.

Слова, сказанные Царской Семье

Приветственное слово Царской Семье в день освящения памятника императору Александру II Освободителю в Московском Кремле¹²⁸

Благочестивейший, Богом венчанный Государь Император! Священный дееписатель, повествуя об освящении храма Истинному Богу, замечает, что в то время царь сотворил великий праздник с народом своим у построенного храма, и весь народ радовался и благодарил Бога о благих, яже Он сотвори ему (3Цар.8:65).

Нечто подобное сотворил сейчас Ты в нашем первопрестольном граде Москве – этом храме и сердце России.

Торжествует и твой народ, взирая на чудный памятник, воздвигнутый его любовью своему царю-освободителю, и имея невыразимое счастье видеть на этом празднике тебя, Богом венчанную царицу и многих членов Царствующего Дома. Радуетя он и глубоко благодарит Всевышнего, что Он удостоил его принести царю своему этот дар благодарной любви. Пройдут годы, пронесутся столетия – и доколь жива Россия, этот памятник будет живым воспоминанием о величайшем из царей – Александре II, царе-освободителе, царе-крестоносце, царе-мученике.

Но это – памятник рукотворенный, а для его бессмертного духа наиболее благоугоден памятник другого рода, памятник нерукотворенный, в душах наших воздвигнутый. К утешению своему и почившего Августейшего страдальца, мы можем сказать, что у нас есть надежда на доставление ему и сей радости. Ибо невинно пролитая им на Русскую землю кровь его не должна пропасть для него даром, бесследно. Но как кровь христианских мучеников служила для мира семенем веры и истины, так и кровь царя-мученика послужит для нашего Отечества семенем отрезвления, нравственного исправления и обновления. Как некогда на гробницах мучеников устраивали престол Христов, так и на костях царя-мученика создается мало-помалу алтарь веры и верности долгу, строгой, но гуманной, чуждой себялюбия, исполненной законности,

уважения к правде и порядку, честности в стремлениях и действиях. И благодарение Богу! Этот алтарь уже создается. Начало ему положено блаженной и вечной памяти достойным Августейшим родителем твоим – императором Александром III, этим носителем идеала Русского царя и народа. Бодро вступив на прародительский престол в смутное время крамолы, он твердо повел Россию по пути веры и верности коренным и здоровым началам народной жизни и в короткое время своего царствования возвел ее на такую высоту, до которой она прежде никогда не достигала. Но вот, волею Божией, он умер – но не умерло Его дело, преданное им в твои надежные руки.

Благочестивейший Государь! Не из слов только твоих, с восторгом недавно прочитанных нами, но и из дел твоих мы убеждаемся, что ты с царицей нашей выше всего чтишь и любишь свою родную Православную Церковь и, будучи воспитан в правилах своего родителя, ведешь свою Россию тем же путем Господним, которым вел ее и он. Горячо молим Всевышнего, да продлит Он Свою милость к нам под твоим мудрым управлением и да сотворит Он тебя достойным продолжателем великого дела создания нерукотворенного памятника Августейшему деду твоему, Императору Александру II, а ему да усвоит еще имя спасителя России от современных ее заблуждений и развращений.

Да будет благословенно вхождение Твое к нам и исхождение Твое от нас!

Речь при вступлении их Императорских Величеств в Успенский собор¹²⁹

Благочестивейшие Государь и Государыня! Духовно радуемся, что, по третьегоднему примеру, Вам благоугодно еще раз провести с первопрестольною столицей великие дни Страстной и Пасхальной седмиц, еще раз поклониться ее святыне и исполнить здесь христианский долг говенья по правилам Православной Церкви.

Благословенно Ваше благоволение к древней столице и благоговение к ее древней святыне! Сугубо благословенно Ваше общение с Церковью и участие в Святых ее Таинствах!

Как поучительно и отрадно для народа это участие особенно в наши лукавые дни, когда враги нашего Отечества так много употребляют усилий к подрыву нашей Веры и Церкви, выходя, конечно, из того убеждения, что там, где падают алтари, падают и престолы! Общение царя и царицы с народом в религиозной и церковной жизни есть самый животворный источник единства и силы государства.

Православная вера есть душа русского народа, а Церковь – его мать, его учительница и воспитательница. Под руководством Церкви воспитался нравственный характер и великий дух его. С жизнью Церкви сопряжена его собственная жизнь, с ее целостью – его безопасность, с его процветанием – его слава и преуспевание. Вот почему всюду известная любовь и преданность русского народа своим царям и царицам никогда не вспыхивает таким ярким пламенем, как при единении их с Церковью, при общении их с народом в его религиозных событиях и торжествах. Это видели Вы здесь же и в эти же самые дни три года назад – видите и сейчас, когда вот этот стеною стоящий народ с таким неудержимым взрывом восторга напутствует Вас на молитвенный Ваш подвиг.

Широко отверзаем двери сего храма в надежде, что Вы не останетесь здесь одинокими в Вашей молитве. С нею сольются не только видимые молитвы беспредельно преданного Вам народа и служителей алтаря, но и более мощные невидимые

молитвы Ваших предков, собирателей земли русской, и целого сонма святых, нетленно почивающих в сем храме.

Да услышит же Всевышний эту молитву! Да сотворит Он по сердцу Вашему! Да ниспошлет Он на Вас то небесное благословение, которое и стропотное обращает в правое, и острое – в пути гладки (Ис.40:4)! Да рассеет Он ту печальную смуту, упоминание о которой в недавнем твоём, Государь, манифесте звучит такой грустной нотой, острой болью отзываясь как в Твоём любящем отеческом сердце, так и во всех сердцах Твоих верноподданных.

Слово при встрече Императорской Семьи в Успенском соборе Московского Кремля 29 мая 1912 года¹³⁰

Благочестивейший Государь! Еще в древности один из великих мудрецов заметил, что царь в своем царстве то же, что солнце в природе. Солнце зайдет на закате за горизонт – и всюду мрак и темнота, все живущее предается бездеятельности и сну. Солнце затмится луной, и у всей природы печальный вид, среди дня наступает ночь, везде недоумение и страх. Солнце скроется за тучу, и уже не так ясно, не так отрадно, не то небо, не та земля, не те все вещи. Таково солнце по действию на природу – таков и царь по действию на его верноподданных. Опытна извела это за последние годы наша первопрестольная Москва, когда после разразившейся над ней революционной тучи она, быть может, в наказание за то, что не сумела предотвратить ее, в течение девяти лет лишена была твоего лицезрения. Невесело, тоскливо, сумрачно было за это время и в наших душах, как в природе без солнца, и чем тягостнее было это состояние, тем сильнее была жажда Твоего лицезрения. Но вот, наказав нас посещением краткой печали, Милосердный Господь изобильно исполнил сердца наши радостью и весельем, даровав нам утешение в виде тебя на нашем патриотическом торжестве со всем твоим домом. Говорю: изобильно, потому что всегда светлое твое лицезрение ныне светит нам новым, особенно ярким лучом! Среди твоего благословенного семейства древняя столица в первый раз видит Государя Наследника, эту светлую надежду, этот плод горячих своих молитв, это сокровище русского сердца. Видит она это и с чувством невыразимой радости усматривает здесь исполнение над тобой древнего благословения: *созижду в род и род Престол Твой*, и «будут сынове и дщери Твои яко новонасаждения масличная, яко тако благословится царь, бояйся Бога» (Пс.88:5; 127:3–4).

Благочестивейший Государь! Взгляни на эти жаждущие взоры, коими объемлет народ тебя и твое семейство,

прислушайся к этому громогласному взрыву неудержимого восторга, коим он напутствует тебя в этот храм твоего царского освящения, – и утешься мыслью, что в этой царской молитве твоей ты не будешь одинок, но всеобщая радость, воспламенив благочестивые сердца, устроит из них одно кадило пред Богом, чтобы совознести к престолу Его благодати фимиам Твоего сердца.

Речь при встрече Государя Императора в Бородино 25 августа 1912 года¹³¹

Благочестивейший Государь! Великие цари великих народов, увековечивая память славных дел и событий, чествуют обыкновенно не одни только победы и победителей, но и тех воинов, которые падают жертвами на поле брани. Поступая так, они совершают дело любви и правды. Ведь первые виновники побед, истинные победители – едва ли не те, которые полагают жизнь свою на поле битвы. Они принимают первые удары врага и, отразив их от своих соратников, открывают им путь к поражению врага, к победе. Мертвые тела сраженных служат ступенями, по коим восходят сражающиеся воины и достигают побед. Оказание почестей таковым не есть ли поистине дело любви и справедливости?

Такое именно дело совершаешь сейчас и ты, Государь, начиная юбилейное торжество Отечественной войны с молитвенного поминовения воинов, павших на Бородинском поле. Эти приснопамятные герои, принявшие первые удары врага, хотя и не узрели своими глазами победы, но о грудь их разбилась крепость вражеских полчищ. Бородинское поле – это убийственный камень преткновения для торжествующих врагов, преддверие блистательных побед над ними, заря славы, осиявшей русское воинство лучами бессмертия.

А потому с чувством радости и благоговения приветствуем настоящий твой, Государь, молитвенный подвиг и усердно молим Всевышнего, да примет Он его в воню благоухания духовного, да увенчает Он бородинских героев-мучеников небесною славою, а ныне действующее войско да окрылит тою мыслию, что за Русским царем и народом служба, как за Богом молитва, не пропадет.

Речь при входе Государя Императора в Успенский собор 27 августа 1912 года¹³²

Благочестивейший Государь! Празднуя столетие Отечественной войны, ты с августейшим своим семейством подъял на себя труд личного посещения всех тех мест, на коих в особенности видимы были *шествия Бога...* Царя нашего, *Иже во святем* (Пс.67:25), то есть где Он особенно давал чувствовать Свою всеильную помощь.

Третьего дня и вчера мы видели тебя на месте, на котором гордый, не знавший равных себе противников враг наш преткнулся на своем завоевательном пути, а ныне ты уже в Москве – на месте, где он окончательно упал. Ты приближаешься к всероссийскому алтарю, к тому жертвеннику, на котором многострадальная Москва принесла свою искупительную жертву самосожжения, и приближаешься в том благочестивом намерении, чтобы воскурить в нем кадило своей благодарности, в молитве излить свою душу. Глубоко веруя, что благоденствие народов зависит и от царей их, что благочестие владык низводит благословение Божие на царство, православная Москва в восторге поет тебе: *Осанна, благословен грядый во имя Господне!* Широко растворяем двери этого храма и мы, священнослужители, имея высокое утешение в такой знаменательный момент соединить с твоею царскою молитвою и нашу смиренную молитву и из глубины души воззвать: Премилосердный Боже! Ты чудесно избавил наше Отечество от лютого и страшного внешнего врага. Слава и благодарение Твоему милосердию о нас! Но Ты видишь, Всеведущий, как страдает оно сейчас от другого, не менее, а гораздо более страшного и опасного, чем Наполеон, врага внутреннего – духа безверия и безбожия. Между тем как тот, действуя огнем и мечом, истреблял только материальное богатство России и убивал только тело русского человека, а этот, действуя губительным учением космополитизма, социализма и анархизма, расхищает его духовное сокровище, убивает его душу, его веру. Пробави, Господи, милости Твою

над нами и сейчас – помоги преодолеть и этого врага, как помог победить всемирного деспота и тирана сто лет назад.

Слова к пастве при перемещениях на новую кафедру

Прощание с Грузинской паствой ¹³³

13 марта в церкви Тифлисской Духовной семинарии Владыка отслужил Божественную литургию и в своем слове к семинаристам сказал:

«Пастыри Церкви первее всего обязаны учить свою паству, и учить не одним словом или проповедью – но еще более делом, добрым житием, личным примером; одни сухие поучения мало назидают и мало привлекают к добру. Возвещайте же слово Божие денно и нощно, благовременно и безвременно.

Другой способ учительства пастырского – это совершение богослужения и отправление разных треб. Наше богослужение со всеми священными обрядами само по себе в высшей степени назидательно, даже более назидательно, чем проповедь. Совершайте же службу Божию истово, неспешно, благоговейно и разумно, памятуя, что *проклят, кто дело Господне делает небрежно* (Иер.48:10).

А теперь вам открывается и новое широкое поприще для учительства в церковно-приходских школах и школах грамоты. Народ любит эту школу и доверяет ей. Так идите же, други, и в эту школу охотно; несите в народ свет истинного просвещения: это благородное дело вполне прилично вашему званию. Наша епархия слишком широка. Жатвы в ней очень много, а делателей мало... Поэтому со всем тщанием и усердием готовьтесь к своему будущему служению; запасайтесь необходимыми для сего познания, пока еще пребываете под сенью сего духовного заведения».

Последнее назидание Владыки было выслушано воспитанниками семинарии с глубоким и сосредоточенным вниманием. Особенно сильное впечатление произвели на всех заключительные слова Владыки: «Это – мое последнее назидание вам при отшествии моем; примите его с любовью; оно не рассчитано на красноречие, а вылилось из глубины горячо любящей Вас пастырской души. Отпустите же и вы меня с миром и любовью. Если я по невнимательности, или по недомыслию, или по неправильному взгляду на вещи обидел

или преогорчил кого-либо, покройте это любовью своею и споспешествуйте мне молитвами своими, в которых я так нуждаюсь ныне. Благословение Господне да пребывает с вами всегда, ныне и присно».

От семинарской корпорации Владыке была поднесена Иверская икона Божией Матери; Владыка благодарил семинарскую корпорацию за добрые чувства и приношения и, между прочим, высказал, что душа его смущается пред тяжестью предстоящего ему великого служения, для коего недостаточно было бы и более крепких сил человеческих. «Глубоко сознаю, – говорил Владыка, – что несмы достоин внити под кров собора великих святителей Московских; я как бы слышу их укоризненный голос: *друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде?* (Мф.22:12). И ныне меня ободряет только упование на помощь Господа Бога, на предстательство Пресвятой Владычицы Богородицы и на наши молитвы, братия моя. Не искал я почести сего вышнего звания и дверьми вхожу во двор овчий, а не инуде (Ин.10:1)»...

14-го марта Владыка прибыл в церковь святой Нины на Кукийском православном кладбище, чтобы совершить последнюю, прощальную литургию по всем усопшим. В обычное время святитель сказал глубоко прочувствованное слово. В этом слове, воодушевленном и искреннем, Владыка Митрополит указал, что обычай посещать могилы кладбища, виден еще с Евангельских повествований: «Мария и Марфа были у гробницы Лазаря; подобно им и жены-мироносицы шли ко гробу Спасителя, чтобы помазать тело своего Божественного Учителя. Так и мы, по примеру святых жен, – продолжал далее Владыка, – окинем духовным оком кладбище, посетим могилы умерших. Вот читаем надпись: могилы юноши и молодой девицы. Какие мысли эти могилы возбуждают в нас?» Указав затем на могилы богатого человека, бедного и еще на могилу скоропостижно умершего, Владыка выяснил, какие мысли и чувства возникают у нас при посещении той или другой могилы. Наконец, в заключение своего вдохновенного и образного слова, проповедник обратил внимание слушателей еще на одну могилу, которую сейчас копают и которая, может быть,

приготавливается для одного из нас... Впечатление от произнесенного слова было настолько глубокое, что весьма многие из присутствующих не могли удержать невольных слез умиления.

15 марта, в последний день своего пребывания в Тифлисе, митрополит Владимир служил в Сионском кафедральном соборе. В конце литургии он обратился к своей бывшей пастве со следующим прощальным словом: *Благодарю Бога моего при всяком воспоминании о вас, всегда во всякой молитве моей за всех вас принося с радостью молитву мою, за ваше участие в благовествовании от первого дня даже доныне, будучи уверен в том, что начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа.* (Флп.1:3–6).

Изволением Верховного Архиерея, Господа и Бога нашего Иисуса Христа, чрез благочестивого помазанника Его мне указано, братие, другое место пастырского служения.

Не дерзаю испытывать судьбы Божии. Глава Церкви, Господь наш Иисус Христос, Кому дана *всякая власть на небе и на земле* (Мф.28:18), не открывает нам ни причин, ни целей промыслительных действий в управлении Своею Церковью. Не знаю и того, буду ли я способен понести бремя, на меня возлагаемое, ибо это зависит не от нашей немощи, а от Его помощи. Сама десница Господня подает мне жребий и указывает путь – *кто же я, чтобы мог воспрепятствовать Богу?* (Деян.11:17), то есть кто я такой, чтобы спорить с Богом? Обязанный творить волю Пославшего, иду в указанное место с упованием на милость Его, с готовностью трудиться на пользу Церкви Святой, насколько благоугодно будет Ему даровать мне разума и сил на предстоящем поприще высокого служения.

Вот уже совершенно мною последнее служение в этом святилище, и недалек уже час разлуки с вами. Не осудите, возлюбленные чада, если с откровенностью скажу, что чем ближе подвигается этот час, тем тяжелее становится на душе. Должно быть, справедлива та познанная опытом истина, что тогда только можно видеть, какими глубокими корнями дерево связано с почвою, когда его вырывают из нее и пересаживают на другое место, – тогда только мы чувствуем, как крепки нити,

связующие нас с близкими нашему сердцу, когда приходится разрывать их. Недолго, только пять лет служил я у вас, но и в это короткое время я успел сжитья с вами и приобрести внимание и снисходительность одних, доверие и преданность других и полюбить вас тою христианскою любовью, которая долго терпит, всему верит (1Кор.13:4,7). Не естественна ли отсюда та внутренняя туга, которую испытываю я в настоящие дни разлуки? И что удивительного в том, если у меня является потребность высказать вам сейчас некоторые из своих личных чувствований и ощущений, причем само собою понятно, что личные чувствования я должен освятить словом Божиим и посредством его дать им правильное направление. В этом случае я не могу припомнить никакого другого изречения Священного Писания, которое так соответствовало бы всему, что наполняет сейчас мое сердце, как приведенное мною изречение апостола Павла к Филиппийцам. Чувство благодарности, которое в нем высказывается, есть и мое чувство к вам; уверенность и надежда на дальнейшее преуспевание Филиппийской Церкви, высказываемое Апостолом, есть мое искреннее желание для вас. Оглядываясь назад, и я должен сказать: *Благодарю Бога моего при всяком воспоминании о вас, всегда во всякой молитве моей за всех вас принося с радостью молитву мою, за ваше участие в благовествовании от первого дня даже доныне; а заглядывая в будущее, и я могу сказать: будучи уверен в том, что начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа.*

Апостол Павел пишет это послание издалека, из Рима, где он за проповедь Евангелия заключен был в узы. Прошло немало лет с тех пор, как он в первый раз пришел в Филиппы и основал там христианскую общину – первую общину на материке Европы. И с тех пор установились самые искренние, самые задушевные отношения между ним и этой общиной. Из всех Церквей, основанных им в разных городах Малой Азии и Греции, ни одна не была к нему так привержена, как Церковь Филиппийская. С того дня, когда Лидия, порфиروпродавщица, и начальник филиппийской синагоги обратились ко Христу, там

непрерывно проповедовалось Евангелие, и эта проповедь приносила обильные плоды. Хотя буря гонений, воздвигнутых против Павла, и наставила его уйти оттуда, но слово жизни распространялось все более и более и не могло быть заглушено никакими гонениями. Хотя сильные распри того времени – распри между христианами из иудеев и христианами из язычников из-за того, обязателен или нет для христиан Закон Моисеев, – и волновали и приводили в беспорядок все другие христианские общины, хотя всюду, где только ни появлялся святой Апостол для основания Церквей, его преследовали христиане из иудеев, старясь посеять недоверие к нему, однако Церковь Филиппийская никогда не поддавалась этим вредным влияниям и всегда относилась к нему и его проповеднической деятельности с полным доверием, почему и он восклицает в приведенном месте из глубины своего сердца: *Благодарю Бога моего при всяком воспоминании о вас, всегда во всякой молитве моей за всех вас принося с радостью молитву мою, за ваше участие в благовествовании от первого дня даже доныне.*

Возлюбленные братие! Окидывая своим взором время моего служения у вас, и я могу сказать то же: *Благодарю Бога моего*, и могу обещать вам, что не только сегодня, но и в продолжение всей моей жизни, пока сохранит мне Бог свет памяти, буду иметь в своем сердце эту благодарность.

Пять лет был я архипастырем в стране этой. Все эти годы падают на время моей епископской молодости. Поступив сюда почти на первых порах своего епископского служения, я не обладал еще достаточною опытностью, так что годы, проведенные между вами, были для меня годами практической школы и пастырской науки, когда я должен был не столько учить, сколько учиться, – учиться познавать людей в их разнообразных особенностях, учиться не по книгам, людьми только написанным, но по книге более содержательной, написанной Самим Богом, – по книге человеческого сердца. Возможно ли, чтобы такое время духовного роста и самоусовершенствования когда-либо исчезло из моей памяти? За все время пребывания у вас жизнь моя текла ровно,

спокойно, безмятежно. По крайней мере, я не могу припомнить ни одной ссоры, ни одного столкновения, так что во все это время ни разу не заходило солнце во гнев моем.

Но моя благодарность не ограничивается одними только личными обстоятельствами жизни. Нет, я благодарю Бога моего в особенности за вас и при всяком воспоминании о вас. И прежде всего благодарю Его за *ваше участие в благовествовании от первого дня даже доныне*. Мы живем в такое время, когда религиозная жизнь видимо угасает среди людей великого света, когда многие из людей ничего не хотят знать о Церкви, религии и христианстве, когда у одних обнаруживается сознательная вражда против всякой религии, а у других – полнейшее к ней равнодушие. Что религиозная жизнь так же необходима для внутреннего благосостояния человека, как вдыхание чистого, свежего воздуха, что человек без религиозных потребностей похож на рабочего, никогда не выходящего из душной атмосферы какой-нибудь мастерской, – этого в настоящее время многие совсем не понимают! Что без религиозной жизни невозможно доброе воспитание детей – этого не признают. Еще хуже относятся в наше время к церковности. За религией еще оставляют некоторую долю значения, но за Церковью – никакой. И прежде всего многие совсем не признают того, что для христианина, как члена христианской Церкви, обязательно участвовать в общественной молитве, в общественном богослужении. И хотя нельзя сказать, чтобы наше тифлисское православное общество свободно было от этого вредоносного духа времен, хотя и здесь найдутся люди, которые, оставив *пути древние*, вступили, по слову пророка Иеремии, на стези *пути непроложенного* (Иер.18:15), и почти никогда не переступают порога церкви, – тем не менее, однако же, я говорю: *Благодарю Бога моего при всяком воспоминании о вас, всегда во всякой молитве моей за всех вас принося с радостью молитву мою, за ваше участие в благовествовании от первого дня даже доныне*. Ибо как в продолжение всего моего служения у вас я всегда поставлял для себя правилом назидать в своих поучениях положительным только раскрытием смысла слова Божия, а не обличать и

бранить тех, которые далеки от нас и не слушают нас, – так и сейчас, при расставании с вами, я имею в виду не тех, которые чужды церковной жизни, но вас, постоянно посещающих храм Божий, деятельно участвующих в церковной жизни и евангельское благовествование об Иисусе принимающих как дорогую весть о спасении. В продолжение своего у вас служения я не мог не заметить между вами многих истинно христианских добродетелей, не мог, например, не заметить склонности к честному труду, терпению и безропотному перенесению своей бедности; не мог не заметить даже у беднейших людей готовности жертвовать на украшение храмов и делиться с ними последним. Короче, не мог не заметить, что Евангелие и между вами, как Божественная сила, обнаруживает свое могущественное действие, что среди вас есть люди, жаждущие живой воды, которые не только не бегают от проповеди слова Божия, – что составляет сейчас обыкновенное явление, – но ищут ее и собираются к ней из самых отдаленных окраин нашего города. Благодарю Бога моего за это ваше участие в благовествовании, и притом не за вас только, но и за себя самого, и за братьев моих сопастырей. Ибо ничто, как показывает опыт, так не ослабляет энергии проповедника, как пустая церковь, – и наоборот, ничто так не поощряет его к неослабной деятельности, как внимание слушателей к его речам. Не проповедник только составляет проповедь, но и общество помогает ему в этом. Уверенность, что труд его не пропадает, что его многие и охотно будут слушать, воодушевляет и подкрепляет проповедника. Вот почему с таким же правом можно сказать: проповедник делает церковь полною, как и наоборот – полная церковь делает проповедника. И вот, между прочим, благодарю вас и за это поощрение, которое находил я у вас, благодарю за всю ту пользу, которую я получил у вас, от вас и чрез вас.

Братие! Если когда, то именно в этот момент особенно глубоко чувствуется мною скорбь разлуки с этим дорогим и любезным мне местом пастырского служения. И если что может облегчить настоящую тяжесть этой разлуки с вами, так это надежда Апостола, что Господь, *начавший в час доброе дело*

будет совершать его даже до дня Иисуса Христа, то есть Господь, начавший в вас доброе дело религиозно-нравственного воспитания, продолжит и доведет его до самого дня Суда Христова. Мы, ваши пастыри духовные, тоже сеятели семени слова Божия. Но мы не должны при этом забывать слов Спасителя: *Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего (Мф.10:24)*. Если Сам Господь наш Иисус Христос – Этот Великий Сеятель – высказал притчей Своей о сеятеле, что только часть одна из посеянного Им семени приносит плод, то что должны сказать мы, сеющие часто совсем неумелыми руками? – То, конечно, что многое из того, что мы сеем, не приносит никакого плода. Многое и из того, что старался, в частности, и я внедрить в сердца ваши относительно, например, улучшения религиозно-нравственного воспитания детей ваших, ровно как и других нравственных начал, не принесло желаемой пользы. Буря современных стремлений к устройению внешнего благосостояния, к материальным приобретениям снесла эти семена с почвы – и они, подобно семенам, павшим, по слову Спасителя, при дороге, оказались затоптанными на базаре житейской суеты. Искушения и прелести мира для многих кажутся заманчивее, чем возбуждения к святой жизни, которые составляют предмет нашей проповеди. Тем не менее, и думается и верится, что иное семя упало и на добрую почву – на восприимчивое сердце, и там при помощи Божией зреет, и плод правды приносит, так что в этом отношении и наша проповедническая и пастырская деятельность не была совершенно бесплодна, так что и я могу сказать, по крайней мере, в отношении некоторых из вас, то же, что сказал некогда Апостол: *начавший в вас доброе дело будет, совершать его даже до дня Иисуса Христа*. Не на своей деятельности основываю я эту надежду и уверенность в дальнейшем преуспейании в нравственном и усовершенствовании нашем. – Нет. Моя уверенность основывается на том, что слово Божие – Евангелие везде и всюду действует как сила Божия, делающая счастливыми всех, которые в него веруют, что дух Господень постоянно перерабатывает сердца и сообщается им. Правда, неумоимо

работает и дух времени и производит такое могущественное влияние на сынов века сего, что в настоящее время целые массы отторгнуты им от Церкви и религии. Однако это ничуть не говорит еще о невозможности нравственного преуспевания нашего общества. Человеческое сердце не может обходиться без религии. Будучи отторгнуто от нее силою каких-либо случайных обстоятельств, оно при первом же толчке снова хватается за нее, как утопающий за спасающую руку. Пока в нашем обществе есть труждающиеся и обремененные, до тех пор будут и такие, которые последуют зову: *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас* (Мф.11:28). Пока будут здесь алчущие и жаждущие правды, до тех пор будут и такие, которые последуют зову: *Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром* (Откр.22:17). Пока будут здесь грешники, терзаемые совестью, до тех пор будут и ищущие спасения у Того, Который один только может сказать: *держай, чадо! прощаются тебе грехи твои* (Мф.9:2). Пока есть здесь крестоносцы, будут и такие, которые ищут для себя утешения, взирая на крест Спасителя. Пока есть здесь удрученные скорбью, до отчаяния доходящие сердца, будут и такие, которые, прислушиваясь к благовествованию о любви Бога и Отца, находят в этом для себя утешение и подкрепление. Вот на чем основывается наша уверенность, что, какие бы бури и невзгоды ни колебали нашу Церковь, – Царство Божие в нашем обществе будет расти и расти, что всегда здесь будут истинные поклонники Бога и что *начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа*.

Позвольте же мне отбыть от вас, братие, с надеждою, что и вы с своей стороны сделаете все, чтобы Господь, начавший в вас доброе дело, мог без препятствий с вашей стороны довести его до конца. Прошу вас, мужья и жены, – ведите вашу брачную жизнь в страхе Божиим и благочестии, во взаимной любви и целомудрии, воспитывайте ваших детей в страхе Божиим, в наказании и учении Господнем, возвращайте в них те добрые семена, которые посеяны в сердцах их Церковью и школою. Прошу вас, юные дети, – сохраняйте в сердцах ваших простоту

и невинность, столь любезные Богу. Прошу вас, продающие и ведущие торговлю, – ведите свое торговое дело без всякой неправды, без всякой неумеренности желаний, без всякого вида лжи и обмана. Прошу вас, начальствующие и судии, – сохраняйте благоговейное повиновение законам. Прошу вас, подчиненные и подсудимые, – сохраняй те повиновение и покорность властям, поставленным от Господа. Прошу вас, учащие и учащиеся, – помните, что *начало мудрости – страх Господень* (Притч.1:7), поэтому учите и учитесь первее всего этому страху, как первоисточнику всякой мудрости. Прошу вас, братие-сопастыри, – будьте достойными носителями благодати, держите как можно выше знамя религии и Церкви Православной. Сейте семя слова Божия терпеливо. Ваше дело – сеять, передавать людям не слово человеческое, а слово Божие. Кто знает, не падет ли завтра или послезавтра дождь с небеси, – и твердая земля размягчится, и семя даст плод свой...

С искренним желанием всех благ, временных и вечных, оставляю вас, отцы и братие! Отпустите и вы меня, молю вас, с миром, покрыв любовью вашею все недостатки и грехи мои, если я по недальновидности, или недомыслию, или неправильному суждению причинил кому-либо огорчение или несправедливость. По заповеди Апостола: *носите бремена друг друга* (Гал.6:2) – не откажите в снисхождении и недостойному вашему пастырю и напутствуйте меня благословением и молитвами вашими.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет со всеми вами. Аминь.

Торжественное вступление митрополита Владимира на Московскую кафедру¹³⁴

В субботу, 28 марта, состоялось торжественное вступление митрополита Владимира на Московскую святительскую кафедру. В Казанском соборе на Красной площади в ответ на приветственную речь настоятеля владыка Владимир произнес следующую ответную речь:

«Сердечно благодарю вас за привет. Назначение на Московскую кафедру по неисповедимым судьбам Промысла было для меня совершенно неожиданно, так как я не искал ее. Не знаю, способен ли я взять на себя эти многотрудные обязанности, и не без смущения я принимаю новое бремя правления и успокаиваю себя тем, что сердцем Помазанника Божия при назначении меня сюда руководила десница Господня!..

Дерзая по воле Божией, которой противиться нельзя, стать у кормила правления нового, великого корабля Церкви Московской, я вступаю в первопрестольный град Москву с любовью к новой пастве, с миром и пожеланиями всякого добра и сердечно молю, чтобы Господь Бог привел мне прийтись по сердцу этой дорогой моей новой пастве».

В Успенском соборе Кремля владыка Владимир также произнес речь к собравшимся:

«Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В настоящее время я Промыслом Божиим облечен званием архипастыря Московской Церкви и священноархимандрита Сергиевой Лавры, Смутился дух мой, что «рек о мне Господь мой», и дрогнуло мое сердце, когда я узнал о новом моем назначении. Идти с жезлом пастыря на место, освященное святыми и великими подвигами святителей Московских, принять бремя управления Церковью Московской, столь славной своими историческими деяниями, взойти «на эту гору», на которой стояли великие святители Церкви Русской, – это нелегко и страшно для духа и более крепкого, чем мой. Вот почему дрогнуло мое сердце; я вступаю с боязнью услышать глас

угодников Божиих святителей Московских: *друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде?* (Мф.22:12). Верю, братие, что не достоин войти в этот чертог Царицы Небесной, скорблю, что не могу достойным образом заместить славную и древнюю кафедру святителей Московских. Но не по своей воле я сюда вступаю, а по воле Господа Бога – а кто может противиться воле Божией? Я вхожу с желанием мира, добра, любви и пользы Церкви Московской; вхожу двором, *не прелезя инуде* (Ин.10:1). О, если бы Господь Бог привел меня прийти по сердцу этой дорогой моей новой пастве!

Вступая в служение в этом великом и знаменитом в истории Русской соборном храме, я обращаюсь к вам, братие, словами святого апостола Павла, обращенным к римским христианам при отправлении его в Иерусалим: *умоляю вас, братия, Господом нашим Иисусом Христом и любовью Духа, подвизаться со мною в молитвах за меня, к Богу* (Рим.15:30), чтобы мое служение было не бесполезно для моей паствы.

Но, замечу, нужно знать, при каких условиях пастырское служение может быть угодно Богу и полезно для пасомых. Это вопрос очень серьезный. Святым нравится только святое, происходящее из источника доброго и чистого, а что исходит от себялюбия, своекорыстия, угодничества, искательства, что рассчитано на свои выгоды, то не может быть одобрено святыми. Если в жизни и деятельности пастыря Церкви Христовой не будет светить свет, исходяй *от Отца светов* (Иак.1:17), то да не дерзает ожидать такой пастырь похвалы от святых: он служит не святым, а суетному миру. Если пастырь в своих проповедях будет блистать красноречием, но будет проповедовать не так, как учили святые апостолы Христовы, он может получить осуждение свыше. Если в его и благих начинаниях будет проявляться горделивое «я», то похвалы ему будут от мира, а не от Бога. Если пастырь приобретет своим поведением благорасположение общества, но если этот успех будет достигнут неправильными средствами, то он, защищенный судом человеческим, не будет оправдан на суде Божиим. Если пастырь искательством, человекоугодием, лестью получит награду на земле, то он не получит ее на небе, – там

ему дадут имя лукавого и неключимого раба. Я сказал это потому, чтобы показать, как трудно служение здесь, чтобы оно было неложно пред Богом и Спасителем нашим.

Отцы и братия! Сегодня я в первый раз на Московской кафедре приступаю к совершению Бескровной Жертвы. Вознесите ваши молитвы к Отцу светов, да даст Он мне неосужденно совершить сегодня Божественное приношение и чтобы благодать Божия не оставляла меня во время прохождения архипастырского служения Московской Церкви. Аминь».

После богослужения владыка Владимир отправился в Архангельский собор Кремля. Преподав присутствующим святительское благословение, святитель обратился к ним с прочувствованным словом, приблизительно следующего содержания:

«Отцы и братия! Буря жизни, носившая меня по волнам от места к месту, наконец, привела меня к берегам этой надежной пристани, и притом не в качестве только малого корабельщика, а в качестве кормчего корабля, в звании архипастыря Московской Церкви.

Управлять таким кораблем – дело многотрудное и для совершеннейших из людей, а я – меньший из братьев по немощам моим. Со страхом и трепетом вступаю я на новое поприще своего служения со словами и твердою уверенностью, что *сила Божия совершается в немощи* (2Кор.12:9). Я ношу в своем сердце твердое упование в помощь и укрепление незримое и видимое.

Первая моя помощь и надежда – это Христос, Великий Архиерей, Сам блюдуший созданную Им Церковь, Небесный Кормчий. Он укрощает море, Он может укротить и море житейских страстей.

Вторая надежда моя и помощь – это великие святители Московские; они прославили свою паству, устремляясь к тому, чтобы отобразить Христа в умах и сердцах своей паствы. Оставят ли они без помощи эту ниву? Я уповаю, что они помогут мне в деле моего архипастырского служения здесь.

Затем к вам обращаюсь я, отцы и сопастыри мои! Трудно быть кормчим Московской Церкви без вашего содействия! Я мало знаком с нравами и обычаями здешней жизни, потому от всей души прошу вас знакомить меня со всеми опасностями для плавания по этому житейскому морю нашего корабля, со всеми незримыми для меня мелями и подводными камнями.

Приглашая вас работать Господеви вместе со мною неленостно, я вполне убежден, что вы добрыми советами предотвратите наваждение врагов видимых и невидимых и окажете мне существенную и необходимую помощь. Помогайте же мне неусыпным бдением на страже своего служения, путем нравственного воздействия на пасомых. Христианская древность не напрасно называет вас очами и ушами епископа. Только в единении заключается сила, и лишь в общей энергии – оплот против врагов церковного корабля.

Наконец, обращаюсь теперь ко всем братьям Церкви о посильной помощи, и в особенности к власти имущим и к тем, в ком живет нравственная сила, могущая производить благотворное церковное действие; общими усилиями мы все будем содействовать к достижению тихого пристанища! О, как много пользы может принести единоклубная борьба против врагов.

Призывая на вас Божие благословение, прошу вас и молю: примите меня с любовью и доверием без всякого предубеждения».

**Слово прощальное к Московской пастве, сказанное
9 декабря 1912 года накануне отъезда из Москвы к
месту нового служения в Санкт-Петербургскую
митрополию ¹³⁵**

В последний раз вижу я вас здесь, дорогие отцы, братья и сестры. В последний раз я принес Бескровную Жертву на этом святом престоле и помянул себя и вас. Государю Императору было благоугодно указать мне другое место служения. От юности повинуюсь власти и сознавая, что сердце цареве в руке Божией (Притч.21:1), я покорился этому велению, хотя с глубокой сердечной скорбью и принял это назначение.

И вот я теперь стою здесь уже не как ваш архипастырь, а как путник, требующий молитвы и благословения от первосвященников и сонма архиереев Москвы.

В жизни каждого человека нет тяжелее минуты, как минута расставания с людьми, с которыми он был связан узами духовного родства, как в данном случае для меня является любимая мною московская паства, среди которой я пробыл пятнадцать лет. Много за это время было пережито и радостных и печальных дней. Пришлось пережить и японскую войну, и смуту. Пришлось переживать и страшные стихийные бедствия: бурю и наводнение, причинившие массу бедствия жителям города Москвы. Всякому известно, что несчастные события скорее всего скрепляют добрые отношения между людьми. Оно так и случилось. Я сжился с Москвою и твердо уже рассчитывал служить на кафедре Московской до конца моей жизни и здесь же сложить свои кости. Но Всеблагий Господь судил иначе. Я верую, что Промысел Божий все делает ко благу человека; может быть, это перемещение принесет общую пользу. Может быть, на новом месте обновится моя энергия, обновится мой дух, чтобы исполнилось слово Писания: *не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего* (Евр.13:14). Может быть, мой преемник на Московской кафедре больше принесет пользы, нежели я. Он исправит неоконченное и проведет в жизнь новые, благие начинания.

И вот теперь я скажу с сердечною скорбью: прости, любимая златоглавая первопрестольная белокаменная Москва. Видит Бог, я любил тебя всей полнотой своей души. Любил я этот златоглавый, полный священных воспоминаний, старинный русский Кремль, где совершились выдающиеся события из русской истории. Любил я этот святой, полный драгоценных святынь храм. Любил я и другие храмы Москвы, где наши благочестивые предки приносили молитвы в тяжелые минуты жизни России, коих так много было в Москве. В этих храмах так уютно, тепло, все в них располагает к молитве, в них слышится голос предков – основателей великой России.

Прости меня, особенно мною любимый храм Христа Спасителя, краса не только Москвы, не только России, но и всего мира. Твой величественный вид невольно напоминает величие Творца; твоя высота к небу возвышает дух к молитве.

Простите меня и сонм моих помощников. Скажу, что все, что сделал я полезного для паствы, сделано благодаря вашему голосу и указаниям. Вы всегда старались делать все полезное для блага паствы и служили не только за страх, но и за совесть.

Прости меня и вся благочестивая московская паства, которая неопустительно посещала богослужения. Прости меня во всех моих вольных и невольных прегрешениях. У меня всегда было на душе желание никогда никого не оскорблять и не обижать. Но, однако, мог ли я, при немощи человеческой, не оскорблять и не обижать делом и словом и помышлением? Но молю вас, покройте, возлюбленные, вашу любовью грехи мои. Пусть мир и любовь водворится между мною и вами. И я усердно молю Господа Бога, чтобы Он изгладил из книги жизни все обиды и оскорбления. Мир и любовь оставляю вам. Да благословит Господь по молитвам московских святителей всех вас.

Вот с какими мыслями, возлюбленные братья и сестры, я вас оставляю. Но прошу и вас в свою очередь: по христианской обязанности не оставьте меня в ваших молитвах. Меня теперь поставили кормчим великого корабля. Господи, какое бремя Ты на меня возлагаешь! Это бремя едва ли по силам людям. Но не на свои силы надеюсь я, а на силу Пастыреначальника нашего,

Иисуса Христа. Если Он одним словом укрощал бурю на море, то Он может одним словом укротить бурное море житейское, среди которого я теперь пребываю.

И я обращаюсь к Пастыреначальнику; прошу и вас вознести со мной молитвы, да дарует Он мне, грешному, силу и крепость к прохождению нового высокого и ответственного служения.

Слово по прибытии на Киевскую кафедру¹³⁶

Волны житейского моря, по Божию изволению, принесли мою ладью к святому граду Киеву. Призванный быть кормчим духовного корабля Киевской Церкви, я невольно сравнивал себя с кормчим вещественного корабля, обуреваемого в бурном и безбрежном море страшными волнами. Я ясно представляю себе ту опасность, какой может подвергнуться этот корабль при наличии страшной бури, подводных скал и морских пиратов... Как осторожен должен быть кормчий, сознающий всю ответственность за участь плывущих на корабле! Как зорко должен он следить за своими сотрудниками, помыслы которых должны быть сосредоточены на единой общей цели!.. Разве не случается, что слуги кормчего и даже сами плывущие на корабле вступают в заговор с морскими разбойниками и делаются соучастниками их нападений на корабль?..

Бесспорно, что положение кормчего очень опасное, трудное и в высшей степени ответственное. Но как душа бесконечно важнее тела, так и положение кормчего духовного корабля несравненно сложнее и бесконечно ответственнее, чем положение кормчего вещественного корабля... Мы переживаем чрезвычайно опасный момент исторической жизни нашей Православной Церкви. Не забудьте, что политическая война сопровождается страшным натиском на нашу Церковь самых утонченных, самых опасных лжеучений... Житейское море в области церковной жизни скрывает на поверхности и в своих пучинах столько подводных скал, столько всевозможных опасностей, что кормчему Христова корабля нужно усугубить свою бдительность для сохранения от крушений порученного ему от Бога корабля...

Слово к братии Киево-Печерской Лавры по прибытии на Киевскую кафедру¹³⁷

Святая Лавра давно близка моему сердцу. Еще учась в здешней Академии, я не раз и не два хаживал сюда насладиться духовной радостью, насытиться глубокими религиозно-нравственными переживаниями. И в последние десять лет не раз и не два приходилось мне здесь бывать... Но то я бывал здесь гостем, а теперь неожиданно для меня, и быть может еще неожиданней для вас, Господь привел меня прибыть к вам, братие, не гостем, а начальником, войти сюда с пастырским жезлом... Всюду, где Господь указывал мне служение, я старался назидать своих пасомых словом церковным. Что же я вам, братие, скажу ныне? Я всегда стараюсь взоры своих слушателей устремить туда, к небесам, так как главное зло нашей жизни в том, что многие живут так, как будто они не должны и не думают умирать. Я поэтому всегда объявлял жестокую брань миру сему. Я срывал с него маску лжи и прелести, коей он обольщает и увлекает на свои пути легкомысленных людей, не понимающих, что скрывает мир за этой обольстительной маской. Но не вам, братия-иноки, давно оставившим мир с его прелестями, говорить об этом. Вы сами давно порвали связи с миром. А потому я обращаюсь к вам с другим назиданием: я призываю вас, братие, возблагодарить Господа Бога за то, что Он помог вам уйти из мира. Ведь сколько людей искренне завидуют вам. Они изнывают в тяжелой брани с миром, они всю жизнь рвутся из оков суеты – но никак не могут разорвать крепкие цепи мира, никак не могут уйти из мира; они так стремятся в горний Иерусалим, но вот и поныне остаются в Вавилоне, и, подобно евреям, они плачут, горько плачут, повесивши арфы свои на ивы... Действительно, братие, как не завидовать здесь живущим. Чего вам недостает? Мир не грозит вам ежеминутной гибелью, как живущим за этими стенами снятой обители. Если мир и врывается временами на эти стены, то как кратковременный гость, пришедший отдохнуть душою,

утешиться теми духовными радостями, коими живущие здесь наслаждаются день и ночь. И сколько радости, сколько наслаждения в дивных службах церковных Святой Лавры, сколько утехи, сколько веселья жить среди сонма святых угодников Божиих, почивающих в здешних пещерах!

Но и этого мало, некоторых из вас Господь сподобил Своего благословения: Он приблизил вас к жертвеннику Своему, Он дал вам благодать Духа Своего совершать величайшую Тайну – разумею Евхаристию, коей не могут совершать даже святые Ангелы, пред кою трепещут Небесные Силы. Дух Святой, снишедший на вас в Таинстве Священства, дал вам такие чрезвычайные полномочия!

А потому, призывая вас к благодарению Господу Богу за чрезвычайные Его милости к вам, напоминаю вам, братие, и то, что усердною молитвою возгревается и умножается благодать Божия в нас. Как ни крепки, как ни высоки стены обители, но они не спасут нас от мирского соблазна и искушения, если мы не будем пребывать в постоянной молитве. Никакие самые длинные службы церковные не освятят нас, если мы не будем очищать свое сердце слезами покаянной молитвы. А потому будем же, братие, горячо и единодушно молиться Господу Богу и Его Пречистой Матери, так возлюбившей сие святое место, да укрепляются стопы наши на путях правды и истины. Будем припадать с горячей молитвою к святым мощам угодников Божиих, здесь, на сем святом месте подвизавшихся и почивших, да помогут они и нам сохранить себя от мирского мятежа и соблазна. Будем усердно взывать к Святому Духу: *Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша!* Аминь.

Примечания

- ¹ - РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 246, л. 1 об.
- ² - Труды Киевской Духовной Академии. 1874. Июль. С. 417, 419.
- ³ - Тамбовские епархиальные ведомости. 1883. № 15. С. 118.
- ⁴ - Там же. № 18. С. 535.
- ⁵ - РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 246, л. 1 об – 6.
- ⁶ - Иерей Николай Крикота. Я готов отдать свою жизнь за Церковь. Жизнеописание священномученика Владимира Киевского. М., 2002. С. 120–121.
- ⁷ - Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 9–10. С. 353.
- ⁸ - Новгородские епархиальные ведомости. 1890. № 7–8. С. 205, 217.
- ⁹ - Иерей Николай Крикота. Я готов отдать свою жизнь за Церковь. Жизнеописание священномученика Владимира Киевского. М., 2002. С. 14.
- ¹⁰ - Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 9–10. С. 343–344.
- ¹¹ - Там же. С. 341.
- ¹² - РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 246, л. 10 об.
- ¹³ - Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 9–10. С. 348–349.
- ¹⁴ - Иерей Николай Крикота. Я готов отдать свою жизнь за Церковь. Жизнеописание священномученика Владимира Киевского. М., 2002. С. 21.
- ¹⁵ - Там же. С. 27.
- ¹⁶ - Там же. С. 28.
- ¹⁷ - РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 246, л. 11.
- ¹⁸ - Иерей Николай Крикота. Я готов отдать свою жизнь за Церковь. Жизнеописание священномученика Владимира Киевского. М., 2002. С. 30.

- ¹⁹ - Там же. С. 31.
- ²⁰ - Прибавления к Духовному вестнику Грузинского экзархата. 1897. № 21–22. С. 6
- ²¹ - Иерей Николай Крикота. Я готов отдать свою жизнь за Церковь. Жизнеописание священномученика Владимира Киевского. М., 2002. С. 37–38.
- ²² - Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 9–10. С. 350–352.
- ²³ - РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 246, л. 15 об-16
- ²⁴ - Иерей Николай Крикота. Я готов отдать свою жизнь за Церковь. Жизнеописание священномученика Владимира Киевского. М., 2002. С. 51.
- ²⁵ - Голос Церкви. Ежемесячный церковно-общественный журнал. М., 1912. Декабрь. С. XIII-XIV.
- ²⁶ - Там же. С. X-XI.
- ²⁷ - Там же. С. X-XII.
- ²⁸ - Слово Высокопреосвященного Владимира, митрополита Московского и Коломенского, произнесенное на молебне пред началом нравственно-религиозных чтений для рабочих города Москвы. М., 1902. С. 8–9, 12–14.
- ²⁹ - Юношам! Речь Высокопреосвященнейшего митрополита Московского и Коломенского Владимира, произнесенная 30 декабря 1910 года на собрании Кружка в Епархиальном доме. М.. 1911. С. 7, 9, 11.
- ³⁰ - Иерей Николай Крикота. Я готов отдать свою жизнь за Церковь. Жизнеописание священномученика Владимира Киевского. М., 2002. С. 69.
- ³¹ - Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 9–10. С. 343.
- ³² - Голос Церкви. М., 1913. Январь. С. 148.
- ³³ - Там же. С. 157–159.
- ³⁴ - Там же. 1912. Январь, С. 154
- ³⁵ - Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 9–10. С. 356–357.

³⁶ - Иерей Николай Крикота. Я готов отдать свою жизнь за Церковь. Жизнеописание священномученика Владимира Киевского. М., 2002. С. 82–83.

³⁷ - В жертву Богу приносится лучшее. Киев, 1918. С. 16

³⁸ - Голос Церкви. 1912. Январь. С. 163–164, 170–173.

³⁹ - *Res nullius* (лат.) – никому не принадлежащая, бесхозная вещь.

⁴⁰ - Голос Церкви. 1912. Январь. С. 175–178.

⁴¹ - Там же. С. 175–176.

⁴² - В жертву Богу приносится лучшее. Киев, 1918. С. 19–21.

⁴³ - Там же. С. 28–29.

⁴⁴ - Там же.

⁴⁵ - Там же.

⁴⁶ - Там же. С. 30.

⁴⁷ - Там же.

⁴⁸ - Там же. С. 33.

⁴⁹ - Алексей (Баженов; 1872-?), обновленческий митрополит. 8 декабря 1913 года хиротонисан во епископа Николаевского, третьего викария Одесской епархии. В 1914 году назначен вторым викарием той же епархии. В 1917 году назначен епископом Елисаветградским, первым викарием Одесской епархии. В 1921 году назначен епископом Тираспольским и временно управляющим Одесской епархией. 26 июня 1921 года устранен Патриархом Тихоном от управления Одесской епархией. В начале 1922 года уволен с должности первого викария Одесской епархии. С момента зарождения обновленчества перешел в обновленческий раскол и с возведением в сан архиепископа назначен управляющим Одесской епархией (обновленческой). В 1923 году перемещен на Казанскую кафедру. Был участником второго обновленческого так называемого «Всероссийского Поместного Священного Собора» 1923 года, на котором позорно подписал постановление о лишении сана и монашества Святейшего Патриарха Тихона. С 1924 года в сане митрополита. Ставил перед Патриархом Тихоном вопрос о покаянии при условии,

если тот оставит за ним сан митрополита. В 1933 году назначен обновленцами митрополитом Симферопольским и Крымским. 9 февраля 1938 года уволен на покой. Дальнейших сведений о нем не имеется. Очевидно, умер без покаяния.

⁵⁰ - Там же. С. 34.

⁵¹ - Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 9–10. С. 346.

⁵² - В жертву Богу приносится лучшее. Киев, 1918. С. 39–40.

⁵³ - Акт освидетельствования тела митрополита Киевского Владимира, убиенного 25 января 1918 года (произведено 26 января 1918 года): «Тело митрополита Владимира оказалось при освидетельствовании в умеренно окоченелом состоянии; руки полусогнуты и сложены на туловище, причем пальцы правой руки сложены для крестного знамения; правая нога полусогнута в колене, а левая выпрямлена; на тело надето нижнее белье. На лице замечается разница в окраске правой и левой половины. На покрасневшей правой щеке, кроме мест хронического воспаления, с поверхностным изъязвлением кожи, замечаются узкие ссадины свежего происхождения, на которых видна сукровица, растекающаяся по щеке, на полтора сантиметра выше угла правой глазной щели имеется рана около трех миллиметров в диаметре; с неровными краями, по всей вероятности, огнестрельного происхождения. В левой теменно-затылочной области имеется резаная рана с неровными краями, проникающая всю толщу покровов головы с обнажением кости, длиной 2 сантиметра. На правой стороне, в области усов, имеется три колотые раны губы. В области правой ключицы огнестрельная рана с обожженными краями величиною около двух миллиметров в диаметре; ниже нее, вершка на полтора, имеется огнестрельная, по всей вероятности, рана до полусантиметра в диаметре. Задняя стенка подкрыльцевой ямки представляет собой разорванную рану величиной в небольшой кулак; эта рана имеет посередине кожаную спайку, тоже надорванную; мягкие части из мышц и кожи в этой ране порваны и частью вырваны; частей реберных костей, расположенных в этой области раны, недостает, а межреберных мышц не имеется, и вся правая полость груди открыта. В

правой поясничной области подмышковой линии имеется горизонтальная колотая рана длиною до трех сантиметров, из которой торчит часть сальника. В левой подмышковой области, у края восьмого ребра, имеется рана, проникающая всю толщу покровов, круглого очертания, с равными краями слегка пропекшимися, около полусантиметра в диаметре. В области рукоятки грудины, у левого ее края имеется рана до двух миллиметров шириной, колотого характера. Из записанных повреждений огнестрельные раны: в правый висок – слепая; в верхнюю часть правой половины груди, с выходом в правую подмышечную область, – рана, носящая характер разрывного действия пуль, а также колотая рана живота с выпадением внутренности – сальника, – должно считать смертельными. Соответственно описанным ранам тела на одежде убитого, как верхней – теплой шубе, так и нижней – рясе и подряснике, имеются разрезы. На клобуке, в нижней, правой части его, соответственно надглазной ране, имеется круглая дыра, закопченная дымом в окружности; в задней части клобука имеется три прорванные дыры, соответствующие местам ранения головы. Освидетельствование тела убитого митрополита Высокопреосвященного Владимира производил врач, статский советник Алексей Городетский».

⁵⁴ - Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 9–10. С. 339.

⁵⁵ - Там же. С. 353–354.

⁵⁶ - Журнал Московской Патриархии. 1996. № 2. С. 65–69. См. также: Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 9–10.

⁵⁷ - Сагарда Александр Иванович (1883–9 мая 1950) – русский богослов, специалист в области патристики. Родился в семье священника села Красионовка Золотоношского уезда Полтавской губернии. Брат – Николай Иванович Сагарда, профессор богословия. В 1909 году Александр Иванович окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. Был профессорским стипендиатом Академии. Магистр богословия (1913). В 1910–1918 годы преподавал на второй кафедре патристики Санкт-Петербургской

Духовной Академии, читал лекции по истории Антиохийской богословской школы и древне-церковной сирийской литературы. Работал над переводами творений преподобного Иоанна Дамаскина. В 1918 году уехал на Украину, работал библиотекарем Киевского университета. Зачем переехал в город Золотоношу, где в 1920–1925 годы работал в советских организациях (земельном и финансовых окружных отделах). По совместительству в 1923–1925 годы преподавал историю и психологию на педагогических курсах. В 1925 полностью перешел на хозяйственную работу. Только после возобновления работы духовных учебных заведений получил возможность вернуться к педагогической деятельности. С 1947 года – преподаватель Одесской Духовной семинарии. С февраля 1948 – профессор Ленинградской Духовной Академии. Читал лекции по Священному Писанию Нового Завета и истории Древней Церкви.

⁵⁸ - Беседы во дни Страстной Седмицы, произнесенные в церкви Московского епархиального дома в 1906 году. // СПб., 1907. 72 стр.

⁵⁹ - Спиря (церк.-слав.) – отряд воинов.

⁶⁰ - Речь в собрании Миссионерского общества, произнесенная 16 октября 1911 года в Московском епархиальном доме. / / Прибавления к Церковным ведомостям. 1911. № 44. С. 1861–1868.

⁶¹ - «Словом сказать: что в теле душа, то в мире христиане. Душа распространена по всем членам тела, и христиане по всем городам мира. Душа, хотя обитает в теле, но не телесна – и христиане живут в мире, но не суть от мира. Душа, будучи невидима, помещается в видимом теле – так и христиане, находясь в мире, видимы, но богопочтение их остается невидимо. Плоть ненавидит душу и воюет против нее, ничем не будучи обижена, потому что душа запрещает ей предаваться удовольствиям, – так и мир ненавидит христиан, от которых он не терпит никакой обиды, за то, что они вооружаются против его удовольствий. Душа любит плоть свою и члены, несмотря на то, что они ненавидят ее, – и христиане любят тех, кто их ненавидит. Душа заключена в теле, но сама содержит тело – так

и христиане, заключенные в мире как бы в темнице, сами сохраняют мир. Бессмертная душа обитает в смертном теле, так и христиане обитают, как пришельцы, в тленном мире, ожидая нетления на небесах. Душа, претерпевая голод и жажду, становится лучше – и христиане, будучи наказываемы, каждый день умножаются. Так славно положение их, в которое Бог определил их и от которого им отказаться нельзя» (Мелитон Сардийский († ок. 190 года). Письмо к Диогнету).

⁶² - Перл – жемчуг, жемчужина, жемчужное зерно.

⁶³ - Душеполезное чтение. 1900. № 11. С. 319–325.

⁶⁴ - Московские церковные ведомости. 1903. № 1. С. 2–5.

⁶⁵ - Сказано в Самарском кафедральном соборе. // Самарские епархиальные ведомости. 1892. № 1. Часть неофициальная. С. 21–31; это же слово было сказано митрополитом Владимиром в Петропавловской церкви Обуховского завода в Санкт-Петербурге 21 сентября 1914 года и опубликовано в Прибавлениях к Церковным ведомостям, 1914. № 39. С. 1671–1675.

⁶⁶ - Сказано в миссионерском храме Московского Епархиального дома. // Московские церковные ведомости. 1903. № 2. С. 13–16

⁶⁷ - Оттиск из журнала «Радость христианина». 1901. Кн. 2. 8 стр.

⁶⁸ - Произнесено 18 февраля 1912 года в Успенском соборе Кремля. Воспроизведено по памяти одним из слушателей. // Московские церковные ведомости. 1912. № 9. С. 259–260.

⁶⁹ - Голос Церкви. 1916. Январь. С. 3–9.

⁷⁰ - Произнесено 3 апреля 1916 года за литургией в Киево-Софийском кафедральном соборе. // Киевские епархиальные ведомости. 1916. № 17. С. 373–375.

⁷¹ - Прибавления к Церковным ведомостям. 1916. № 14. С. 379–381.

⁷² - Рентген Вильгельм Конрад (1845–1923), немецкий физик. С 1888 года профессор Вюрцбургского университета. В 1900–1920 годы профессор Мюнхенского университета. В 1895 году Рентген открыл излучение, названное им X-лучами

(рентгеновские лучи), и создал первые рентгеновские трубки, конструкции которых в основных чертах сохранились до нашего времени. В 1895–1897 годах опубликовал три работы, содержавшие исчерпывающий анализ некоторых свойств нового излучения. Открытие рентгеновского излучения и его последующие исследования сыграли важную роль в изучении строения атома, структуры вещества. Рентгеновское излучение нашло применение в медицине, различных областях науки, в технике. Рентген удостоен в 1901 году Нобелевской премии.

⁷³ - Голос Церкви. 1912. Март. С. 3–12.

⁷⁴ - Там же. С. 19–27

⁷⁵ - Душеполезное чтение. 1900. № 6. С. 195–203.

⁷⁶ - Сказана на Пасхальном вечере в Московском Епархиальном доме. // Московские церковные ведомости. 1903. № 15–16. С. 188–191.

⁷⁷ - Произнесено в Марфо-Мариинской обители милосердия. // Голос Церкви. 1912. Апрель. С. 3 –11.

⁷⁸ - Голос Церкви. 1914. Июнь. С. 3–9

⁷⁹ - Прибавления к Церковным ведомостям. 1905. № 27. С. 1105–1109.

⁸⁰ - Московские церковные ведомости. 1911. № 28. С. 578–584; Прибавления к Церковным ведомостям. 1911. № 29. С. 1247–1251.

⁸¹ - Произнесено в Московском Успенском Соборе. / / Голос Церкви. 1912. Октябрь. С. 10–15.

⁸² - Дориносимый (греч.) – сопровождаемый почетной стражей с копьями в руках

⁸³ - Прибавления к Церковным ведомостям. 1888. №25. С. 678–680.

⁸⁴ - Наречение происходило 8 июня, а хиротония состоялась 13 июня 1888 года – в День Святого Духа, который пришелся в тот год на это число.

⁸⁵ - Душеполезное чтение. 1901. № 3. С. 3–6.

⁸⁶ - Трифон (Туркестанов; 1861–1934), митрополит. В 1895 году окончил Московскую Духовную Академию со степенью

кандидата богословия и назначен смотрителем Донского духовного училища. С 1897 года – ректор Вифанской Духовной семинарии в сане архимандрита. С 1899 года – ректор Московской Духовной семинарии. 1 июля 1901 года хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии. 2 июня 1916 года, согласно прошению, по болезни уволен на покой с местопребыванием в Ново-Иерусалимском монастыре. С 1918 года проживал в Москве. В 1923 году возведен в сан архиепископа. 14 июля 1931 года возведен в сан митрополита с правом ношения белого клобука и креста на митре по случаю 30-летия архиерейского служения. Скончался 14 июля 1934 года в Москве.

⁸⁷ - Богословский вестник. 1904. Март. С. 409–413.

⁸⁸ - Евдоким (Мещерский; 1869–1935), обновленческий митрополит. С 1903 года – ректор Московской Духовной Академии. 4 января 1904 года хиротонисан во епископа Волоколамского. С 1 августа 1909 года епископ Каширский. В 1914 году возведен в сан архиепископа и назначен на кафедру Алеутскую и Северо-Американскую. В 1917–1918 годы – участник Всероссийского Поместного Церковного Собора. С 1919 года архиепископ Новгородский. В 1922 году уклонился в обновленческий раскол. Умер, так и не воссоединившись с Церковью. Похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

⁸⁹ - Московские церковные ведомости. 1905. № 5. С. 49–51.

⁹⁰ - Серафим (Голубятников; 1856–1921), епископ Екатеринбургский и Ирбитский. 2 августа 1881 года рукоположен во священника. В 1890 году овдовел. В 1895 году он поступил в Московскую Духовную Академию, курс которой окончил в 1899 году. 9 октября того же года пострижен в монашество и 25 октября назначен казначеем Чудова монастыря. С 11 мая 1900 года был настоятелем в сане архимандрита Московского Высоко-Петровского монастыря и наблюдателем за школами. 2 января 1905 года хиротонисан во епископа Можайского, четвертого викария Московской епархии. С 9 июля 1906 года – третий викарий и настоятель Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря. С 15 февраля 1908 года – епископ Подольский и Брацлавский. С 20 марта 1914 года – епископ

Екатеринбургский и Ирбитский. В 1917 году уволен на покой с Екатеринбургской кафедры съездом духовенства. Скончался в 1921 году.

⁹¹ - Стогна (церк.-слав.) – площадь, широкая улица.

⁹² - Открыто в память Наследника – цесаревича Алексея.

⁹³ - Урмия – область в Персии; до 1926 название города Резайе в Иране.

⁹⁴ - «Голос Церкви. 1914. Март. С. 21–26.

⁹⁵ - Сергей (Лавров; 1878–1937). В 1902 году пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. В этом же году окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию и назначен членом Урмийской миссии. В 1904 году – начальник той же миссии в сане архимандрита. 1 декабря 1913 года хиротонисан во епископа Салмасского в Урмии. С 1 июля 1916 года – епископ Соликамский, викарий Пермской епархии. На кафедру не прибыл, испросив себе отпуск до конца 1916 года. Во время революционных событий 1917 года объявил себя принадлежащим к Англиканской Церкви и был отлучен от Православной Церкви. Под ударами тяжелых испытаний во время гражданской войны и тяжелой болезни, постигшей его в Новороссийске, он сообщил о своем покаянии и решением Временного высшего церковного управления на юге России был воссоединен с Церковью. В течение нескольких месяцев 1920 года состоял управляющим Кубанской епархии. В том же году он был арестован и сослан на один год в Великий Устюг. В 1922 году он был вновь арестован, сослан в Ташкент. В 1925 году назначен епископом Семиречинским, управляющим Туркестанской епархией. В 1926 году он был арестован. В 1927 году перешел в обновленчество и назначен управляющим Красноярской обновленческой епархией. В 1929 году снял сан и поселился в Москве; в 1931 году арестован за попытку найти пути для выезда за границу и приговорен к пяти годам ссылки. В 1937 году он, несмотря на годы сотрудничества с органами НКВД, вновь был арестован в Тобольске. Был приговорен к расстрелу и 10 ноября 1937 года расстрелян.

⁹⁶ - Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 51–52. С. 2357–2359.

⁹⁷ - Алексей (Баженов; 1872-?), обновленческий митрополит. 8 декабря 1913 года хиротонисан во епископа Николаевского, третьего vikария Одесской епархии. В 1914 году назначен вторым vikарием той же епархии. В 1917 году назначен епископом Елисаветградским, первым vikарием Одесской епархии. В 1921 году назначен епископом Тираспольским и временно управляющим Одесской епархией. 26 июня 1921 года устранен Патриархом Тихоном от управления Одесской епархией. В начале 1922 года уволен с должности первого vikария Одесской епархии. С момента зарождения обновленчества перешел в обновленческий раскол и с возведением в сан архиепископа назначен управляющим Одесской епархией (обновленческой). В 1923 году перемещен на Казанскую кафедру. Был участником второго обновленческого так называемого «Всероссийского Поместного Священного Собора» 1923 года, на котором позорно подписал постановление о лишении сана и монашества Святейшего Патриарха Тихона. С 1924 года в сане митрополита. Ставил перед Патриархом Тихоном вопрос о покаянии при условии, если тот оставит за ним сан митрополита. В 1933 году назначен обновленцами митрополитом Симферопольским и Крымским. 9 февраля 1938 года уволен на покой. Дальнейших сведений о нем не имеется. Очевидно, умер без покаяния.

⁹⁸ - Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 39. С. 1675–1677.

⁹⁹ - Севастиан (Вести; 1870–1934), архиепископ Костромской. В 1901 году окончил Киевскую Духовную Академию и назначен помощником смотрителя Единецкого духовного училища. В 1903 году – инспектор Холмской Духовной семинарии. С 1906 года – ректор Подольской Духовной семинарии в сане архимандрита. С 1909 года – ректор Донской Духовной семинарии. 8 сентября 1914 года хиротонисан во епископа Кинешемского, vikария Костромской епархии. В 1919 году переименован во епископа Нерехтского, vikария той же епархии. С 1920 года – архиепископ

Костромской. В 1922 году уклонился в обновленческий раскол. В июле 1923 года, после освобождения Святейшего Патриарха Тихона, покаялся и оставлен на той же кафедре. Но в конце сентября того же года вновь уклонился в обновленческий раскол. В начале 1924 года снова покаялся перед Патриархом Тихоном и оставлен архиепископом Костромским. С 18 мая 1927 года член временного Патриаршего Священного Синода. С 1929 года епархией не управлял. Скончался в 1931 году в городе Кинешме.

¹⁰⁰ - Голос Церкви. 1916. Октябрь. С. 3–9.

¹⁰¹ - Пимен (Белоликов; 1880–1918), епископ Семиреченский и Верненский, священномученик. В 1904 году окончил Киевскую Духовную Академию и назначен миссионером в Урмийскую миссию. Пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. С 1906 года помощник начальника той же миссии. С 1911 года – ректор Александровской Духовной семинарии в сане архимандрита. С 1912 года – начальник Урмийской миссии. С 1914 года – ректор Пермской Духовной семинарии. 6 августа 1916 года хиротонисан в Петрограде во епископа Салмасского и назначен начальником Урмийской миссии. С 1917 года – епископ Семиреченский и Верненский (Алма-Атинский). В 1918 году был расстрелян. Прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских на Архиерейском Соборе 2000 года.

¹⁰² - Странник. 1904. Т. 1. Ч. 2. С. 640–642.

¹⁰³ - Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1904., 32 стр.; Голос Церкви. 1914. Ноябрь. С. 3–21.

¹⁰⁴ - Внебогослужебная беседа. // Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1905. 32 стр.

¹⁰⁵ - Стропотный (путь) (церк.-слав.) – кривой, извилистый, неудобопроходимый; ложный, неправильный.

¹⁰⁶ - Внебогослужебная беседа, произнесенная 15 августа 1914 года. // Голос Церкви. 1914. Октябрь. С. 3–18; Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 35. С. 1545–1552.

¹⁰⁷ - Произнесено 17 августа 1914 года с паперти Исаакиевского собора в присутствии более 250 тысяч народа, собравшегося крестными ходами на моление о даровании победы русскому воинству. // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 34. С. 1497–1499; Голос Церкви. 1914. Сентябрь. С. I-IV

¹⁰⁸ - Печатается по изданию: Священномученик Владимир, митрополит Киевский и Галицкий. Беседы о православном воспитании детей. Изд. Минск, Свято-Елисаветинский монастырь. 2003. 68 с.

¹⁰⁹ - Квинтилиан Марк Фабий (ок. 35–95 гг.), римский ритор, учитель красноречия, автор книги «Наставление в ораторском искусстве».

¹¹⁰ - Недро (церк.-слав.) – здесь в значении «грудь, лоно, объятие».

¹¹¹ - Печатается по изданию: Митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский). Поучения. М., Издательский отдел Московского Патриархата. 1992. С. 54–85.

¹¹² - Там же. С. 89–93.

¹¹³ - Там же. С. 93–97.

¹¹⁴ - Речь произнесена 27 октября 1913 года. // Голос Церкви. 1913. Декабрь. С. 16–21.

¹¹⁵ - Московские церковные ведомости. 1898. № 24. С. 326–327.

¹¹⁶ - Там же. № 36. С. 477–478.

¹¹⁷ - Там же. № 44. С. 548–549.

¹¹⁸ - Речь произнесена 31 мая 1902 года, выпускникам Московского Императорского лицея в память цесаревича Николая перед раздачей Библий по окончании экзамена по Закону Божию. // Печатается по изданию Отдела распространения духовно-нравственных книг при Московском обществе любителей духовного просвещения. М., 1904., 16 стр. См. также: Московские церковные ведомости. 1903. № 18. С. 224–226.

¹¹⁹ - Печатается по изданию: Митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский). Поучения. М.,

Издательский отдел Московского Патриархата. 1992. С. 85–89;
Голос Церкви. 1915. Декабрь. С. 3–8.

¹²⁰ - Московские церковные ведомости. 1911. № 2. С. 27–30.

¹²¹ - Голос Церкви. 1912. Январь. С. 29–42.

¹²² - Юдоль (церк.-слав.) – долина.

¹²³ - Кропелыцик – от «кропать», работать неумеючи, дурно, кое-как.

¹²⁴ - Речь произнесена 15 сентября 1913 года в Санкт-Петербургской Александровской гимназии. // Голос Церкви. 1913. Ноябрь. С. 22–27; Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 39. С. 1757–1760.

¹²⁵ - Душеполезное чтение. 1916. Январь-Февраль. С. 1–7.

¹²⁶ - Там же. Март-Апрель. С. 6–11.

¹²⁷ - Там же. Май-Июнь. С. 1–8.

¹²⁸ - Московские церковные ведомости. 1898. № 34. С. 452–453.

¹²⁹ - Произнесено 30 марта 1903 года. Московские церковные ведомости. 1903. № 14. С. 174–175.

¹³⁰ - Московские церковные ведомости. 1912. № 24. С. 573–574.

¹³¹ - Там же. № 36–37. С. 787–788.

¹³² - Там же. С. 788–789.

¹³³ - Прибавление к Духовному вестнику Грузинского экзархата. 1898. № 6. С. 22–23, 25, 28–29, 31–39.

¹³⁴ - Московские церковные ведомости. 1898. № 14. С. 185–188

¹³⁵ - Произнесено в Большом Успенском соборе Московского Кремля. Воспроизведено по памяти слушателем. // Московские церковные ведомости. 1912. № 51. С. 1129–1130.

¹³⁶ - Произнесено в Киевском Софийском соборе по прибытии в Киев 22 декабря 1915 года. // Киевские епархиальные ведомости. 1915. № 1. С. 14

¹³⁷ - Произнесено в Великой Лаврской церкви по прибытии в Киев 22 декабря 1915 года. // Киевские епархиальные ведомости. 1915. № 1. С. 15–17.